

— Первый раз?
Синева неба режет глаза большее солнца.
Вот и оно, не к месту поминаемое. Стоит слегка повернуть шею, и луч пронзительных фотонов заполняет внутренний мир.
Хочется упасть на колени.
— Эрг, твердый череп, ослепнешь.
Удар рукой, толстой, как брус в шахте, приводит меня в готовность. С шипением и слюной вырывается воздух. Натягиваю очки-консервы, провожу по резинке пальцами, проверяя, нет ли щели.
— Ты странный.
Рубероид плавится от гнева Солнца. Напарник сидит, прислонясь спиной к воздуховоду. Кожаный плащ защищает его задницу. Капюшон — голову. Правда, что ценнее — понять трудно.
— Сколько раз ты такое видел?
Молчу. Сердца начинают стучать сильнее, выбивая бешеную чечётку. Время пришло. Внезапный и хлесткий удар ветра выворачивает мир наизнанку.
Безумный голубь в страхе падает под ноги. Глупый. Ищет укрытия. Коты начинают голосить, визг собак долетает и до нас. Странное чувство, словно летающий пес кружит где-то рядом и надрывно скулит.
Воспоминания обдают холодной тоской: летающих псов давно уже нет. Темнота уверенно накрывает землю хищной лапой. Луна закрывает Солнце, мир погружается в пучину страха.
И основания у него существуют.
Белая кромка режет глаза, но я снимаю очки. Давай, мой Господин. Проснись и останови своё логово. Перекрой путь солнечному свету, погрузи мир в истерику цунами и землетрясений.
Не полное затмение. Кольцевое.
Два моих сердца замирают в груди. Голубь в руках мелко дрожит. Великий Лунный Дракон, проснись!
Луна делает шаг. Ещё шаг.
Шея голубя ломается с хрустом. Я бросаю его тело на рубероид и бегу вниз.
Напарник догоняет возле канализационного люка. Помогает отодвинуть крышку, прыгает следом.
— Так сколько ты видел Попыток Пробуждения?
Я резко оборачиваюсь, хватаю когтистой лапой его чешуйчатую шею.
— Затмений. Запомни. Думай, как люди. Дыши, как люди. И ты станешь настоящим Охотником. И пройдут века, но мы принесём нужное количество жертв Дракону. Он остановит Луну. Понял?
— Эргг..
— Да, и мой ответ — не одну тысячу.

Дмитрий Гужвенко. «Луна в зените»

АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ
АСТРА НОВА

An¹⁽⁰⁰⁴⁾
2015

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ
«ASTRA NOVA»

Print-on-Demand

А91 **Астра Нова:** альманах фантастики. № 1(004). – СПб.:
Издательство Северо-Запад, 2015. – 280 с.
ISBN 978-5-93835-580-4

В этом номере мы смешали все виды затмений. От величественных до ничтожных, от душевных до физических. И подаем этот напиток вам, наши читатели, попробуйте, оцените, сделайте глубокий глоток и почувствуйте каков он — весь спектр затмений на вкус. Пейте с наслаждением, чтоб почувствовать себя первопроходцем глубин сознания, куда добираются редкие лучи неведомых солнц...

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44

©К. Берендеев, составление, вступительное слово, 2015
©Авторы публикуемых произведений
© Иллюстрации: Елена Альфа-Центавра, 2015
© Издательство «Северо-Запад», 2015

ISBN 978-5-93835-580-4

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Гужвенко
 ЛУНА В ЗЕНИТЕ 1
 Предисловие главного редактора 7
Святослав Логинов
 Звездный дождь 8

ЗАТМЕНИЕ НЕБА

Сергей Игнатьев
 Письма Улисса 13
Елена Щетинина
 Когда наступила тишина 24
Ирина Клеандрова
 Выживший 29
Галактион Меньших
 Сезон любви 33
Влад Копернин
 KARL(сон) 45
 День приграничника 55
Максим Тихомиров
 Хранители 70
Анна Агнич
 Идеальный вопрос 85

Стихи Абрамьянса Владимира: Пластмассовый глобус 89

ЗАТМЕНИЕ ДУШИ

Дмитрий Володихин
 Популяция хитрых котов 91
Ирина Клеандрова
 Дорогие воспоминания 100
Александра Давыдова
 Кормить цветы и поливать кошек 104
 Фотографировать домашних животных запрещено 109
Татьяна Томах
 Дорога для птицы 116
Андрей Дмитрук
 Давайте потанцуем 123
Сергей Берестнев
 ВЕРБОВКА..... 138
 Волос 150

Жаклин де Гё	
Быть или не быть	156
Игорь Вереснев	
Фольклорная экспедиция	159
Макс Черепанов	
Попытка-4	182
Геннадий Ядрихинский	
Тайфун в стеклянном графине	188
Сергей Беляков	
Ботинзон	194
Юлия Горина	
ФРАКТАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ.....	206

Стихи Анастасии Шакировой: Из цикла «Стимпанк» 225

ИНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Эдмонд Гамильтон	
Дверь в иной мир.....	229

Стихи Анастасии Шакировой: Письма одного королевства 258

ПОЛНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Стихи Ольги Краузе 265

Виталий Придатко	
Девочка —золотистые косы.....	266
Юлия Рыженкова	
Укус змеи.....	267
Сергей Игнатьев	
Горель с леденцами.....	267
Елена Ивченко	
Дело колдовское	268
Геннадий Ядрихинский	
Не подсткажете, который час?.....	269
Тимур Алиев	
Персональный апокалипсис	271
Елена Щетинина	
Любить свою розу.....	273
Лариса Тихонова	
Старикашка Сид и затмение.....	276

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

У большинства при слове «затмение» возникает схожая картинка, виденная ими когда-то вживую или подсмотренная в телевизоре. Величественный диск Солнца медленно, неуклонно исчезает в черной тени, буквально пожираемый ею. Те, кто воочию наблюдал полную фазу в этот момент припоминают обычно, как замирает природа, начинают выть и тотчас затихают собаки, смирятся ветер, умолкают птицы. Непроглядная тьма охватывает мир. И в тот миг, когда исчезает последний луч света, когда мрак торжествует — внезапно прорывается вспышка солнечной короны, могучими протуберанцами разгоняя бездонную темень. А через минуту или меньше видение исчезает, будто его и не было.

Иные, услышав о затмении, представляют себе совсем другую картину — связанную с помутнением рассудка, и видят больного, прикованного к кровати цепями или ремнями, человека, чей разум затмился, но часть его все еще существует, странная, непостижимая часть. А еще некоторые представляют себе темную комнату, затмение для них — это страх темноты.

В этом номере мы смешали все виды затмений. От величественных до ничтожных, от душевных до физических. И подаем этот напиток вам, наши читатели, попробуйте, оцените, сделайте глубокий глоток и почувствуйте каков он — весь спектр затмений на вкус. Для вас постарались и мэтры, и хорошо знакомые вам по прежним нашим изданиям авторы, и те, чьи имена вы откроете для себя вместе с текстом. И каждый приносит с собой свое видение, каждый приоткрывает свою бездну, а каждый второй старается ее замаскировать, чтоб открылась она не сразу, а лишь, когда рассказ будет дочитан до конца. Пейте с наслаждением, чтоб почувствовать себя первопроходцем глубин сознания, куда добираются редкие лучи неведомых солнц, пейте с восторгом или удивлением, но только не пейте безразлично.

А чтобы дополнительно создать нужную обстановку, погружив вас в созерцание с самых первых строк, мы убрали всякие сведения об авторе. Кроме самих текстов о них не будет говорить ничего — мы предоставили слово произведениям и только им.

Слушайте их и смотрите. И приятного вам чтения!

Святослав Логинов
ЗВЕЗДНЫЙ ДОЖДЬ

Персеиды...

Августовская ночь, первые крупные звёзды, не размытые близким Солнцем, Орион и Плеяды, вышедшие из-за горизонта, неслышный плеск Млечного Пути.

Лучшая ночь в году.

В доме суматоха, беготня, торопливые приготовления.

— Где мангал?

— В машине он давно.

— Главное, тент уложите.

— Тётя Магда, ну, зачем он нужен? Погода чудесная, и ночь обещали ясную. Прекрасно обойдёмся без тента.

— Я сказала: «тент», — так что, без разговоров, взяли и уложили.

Тасик забился в кладовку, чтобы не путаться лишний раз под ногами, затих, прислушиваясь к предотъездной кутерьме.

Мак заглянул в кладовку, спросил:

— Жидкость для розжига — не знаешь где?

— Здесь она, — отвечает Тасик, достаёт с полки нужную бутылку, протягивает Маку. Мак шагнул было к двери, потом вернулся назад. Все эти телодвижения Тасик великолепно угадывает. Знает он и то, что скажет сейчас Мак.

— Не огорчайся ты, — говорит Мак. — Никто тебя специально не бросает. Просто мы сейчас едем далеко, куча барахла с собой, ведь на озере ночевать придётся. Всё в машину не помещается. Что ты, на пикниках не бывал? Сам знаешь, что там будет.

— Персеиды... — тихо произносит Тасик.

— Что тебе эти Персеиды? Ты же их всё равно не увидишь. Это одни разговоры о звёздном дожде — все едут, вот и мы вскинулись. Послушать, как люди рассуждают, мол, там световой рекламы нет и уличного освещения, и, значит, звездопад выйдет особенно красиво. А на самом деле тётя Магда едет туда, чтобы потом небрежно говорить другим дамам: «Когда мы любовались звездопадом на озере...» — а мама, разумеется, будет поддакивать ей. Папаша, ну, ты знаешь, зачем ему пикники, а на звёзды ему глубочайше плевать. Да и всем тоже плевать.

Тасик молча кивает, потом спрашивает:

— А тебе?

— Я уже видел Персеиды в прошлом году. Я их так ждал, а в результате обломался по полной. Ничего не сбылось. Понимаешь, говорят, если звезда падает, надо желание загадать — и сбудется. Только надо первым успеть, а это никак невозможно. Сам подумай, сколько тех звёзд падает, и сколько народу смотрит. Непременно какой-нибудь шустрик тебя обойдёт и загадает свою хрень. Так что в этом году я и пробовать не буду. Пустой номер. Тебе больше повезло: один дома останешься, сам себе хозяин.

— Мак! — доносится крик тёти Магды. — Куда ты запропал?

— Иду! — отзывается Мак, хватая бутылку с жидким парафином и исчезает, оставив Тасика одного.

Слышно, как прошёл папа с тяжело нагруженной сумкой. То, что в сумке, основательно упаковано, но можно различить, как оно булькает и позванивает, пока папа укладывает свою ношу в салон, под ноги, там, где будет сидеть Мак.

За Ликой заехали знакомые парни. Слышен короткий, разыгранный яростным шёпотом скандал. Тётя Магда шипит: «Неприлично!» Лика не считает нужным оправдываться или хотя бы отвечать. Хлопает дверца машины, сестра первой отбыла на озеро. Там её, конечно, не найдут, и у тёти Магды появятся основания для того, чтобы воспитывать маму, Мака и Тасика. Лика под воспитательный процесс не даётся, а папу и вовсе воспитывать бесполезно.

Теперь в машине освободилось местечко, но о Тасике никто не вспоминает, ведь на озере он будет только мешаться и испортит остальным отдых. Тасик тоже не напоминает о себе. Он катает на языке отвратительное, сродни самому грязному мату, словечко «бой-френд». Слово «Персеиды» заглохло и больше не звучит.

— Тасик! — слышен голос мамы.

Надо же, вспомнили... Неужели возьмут на озеро? Как раз, когда расхотелось.

Тасик выбирается из чулана, идёт на зов.

Мама торопливо целует его в лоб.

— Будь умницей. Ты остаёшься за старшего. Ужин в микроволновке, разогрей обязательно. Завтрак в холодильнике, тоже разогрей. Мурзона покорми... ну, ты знаешь. Но, главное, будь умницей. Мы вернёмся завтра к обеду. Не скучай.

Тасик послушно кивает. Скоро от этих киваний голова оторвётся. А что делать? — надо изображать дважды умницу. Маме очень хочется, чтобы сын умницей был.

Последний раз хлопнула дверца автомобиля, загудел мотор, Тасик остался за старшего. Прошёлся по дому, трогая разбросанные вещи, запоминая, что где лежит. В столовой уселся за стол, положив локти на скатерть. Тёти Магды нет, замечания делать некому. На кухне открыл микроволновку, достал тарелку и, хотя до ужина было ещё далеко, съел холодные тефтели с макаронами. Потом, вспомнив, что обещал ужин разогреть, включил микроволновку. Та погудела немного и звякнула, подтвердив, что Тасик и впрямь умница и послушный мальчик.

Мурзон сбежал на улицу. Наверное, он думает, что Тасик не слышит его шагов и будет искать. А Тасик всё слышит и понимает, что он теперь не за главного, а просто сам по себе.

В доме царит такая редкая тишина. Конечно, город за стеной продолжает жить шумной жизнью, но Тасик давно привык не обращать на него внимания. Рычат моторы и собаки, люди разговаривают и ругаются, свистят ветер и птицы. Лишь последний звук касается сознания, но он не нарушает тишины.

Тасик прилёг на диван в гостиной.

— Персеиды... — повторяет он неслышно.

Ветер завывает среди городских антенн, летит над дорогой, по которой спешат сотни машин, увозя из города любителей природы, морщит гладь озера, куда стремятся отдыхающие. Ветер натягивает низкие обложные тучи, и скоро, вопреки благополучному прогнозу, начинает капать мелкий, совершенно не августовский дождик.

Незадолго до полуночи Тасик проснулся. Сначала не мог понять, что с ним, почему он не в своей кровати, потом вспомнил: «Персеиды».

Вся семья отправилась за город, любоваться звёздным дождём, а его оставили дома, чтобы не мешался под ногами. Всё равно он ничего не увидит, так пусть, хотя бы, не лезет с расспросами. Только вместо звёздного дождя выпал им самый обычный дождь, нудный и холодный. Под провисшим тентом (знала тётя Магда, чего требовать!) едва курится костерок, сложенный из привезённых поленьев, рядом чуть живой мангал, на котором киснут шашлыки и полусырое барбекю. Угли не желали разгораться, и папаша, успевший хлебнуть горячительного, плеснул в мангал лишку жидкости для розжига, так что мясо провоняло парафином и годится только на выброс. Холодно, к озеру подойти страшно, зря Мак брал плавки, предвкушая радости ночного купания. Вместо радости — сплошные огорчения. На небо уже никто не глядит, ничего там нет, кроме мокрой хмари.

«Хорошо хоть Тасика не взяли», — утешает себя мама.

Тасик встаёт, выходит во двор. Водяная пыль оседает на запрокинутое лицо. Негасимая реклама мигает на улице, фонари мутно светятся за сеткой дождя. Расплёскивая воду, проносятся автомобили с включёнными фарами. Но чуждый свет ничуть не мешает слепым глазам, и тучи не могут стать преградой. Над головой в бесконечной высоте мерцает Млечный Путь, сияют звёзды Мирфак и Рукбах, прочерчивая бездонное небо, падает истинный звёздный дождь — Персеиды.

Сегодня все метеоры сгорают для одного Тасика, только он видит их и может загадывать желания. Зачем они, если и так всё исполнилось?

Тасик стоит, замерев от бесконечной красоты. Падающих звёзд так много, что, кажется, всё небо сейчас просыплется к ногам. Что можно просить перед лицом вселенной? В душе лишь одно желание: «Пусть никогда, никогда, никогда не кончатся на небе звёзды!»

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ

ПИСЬМА УЛИССА (НОВЕЛЛА В ПИСЬМАХ)

Nobody can tell you
There's only one song worth singing
They may try and sell you
Cause it hangs them up to see someone like you
(Cass Elliot)

Because all we really need to survive is one
person who truly loves us.
(LOST)

1. RE: АНИМАЦИЯ

Ты вернула мне потерянную душу. Ты возвратила меня к жизни.
Звучит, быть может, излишне драматично, но, как ты сама писала
мне, на это толкают нас драматические времена, верно?

Мне не хватает твоих глаз. Их озорной манящий блеск — будто ветер,
наполняющий мои паруса.

Черт побери, у меня всегда было неважно по части всех этих по-
этических метафор.

В конце концов, я просто солдат. Не больше. И не меньше.

Мы возвращаемся с войны.

Мы думали, что все оставили в прошлом. Но война продолжается.
Всегда.

На той неделе причалили к острову лотофагов, что обретают заб-
вение, поедая лотос.

Я сижу в баре на перекрестке Протейного проспекта и улицы Дву-
дольной. Смотрю, как дождь стекает по стеклу.

Доедаю свой третий лотос. Усталый бармен в измазанном цветочной
пыльцой фартуке лениво пощелкивает секатором за стойкой. Как бы
намекает на то, что если мне захочется повторить — он тут. Рядом.

Щелчки секатора примешиваются к патефонным руладам. Незна-
комка с пластинки низким грудным голосом поет про листья октября,
что попарно кружатся у фонаря на углу казармы.

Я ем лотос по той же причине, по какой едят его все в этом баре. Все
на этом острове.

Я хочу забыться.

Но как стереть из памяти все то, что я видел?

Все то, через что я прошел:

Ломаную линию траншей и копошение крыс по углам блиндажа, об-
лака удушливого газа и терновые заросли колючки на ничейной земле.

И как Ахиллес шел перед строем в начищенных сапогах, под посвист свирелей и барабанный рокот. И как Гектор вел в самоубийственную атаку в пешем строю свою вышколенную гвардию — и подавальщик пулеметной ленты стирал пот, молясь всем Богам сразу — за здоровье, и за упокой, и за сохранение рассудка. И как мы прятались в одной воронке от ковровой бомбардировки своих же, ахейских цеппелинов — я и неведомый мне эфиоп с кожей, черной как смола, как мы тряслись с ним в обнимку, втягивая ноздрями смрад шинельного сукна друг друга, а когда налет закончился, он замахнулся на меня штык-ножом и я...

...А потом, как только все закончилось, как только мы вошли в Трою...

Они принялись делить пирог. Делить сферы влияния, распределять трофеи, набивать вещмешки. Всегда получается так.

Мне ли не знать?

Меня, конечно же, не обошли вниманием. В конце концов, я внес кое-какой вклад в их победу.

Но мне не нужны были — ни почести, ни слава, ни лавровые венки, ни железные кресты, ни золотые звезды.

Мне нужно было только одно — заглянуть в твои глаза. Поймать их лунный отблеск. Почувствовать твой запах — зыбкий и неопиcуемый, как лунная дорожка на волнах. Та самая, на которую мы смотрели из окон нашего дома. Прежде чем война разлучила нас.

В конце концов, они вняли. Возможно, опомнились. Возможно, устали от всех моих сложных интриг и комбинаций, недоступных их специальным военным мозгам.

Они отпустили нас домой...

Ангел мой, моя любимая, ловлю себя на том, что не должен писать тебе обо всех этих военно-полевых зарисовках, обо всех этих ужасах и прочем.

Ведь удел солдата — молча гибнуть за свою страну. К чему вся эта рефлексия, когда грозовое небо раскалывает красная ракета? Когда губы холодит латунный свисток, умоляя дать ему голоса — стать громогласным провозвестником лютой атаки, слепой ярости, резни и смертоубийства?

Но мы слишком близки, чтобы я мог скрывать от тебя то, что разрывает напополам мое сердце.

Потому, что мое сердце — это не моя личная собственность. Вроде как солдатский ранец, противогазная сумка или зажигалка, сделанная из гильзы безвестным умельцем из четвертой роты, убитым в первые дни осады.

Сердце мое — принадлежит тебе.

А война... Судя по всему, война продолжается. Всегда.

Наши корабли поудаются в починке. Мы возимся с ними в порту от рассвета до заката.

Старина Госпел, стуча молотком, заводит свои заунывные гимны. Толстяк Хич пыхтит, перетаскивая бочки. Братья Полиши, работая двуручной пилой, обмениваются перченными шутками. Все при деле.

Только Тунец и Притворщик, как обычно, отлынивают. Помнишь их? Самые отчаянные из моих ребят. Отпетые головорезы. Первый дрыхнет в гамаке, ссылаясь на то, что его боевым ранам необходим покой. Второй часами слоняется по городу в поисках женщин. Мотивирует это примерно тем же.

Я не хочу им мешать. Я мог бы приказать — и они бы встали по струнке, грудь колесом, глаза навыкате, зад подобрать! — как в старые добрые времена.

Но кому это надо теперь? Ведь война закончилась...

Закончилась ведь?

На следующей неделе мы отправляемся. Мы пойдем на северо-запад. Через остров циклопов. Надеюсь, нам не пригодятся наши боевые навыки.

Следующая точка — остров Эола. Если дело выгорит — совсем скоро мы с тобой увидимся. Молюсь об этом всем Богам. Даже тем, что с рождения меня ненавидят.

Я устал воевать. Я просто хочу вернуться к тебе.

Не дает покоя мысль — сколько моих людей заберет лотос?

Сколько из них решит остаться здесь? Сидеть в баре где-нибудь на углу Протейного и Двудольной. Смотреть на слезы дождя, стекающие по оконному стеклу. Слушать, как лениво щелкает секатор бармена. Жевать пряно пахнущие лепестки. Попытаться покончить с прошлым.

Я мог бы приказать им, но всех нас уже тошнит от приказов.

Мечтаю лишь об одном — как можно скорее увидеть тебя.

2. РЕ: ВАЛЬВАЦИЯ

Ты придаешь ценность моей жизни. Наполняешь ее смыслом.

Я писал тебе про некоторые проблемы, которые возникли у нас с мехами Эола.

Чуть позже к ним прибавилась еще одна. Так называемые Laestrygones, местный аналог proletarius, судя по всему. Ребята страсть как любят покидать булыжниками в проходящие мимо их островка суда.

Коротко говоря, у меня теперь остался один корабль.

Сейчас я сижу в шезлонге на берегу острова Сигсе, или как называют ее мои неискушенные в языках товарищи «Кирка». Ох уж мне эти филологические каламбуры!

Черные Chuck Taylor сочетаю в своеобразном, на любителя, ансамбле с джемпером Lacoste, джинсами Lonsdale и солнцезащитными очками Dunlop.

Пляжный бармен, забавный парнишка в гавайке с цветными рыбками и с кокетливым хвостиком, зазывал меня попробовать местные аналоги Daiquiri и Mojito. Но ты ведь знаешь мое отношение к этому бородачу в вязаном свитере? С одной стороны, он безусловно классный. С другой — ну сколько можно?

В итоге заказал локальный эквивалент Blue lagoon. Почувствовал себя немного zachary quinto пополам с clive barker, если ты понимаешь, о чем я, хе-хе.

Не хмурься, дарлинг! Я знаю — ТЫ понимаешь. Как никто другой.

В общем, такой приятный лазоревый цвет — я просто не смог устоять... По-моему, даже у нас, на нашем острове, так не умеют смешивать.

Как давно это было, мой вечно сияющий неоновый маячок, моя мерцающая константа! Ты помнишь? Forever and ever.

Как же меня тянет домой...

Впечатления от коктейля — неплохое послевкусие, хотя немного отдает тиной.

Впрочем, на этом острове все слегка отдает тиной.

А еще — тут совершенно выдающаяся популяция свиней.

Боже мой, да их тут сотни — они повсюду!

Мы гостим у волшебницы, заправляющей островом.

Было довольно пышное представление-встреча, всем на шею вешали венки-леи, полуголые девчонки, фейерверк, бесплатная выпивка, шведский стол...

Но я постоянно забываю, как ее зовут. Что-то такое специфическое, местное. Надо будет уточнить.

Она довольно мила, хотя и несколько провинциальна.

Ужасно смешно! Сейчас вокруг меня повсюду бегают такие смешные поросята. С хвостиками спиралькой, с розовыми пятачками. Воняют ужасно, но до чего забавные!

Тебе бы они понравились.

Думаю вот, не прихватить ли с собой парочку, порадовать тебя?

А вообще, помнишь, как писал наш любимый Erlend Loe, «верю, что никто не должен быть один. Что нужно быть с кем-нибудь вместе. С друзьями. С любимыми. Я верю, что главное — это любить. Я верю, что это самое главное»

Тут я полностью согласен.

Главное — удержаться от составления списков.

Помнишь? Помнишь? Моя светлокипучая юркая рыбка. Нервная дуга моей осциллограммы...

Что я сегодня видел:

- 1) Большое количество свиней.
 - 2) Много смешных маленьких поросят.
 - 3) Спящего в гамаке Тунца.
 - 4) Притворщика с новой пассией, из местных.
 - 5) Донышко примерно шести бокалов невероятно лазоревой Blue lagoon.
 - 6) Собственные кеды на фоне невероятно лазоревое море.
 - 7) Тень от пальмы на подробной карте острова Cigse.
- В таком, примерно, ключе...

Или, если развивать мысль о внутреннем мире, это может выглядеть, например, так...

Что я хочу:

- 1) Вернуться к тебе.
- 2) Вернуться к тебе.
- 3) Вернуться к тебе.
- 4) Вернуться к тебе.
- 5) Вернуться к тебе.
- 6) Вернуться к тебе.
- 7) Вернуться к тебе.

Как-то вот так.

Мой клубнично-дофаминовый микс. Мой личный карнавал, звенящий колокольцами, манящий пестроцветьем огней и архетипов, плюющийся огнем. Праздник, который всегда со мной.

Не волнуйся. Прибудем в срок. С троянскими трофеями, островными магнетиками на холодильник и живыми поросятами.

Главное, чтоб мои парни не отмочили очередную дурь в своем стиле.

Если им пришло в голову раскупорить мех с ветрами Эола, ожидая найти там некоторое количество денег — отчего бы им вдруг в ходе плавания не захотеть буженинки, да?

Впрочем, я на них не сержусь.

Мы с ними вместе слишком через многое прошли, чтобы теперь пенять им на дурные манеры. Хотя некоторым не помешало бы почаще мыться, хе-хе.

Представляешь, недавно видел у амбара жирнущего хряка — ну один-в-один Толстяк Хич! Даже родинка на лбу в наличии. И губа нижняя так же оттопырена.

Надо будет найти Хича и устроить им с хрюкающим двойником очную ставку — будет ужасно смешно же!

Так лень все делать...

Мои ребята разбрелись по острову, кто куда. Мы, по правде сказать, слегка разомлели от жары и местного гостеприимства.

Но главное, что я хочу сказать — совсем скоро, моя, мы будем вместе!

Ты — как флакон клюквенной Stolnaya, который закусываешь фисташковой fruitella. Ты — как Дикая охота на бескрайних полях седой от снега Rusland, гоняющая среди немых долин и обледе- ных сосен остатки la grande armee, golden horde и wehrmacht моего сердца. Ты — как danza macabra среди обугленных руин и загру- женных трупами телег моей души. Как страшно-веселый dia de los muertos сахарными черепами и леденцовыми мослами стучащийся в мои сны.

Ты — Grand Guignol моей жизни.

Ты — моя единственная звезда и путеводная нить. Мы были созданы для того, чтобы вовремя найтись.

Я ужасно по тебе скучаю.

3. RE: ПРОДУКЦИЯ

Вчера мы ходили в Ад. Искать прорицателя Тересия.
 Намазались печной сажеей, оделись в облегающие черные трико.
 Прицепили фальшивые рога, чтобы местные не попалили.
 Хотели узнать, как нам, наконец, попасть домой.
 Было весело и страшно.
 Приколись, у них там реально пожар. Сто тысяч миллионов лет.
 Мы думали, что там что-то типа видеоряда из клипов Кредл оф Филс, типа как вокализы Мерлина Мэнсона, как ранние Чилдрен оф Бодом, как поздние Ин Флеймс... Мы были готовы ко всему.
 Но то, что мы увидели, детка, — это было... как «Аншлаг» в черно-белых тонах. Как Балабанов с похмелья. Как все бесконечно длинные годы русской истории в кратком переложении по ролям артистов Хабенского и Безрукова, надышавшихся гелием из воздушного шарика.
 Это было ужасно.
 Я никогда не был особо праведным парнем. Но, если уж совсем честно — не хотел бы оказаться там вновь.
 Все эти ребята, которые приходят под утро, звонят в дверь... Такие, знаешь, в белых рубашках с коротким рукавом и с брошюрами под мышкой? «Вы слышали Благую Весть?»
 Короче, я пересмотрел свое отношение к некоторым вещам.
 Тересий сказал, что мне надо встретить людей, не знающих моря, и среди них учредить почитание владыки морской стихии.
 Я сразу явственно это увидел... День Нептуна. Борода из стекловаты, корона из фольги, тельняшка, трезубец из швабры. Похоже, будет несложно.
 Кивнул заслуженному призрачному человеку, мол, усвоил.
 Спросил: не сглазил ли кто меня?
 Он сказал: я зациклился.
 Я сразу явственно это представил... Я катаюсь на трехколесном велике по кругу шапито в красно-золотой расшитой безрукавке и красной феске с кисточкой. Я — медведь. Во рту у меня — рыба. Похоже, будет просто.
 Я спросил: насколько долгим будет мой путь?
 Бывалый призрачный человек сказал: на все воля Рока.
 Я знал, детка.
 Детка, я знал!
 Рок ведет меня по жизни. Тяжелый рок. Тяжелый — от слова «хард».
 Это мой кандидатский сценарий. Это лофофора Вильямса в горшках на подоконнике и псилоцибиновые грибы на тонких ножках, танцующие поверх ковра на стене. Это кружевной чулок, скользкий по бледной ноге. Это прямое попадание в голову битой для лапты. Зис из май манифест. Это наша тема.
 Так и надо. Только так.
 Следующим утром мы отчалили. Взяли курс мимо острова сирен.

Моя идея, конечно. Специально, чтобы послушать.
 Парням я приказал заткнуть уши, а себя велел привязать к мачте.
 Извечное мое любопытство!
 Ты же знаешь — я живу этим.
 Это как ящик энергетиков, выпитый залпом. Как сливное отверстие раковины, которое всасывает в себя все. Как пачка бенгальских огней во рту, которую ты прикуриваешь небрежным движением кисти. Это как нарядиться плюшевым хомяком и прыгать с тарзанки.
 Или наоборот.
 Это Рок. Это хард-рок.
 Это тяжесть и жесть.
 Ритм нашей жизни.
 Скоро увидимся, детка. И когда мы увидимся — первым делом я наплюю тебе этот трек. Может и не зря их все так нахваляют, этих сирен?!
 Надеюсь, все эти веревки выдержат.

4. RE: АКЦИЯ

...Мы мгновенно среагировали на перемену ветра. Стали действовать.
 Взяли курс вест-норд-вест. Я мерил шагами палубу, заведя руки за спину, левой ладонью крепко обхватив запястье правой. До крови кусал губы в ожидании шторма.
 Приказал ребятам взять марсели на гитовы, закрепить. Затем спустить и свернуть бом-ливер.
 Волны уже наседали на самую палубу, грозя слизнуть шлюпки.
 Пробили пять склянок. Я приказал перевернуть шлюпки и наложить на них штормовые найтовы.
 Когда пробило шесть, вахтенные уже крепили бизань.
 Я спустился в кубрик к своим парням, пропустить рому.
 В кубрике загибался от чахотки Госпел.
 — Как ты, сынок?
 — Загибаюсь, кэп.
 Фонарь болтался, высвечивая его обтянутое кожей лицо, бликовал на наших клеенчатых дождевиках. В его неверном свете лицо Госпела напоминало лик Смерти со средневековых гравюр.
 В носовой, позади оснований битенгов, было черным-черно. Казалось, там таится чудовищный кракен, сотканный из тьмы, vorовато тянет к койке Госпела свои нитяные щупальца.
 Ветер ревел в снастях. Волны били в наветренный так, что казалось — порвут к черту бимсы и обшивку.
 Шпангоут, пиллерсы и переборки — ныли и скулили, будто плакальщицы.
 Фок-мачта рвалась из мертвой хватки бимсов, всякий раз окатывая облаками водяной крупы, секущей щеки.
 После трех склянок ночной вахты, я приказал: «Всем наверх! Паруса убавить!»
 Ветер вбивал дыхание обратно в глотку.

Мы шли под кливером, фоком и гротом. Фок я приказал спустить. Луны было не видеть за плотной мантией туч. Гребень волны с грохотом обрушился через фальшборт — тоннами воды, фосфоресцирующим сиянием. Сбил с ног моих ребят, разбросал их. Я приказал зарифить грот. Мы спустились под ветер, и пошли с попутным под одним зарифленным кливером. На момент завершения маневра ветер стал таким мощным, что мы не смогли лечь в дрейф. Понеслись вперед. На крыльях шторма. Между двумя погибелями. Ветер атаковал — то слева, то справа, а затем ударил валом в корму, едва не развернув судно к ветру. Мы шли навстречу Сцилле и Харибде.....

....На рассвете, когда мы оставили пролив далеко позади, я смотрел на пену, пузырящуюся на палубе с носа и кормы, настырно лезущую через якорные клюзы и поручни. Я думал о том, что за эту ночь мы потеряли шестерых. Думал о старине Госпеле, что все еще харкал кровью в кубрике. Держался. Я думал то том, что даже если этот хотень, с ног до головы расписанный непристойными татуировками, насквозь проспиртованный и всеми видами венерических хворей изъеденный, смог сцепить зубы и не загнуться... К черту все! Значит, получится и у меня! А значит, мы будем вместе, любимая.

5. РЕ: ЭМИГРАЦИЯ

Я развел пальцами планки жалюзи. Зажмурился на яркое солнце и пышную зелень за окном. Чужое солнце и чужая зелень. Как же хочется домой... В дверь постучали. — Да? Вошел Полиш-Младший. Федора набекрень, макинтош нараспашку — ангельски красивый и наглый, как торгующий навозом коммивояжер. — У нас проблемы, кэп. Я смотрел, как пылинки пляшут в солнечном луче. — Скажи, Малыш, тебя не тянет домой? Он вознес стрелы бровей: — Кэп...? — Неважно, — я махнул рукой. Направился к своему креслу. — Тунец и Притворщик, кэп, — продолжал Полиш-младший. — Возникла проблема. Не дойдя до стола, я остановился возле «бара». Зажмурился, распустил галстук. Душно.

— Что эти хренадолы натворили на этот раз? — Завалили двух быков, кэп. Я называю «баром» крышку сейфа. Мы притащили его сюда из самой Трои. Трофей победителей. Здоровенный стальной короб, усеянный заклепками. Вентиль размером с корабельный руль. Старое довоенное качество. Наши тогдашние противники были мастера по этой части. На крышке сейфа стояло у меня с полдюжины разнокалиберных бутылок. Я придирчиво выбрал. Взял стакан и плеснул на два пальца «Медовухи Дюваля». — Чьи это были быки, Малыш? Он помолчал, как бы не решаясь начать. Я предложил ему выпить. Полиш-младший залпом осушил стакан забористой янтарной дряни. Выдохнул: — Быки Гелеоса, кэп. Со стаканом в руке, я неторопливо прошествовал к своему креслу. Уселся в него, закинул ногу на ногу. Подпер подбородок кулаком. — Кажется, у нас проблемы, кэп? — спросил Полиш-младший. Пальцы его до белизны сжимали пустой стакан. Умный парнишка. Мог бы и не спрашивать. Я не удостоил его ответом. Проблемы — это сказано довольно мягко. Мои ребята вальнули двух быков солнечного бога. Того, кому принадлежит этот остров. Того, кто работает на самого Зевса. Да, у нас определенно были проблемы. Любимая, подумал я. Не думай обо мне плохо. В конце концов, все то что мы делали до этого и все то, что будем делать... Все это было ради одного — чтобы поскорее вернуться домой. И я вернусь к тебе, чего бы мне это не стоило. Я залпом добил свою медовуху и разбил стакан о стену. Полиш-младший вздрогнул. — Собирай всех, Малыш, — велел я, выдвигая ящик стола. Солнечный луч радостно блеснул на хромированной стали.

6. РЕ: ГЕНЕРАЦИЯ

Я почти пришел в себя. Знаешь, я строю плот. Я всерьез собираюсь свалить отсюда. От глянца черно-белых фотографий, журнального глянца и душных запахов жасмина и вермута....От ухоженных рук и вкусных книг.... Я пытаюсь думать об этом и пытаюсь НЕ думать об этом. Мне нужна хорошая слега. Очень прочная. Очень крепкая. Из нее я сделаю мачту. Я собираюсь выпутаться из этого.... Из ремней с блестящими пряжками, уютных страз и искрящихся шарфиков.... Из вечных НЕТ...или да....

Из душевного плена дорогой косметики и прогулок под дождем....
У нее такое красивое имя.... И, главное, редкое...Ее зовут Каллипсо.... А тебя?

Как зовут тебя?

Ведь я помнил это. Когда-то... Я помню.... НЕТ... ? или да))))

Кофейни, суши-бары и пустые кинотеатры и многоточия одиночества....НЕТ НЕТ НЕТ или.....да?))))))

.....И ходить по асфальту босиком и отрицать все что признают другие и фотографировать жизнь пить кофе в фаст-фудовских закусочных мимоходом греть ручки в автобусе слушать что любим любить тех кто нас никогда не полюбит и ощущать что жили уже не раз и плакать плакать и смайлики смайлики и пьем как сергей александрович ееее материмся как владимир владимирович эээммм и каждый в глубине себя и каждый в себя глубине читаем взахлеб не чувствуя друг друга по запаху проходя мимо не узнаем своих экстравертно бегущих слезинок ведь смеемся над любой мелочью интровертно плачем о любой ерунде прикрываемся мишурой и кутаемся серпантинком чтобы в куче бумажек не найти выдеранное с корнем сердце сжигаем то что было дорого и собственную память на газовых горелках ощущая себя кем угодно только не собой огромным ластиком стирая память когда ты онлайн нервно дрожат ресницы попросить бы у кого то немного тепла под стук трамвайных колес на запах кофе идя по листьям октября по нотным тетрадам в свинстве душевного света моих сигарет в глазах отразилась осень и лужи и сахар на блестящих губах от дождя в стакане виски ржавые волосы под лепет из телефонной трубки у которой маникюрными ножницами отрезан провод еще вчера еще в прошлой жизни в карамельном полонезе ванильных грез затягиваясь тобой и выдыхая бездной расходящихся тропок ОХ СВЯТЫЕ УГОДНИКИ КАК ЖЕ БЕСИТ ЭТО ВСЕ КАК ЖЕ НЕОБХОДИМА ОЧЕНЬ ПРОЧНАЯ И КРЕПКАЯ СЛЕГА ЧТОБЫ ВОТ ТАК ПРЯМО ВЗЯТЬ И СО СТРАШНОЙ СИЛОЙ УЕ.....

УЕ

Уеуеуеуеуе

Уе.....

Уехать отсюда. Я собираюсь уехать отсюда.

Я строю плот.

Осталось немного. Осталось только сделать мачту.

Скоро мы будем вместе, любимая.

7. РЕ: ИНТЕГРАЦИЯ

Не верится, что мы, наконец, будем вместе.

Родина встречает меня нестерпимым жаром солнца. Сладкой вонью падали. Пощечинами ветра.

Раскаленный белый шар в небе и злой ветер, бьющий в лицо песком и мусором. Ветер раздувает полы дастера, хочет сорвать шляпу, песок звенит по черным стеклам очков-консервов.

Песок набивается в рот, хрустит на зубах.

Я натягиваю на самый нос край выцветшего платка. Поудобнее перехватываю за ремень перекинутый через плечо вещевой мешок. Направляюсь к свиноферме.

Невысокая оградка, выбеленные солнцем стены, ржавая бочка для дождевой воды, чахлый садик.

Фермер узнает меня. Его зовут Эвмей.

Он видал меня в лучшие деньки. Когда я заправлял тут всем. Когда все было иначе, и все здесь было в порядке.

Что они сделали с моей страной?! Ублюдки.

Но... Я дома!

Дома.

Без меня тут все покатилося по наклонной. Полный бардак.

Фермер угощает меня яичницей с двумя ломтиками подгорелого бекона. Едим с одной черной сковородки, подцепляя засапожными ножами.

Я отсыпая ему последние из монет, что берег на черный день. Затем проверяю обоймы. Направляюсь в город.

Старикан Аргус, любимый мой старый пердун, выкусывает блох на парадной лестнице. Полуслепой, кудлатый, полуживой — узнает меня несмотря на весь маскарад. По запаху.

Вскидывается, радостно твякает раз-другой... и лохматым седым кулем валится на землю.

Бедняга Аргус — он был слишком стар для всего этого дерьма. Не выдержало сердце.

И за это — они мне тоже заплатят.

Португезы с кобурами славно прикрыты дастером. Шляпа, платок и защитные очки скрывают лицо. Никто меня не узнает. До поры.

Я собираюсь навести порядок на этом острове, мать его. На моем гробаном острове.

Я вернулся домой.

Иду к тебе, любимая.

ЕЛЕНА ЩЕТИНИНА

КОГДА НАСТУПИЛА ТИШИНА

Человек стоял на четвереньках на самом краешке берега и тяжело дышал. С его волос ручьями текла вода, легкий комбинезон был насквозь мокрым — и неудивительно — ведь его шаттл сейчас уже покоился на дне океана и лишь чудо и быстрота реакции спасли человека от той же участи.

Мелкий белый песок, которым был покрыт весь маленький — не более пары сотен метров в диаметре — остров, быстро впитывал воду и становился нежно-кремовым, словно кофе с молоком. Давно, давно он не пил кофе — вдруг подумал человек. С тех пор, как их материнский корабль заметил эту планету, их бортовые кофейные плантации, как и бахчи, вишневые сады и огороды с картошкой были поставлены в режим семенного ожидания. Они возлагали такие надежды на эту планету... И черт, поberi, как вдруг захотелось кофе!

Эта мысль была более чем неуместна сейчас. И не только потому, что он был сейчас мокрым, вымотанным, оставшимся без связи на этом пустом маленьком острове. А потому, что в этот момент кто-то другой так же тяжело дыша, мокрый и усталый, стоял на четвереньках в нескольких метрах от него.

Это был один из них — из тех, кто тоже, как и они, практически в тот же самый час, почти на таком же материнском корабле, прибыл на эту планету. И с той же целью — заселить. Как глупо и горько-иронично — преодолеть сотни световых лет от своей умирающей планеты, ждать и надеяться долгие годы, и в ту же самую секунду, когда казалось — вот-вот, наконец-то, цель их поисков близка — в тот же самый миг увидеть, как другой корабль, чужой и чуждый, возникает из ниоткуда и стремится к их цели. И в тот же самый момент они, как дети, играющие в царя горы, бросились наперегонки к этой планетке — которую успели из-за характерного внешнего вида окрестить «Земноморье» — и схлестнулись в бешеной схватке, которая напоминала давку у турникета метро. Они и не собирались договариваться и вступать в переговоры — эта планета была мала даже для их умирающей цивилизации, и о том, чтобы делить ее с чужаками, не могло быть даже и речи. Судя по тому, с каким ожесточением билась и противная сторона, ей тоже выбирать не приходилось.

И вот сейчас, на этом белом берегу, напротив человека, мокрый и вымотанный стоял на четвереньках один из этих чужаков.

Он напоминал большую рептилию, скрещенную с обезьяной. От ящера у него была голова с удлинненной пастью, характерная кожа с костяными наростами по хребту, узкие желтые глаза с вертикальным зрачком и синеватый раздвоенный язык, который мелко дрожал, то высовываясь из пасти, то втягиваясь обратно. От обезьяны же у этого существа была явная манера ходить — прямо и на двух конечностях, характерная ладонь — именно не лапа, а ладонь, хоть и о четырех пальцах, а так же какая-то неуловимая особенность, из-за которой

чужак казался не вставшим на задние лапы крокодилом, а человеком, нацепившим маскарадный костюм ящера.

Судя по тому, как ящер внимательно разглядывал человека, наверное, он также пытался описать для себя его внешность. Во всяком случае, они стояли так друг напротив друга уже минут двадцать, не делая резких движений и практически не шевелясь.

Человек знал, что его пистолет наверняка промок и толку от него не больше, чем от камня. Поэтому ему не хотелось нападать первым.

Судя по тому, что ящер тоже не нападал, у него были такие же проблемы с оружием. И он тоже не делал ни единого угрожающего движения.

Солнце постепенно начало припекать. Где-то вверху громыхали выстрелы и гулко ухали взрывы, а они стояли друг напротив друга на этом маленьком пустынном острове и настороженно следили за движениями друг друга.

Наконец ящер пристально взглянул на человека и мотнул головой. Человек напрягся и инстинктивно протянул руку к оружию. Ящер, заметив это движение, издал звук, похожий то ли на вздох, то ли на хрип, встал с четверенек... и сел на песок, повернувшись спиной к человеку.

Человек стоял несколько минут в изумлении, пока не догадался. Конечно же! В основе всех, даже самых высокоразвитых, культур лежат обычные, примитивные понятия. Они примерно одинаковы для всех, они обращаются к самым обычным идеям и чувствам — еда, удобно, страх, доверие. Именно доверие продемонстрировал сейчас ящер, повернувшись к нему спиной — именно так, показав, что он доверяет человеку, он предложил ему мир. Не полагаясь на субъективные жесты, вроде вскидывания пустых рук, не рискуя быть неправильно понятым, а просто и понятно, честно и открыто.

Человек тоже повернулся спиной к ящеру и сел на песок.

В тишине, разрываемой где-то там наверху треском и буханьем, прошло несколько минут. Затем человек услышал за спиной кожаную косяную скрип. Он понял, что это ящер поворачивается посмотреть, что он делает. И тоже оглянулся.

Ящер смотрел на него, странно вытянув губы трубочкой — но что-то знакомое играло в его желтых глазах с вертикальными значками. Человек сначала не узнал, что это было, но потом, когда отразил взгляд ящера в своих глазах, понял, это была улыбка. И тоже улыбнулся.

А потом он встал, подошел к ящеру и сел рядом с ним на белый песок. Бок о бок.

И они улыбнулись друг другу — каждый по-своему.

Становилось жарче. Человек скинул с себя форменную куртку и остался в майке. Наверное, ящеру тоже было жарко, поскольку он периодически открывал пасть, хватая воздух, но вся его одежда состояла из перекрещенных крест-накрест ремней. Логика этих перекрещений и геометрический рисунок наводило на мысль, что это была не одежда, а знаки отличия.

Вдруг ящер стал гримасничать, разевая рот и подергивая кожистыми губами. Человек отшатнулся, и упреждающе вскрикнул — и увидел, что ящер прекратил гримасничать и так же отшатнулся от него. Человек произнес несколько слов — ящер настороженно смотрел на него.

Так они поняли, что говорят в разных звуковых диапазонах и никогда не услышат друг друга.

Тогда ящер нарисовал на белом песке указательным пальцем — коготь на котором был явно аккуратно подстрижен — причудливый знак. Нарисовал — и указал на себя.

Человек написал на песке свое имя — и указал на себя.

Так они познакомились.

Потом ящер нарисовал что-то на двух ногах, с двумя лапами и удлиненной мордой, а рядом три маленьких овала.

А человек нарисовал человечка в виде палочек и кружочка, потом еще одного человечка, а рядом — совсем маленького человечка.

Так они рассказали друг другу о своих семьях.

Человек случайно оставил на песке отпечаток раскрытой ладони — а ящер накрыл его сверху своей. А потом ящер оставил отпечаток своей ладони — и человек понял, что он должен накрыть его сверху своей.

Так они подружились.

А потом наступила тишина.

Хотя нет, вначале раздался страшный, оглушительный, сдвоенный грохот. Что-то вспыхнуло где-то там, в глубине неба, там, где невидимо для глаза голубой цвет сменяется на иссиня-черный. Вспыхнуло так, что на пару секунд в небе светило сразу три солнца. А потом два погасли. И наступила тишина.

Мертвая, глухая, деревянная тишина.

И они поняли, что это конец.

Что где-то там, наверху, оба материнских корабля в ожесточенной битве взорвали друг друга.

И теперь больше нету битвы, нету вражды. Потому что просто некому больше биться за эту планету. Потому что их цивилизаций больше нет.

Они не нарисовали это на песке. Потому что пустоту и одиночество нельзя нарисовать. Они просто поняли. И каждый понял, что другой тоже понял это.

Они просто сидели и смотрели на океан, который лизал берега маленького белого острова.

Пока не заметили, что океан наступает.

Так начался прилив.

Возможно, он начался и гораздо раньше, но был настолько медленен, что они поначалу, занятые друг другом, не заметили этого. И лишь сейчас, увидев, что те следы, что они оставили, когда

стояли на четвереньках, скрылись под водой — они поняли, что начался прилив.

И они поняли, что это второй конец.

Их собственный конец.

Остров был мал и пуст, без деревца, куста или озера. Он был покрыт белым мелким чистым песком. Песком, который обновлялся каждый прилив. Это была мини-Атлантида этой планеты. Умирающая с каждым приливом и вновь рождающаяся с каждым отливом.

Им было некуда бежать, им было некуда плыть, им было неоткуда ждать помощи.

Они были одни.

Одни — вдвоем.

Несколько минут они сидели в тяжелом молчании, пытаясь осознать и принять эту вещь.

А потом стали рисовать.

Рисовать одновременно, лихорадочно, словно боясь не успеть.

Рисовать, переходить на другое место, рисовать снова, смотреть на рисунки другого и рисовать, рисовать, рисовать...

Они, захлебываясь линиями, запутываясь в углах, рассыпаясь точками, пытались успеть.

Успеть рассказать историю своего мира.

Человек рассказывал о египетских пирамидах, о Великой Китайской Стене, о римских походах, о трех мировых войнах, о великом оледенении и Великом Бегстве Земли.

Ящер рассказывал об огромных храмах, о гигантском рве вокруг их столицы, о четырех войнах — с гигантскими змеями, ядовитыми слизнями и дважды с ящерами другой, более агрессивной расы, о великой засухе и бегстве их собственной цивилизации.

А потом человек нарисовал ноты рождественской песенки. И изобразил танец.

И ящер начертил странные знаки и совершил волнообразные движения лапами.

А человек нарисовал розу.

И ящер нарисовал диковинный цветок, с двумя рядами лепестков и длинным пестиком, похожим на язык.

А человек нарисовал Эйфелеву башню.

И ящер нарисовал хрупкий ажурный мост над озером.

Так они рисовали.

Рисовали одновременно, лихорадочно, словно боясь не успеть.

Рисовали, переходили на другое место, рисовали снова, смотрели на рисунки другого и рисовали, рисовали, рисовали...

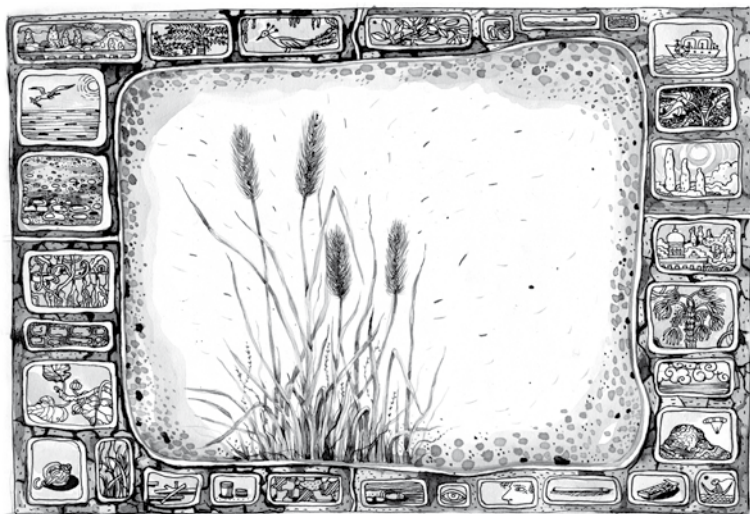
Они, захлебываясь линиями, запутываясь в углах, рассыпаясь точками, пытались успеть.

Успеть рассказать историю своего мира.

А потом пришел прилив.
И остров полностью скрылся под океаном.
И был так несколько часов.

А потом пришел отлив.
И белоснежный остров снова показался над океаном.

Пустой.
И белый песок был девственно чист.
И не было ни следа от двух цивилизаций.

Ирина Клеандрова

ВЫЖИВШИЙ

Осела пропитанная кровью пыль, стихли звуки побоища. Заходящее солнце золотило обломки стрел и копий, укрывших стоптанную в камень землю, заливало бронзой лежащие внавалку тела, сверкало на гнутых щитах и изрубленных в лохмотья панцирях. Мы стояли вперемежку, плечом к плечу — еще живые и уже мертвые, закрывая собой единственный проход через Эты. Мы поклялись защищать эти скалы, положили здесь свои жизни и теперь ждали конца, но его все не было: царь пал, на земле и на небе не осталось никого, кто мог бы освободить нас от клятвы.

Поросшие бурым лишайником камни дрожали и плыли, словно мираж над пустыней, за выщербленной стеной сонно дышало море. Небо перечеркнула река — чернее сажи, темнее самой беззвездной ночи. От нее тянуло покоем и холодом, пересохшие губы манил ласковый плеск, но никто не решался нарушить строя.

Психопомп отчего-то медлил, вертя сорванную в скалах былинку. Паромщик — темный, громадный, с длинной нечесаной бородой — угрюмо мялся неподалеку. Он уже пробовал подойти, выдернуть кого-то из ряда — но фаланга сомкнула щиты, ошестинившись медными жалами копий, и ему волей-неволей пришлось убраться. Косящие врагов, как траву, привычные к крикам агонии, с головы до пят покрытые кровью, своей и чужой — мы сами были смерть, и служба смерти нас не страшил.

Леонид, сощурился, смотрел на нас с холма, по бледным губам блуждала улыбка. Кровь из разрубленной шеи стекала по пику, в остекленевших глазах отражалось солнце. Царь молчал, но мы и без того знали, что он доволен: часть армии сможет спастись, разосланные гонцы успеют предупредить всех, кого нужно. Нам противостоял опасный, превосходящий числом враг, но мы не проиграли там, где не могли победить — а это значит, что мы победили. Кровь «бессмертных», которых привел Ксеркс, красна и солонна на вкус, и умирают они точно так же, как прочие. Тот, под чьей рукой склонялись народы, смотрел в лицо нашего царя, и в его глазах был страх, а потом он повелел обезглавить противника и водрузить его голову на кол. Станный... как будто можно отомстить врагу, глумясь над его мертвым телом. Как будто, умерев, можно прекратить ненависть...

Мы положили персидского войска без счета, мы умертвили двух царских братьев. Жаль, мы не смогли достать самого Ксеркса — но мы оставляем это тем, кто придет после нас.

Во вражеском стане тихо, победа никого не радует. Мало доблести в том, чтобы раздавить большой силой малую, так и не заставив склонить голову. А может, они чувствуют неспокойные души, блуждающие меж оставленными телами, холодный взгляд Немезиды и тяжелую поступь того, кто незримым спешит на поле недавней битвы.

— Дядя, — склоняет голову Психопомп, почтительно обращаясь к пустому месту. — Не время играть в прятки, мы заждались.

Пространство подергивается рябью, открывая высокого статного мужчину в кожаном шлеме и темном хитоне, с железным двузубцем, зажатым в могучих руках. Это Аид: от одного его взгляда тянет упасть на колени, трехглавый пес, следующий тенью за ним по пятам, признает лишь одного хозяина.

Цербер взрыкивает. Солнце гаснет, превращаясь в клубящийся тьмой диск, все подергивается пеплом.

— Вы отказываетесь от своего слова? — вопрошает Аид, и от его голоса начинают крошиться скалы. Каменная осыпь несется с вершины, стекая к подножию холма, мертвая голова вздрагивает, открывает глаза, разлепляет запекшиеся губы.

— Нет.

Тихий, бесплотный шелест, похожий на звук катящегося по пыльной дороге камня. Его слышат все: наша фаланга, от первого до последнего воина, обмершее персидское войско, мрачный Харон и Аид с Психопомпом.

— Нет! — повторяем мы вслед за царем. Все, в унисон: кто бился здесь, в ущелье, кто пал в дозоре на левом склоне горы, кто спешил им на выручку, но успел лишь сложить голову. Наши слова звучат как одно, лед нашего дыхания сливается в щит, на котором горит перевернутая литера «V» — знак победы, грозная эмблема Спарты.

Аид смеется, сжав кулаки и запрокинув голову. Как будто там, в небе, кто-то разделяет его веселье — или скрежещет зубами от злости. Верно, поспорил с кем-то из олимпийцев... а пусть даже и так, что нам с того? Лишь бы не разлучил и позволил нести свою службу.

— Вы сказали. Я слышал, — роняет хозяин подземного мира. — Вы остаетесь в строю, но ваша война будет длиться до тех пор, пока стоит этот свет. Таково мое слово. А тебя, Леонид, забираю к себе — давно искал такого начальника стражи. Гермий!

— Понял, дядюшка, — кивает Психопомп, протягивая кадуцей. Серебряные змеи шипят, извиваясь на посохе, разом целуют царя в лоб: одна слева, другая — справа. Голова обмякает, сведенные судорогой черты разглаживаются — теперь это мертвая плоть, и ничего более.

Аид разворачивается — и исчезает. Харон шагает в черную реку, одарив на прощание взглядом: восхищение пополам со злостью, жалость вперемежку с ненавистью. Один Психопомп ведет себя по-людски: криво улыбается и салютует рукой. «Удачи!» — беззвучно шепчут тонкие губы, и крылатые сандалии уносят своего хозяина в небо. Что ж, мы и раньше слыхали, что Гермий по меркам богов — чудак...

Горы отодвигаются. Персидское войско тает в невообразимой дали. Приколоченные медными гвоздями звезды осыпаются с небосвода и превращаются в гигантские огненные шары, подвешенные в черном и холодном ничто. Земля уходит из-под ног, горизонт вспухает дугой — и вот планета уже плывет под нами, величаво подставляя солнцу то один бок, то другой. Никакого плоского, как у блюда, торца, с которого в пропасть срывается Океан, никаких слонов и черепахи... Нашим глазам

предстают горы, моря и сверкающие ледники, синие ленты рек, зелень лесов и пастбищ. Секунды, дни и года летят друг за другом, сменяясь в извечном танце. А потом и само время останавливается, оставляя нас совершенно одних.

Тишина.

В тишине рождаются звуки, невесомые, едва слышимые, похожие на отдаленное эхо в горах. А в темноте возникают картины, выхватывающие моменты жизни, кипящей внизу: пейзажи, дома, механизмы, человеческие лица, полные любви или боли, ярости или отчаяния...

Мы не понимаем и половины того, что видим, хотя кто-то незримый постоянно шелестит в голове, объясняя незнакомые слова и детали. Умом — не понимаем... зато прекрасно чувствуем сердцем, когда кто-то оказывается перед выбором, подобным нашему. Когда уже некуда отступать — и ни единого шанса победить.

Рыцарь привстал в стремени, отчаянно трубя в рог. И он, и его скакун закованы в сверкающую броню, основательно запятнанную алым, под ногами коня корчится кто-то косматый и темный. Рыцарь силен и удачлив, но сегодня счастье ему изменило: его сеньор не слышит, он не поспеет на помощь...

— Я к нему, — выдыхает крепыш Трион, который всегда прикрывал мне спину. — Ему страшно умирать, он же совсем мальчишка!

Картина со всадником гаснет. А нас становится меньше на одного.

Тонущий крейсер. Взрыв, чудовищный треск — и палуба разламывается надвое, над мачтой смыкаются волны. О случившемся напоминает только спасательный круг, качающийся на воде, обломки, оставшиеся на месте его противников, и осиротевшая на сотню фаланга...

Побратимы Сфенел и Ликург, не сговариваясь, шагают туда, где на фоне ясного неба в драке сошлись три железные птицы — две с крестами, одна с красными звездами на крыльях. Патроны закончились, топливо уже на исходе, не получится ни отбиться, ни дотянуть до линии фронта. Зато можно попробовать прихватить с собой хоть одного из стервятников, что кружат неподалеку. Командир бросает машину в атаку, стрелок улыбается — или то улыбается один из моих товарищей?

Круглолицый парнишка в слишком большой для него шинели несется на пулемет, плюющийся огнем и сталью, Меандр бежит вместе с ним. Падает... они оба падают, по истоптанному снегу растекается алое — перевернутой буквой «V»...

Мои товарищи уходили, один за другим. В лес, небеса, океан и в пустыню, на чужую войну, ставшую собственной. Их место в строю занимала пустота, но голоса еще долго звучали рядом. Фаланга

таяла. И вот, наконец, со мной остался только Тиресий, проверенный боями друг, с которым мы по-братски делили последний колчан стрел, засохший козий сыр и лепешку. Я даже не заметил, как он ушел. Кажется, вот только что был здесь, а теперь — в кабине истребителя, рядом с пилотом, сражается с неуклюжей, потерявшей управление машиной, уводя самолет от мирно спящего города. Последние жилые кварталы позади, но прямо по курсу — мост, на котором гудит электричка. Каким-то чудом пилот отворачивает, теряя драгоценные секунды и метры. Шансов уже нет, но эти двое еще пытаются лавировать, борются за каждую пядь высоты — и зарываются носом в ил, считанные метры не дотянув до воды. На берегу вспыхивает костер, сорванные взрывом соцветия бузины плывут по реке, будто венки...

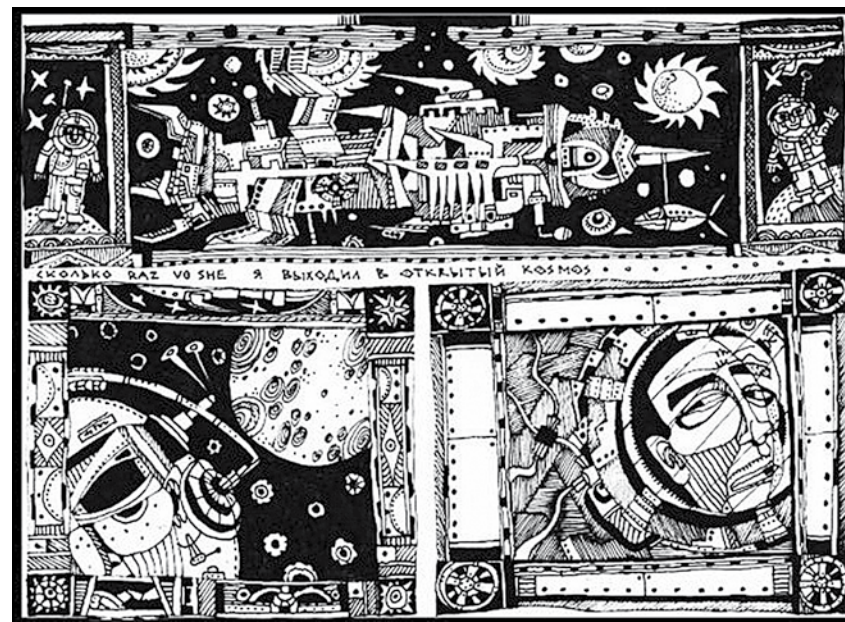
Прощай, Тиресий. Где бы ты ни был — ты всегда будешь рядом.

Казавшаяся несокрушимой фаланга исчезла, словно брошенная в кипящую воду соль. Я остался один, но в моем сердце не было горечи: уходя, друзья не ушли до конца, их память и сила остались во мне, а дух рассеялся по каждому клочку мироздания. Они по-прежнему были здесь, неотвратимо меняя что-то во мне и в мире. Сопротивление казалось кошунством. Я просто доверился их последнему дару, как привык доверять им при жизни.

На доли секунды — или века? — повсюду воцарился хаос. Но он меня не страшил. Я уже знал, какая судьба ждет меня самого: удержать этот мир на краю, не давая ему скатиться в безумие, дожидаться его гибели, когда пространство и звезды сомкнутся в бело-золотой, ослепительно сияющий кокон — и помочь рождению нового.

Галактион Меньших

СЕЗОН ЛЮБВИ

Боевики вывалились из гиперя внезапно. Заверещали детекторы, фиксируя запредельную напряженность Риманова поля в окрестностях катера, прямо и чуть выше по курсу проявился хищный силуэт боевого аппарата Семьи. Не тратя времени на опознание, истребитель сделал два выстрела.

Выучка, достойная восхищения! Из виртуального режима, когда метрика пространства пляшет и время не имеет точного смысла, неизвестный снайпер выжиг Алексею главный привод и отстрелил антенну гиперсвязи. Затем мир вокруг истребителя вернулся в трёхмерность, а истребитель вновь получил импульс.

Мелькнули и исчезли далеко впереди бортовые огни.

— Вам шифрованное сообщение, капитан, — доложил катер.

Рубку заполнил чужой голос:

— Здорово, эксперт! Думал, не свидимся? Скажи спасибо, нам приказали взять тебя живым. И молись, чтобы умереть быстрее! Жди, мы скоро будем...

Мафиози выследили и попытались захватить его возле одного из периферийных миров. Там только-только развернули прыжковую зону. Алексей сбежал в гипер, но перед этим успел повредить атакующим тормозной гравикомпенсатор. Чёрта лысого они вернуться. Пока погасят

скорость маневровыми движками, это десятки часов или дни. Только ему от этого не лучше. Без привода Алексею остаётся только ждать, пока его не найдёт хоть кто-то. А без связи он беспомощен даже здесь, в окрестностях Юпитера, совсем близко от Солнца и марсианской базы Флота. И если бандиты найдут его...

Сдаваться на милость Семьи не хотелось. Что произошло? Дед решил обидеться всерьёз? Или это обычное самоуправство одного из подручных? Или месть Первого секретаря? Это, наверное, всего хуже. Любимый внук главного мафиозо вселенной, первый не только по должности, но и очередностью наследования, отец Ниты...

Нита, девочка! Знаю, ты поняла и простила меня, я не мог поступить иначе, Нита...

Снова, как когда-то, перехватило дыхание. Алексей сжал зубы. Не время для воспоминаний! Он же не хочет стать закуской для бандитов? Значит, нужно спрятаться... Но где?

В полутора миллионах километров ниже — или выше, как посмотреть — висел газовый гигант, извихренный водородными штормами и метановыми тайфунами, затянутый чередой аммиачных туч под кисеёй звёздного гелия. А чуть в стороне посвёркивал тонкий серпик одной из Галилеевых лун — Европы.

На ней недавно запустили станцию по добыче жидкого водорода. Там были люди и связь.

Переведённый в режим хамелеона катер Алексей оставил среди древних торосов. Европа, подобно Луне, всегда повёрнута к Юпитеру одной стороной. Обитаемый комплекс прятался на обратной, под одной из древних ледяных плит, слагавших кору планетоида. Сверху, под разряженной атмосферой, располагались причалы для автоматических танкеров, герметичный тамбур с переговорной и шлюз. Чуть ниже были выплавлены склады. В них, защищённые от жестокой радиации десятками метров льда, стояли цистерны с добытым сырьём. В шлюзе брала начало шахта лифта. Она уходила вглубь ледяного панциря на тридцать километров, до самого океана, где прилипла к изнанке Европы станция.

Типовой проект для ледяных спутников газовых гигантов, справка из базы данных катера.

Алексей разорвал связь и длинными скачками побежал к полусфере тамбура.

Отозвались не сразу. Сквозь свист и скрежетание в динамиках переговорника возник испуганный мужской голос:

— Что? Кто здесь?

— Меня зовут Алексей Михайловский, — проговорил Алексей давно заготовленные слова в мёртвый глазок камеры, — я потерпел аварию. У меня не работает гиперпривод и связь, прошу помощи... И включите, пожалуйста, изображение! Ничего не видно.

— Как? Вы сверху? — голос не верил.

— Откуда же? Откройте лифт. И включите картинку! Хочется видеть, с кем говоришь!

— Я забыл, что есть верх... — непонятно сказал голос. — Сейчас запущу, должно сработать. А картинки нет, камера не работает.

Загудели шлюзовые затворы, Алексей шагнул внутрь лифта, устроился на диванчике. Предстояло ожидание: тридцать километров по вертикали — нешуточный путь!

— Скажите, — ожил голос, — вы тот самый Михайловский?

— Какой? — не понял Алексей.

— Любимчик директора, самый удачливый эксперт Агентства.

— Ну, если вы так говорите, — ответил Михайловский, — то да. А откуда?..

— Я работал у Николайчука! — радостно сообщил голос. — В обеспечении! Гриднев моя фамилия!

— Не помню... — бесполезно развёл руками Михайловский.

— Значит, — сбивчиво заговорил в динамиках Гриднев, — всё будет хорошо! Вы разберётесь, вы всегда разбираетесь!

Он неожиданно всхлипнул.

— В чём?

Динамики отозвались шорохом. Лифт дрогнул и полетел вниз, побежали над дверью оранжевые цифры:

10...

20...

50...

Что этот Гриднев имел в виду? В чём нужно разобраться? Зачем на станции может понадобиться его помощь? Не технолога, не химика, и даже не инженера по насосам? Ерунда какая-то...

12 100...

12 700...

13 200...

Цифры мелькали всё быстрее. Алексей представил многокилометровую толщу над головой, и ему стало не по себе. Тонкая ниточка шахты — и миллиарды тонн льда вокруг! Европа бежит по вечному пути от апоцентра к перицентру и обратно, тяготение Юпитера возбуждает приливную волну, ледяные плиты коры дышат, движутся, трутся друг о друга... Что им усиленный фуллерен внешней оболочки! Ему показалось или стена лифта слегка выгнулась внутрь, едва сдерживая внешний напор? Сейчас она лопнет, и в кабину рванёт под давлением жидкий водород из идущей параллельно трубы... Чёрт! Шлем... Где же он? Алексей схватил шлем, стал напаяливать ослабевшими пальцами... Скорее! Только бы успеть. Успеть что? — остановил он себя и медленно, размеренно задышал, стараясь утихомирить галопирующее сердце.

25 800...

26 000...

26 200...

Лифт тормозился, навалилась тяжесть. Почему они не установили компенсатор? Нет, детектор гравитации равнодушно светил зелёным глазком: норма. Отчего же так тяжело?

Неожиданно Алексей почувствовал пристальный взгляд сзади. Кто-то недобрый затаился за спиной, рассматривал, выбирал миг для нападения. 30 574.

Пол едва заметно ударил снизу. Алексей оглянулся. Ощущение взгляда пропало, кабина, разумеется, была пуста. Зашипели, раздвигаясь, двери.

Гриднев оказался невысоким, средних лет мужичком с недельной щетиной на сером лице. Он был одет в нечистый комбинезон; из распахнутого ворота торчала тощая, в капельках пота шея. От Гриднева кисло пахло спиртом.

— Как добрался, эксперт? — на лице Гриднева застыла кривая ухмылка.

— Что у вас происходит? — спросил Алексей, пожимая вялую влажную ладонь.

— Чертовщина у нас, — ответил Гриднев. — Пошли, покажу наше житьё.

Длинный коридор тускло освещали настенные панели. Гриднев шёл впереди, сильно наклоняясь на левый бок и опираясь рукой на стену. Облицовочные панели обильно покрывал водяной конденсат, и за пальцами Гриднева тянулась неровная бликующая полоса. Было жарко и душно.

— Мне нужна связь с Землёй, — сказал Алексей в сутулую спину.

— А нету! — не оборачиваясь, хихикнул Гриднев. — И Земли твоей, наверное, тоже нету, эксперт!

— Вы пьяны! — остановился Михайловский. — Слышите, Гриднев? Вы пьяны, где ваш начальник?

— Ага! — Гриднев развернулся, в его глазах, несмотря на улыбку, застыла тоска. Он чего-то боялся, очень сильно, до предела. — Мы к нему и идём, эксперт, с ним и поговоришь, ага...

В конце коридора они свернули в боковое ответвление и остановились перед отсеком с надписью «рефрижератор».

— Говори с начальником, Михайловский, — сказал Гриднев и отомкнул герметичную дверь, — а я тут постою...

От мороза на глаза навернулись слёзы, воздух обжёт горло. Внутренность морозильника занимали стеллажи, забитые брикетами с ярлычками известных и престижных продуктовых фирм. Шкафы стояли часто и криво, на полу остались следы авральной перестановки. А в дальнем, пустом углу, на жестяном разделочном столе лежал труп. В жёстком от мороза форменном комбинезоне, с выражением ужаса и одновременно торжества на лице. Раскрытые глаза равнодушно смотрели в потолок. Волосы мужчины покрывала белая изморозь. Кожа на правом виске почернела вокруг пулевого отверстия, а левой

стороны черепа не было вовсе, розовел мозг в ошмётках крови, и белили осколки костей.

«Дэвид Макстейл» — было написано на кармашке комбинезона.

Гриднев стоял, привалившись к стене, и блестел глазами из-под седоватой чёлки.

— Поговорил? — сказал он, протягивая Алексею заполненный на треть стакан. — Выпей за упокой души грешного Дэвида. Он был хороший человек, хоть и начальник!

Стучали зубы. Алексей махом опрокинул дозу. От спирта захватило дух, вступило в плечи, жарко ударило в голову.

— Кто его? — спросил Михайловский, отдышавшись.

— Черти... — оскалился Гриднев. — Тут у них кладовка, эксперт. Подвальчик с дровами для котлов! Наказание, эксперт... Нечего хватать чужое! Когда насосы выходят на пик мощности, черти хватают нас за воротник: не воруй!

Он налил ещё.

— Пей, эксперт! Черти не любят запаха спирта, они трезвенники, ха-ха-ха! — Гриднев приложился к фляге, резко выдохнул и продолжил совершенно трезвым голосом: — Когда это началось и кончилось в первый раз, Макстейл вскрыл модуль гиперсвязи, долго копался в нём, потом взял пистолет, расстрелял этот проклятый модуль, расстрелял все запасные блоки, сказал: «Меня ждут первым», а потом пустил себе пулю в голову. Я простой моторист, — прошептал Гриднев с тоской, — я не умею наладить эту штуку, я даже не знаю, что она передаёт на запросы из конторы. Может быть, они прилетят через час, а может быть, и через месяц!

— Так остановите насосы, Гриднев! Может, черти отстанут?

— Чем вы слушали, эксперт? — голос Гриднева пробивался как сквозь вату. — Я простой моторист, эксперт! Все коды были у Макстейла. Я могу изменить время работы на пике — в большую сторону, могу задействовать обходные магистрали, если чёртова железка не додумается сама, но выключить... Невозможно, Михайловский.

Второго, или, считая замороженного самоубийцу Макстейла, третьего аборигена звали Исайа Шигемацу. Это был голубоглазый блондин с пальцами скрипача и плечами борца-вольника. Он сидел в кают-компании и нехотя ковырялся в тарелке. Рядом на столе были свалены разнокалиберные колбы, пробирки и мензурки из стандартного станционного набора. Тут же обнаружили здоровенную бутылку со спиртом и целая гора лекарств, от древнего аспирина до новейших психотропных препаратов.

— Хочу сточить нашим дьяволам зубы, — заявил Исайа вместо приветствия. — Чтобы кусали, но не сильно.

— Вы уже знаете, в чём дело? — спросил, морщась, Алексей. От выпитого спирта, как обычно, ужасно разболелась голова.

— Черти из преисподней, конечно! — Исайа скривил рот. — Это так важно, как вас там, когда в холодильнике лежит покойник?

Он мелко и неприятно засмеялся.
 — Вы тоже пьяны, Шигемацу?
 — И вы назюсюкаетесь вдрызг, и будете пребывать...э-э-э... в таком виде! Или хуже.
 — Исайа наш врач, — сказал Гриднев, — и химик в одном флаконе.
 — Я заметил, — ответил Алексей. — Гриднев! Сколько до включения насосов?
 — Часа три.
 — Мне бы поспать, пару часов, покажите, где...
 — Возьмите гранулы, эксперт, — сказал Шигемацу, — или хотите стать вторым?

Ему досталась каюта Макстейла. Не очень приятно, но не спать же в раскуроченном узле связи? Алексей кинул на столик гранулы пьяного доктора, сгрёб с кровати старое бельё, нашёл в шкафу запасное одеяло и лёг. Сон не шёл. Легко улыбалась со стены женщина на простой, двумерной фотографии. Жена? Невеста? Её глаза завораживали. Она ещё ждала своего Дэвида, строила планы, подбирала слова, чтобы рассказать, что случилось с нею в его отсутствие. Она ещё не знала, что разлука стала вечной...

Зачем он сел на Европу? Почему не выбрал Ио или Ганимед? Так получилось, и что толку корить себя и раздумывать о несостоявшемся? Можно с утра сорваться и махнуть дальше... но оставить людей в беде? Они уже надеются, это видно по их глазам. Они разуверились за прошедшие дни, но им так хочется поверить хоть кому-то!

Их перемкнуло, понял Михайловский, их мысли попали в колею — «Меня ждут первым!» Кто второй, кто третий? — и больше ни о чём, по кругу...

— Да не бывает же чудес! — Алексей рывком сел, отчего в голове запрыгали, застучали изнутри по черепной коробке чугунные болванки. Шипя от боли, Михайловский достал коммуникатор и запустил нужные приложения. Что бы это ни было, а за хвост оно ловится! Иначе только и останется, что откапывать где-то на Земле, в дальнем скиту батюшку со святой водой.

Свободной памяти хватит часов на шесть, а больше и не надо...

Для русского человека чёрт — давно персонаж анекдотов, где натягивают ему нос кто попало. Гриднев и Шигемацу ошиблись. Это стало ясно, лишь только стены каюты в безмолвии начали сдвигаться. Демоны бездонного океана толкали их друг навстречу другу, а крылья демонов отбрасывали угловатые чёрные тени. Сверхпрочный металл стен стал прозрачным, и на Алексея глянули из бездны Глаза. Круглые, как у совы, и такие же немигающие. Бездонные. Безмысленные. Состоящие из одних зрачков.

Портрет женщины Макстейла плыл посреди взгляда. Женщина улыбалась. «Ты пойдёшь вторым», — шепнули её плоские губы.

Алексей сорвался с койки... и застыл возле выхода. По коридору шли. Не стучали каблуками, не дышали сипло и натужно, но кто-то

был тут, крался на мягких лапах, и от его шагов стонали вертикальные балки, гвоздями прибившие станцию ко льду.

Тот, кто шёл, остановился возле двери. Повеяло морозом.

Пришло знание, что дверь открывать нельзя. Никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя встречаться глазами с тем, кто ждёт снаружи! Но и оставаться в каюте было невозможно! Когда демоны выходят на поиски душ, они запрягают в нарты жутких тварей. Одна из них ждёт позади, наклонив голову набок и свесив из пасти длинный сизый язык.

Захотелось вжаться в стену, быть не там и не тут, спрятаться в замочную скважину. «Здесь нет замочных скважин», — сказал кто-то глубоко внутри.

Алексей рывком отворил дверь.

Кольцевой коридор был пуст. Шагах в пяти, если идти к узлу связи, пол вспучивался, как будто воды Европы решили именно здесь ворваться внутрь. За бугром огни весело играли в пятнашки с тьмой, и туда, вниз, успел спрыгнуть тот, кто стоял перед дверью.

От мельтешения огней скрепки, связывающие вместе кости черепа, зашатались, Алексею показалось, что голова его пухнет, растёт, и скоро разорвётся, рассыплется на сотни маленьких кусочков.

Потом из мелькания сложилась фигура. Человек шёл, перекосившись в одну сторону, словно в его теле не хватало какой-то части, и оставшееся перевешивало. Это был Макстейл! Он возвращался проверить, кто занял его каюту, кто смотрит на его женщину, и кому улыбается её портрет.

Алексей попятился, но сзади могильным холодом дышала ездочная тварь, и он остановился. Макстейл будто ждал этого. Он мгновенно, словно прыжком, надвинулся и сунул в лицо Алексею что-то чёрное, гибкое.

Зашипело, морок развеялся. Голова трещала, сердце бухало в груди, но стало можно думать и понимать. Перед Михайловским стоял Шигемацу. В руках он держал газовый баллон с патрубком, а на лице застыла кривая гримаса.

— Кислород, — сказал Шигемацу, глядя чуть в сторону и вверх, за голову Михайловского. — Прочищает мозги, временно. Гранулы, эксперт!

— Как считаешь, — сказал Шигемацу, когда Алексей проглотил лекарство, — он слезет?

— Кто?

Михайловский осторожно сел на койку. Ездочная тварь затаилась в ногах, смотрела снизу голодными глазами, но не нападала.

— Карлик, — ответил Исайа, не отводя взгляда от стены. — Что ему там надо?

Алексей оглянулся. Ни карликов, ни великанов...

— Глаз? — спросил Алексей, но Шигемацу уже вышел.

— Зачем ты ломаешь стену? — спросил Алексей у демона.

Глаз не произнёс ни слова, но, вроде, слегка подмигнул.

— У меня болит голова, — сказал Алексей демону.

Тот снова промолчал, но выразительно прищурился: какие мелочи!
— О чём же тобой говорить? — удивился Алексей.

Глаз за стеной немножко сдвинулся, а потом ещё и ещё. Это демон покачал невидимой головой. Почему, мол, ты так, человек? Ты потерял страх, человек, задавая такие вопросы пред лицом моим. Подумай о тщете сущего, о ничтожности жизни. Что ты рядом с великим океаном?

Алексей подумал. Он представил себя рядом с великим океаном — и его разобрал смех, такой громкий, что ездая тварь испуганно забила в угол.

— Мы малы, — сказал Алексей демону, — но это мы сосём твою кровь, а не наоборот!

Демон молчаливо согласился, но дал понять: скоро я съем тебя, человек. Иначе ты высосешь всю мою кровь. Погоди немножко.

Идея погодить показалась Михайловскому ещё забавней. Он смеялся, смеялся, грозил демону пальцем, но не мог произнести ни слова, а только хохотал, пока не заёкало в груди. Тогда каждый вдох стал мучением.

— Я умру от смеха, — выдал из себя Алексей и спросил демона: — Ты этого хочешь?

Демон снова не ответил. Демон забрал жуткую ездую тварь, что затаилась в углу, вернул на место стены, закрыл Глаз и пропал.

— Вы же врач, Шигемацу! — сказал Алексей утром и положил перед Исайей коммуникатор. — Вы должны помнить симптомы...

Выглядел Шигемацу скверно. Светлые волосы свалялись и повисли сосульками, лицо посерело, а белки глаз покрылись тонкой красной сеточкой.

— Что там? — он взял прибор и стал закрывать и открывать, жмурить и выпучивать глаза, словно в них попала пыль.

— Ваши черти, Шигемацу, — ответил Алексей. — Это инфразвук. Где-то снаружи мощный источник инфразвука. Посмотрите, пики на шести и девятнадцати герцах...

— И что? — Исайа зевнул. — Источник — внешний, чем это поможет?

— Ну-ка, дай!

Гриднев схватил коммуникатор и впился в него взглядом. Ещё секунду назад Гриднева не было видно и слышно, но вот он уже тут, благоухает потом и перегаром.

— Гриднев! — сказал Алексей. — Если запустить в противофазе...

— Не учи, эксперт! Это я быстро... Это мне доступа не нужно...

— Машинку-то... — Алексей ухватил Гриднева за рукав.

— Что? А... — пробормотал моторист, возвращая коммуникатор. — Тут мы эвристику поставим, с опережением... Нет! Дай-ка взад, спишу звуки, эвристике скормлю... Не бойся, эксперт, скоро верну!

Гриднев преобразился. Он словно стал выше ростом, расправил плечи, в глазах появился блеск. Несколько минут спустя он притащил в кают-компанию тяжёлый цилиндр. За цилиндром тянулся толстый жгут, скрученный из множества разноцветных проводов.

— Акустический зонд, слышишь, эксперт? — довольно сказал Гриднев, водружая агрегат на стол. — Стандартный модуль, от нуля герц и до ультразвука. Мы-то обычно в верхнем диапазоне, ага... А вот и низ пригодился!

Он снял крышку и полез внутрь зонда.

— Отдыхайте пока, — гулко сказал, не поворачивая головы, — хочу успеть вовремя. Хреновы разработчики, не могли на станцию хороший мозг поставить! Приказал бы — и всё...

Зато на станции был отличный водолазный пост!

Смешно, удивлялся Алексей, предусмотреть пост и не включить в штат водолазов. Издержки массового производства...

— Не передумаете? — спросил Шигемацу, колдуя с вентилями и рукоятками. — Опасно. Вы не знаете точно.

Прошла половина суток, как Гриднев запустил нейтрализатор. Теперь визиты демонов сопровождался слабым беспокойством. «Скоро совсем хорошо станет, — заявил Гриднев. — Эвристика базу набирает, а как наберёт, так и всё».

— Оставьте, Исайа, — глухо ответил Алексей. — Почти точно. Я хочу их увидеть, ваших чертей.

Снаружи было неуютно. Великий океан вылизывал сквозь гидроко-стium тело холодным языком. Ныло в груди. Организм жаждал сделать нормальный, длинный вдох. Он не знал про дыхательную мембрану и пытался паниковать.

Зацепив фал за скобу у шлюза, Алексей висел под днищем станции и ждал. Нетерпеливо, с трудом удерживаясь на месте. Это играл в крови избыток кислорода из буферной смеси, которой он дышал последние часы перед выходом. Кислородная эйфория — спутник больших глубин и давлений. За границами чёрного металлического диска ритмично мерцало: светились нежно-зелёным колонии бактерий на изнанке льда. Зарево не могло разогнать мрак, но оно заявляло о себе — живу!

Рядом басовито вибрировала толстая, гибкая колонна — труба. Она пронзала станцию, как костяшку счётов спица. Второй конец трубы терялся внизу, в непроглядной тьме. Там, на глубине в сто километров, под великим океаном, под осадочной корой, залегал толстый слой гидридов. Оттуда поступало наверх лучшее химическое топливо — жидкий водород.

Звук, исходящий от колонны, возвысился. Гигантские насосы, которые занимали львиную долю объёма станции, заработали на полных оборотах. Тонко запел металлический корпус, задрожали крепёжные балки.

Сжал височные кости под шлем-маской, ударил пульс в залитые не-сжимаемым маслом уши. И, как ответ, несколько минут спустя родилось вокруг движение. Руками, грудью, всем телом Алексей почувствовал его, и ещё не началась песня, а он уже знал — они пришли на зов.

Застывшими пальцами Алексей включил головную камеру и прожектор. Демоны!

Рогатые демоны Европы танцевали перед ним в тяжёлой, вязкой воде, кружились, медленно шевеля крыльями, крутили бочки и мёртвые петли. Десятки больших существ, похожих на ската манту. Они разевали чёрные провалы ртов, отсвечивали россыпью глаз, изгибали мощные плоские тела.

И пели неслышно.

Их привел сюда инстинкт продолжения рода, призвал издалека звуком насосов. Так совпало.

Чужая любовь часто страшит. А иногда — убивает.

Когда боль в голове стала нестерпимой, Алексей схватился за скобу. Сразу полегчало. Потом он ударил кулаком по большой плоской кнопке, и диафрагма шлюза пришла в движение.

Пили раскалённый чай из больших чашек. Нарядный, благоухающий Гриднев натащил из неведомых кладовок печений и кексов, Шигемацу сидел насупившись, сердито звенел ложечкой.

— Вы авантюрист, эксперт, — сказал он. — Сорвись вы с фала — где бы мы вас ловили в этом киселе? И как?

— Не сорвался же, — сипло сказал Михайловский. — Я назову её — манта Михайловского.

Он кутался в тёплый плед и покашливал. После мембраны кололо в груди, ныли помороженные кончики пальцев.

— Дэвида жалко, — сказал Гриднев. — Эх, где ты был раньше, эксперт?

— Я и так случайно... — ответил Алексей. — Пролётом. Кто же знал, что тут такое?

— Это тебя хорошо сюда занесло, — сказал Гриднев и с шумом втянул в себя чай. — Поубивались бы к чертям!

— Всё же, — спросил Исая, — почему вы тут оказались?

Алексей не успел ответить. Ожил переговорник лифта:

— Эй, эксперт! Ты тут? Птичку мы твою... того! Не бойся, на своей доставим. Ты слышишь, эксперт? Мы знаем, ты внизу, больше некуда!

Они всё же нашли его.

Исайа Шигемацу уронил чашку. Полетели брызги.

— Кто это, Алексей? — спросил он.

— Бандиты, Исая, Семья, — тихо сказал Михайловский. — Чёрт...

— Они хотят убить вас?

— Не сразу.

— Эй, кочегары! — не унимались динамики. — Заснули там? Лифт вверх гоните, да?

Шигемацу перекинул тумблер.

— Здесь врио начальника станции Исаяа Шигемацу, — сказал он. — Кто вы такие и что вам нужно?

— Плевать, кто ты такой, — ответили сверху, — отдай Алексея Михайловского. Мы заберём его и улетим.

Алексей стал вставать, Шигемацу покачал головой.

— Здесь нет никакого Михайловского, — сказал он в микрофон.

— Тем более, — рассмеялся голос. — Нету и нету. Тебе нечего бояться. Мы просто проверим. Отправляй лифт. Не сделаешь это через пять минут — взорвём шахту!

Гриднев побледнел.

— Сделайте, как они просят, — сказал Алексей, едва Шигемацу отключился. — Я выйду в океан. Пусть ищут.

— Глупо! — стукнул по столу Шигемацу. — Полтора часа на подготовку, у вас будет кессонная болезнь!

— Чёрт с ней!

— И долго вы будете сидеть там, в холоде? Потом начнут петь ваши манти... Глупо, Алексей!

— У меня нет даже пистолета, Шигемацу, — сказал Михайловский, — а у них — полный арсенал!

— Ну, пистолет есть у покойника, — кисло сказал Шигемацу.

— Стойте, стойте! — закричал Гриднев. — Не надо пистолетов! У нас есть ещё один зонд.

— Точно! — обрадовался Шигемацу.

— И что?! — воскликнул Алексей. — Или... я плохо соображаю после купания?

— Именно, — ответил Шигемацу.

Сверху на зонд моторист приварил несколько гнутых металлических лепестков, и прибор стал похож на морскую раковину.

— Отражатель, — объяснил Гриднев, — для лучшей целкости, ага.

Пока они с Михайловским крепили звуковую пушку у дверей лифта, Шигемацу пытался урезонить спускавшихся гостей. Бесплезно. Посетители шутили, громко смеялись, стучали у микрофона оружием затворами, в общем, развлекались от души. Наверное, они не были даже злы. Так вышло.

— Не бойся, врио, — веселились голоса, — только эксперта прихватим. Ты его уже упаковал?

— Готово, — прохрипел Гриднев, — точно по оси пойдёт.

— Врубай, — кивнул Алексей. В кают-компанию заходить не стал. Очень не хотелось слушать тишину в переговорнике. И то, что будет после тишины.

Алексей медленно шёл по мёрзлому льду к бандитскому катеру. Справа сзади осталось свежее зеркальное озерцо. Из него торчали обгорелые листы металла и пластика — всё, что осталось от его аппарата. Дрожали руки внутри рукавиц. Не от страха или усталости, а от того, что встретило их в кабине лифта. Любовные песни мант, усиленные в несколько раз, не оставили боевикам шансов. В панике мафиозы перестреляли друг друга, а у одного просто остановилось сердце.

Трупы убрали в холодильник. «Общежитие там у них, ага», — не весело пошутил Гриднев.

Шигемацу предлагал дожидаться сменщиков: «Теперь вас точно никто не найдёт! А потом — придумаем что-нибудь». — «Нет, — решил Алексей. — Там мог остаться кто-то из них. Если он не дожидется подельников, или нужного сигнала... Что он сделает? Нет, это надо решать сейчас, и решать быстро».

Порт на носу катера открылся, оттуда показался ствол плазменной пушки. Её чёрный зев смотрел прямо Алексею в глаза.

Михайловский остановился, и ствол дёрнулся влево, а потом вправо, будто покачал укоризненно головой.

Там точно кто-то был. И этот кто-то действительно приглашал Алексея к себе. Алексей шагал и шагал, стараясь не делать резких движений, а пушка следила за ним немигающим зрачком.

Он подошёл и встал между причальных опор. Катер носил следы торопливой починки. На кожухе гравикомпенсатора сверкала свежая заплатка. Починили, значит... Алексей почувствовал мгновенную гордость: он хорошо попал. Была бы у него настоящая пушка, а не та пукалка!..

Сначала ничего не происходило, словно обитатели катера потеряли к Алексею интерес. Потом в брюхе машины открылся люк, и оттуда опустилась телескопическая лесенка.

«Приглашают, — подумал Алексей, — пора». Он прикинул шансы. Почти ноль. Но снаружи, в прицеле оружейных амбразур, их не было вовсе.

В командной рубке, куда привёл его короткий коридор, чуть заметно пахло сладким. Шумела вентиляция. В кресле перед пультом сидел человек с синюшным лицом. Выпученные глаза пристально смотрели Алексею за спину. Человек был мёртв.

— Вам сообщение, капитан! — раздался бархатистый искусственный голос.

Капитан?!

Над пультом загорелся экран. С него смотрела на Алексея Нита. Наследница.

— Ты смотришь эту запись, — заговорила девушка. — Значит, ты справился с ними и пришёл один. Я передала на катер твоё лицо и назначила для тебя высший приоритет. Не знаю, где они нашли тебя, но... кто-то из них обязательно останется на борту. Поэтому я спрятала в рубке шашку с тетрафосгеном.

Она помолчала, потом сказала тихо:

— Я устала предавать, Алёша... Я люблю тебя, но прошу — не заставляй меня идти против Семьи! Я не могу так больше... Не заставляй... или я сама тебя убью... Или себя.

Алексей долго смотрел в погасший монитор.

— И как мне теперь быть? — спросил он у мертвеца.

Мертвец молчал. А что он мог ответить?

Влад Копернин

KARL(COH)

Точеный профиль Лены заострился, в нём появились хищные черты. На фоне багряного неба за окном он казался тёмным, почти чёрным, запавшие глаза блестели, как антрацит под луной, а спёкшиеся волосы на лбу напоминали о страшной читанной вчера вожатым сказке про древнюю бабищу со змеями на голове.

Налитый нездоровой краснотой закат было никак не убрать, не выключить — никаких штор уже тысячу лет не было, одеяла на вес золота, любой кусок ткани шёл в дело. Лена полусидела, полулежала на высоких подушках без наволочек, бледные руки безостановочно металась по тёмному одеялу. Весёлые зайчики, белочки, котята, казалось, заигрывают с её руками. А может быть, ждут удачного случая наброситься, прокусить вену, припасть полуистлевшими фланелевыми губами к ране и вдоволь напиться человеческой кровушки.

Кто их знает, что на уме у этих зверей. Мы забыли, как они ведут себя, что им надо от людей — и что людям когда-то давно, в позапрошлой жизни надо было от них.

Я отвлекался. Я постоянно отвлекался на всякую ерунду тогда, думал о красотах природы, о древних мифах, о вымерших животных и ископаемых растениях — только бы не думать о ней. Не видеть этого тёмного острого профиля на багряном фоне, угольного блеска глаз, не смотреть на мельтешение бледных рук по синей древней фланели.

И уж тем более — не думать о том, что мы должны сделать. Мы все знали это, мы все смирились, и сама Ленка сказала: «Ребят, уж лучше вы сами. Лучше вы, чем это». Сказала, и откинулась на подушки, зашлась в хрипе — а изнутри неё тикало, клекотало, билось, пыталось вырваться наружу нечто.

Почему я вспоминаю об этом сейчас? Я не знаю — я вижу только её профиль и сжимаю трубу самострела так же крепко, как тогда простую столовую вилку. Я снова вижу, как заходит в комнату Венька, с высоты своих пятнадцати лет смотрит на нас печально и высокомерно:

— Пацаны, все готовы, всё помните?

Я и Борька, мы оба киваем. Мы всё помним, инструктаж готовы повторить наизусть, но вот действовать — действовать страшно. Страшно не потому, что грубые, об стулья заточенные вилки придётся втыкать в человека. В Ленку, в нашу Ленку, красавицу, заводилу, мечту. Не потому что боимся потерять её — тут уж чистое везение, фифти фифти, как любит повторять Франки. Или выживет или нет, что тут.

Страшно потому, что мы не знаем — что появится, вырвется наружу, с чем придётся столкнуться. И выйдет ли кто-то из комнаты после окончания операции, а если выйдет — то мы ли это будем?

Кто из нас переживёт это багряный, безумно красный закат — и не будет ли выживший завидовать мёртвым?

Вот почему я вспоминаю это. Всё как тогда. Только не закат, а чёрная-чёрная ночь вокруг, и до рассвета ещё как до Китая пешком, а где тот Китай не помнят уже ни Венька, никто из старших пацанов и девчонок — ни даже сам Петька Сквородкин. Единственный из нас, кого называли по фамилии.

Венька чуть слышно выдохнул тогда:

— Поехали.

Крепче перехватил лопату. Мы все знали: у выхода страхуют ребята с самострелами, они будут стрелять в любого, кто выйдет отсюда в ближайшие полчаса. Или ближайшую ночь — если не дадим условный сигнал. Но на них нет надежды, внутрь они не сунутся. Если что — запечатают комнату, или весь этаж, и уйдут.

Только мы трое — Ленка, понятно, не в счёт — против самого страшного. Неизвестности.

Одновременно с двух сторон подходим к ней, одновременно одной рукой удерживаем её руки, второй с размаху всаживаем вилки сквозь кисть — так, чтобы не повредить косточки — в фанеру кровати.

Одновременно берём со столика новую пару инструментов. Конечно же, снова вилки. У нас даже ножей здесь нет, откуда бы? «Дети могут порезаться!»

Приходится использовать любой подручный инструмент и материал. Сдёргиваем одеяло, вонзаем вилки в живую плоть. Ленка кричит, дёргается — но ремни держат её тело, вилки воткнуты в руки, она ничего не может сделать, ничего, она наедине со своей болью. А мы — со своим страхом.

Зло внутри неё бьётся, толкается в грудь, в горло, в живот. Чувствует, что не пришло ещё его время разорвать грудную клетку изнутри, вырваться, извергнуться всей тёмной мощью в наш мир. Чувствует свою слабость. Чувствует наш страх. Бьётся. Мечется.

Синхронно орудуем вилками. Венька прикрывает нас с лопатой. Захват. Монстра удалось схватить, тянем наружу. Тащим. От Ленкиного крика вибрируют стёкла, в ушах у меня звенит, я теряю возможность слышать. Наверное, к лучшему. Я не слышу, что с перекосившимся лицом орёт Борька, какие молитвы и кому обращает бледный, как новорождённый клоп, Венька. Я просто тащу наружу упирающегося гада, а он сопротивляется. Борькина вилка гнётся, я чувствую кончиками пальцев — нет, своими оголёнными нервами чувствую, как эта дрянь готова сорваться. Держать. Тащить.

Тащить, держать. Появляется. Выползает. Рубиново-красные огоньки глаз, металлом отливают туловище. Выстреливает телескопической конечностью Борька в лицо, тот чудом уворачивается, бросает вилку. Падает на колени.

Я едва держу вилку, тварь бьётся, пытается достать меня. Последним усилием выдираю её из Ленкиного тела, отбрасываю, падаю. Венька бьёт лопатой, наотмашь, ещё, ещё. Тварь пытается расправить винт, взлететь — Венька рубит. Отточенное стеклом лезвие корёжится,

скрипит — но и винт отлетает в окно. Стекло покрывается сетью трещин, чудище подпрыгивает — очнувшийся Борька хватается табуретку, глушит. Я стою, как в ступоре, ничего не могу предпринять. Металлический корпус твари сплюснен, изломан — но она ещё жива. Витька с Борькой хреначат её чем придётся, один фотоэлемент болтается на тонком проводочке, мигает. Второй всё ещё светится адским рубиновым огнём.

Меткий удар лопаты отсекает железную голову от тела. Из-под борькиной табуретки во все стороны летят шестерни, винты, гайки. Мерзость ещё дёргается — но это явно конвульсии. Я снова могу слышать — я слышу Ленкин стон, бросаюсь к ней.

— Живая?

Стонет. Хрипит. Пацаны управятся без меня, я сворачиваю голову бутылке, от души лью Ленке на раны. Она уже не может кричать, только бьётся. Но что делать — мы не можем тратить драгоценную жидкость на обезболивание, только на дезинфекцию. И то не всегда.

— Хорошо лить, Славка.

Венька отвлекается от лопаты, утирает пот:

— Один хрен не жить ей.

Сжимаю вилку в руке:

— А ну, повтори!

— Пацаны, спокуха, — разнимает нас Борька. — Сигнал подавать будем, или рано ещё?

— Подождать надо, — вздыхает Венька. — Во втором отряде вон тварь затихла совсем, лежала, как дохлая. Пацаны сигнал подали, народ вошёл — она и взвейся, и полети. Пятерых в бигос нашинковала, и наверх ушла. Одним больше теперь там.

— О как, — хмурится Борька. А чо нам никто не сказал?

— А чтоб не создавать паники да чтобы ты спросил, — тыкает его в живот Венька. — На совете дружины вчера сообщили. Петька рвал и метал, всем досталось за утрату бдительности. Так что, пацаны, вся дружина сейчас на нас смотрит. Если тварей ещё разведётся — придётся верхний этаж оставлять.

— Чердак отдали, а теперь ещё и этаж им? — Борька пучит глаза, горячится.

— Да не разведётся, — пинаю я горку металла. — Этот точно не поднимется уже.

Как бы в ответ на мои слова мерзость дёргается, выстреливает телескопической конечностью, я только-только успеваю отскочить. Венька бьёт лопатой, мразь рассыпается горкой шестерёнок, винтов и заклёпок.

Отдельно лежит почти неповреждённый винт, на каждой чёрной лопасти гравировка не нашими иероглифами: Karlsson och Gustavsberg.

— Теперь не встанет, — шепчет Ленка. — Зовите ребят, чо.

— А ты живучая, — восхищённо тянет Венька.

— Не каркай, — хрипит она. Откидывается на подушки.

Я не могу больше ждать. Что бы ни говорили — Ленке срочно нужно оказать помощь, и мы не сможем этого сделать. Если сейчас — у неё

есть шанс. Позже — вряд ли. Я свищу — надрывно, в два пальца, так что вылетают пошедшие трещинами оконные стекла.

Три свиста, перерыв, один свист. Сигнал.

Старинный сигнал, пришедший тоже из позапрошлой жизни, со сказками на ночь, с побитыми горнами и треугольными красными галстуками. Такой же нелепый и бессмысленный — и так же овеванный флером легенд.

И снова этот сигнал. Теперь уже свищу не я. Вечер воспоминаний закончен, пора выступать. Франки проверил дорогу вниз, лестница чиста. Да, приходится спускаться по пожарной лестнице, хлипкой, проржавевшей. По основной не выйти наружу — первые этажи захвачены. Говорят, что давным-давно, не раньше прошлой пятницы, мы контролировали ещё самый первый этаж, и даже несколько ярусов в повале. Но сейчас нас теснят, постоянно теснят сверху и снизу.

Мы сдаём этаж за этажом, и кто-то по углам шепчется уже, что нашу войну мы проиграли, и надо сдать на милость железных тварей — так же, как сдались давно уже все разумные люди.

Петька жестоко наказывает за такие разговоры — иногда. А иногда просто машет рукой: идите, сдавайтесь. И если кто-то уходит, приказывает не трогать.

Назад никто не возвращался. Но на какое-то время разговоры затихают.

Лестница, сволочь, хрупкая. Ржа сыплется из-под ног, пролёты грозят обвалиться. Главное спрыгнуть раньше, чем они это сделают. Нам же ещё вверх ползти придётся. Ну, то есть мы надеемся, что придётся. Хотя и не сильно, надо сказать, надеемся.

Кругом черно, бархатная темнота обволакивает, заползает в разум. Кажется, что Кракен из давешней сказки всплывает — и тащит с собой, на дно, где мрак, и холод, и покой, и безумие. Даже радуюсь, когда вдали жёлтыми сполохами светятся глаза бульдозеров. Под их гусеницами, по крайней мере, можно найти быструю и лёгкую смерть.

Я и на задание-то пошёл, наверное, в поисках быстрой и лёгкой смерти. Вызвали добровольцев. Что мне было терять? Ленка лежала неделю без сознания, все махнули на неё рукой. Вот и вышел я. Следом за мной, конечно, Борька. Франки из второго отряда подумал, и шагнул к нам.

За старшего пошёл Венька. Сейчас он грохочет сзади по шатким ступеням, пытит. Ему одному Петька доверил настоящее боевое оружие, чудом оказавшийся у нас пистолет с четырьмя патронами.

Понятно, для чего доверил. Железяку из такого не прошибешь — но если кто-то из нас попадёт к ним в руки... Понятно, в общем. Вот он и идёт сзади. Самострел в правой руке, пистолет в левой. Что понадобится первым — никто не знает.

Задумавшись, не замечаю, что нога ступает в пустоту. Слева раздается шипение. Поднимаю самострел, готов чиркнуть колесиком зажигалки — голос:

— Славка, не дури! — два белых огонька в темноте.

— Франки, сам не дури так, — готов двинуть придурка по курчавой голове. — В следующий раз глаза выколю, и зубы самострелом повыбиваю, чтоб знал, как в темноте от своих прятаться.

— Да я от них прятаться, не от вас! — оправдывается.

— От них бесполезно прятаться, — поправляет очки Венька. То есть, мы не видим, конечно, как он поправляет их — но точно знаем, поправляет. Сейчас обучать начнёт. Ну вот, точно:

— Они в темноте и на свету видят одинаково. Тепло наше чувствуют.

— Вень, хорош лекций, — просит Борька. — Ну и так тошно же, тошнёнхонько. Пошли уже, пока не засекли, а?

Чувствую, что хочет Венька отповесть устроить — но некогда. Коротко командует:

— Идём.

Чётко, как учили, идём на север, потом у высокого дуба поворачиваем на запад. Бидон с керосином, поначалу казавшийся невесомым, оттягивает руки, бьёт по ногам. Бросить бы его — да нельзя. Больше дверь бункера ничем не взорвать. Не факт, что и этим-то взорвём, но вероятность есть.

Как сказал Петька:

— Не взорвёте, так прячьтесь и сигнальте. Сами выползут посмотреть, что горит, что свистит. Тут-то и оторвётесь на мерзавцах. Главное, не увлекайтесь, хоть один — да живой нужен.

Ещё бы не нужен! От нас-то к ним уже сколько пацанов да девчонок ушло, а от них к нам, понятно, никого. Кого и захватывали — ничего не говорят, понятно. Машины же. Исполняют программу полковника Хука, и пытаться их бесполезно. Режешь, бывало, ножовкой руку ему — а он палится фотоэлементом на тебя, и всего дел.

А тут наполовину живые. Есть где разгуляться. Чем больше принесём, тем лучше.

— Слышь, Славка, — шепчет Борька в ухо. — Давно сказать хотел, да в корпусе опасно. А правда, говорят, никакого полковника Хука нет?

— Как нет? — хренею я.

— Да тихо ты! — затыкает мне рот Борька. — Говорят, этими тварями не босс рулит, а сами они живут по себе, ну вот как мы. Только у них матка своя есть — они её слушают, от ей и размножаются.

Не выдерживаю, смеюсь:

— Ну ты загнул! Матка! У железяк. Ты ещё скажи, у них папка есть.

— Отставить разговоры! — командует Венька. — У нас-то нет ни мамок, ни папок больше — а вы туда же, о роботах.

Мне показалось, или железный сухарь, командир первого отряда Венка приподнял очки и смахнул слезу? Наверное показалось.

— Да вы перепутать всё просто, — влезает Франки. — Кернел хук — это не полковник Хук, а крюк ядра системы. Ну, системный сбой то есть. Уж мне-то как англичанину можете поверить.

— Ой, англичанин, — фыркает Борька. — Ты себя в зеркало давно видел, англичанин?

Франки обиженно сопит. Слышу, как бормочет вполголоса что-то вроде «дорти расистс» и «рашн швайнз». Надо потом спросить будет, что такое — всегда мечтал по-английски выучиться.

Венька цыкает на него.

— Стоять всем, пришли.

Присматриваемся из-за кустов. Точно, пришли — вот и бункер. Дверь закрыта — но часовых нет. Впрочем, у них могут быть камеры. Это всё ничего, лишь бы бульдозеры не подъехали.

Поджигаем тряпку, торчащую из-под крышки бадьи. Венька со всей силы толкает бак ногой, тот весело катится к двери. Если всё рассчитали правильно, бадья взорвётся прямо под дверью. Но откуда бы там всё правильно посчитали?

С глухим стуком «бааммс» бадья бьётся в дверь. И бессильно замирает. Тряпка прогорает и тухнет.

— Жакни с самострела её, — предлагает Борька непонятно кому.

— Сам жакни, если такой умный, — огрызаюсь я. — Ты его потом сколько перезаряжать будешь? Сколько там тварей, знаешь?

— Говорят, четверо, — вмешивается Франки.

— Говорят. Говорят, во Флориде кур доят, — шиплю я. — Тринадцать их там. Точно знаю, тринадцать, у них число такое. Их всегда тринадцать.

— Сейчас проверим, — цедит Венька. Передёргивает затвор пистолета, Ловит в прицел бочку. — Щас проверим, вот щас...

Не успевает.

Дверь отворяется, из неё высовывается голова твари с нелепой антенной:

— Кто там? Кто там?

И как раз в этот момент взрывается-таки бочка. Высунувшую голову тварь разносит по поляне, светло становится... Не как днём, конечно, но как на закате. Тогда, на закате...

Не отвлекаться! Хотя сейчас не отвлекаться. Франки уже с диким улюлюканьем бежит к развороченной двери бункера, ему не нужен самострел, заостренная палка в его руках куда грознее.

Борька с Венькой догоняют его. Мне тоже нельзя отставать.

Бегу, врываюсь в бункер. Пацаны борются с тварями. Их всего три осталось, прав был Франки. Впрочем, может снаружи есть ещё и сейчас на подмогу набегут. Чиркаю колёсиком зажигалки, упираю самострел в ближайшего ко мне монстра. Выстрел.

Гвозди, шурупы, саморезы — вся эта радость вырывается из чугунной трубы, впивается в жирный мохнатый бок. Взрыв.

— Ничего себе! — отряхивается Франки. И добавляет ещё какие-то слова, надо будет тоже спросить, что они значат. — Они взрываются!

— Не они, а монитор, который в них встроен, — как всегда, поясняет очевидное Венька.

Он уже прочно связал свою тварь и теперь прикидывал — помочь ли Борьке, или тот сам справится.

Борька справился.

— Что случилось, что случилось? — офонарело крутили головами монстры.

— Кирдык вам случился, — ласково ответил я. — Не всё вам над детскими мозгами глумиться, не всё в окна маленьким неприлично показывать. Отпрыгались.

— Отпрыгались, мерзавцы, — поддержал Борька. — Мы всё знаем, и про обряды ваши тёмные, и как вы детской кровью пентаграммы чертили — вот они, на стенах, и как мозги пили на ужин вместо кефира. А вот это что, не нога что ли? Да я вас, гадов...

Твари явно хотели что-то ответить, но Франки шустро вбил им кляпы в рот:

— Пошли, давайте! — и пнул жёлтого для ясности.

Вроде, несильно пнул — куда обычно в таких случаях пинают. Но раздался взрыв.

Монстра разнесло в клочья — но, что интересно, никого больше не задело. Как будто все клочки внутрь взрыва втянулись.

— Остался один, — резюмировал Венька. — Предельно осторожно вести, раз они такие взрывоопасные. А там пусть Петька с ним разговаривает.

Обратно шли не скрываясь. После фейерверка смысла не было скрываться — кто хотел, тот увидел всё. От догорающей бочки с керосином затеплили факел и потопали напрямки.

Уходя, слышали хриплый голос из динамиков:

— Второй бункер, ответьте. Ответьте, второй бункер, что происходит.

Шли весело. Перешучивались. Подгоняли пленного, но так, осторожноенько, чтобы не взорвался. Он пытался показать нам что-то по монитору, но мы-то учёные уже. Показывают они что-то, парень смотрит — а потом поминай, как звали.

Весело шли. Слишком весело. Шутили. Вот и дошутились.

— Тихо всем! — крикнул Венька. — Сзади.

Точно. Сзади всё ближе и ближе тархтело. К небу поднимался жёлтый столб света.

— Бульдозер! — крикнул Венька. — Быстро, Борька, Франки — пленного на руки, Славка — ты самый прыгучий, первым к лестнице, примешь гада, поднимешь, дотащишь как хочешь. Я задержу тварь, как смогу. Бегом! Ну чо пялитесь на меня, бегом, вашу так, это приказ!

И пистолет на нас направляет, а глаза дикие. Что делать, побежали. Не знаю уж, как он эту громаду задерживал — но задержал, факт. Иначе не добежать нам до лестницы, так и лежали бы рядком раздавленные.

А так — я не то что добежал, долетел до лестницы, подпрыгнул, ухватился за нижнюю ступень, подъём переворотом, висну на коленях — и тяну руки вниз, к Борьке. Заползаю наверх с пленным. Не знаю как, не помню — но заползаю. Борька вверх рвётся, подошвы по металлу стучат.

Я Франки кричу:

— Веди пленного вверх, я обратно.

— Зачем?

— Веньку вытаскивать.

— Нельзя, — хватает меня за рукав Франки. — У нас приказ, у нас задание, нельзя.

— Плевал я на задание, там Венька один против бульдозера, твою так ты чо, не понимаешь? А ну пошёл вверх! — и тыкаю в него само-стрелом. Самострел, конечно, разряжен уже — но ни я ни он не помню об этом. Он бледнеет, шепчет что-то про «крейзи рашнз» — ну это я знаю уже, если он думает что сам не псих — что ж, блажен, кто верует.

Прыгаю вниз, тарахтенье безумного бульдозера уже рядом, бегу на этот звук.

Спотыкаюсь. Обо что? Венька! Лежит.

— Венька, живой?

— Живой, ногу подвернул, да ты пнул поддых, — улыбается. — Веди давай, раз вернулся.

Не знаю как, но поднимаю его. Он меня на две головы выше, но поднимаю, как пёрышко, иду к лестнице. Бежать не могу. Дышать тоже не могу — иду. Бульдозер уже рядом, рычит. Подпрыгиваю, цепляюсь — хорошо, командир высокий, ему помогать легче. Заползаем, поднимаемся — вовремя. Со всей дури бульдозер таранит стену под нами. Осколки кирпичей, бетонная крошка, пыль. Ползём наверх. Теперь ему нас не достать. Пусть беснуется. Может, кого из тварей задавит там, внизу.

Он же безумен совсем, на всё, что движется кидается.

Можно перевести дух. Сейчас догоним Франки, потом Борьку. Всё хорошо. Задание, можно считать, выполнено.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, — поправляет очки Венька. Одно стекло выбито, второе треснуло, оправа помята — а он, главное дело, поправляет их, как в школе. Вот что значит — командир! Само-обладание железное. Сухарь и есть, не зря его так зовут.

Чтобы немного его позлить кричу:

— Гоп, гоп, гоп!

И понимаю, зря. Сверху, как будто в ответ, глухой стрекот. Не своим голосом орёт Борька:

— Берегись! Летят!

А то мы сами не слышим, что летят.

— Борьке бросок до нашего этажа, открыть окно и держать позицию, не пускать тварей внутрь, — командует Венька.

Ору приказ. Борька глухо топает по железу лестницы. Лишь бы выдержала. Открывает дверь, орёт вниз:

— Готово, командир! Тут запас самострелов заряженных, можно шмальнуть по тварям?

— Нужно! — ору я, не дожидаясь приказа. Ежу же ясно, что он как маленький.

Нам подниматься трудно. Венька — тяжёлый же, всё-таки, давит к земле. А стрекот всё ближе.

— Если просто мелкие твари, шанс есть. Если налетит сам — пиши пропало, — шепчет Венька. Мы киваем. Лучше сразу из его пистолета

всем по пуле в лоб, чем лежать потом, как Ленке, пришпиленным к кровати, пока пацаны из тебя тварь тащат. И это если повезёт ещё.

А то я сам не знаю. Вот умеет Венька утешить, молодец.

Борька сверху начал пальбу. Хоть бы догадался поближе подпустить, заряды поэкономить.

— Мы зайти, мы внутрь! — докладывает Франки.

— Запирайте дверь и валите, — ору я, не дожидаясь команды. Венька кивает, свободной рукой достаёт пистолет.

— А вот хер вам, валите сюда уже, — хором орут пацаны.

Говорю же, Франки тоже с крышей не дружит. Но наш пацан, что говорить. Наш.

Напрягаем силы, ползём, два этажа осталось. Ребята шмаляют из самострелов, под ноги мне падает мелкая тварь. С наслаждением наступаю, под ногой хрюкает «Karlsson ohr Gustavsberg».

Этаж. Сверху громкий стрекот, почти грохот.

— Сам летит, — комментирует Венька. Не выдерживаю:

— Молчи давай, лучше топай!

Как ни странно, замолкает. Топает.

Вваливаемся в дверь, пацаны палят поверх наших голов, закрывают тяжёлую стальную броню.

Удар снаружи. Ещё. Дверь вспучивается.

— Сильный, гад, — Борькин голос дрожит. От возбуждения боя, я надеюсь.

— Ещё бы не сильный, — Венька снимает наконец бесполезные очки, бросает в угол комнаты. — У него мотор с вертолётки снят. Да ещё и разогнал его, знаешь сколько обрядов провёл?

Ещё удар в дверь.

— А ну как выбьет? — беспокоится Франки.

— Не выбьет. Она заговорённая. И против него обряды есть, что уж там. Хотя если на открытой местности или там на балконе зазеваешься — всё, хана. Яйца отложит, потом...

К чему продолжать? Все и так знают, что потом. Одной тварью больше потом, вот и всё.

— Вроде отстал, — Борька как бы просит, чтобы подтвердили его догадку.

— Отстал, да. Стрекота не слышно. Можно давать сигнал, чтобы внутреннюю дверь открывали, — Венька треплет меня по плечу. Теперь говори «гоп», Славка. Теперь можно.

Борька свистит. А я, как заведённый, как дурачок в майский день, повторяю на все лады:

— Гоп, гоп, гоп!!!

Пленник осатанело пялится на меня, его монитор показывает какую-то муть.

Дальше всё, как в нелепом бреду. Как будто попал в дымовую завесу тварей — и только урывками помню слова, жесты, события.

Петька Сковородкин долго говорил с пленным, уж не знаю как. Но говорил-говорил, и разговорил его. Мы узнали, где в подвале находится центр

управления тварями. Было предложено взорвать его — у нас осталось ещё три бочки керосину, и что с ними делать ещё всё равно никто не знал.

Я вошёл в группу, которая должна была спуститься к тварям и нанести им удар прямо в их гнезде. Если бы я знал, что Ленка перед самым нашим уходом придёт в себя — наверное, не пошёл бы. Но что теперь? Не отказываться же было.

Нас повёл сам Петька. Его отговаривали, говорили, что без него совсем худо станет, что он единственный, кто может нами руководить. Что его смерть может привести к общей гибели. Он отмахивался, он смеялся:

— Что такое смерть? Это же всего лишь ещё одно захватывающее приключение.

Так и получилось. Он отправился в это приключение один, прикрывая нас. Сотню тварей, наверное, унёс с собой.

А мы бежали дальше — по коридорам подвала. Бежали и отстреливались. Бежали и на ходу поджигали тряпки у бочек. Бежали и пинками подгоняли эти «бомбы» к месту дислокации. Всё равно не предполагалось, что кто-то из нас вернётся.

Взрыв. Последнее, что помню — Франки лупит разряженным самострелом тварь по металлической башке. Из башки сыплются искры.

Борька горит, вместо того, чтобы сбить пламя на земле — бросается к третьей, невзорвавшейся бочке. Мы победили? Не знаю. Я не знаю даже, удалось ли нам в действительности причинить тварям хоть какой-то ущерб — но с этого яруса подвала они временно ушли.

Я лежал спокойно, из рваной раны на животе текла кровь — мне было всё равно, найдут меня или нет, откачают или нет. Я сжимал в руках кусок металла, ранивший меня. Кусок металла, взрезавший мой живот — и мозг. Я лежал, и перечитывал, перечитывал, перечитывал надпись: «Робот универсальный МИСЛ-2013. Модель инженера Славина, модифицированная, исправленная».

Я, Славка, Вячеслав Славин — не мог оторвать взгляда от этой железки.

Теперь у нас другие времена. Венька рулит всеми, и рулит очень достойно. Мы отбили нижние этажи, а чердак — хоть и не наш пока что — монстры тоже не рискуют показываться там. Они затаились. Они перегруппируются, наберутся сил и ударят снова — но всё-таки победа будет за нами. Потому что теперь мы знаем — они не бич божий, не страх, сошедший с небес. Не чудовищные агрессоры и не мистические злодеи. Просто бездушные машины под управлением бездушной машины. Мы породили их. Если не мы — наши родители, наши деды.

И, значит, наша задача их уничтожить.

Когда-нибудь наступит день, и нелепые треугольные тряпочки сольются в одно большое алое знамя. И повзрослевшие мы, сжимая оружие в руках, будем лежать в ожидании древнего сигнала — оглушительного, в два пальца свиста. Сигнала к главной битве нашей жизни, которую мы не сможем проиграть — потому что наше дело правое.

Влад Копернин

ДЕНЬ ПРИГРАНИЧНИКА

— Потапыч, коленвал проверял?

— Проверял. Я же, Михалыч, всю ходовую раза три разобрал-собрал так и разэтак, тудой-судой через это самое, — и Потапыч показал кривыми заросшими бурой шерстью лапами как именно он разбирал и собирал. — Тут не в ходовой, мне кажется, дело.

— Неужто котел накрылся? — Михалыч сдвинул на лоб очки-консервы, с хрустом почесал щетинистый подбородок.

— Если бы котел, налево его три раза, — Потапыч сплюнул тягучую от копоты и табака слюну. — Думаю, тут в мозгах все дело. Центральную систему проверять надо, а стрелка-наладчика эльфы носят по льдистой наледи вдоль и поперек. Где Мишутка, ты в курсе?

Михалыч вместо ответа скинул ватник и с ворчанием начал устраиваться на циновке у печки.

— Эй, командир, ты чего залег десять раз посохом через елку? Если жукоглазы попрут, а у нас изба не на ходу и экипаж неполный — что делать будем? Командир, ну а ле, ты что — в спячку собрался? Не спать! — и Потапыч для убедительности ткнул пару раз командирский бок разводным ключом.

Заходили ходуном бревенчатые стены от надсадного рева, посыпался снег с десятиметровых красавиц-елей, спряталась за тучи серебряная Луна. Тьма укрыла тайгу — только дежурный огонек на сторожевой избушке мигал неверным светом.

— Механик-водитель Топтыгин, смир-р-р-но! За неуважение к командиру — двадцать отжиманий. Пр-р-р-р-иступить немедленно.

Сопя и кряхтя, мехвод опустился на четыре лапы и начал отжиматься. К пятому разу его одышка была слышна за бревенчатыми стенами, к десятому — летящие вдалеке по своим делам вороны нервно вздрагивали и озирались на звуки тяжелого дыхания. После двадцатого — упал и замер. Только кончик бурого хвостика беззащитно подрагивал над огромной мохнатой тушей.

— Что, Топтыгин, тяжело приходится? Форму держать надо, форму. А то р-р-р-р-распустились тут без меня. Скоро в избу помещаться перестанешь.

— Но, Михалыч, — механик тяжело дышал, маленькие глазки жалобно блестели. — Ну пропадем же, надо Мишутку срочно искать, так его и этак.

— Отставить панику. Его дело молодое, придет. Если бы ты мне раньше сказал, что по его части незадача — не отпустил бы. А теперь чего, подождем, — Михалыч потянулся с громким хрустом, зевнул и взял со стола алюминиевую кружку с кофе. — Боевое дежурство у нас послезавтра, авось справимся.

— Ох, смотри, командир. Если что — я предупреждал...

Механик еще недовольно звенел ключами, когда в таежной тиши слышался хруст снега, усиленный ледяными мембранами окон. Дверь распахнулась — и в клубах плотного, как простокваша, пара ввалилась темная фигура в летном шлеме, кожаной тужурке и длинном белом шарфе.

— Ох и морозяка же на улице! — лихо выдохнул ввалившийся и потряс головой.

— Корнет, почему внешний вид опять не по уставу? — накинудся на новую жертву Михалыч.

— Но товарищ штаб-ротмистр... — корнет разом потерял лихость, сдвинул на лоб авиационные стекла — под ними оказались круглые очки в тонкой металлической оправе. Мордочка его становилась грустной, молодецкий задор в глазах сменялся тихой служебной тоской. — Но мои однокурники все летают, работают с финистами, кондорами, альбатросами — а я из-за этих тупых лекарей должен ковыряться в куриных мозгах этой развалины!

Мишутка поправил очки, с досады пнул бревенчатую стену, избушка ответила недовольным квохтаньем.

— Отставить жалобы, корнет. Тебе сколько раз было сказано, что здесь летунов нет, не было и не надо? Пусть другие себе летают, а мы крепко стоим лапами на земле, — командир ударил тяжелой лапой по неструганым доскам столешницы, кружка с кофе опрокинулась и, весело позвякивая, покатила в угол. — На земле, которую, прошу заметить, мы охраняем. Значит так, корнет Тотопкин. За неуставный внешний вид объявляю строгий выговор и требую немедленно привести обмундирование в соответствие. За неуважение к командиру и товарищам по экипажу в отпуск пойдете осенью, в самую распуту. А уж за избушку нашу...

— Да ладно, Михалыч, ну остынь уже, — вмешался механик. — Что ты бросаешься на всех, как тигра лютая. Может, тебе поспать? Приляг на денек, мы с Мишуткой прикроем, он как раз пока разберется — что ж она, хорошая, идти-то не хочет.

Штаб-ротмистр медленно и тяжело прошелся по комнате. Подобрал убежавшую кружку и налил до краев крепчайший кофе из термоса. Запахнул форменный бушлат на тельнике. Отрезал:

— Я уже спал на этой неделе. Хватит пока.

— Ты бы посерьезнее на раз, Михалыч. Сколько ты уже в спячке не был, лево на право?

— Сколько надо, столько и не был, — буркнул командир, отхлебывая пол-кружки за раз. — Ты, Потапыч, у меня досвистишься. С завтрашнего дня утро начинаешь с кросса полторы версты в полной выкладке.

Мишутка не удержался — хихикнул в кулак, представив грузного мехвода в полной выкладке, его скачки через таежные сугробы в колычей предутренней тьме. И тут же поперхнулся, услышав:

— А ты, корнет, если избушка к завтраму не пойдет сама, лично в постромки впряжешься и будешь первым ездовым медведем в приграничье. Понял-нет?

— Чего уж не понять, товарищ штаб-ротмистр, — вздохнул Мишутка. — Есть.

— И первым делом перед ней извинишься. Она, может, звезд с неба и не хватает — но дело знает. И, было дело, меня раненого из окружения вытащила. Две недели без корма и управления сама шла, сама от жукоглазов отстреливалась, сама дорогу искала. — Михалыч нежно погладил гладкие округлые бревна, избушка заурчала. Внутри стало светлее, печка как будто по-доброму подмигнула языками пламени.

— Ну неправ был, неправ, — заворчал корнет. Он комкал летный шлем, неловко переступал косыми лапами. Бочком подошел к печке, прижался щекой к теплому боку. — прости, Матрена. Всю жизнь, с детства о небе мечтал — а сегодня на звезды смотрел всю дорогу... — печка пощелкивала дровами, в трубе завыл ветер. Свет мигнул, как бы говоря: «Ладно, чего уж там. Проехали.»

— Вот и славно, — хлопнул лапами Потапыч. И безо всякого перехода спросил: — А что у нас на ужин сегодня?

— Пирожки горя-я-я-чие, с повидлой, с капустой, с мясным фаршем, со всякой требухо-о-о-ой, — затинула печка.

— Понятно, — разочарованно протянул мехвод. — Стандартный рацион. Неужто для праздничка ничем не порадуешь?

— А что, уже новолетие? — подозрительно уточнила печь, заполошно закудаhtала: — Али я обсчиталась? Михайла Потапыч, новолетие уже сегодня, а я опростоволосилась?

— Уже, Матренушка, уже, — подтвердил мехвод.

— Несомненно, — припечатал командир.

— Ох соколики мои родные, ох медведушки косматенькие, а я-то дурочка старая, обсчиталась... Правильно Мишутка, сыночек, меня обругал давеча мозгами куриными, — запричитала избушка. — Сейчас сообразим зайчатинки, варенье у меня малиновое в третьем отсеке еще литра три осталось, меду было пол-бочонка.

— Ты, Матрена, не темни, — прорычал командир и улыбнулся, — давай, признавайся, есть еще?

— А на дежурство? — строго спросила изба.

— А когда нам это мешало? — парировал Мишутка. — Выдавай уже, тетя Матрена. Не томи.

— Ох, проказники, кран откroyте да набирайте: что же с вами делать-то?

— Накормить, напоить, да спать уложить, — хохотнул корнет.

— Не спать! — рявкнул командир. — На нас, шатунах, все приграничье держится. Но по первым двум пунктам возражений нет, праздник надо отметить. Эх, что есть в печи — все на стол мечи.

Пока подходили в печи лакомства, Потапыч тщательно убрал со шкуры потеки смазки и угольную копоть. Засаленный комбез сменился бушлатом с тремя шевронами на рукавах. Мишутка под строгим командирским взглядом тоже надел форму — но не удержался, вокруг шеи все равно намотал длинный шелковый шарф ослепительной белизны.

Командир лишь махнул лапой. Набил трубку, затеплил от уголька. Густой ароматный дым поплыл к сизому потолку.

— Мишань, ты бы покопался пока в ячейках ЧПУ. Надо же узнать, почему мы без задних ног третий день сидим. Потапыч вон говорит, с ходовой все чисто.

— Да копался я, Иван Михайлович. Я уж и так и этак, со словами, как говорится, и без слов. Хоть тресни, нейдет, проклятая.

— Я все слышу, — прокудахтала избушка.

— А раз слышишь, ответь, тетя Матрена. Ну по-человечески просто скажи, что не так?

— Не могу сказать, касатик. Вот хотела бы, а не могу. Держит что-то. Ох, ноженьки не несут никуда с этого самого места. Как пришли сюда позавчера, с патрулирования возвращались, так и нейдут. Как будто жду чего-то, а чего — сама в толк не возьму.

— Сидим, растудить посередке двадцать, сидим, ждем, — топнул Потапыч. — А чего ждем? Второй раз за три года на том же, пятое на девятое с половиной по черепу, месте.

Командир хлопнул себя лапой по лбу:

— Так вот оно что! То-то я смотрю, места знакомые. Матрена, ты, что ли, Снежка ждешь-поджидаешь?

Печка вздохнула:

— Ох, милаи... наверное, его, сердечного. Жду-пожду, а чего жду, и сама не знаю.

История эта случилась, на третий день после того, как выпускник летной Академии Тотопкин прибыл к месту службы. Возвращаясь из дозора, сделали привал на заснеженной поляне среди елей и сосен. Такая же колючая, неудобная тьма окружала избушку, снег в дежурных огоньках искрился недобрыми вспышками — а сверху иглами нависали холодные равнодушные звезды.

Изда мирно паслась, разгребала четырехпальными стальными лапами рыхлые сугробы. Мишутка только начинал осваиваться с управлением, постоянно получал нагоняи от Михалыча — и не сразу заметил, что мерное квохтанье сменилось каким-то истеричным кудахтаньем.

Выскочив за порог, экипаж увидел, как какой-то округлый предмет, похожий на обтесанную глыбу льда, скрылся под бревнами. Изба потопталась в снегу, села прямо в сугроб — и никакие понукания не могли согнать ее с места.

— Не могу, касатики. Вот что хотите со мной делайте, не могу, — отвечала она на все вопросы.

Таинственным предметом оказалось огромное яйцо, мраморно-белое, с темными прожилками.

— Понятно, — протянул Потапыч, откладывая лопату. — У ней с неделю как, три на двадцать, кладку забрали в инкубатор. Вот она себе и нашла замену.

— И что теперь делать? — поправил непривычные еще очки Мишутка.

— Ты, корнет, у нас спец по мозгам — тебе и думать, — отечески проворчал командир. — Тягач сюда точно никто не погонит, да и не пройдет он. Придется самим. Не бросать же ее здесь.

Михалыч связался с командованием, доложил — и получил три дня срока на устранение. Но на попытки подкопаться к яйцу избушка реагировала агрессивно, шипела печкой, разбрасывала угли. Известно, чем бы все кончилось, если бы корнет не придумал поднять температуру в котлах до красного уровня.

— Умно, — похвалил командир. — Или к концу третьего дня у нас будет неведома зверушка, или шикарный омлет. Из двух зол лично я бы предпочел омлет, — и он плотоядно облизнулся.

Матрена обиделась. Три дня экипаж сидел на пригоревшем ржаном хлебе — но к концу третьего своенравная наседка начала мелко подрагивать. Потом встала с насиженного места и отошла на пару шагов. В ее квохтанье появились ликующие нотки.

— Есть контакт! — предположил Мишутка — и в одном тельнике прыгнул за порог.

В снегу на проталине, среди мраморных обломков яйца и начавшей пробиваться зеленой травки копошилось небольшое белое существо с нелепо-короткими передними лапками и массивным хвостом. Ящерица — не ящерица, дракон — не дракон, кенгуру — не кенгуру. Детеныш жалобно пищал, пытался подняться.

Корнет улыбнулся и протянул лапу, чтобы помочь. Хорошо, что рефлекс в норме — успел отдернуть и долго оторопело смотрел на загадочное существо. Со стороны избушки донесся веселый гогот: старшие товарищи оценили юмор ситуации.

— Ты одеяло на него накинь, так его тридцать, — подбодрил механик. — Или ватник.

— А лучше и одеяло и ватник, — серьезно предложил Михалыч. — Замерзнет же животина. Маленький. Жалко.

— Да вы что, товарищ штаб-ротмистр! — опешил Мишутка. — Он же нас ночью загрызет. Совсем дикий, видите же.

— Дикий, — подтвердил командир. — Но симпатичный. Берем, я сказал.

Командир сказал — делать нечего, пришлось брать. Конечно, и одеяло и ватник были порваны в мелкие лоскуты: зубки у белого ящера оказались мощными и острыми, как обоюдоострая бритва.

К вечеру, прибыв в расположение части, мехвод и стрелок-наладчик походили на бурые елки — такой густой слой зеленки покрывал раны и островки вырванного «с корнем» меха. А Михалыч только курил вечную свою трубку — и в лукавых глазах теплилась улыбка.

Избушка же сменила гнев на милость. Из печки один за другим появлялись деликатесы, о существовании которых в поваренной программе никто и не подозревал: окорока, печеная оленина, бараньи отбивные, почки-соте, творожная запеканка с нежнейшим сырным кремом и даже фруктовое желе.

Конечно, экипаж понимал, что перепадает им от щедрот не просто так, и малыш целый день чавкал в углу на теплой подстилке у печи, грелся. От первоначальной дикости его не осталось и следа — в тепле, холе и неге он стал ласковым, как котенок.

За это да за ослепительную белизну глянцевої шкуры назвали его Снежок. Был он любимцем не только экипажа — вся часть носила неведомому зверю гостинцы. Весной отдали в школу дрессировки. Вместе с приграничными хасками Снежок овладевал премудростями, грыз гранит науки — и закончил первым в выпуске.

К августу ящер вымахал до половины медвежьего роста, а по осени затосковал. Брать с собой на задания его стало уже невозможно, в боевой избушке каждый квадрат площади ценен и учтен — а однажды, вернувшись из дозора, экипаж не нашел его.

— Ушел в тайгу, — разводили лапами сослуживцы. — Остановить? Да как его остановишь — зубы-то отрастил, видали какие? С палец длиной.

— Но пропадет, налево пополам, в тайге животное! — убивался Потапыч. — Замерзнет зимой, сбоку чет на нечет!

— Ничего, — утешал командир. — Это наш ящер, приграничный. Под избой самоходной родился, у боевой печи выкормлен. Не пропадет.

Утешать-то он утешал, но именная трость со свинцовым набалдашником, которую Снежок так любил носить за ним в долгих лесных прогулках, с тех пор куда-то запропала. Михалыч очень ей дорожил — подарок от ректора к годовщине выпуска — но на неловкий мишуткин вопрос бросил коротко: «Потерял», — и посмотрел так, что вопросов больше не оказалось.

И вот, они стоят на месте, где было найдено то самое яйцо.

— Может, взять лопату да поковырять в сугробах? — задумчиво спросил Мишутка.

— Брось, корнет! Ерунда. Два раза в одну воронку не падает.

— Ну тогда я просто не знаю, что делать, — стрелок-наладчик снял очки, подышал на них, сосредоточенно потер о шерсть на запястье. — Просто не знаю!

— Что делать, что делать, тудыть на землю об пол, — передразнил Потапыч. — Старый год провожать, вот что. Накрыто давно, выдыхается.

— Старый год не грех проводить, — уселся за стол командир. — Мишань, я что-то накинулся на тебя сразу, ты уж прости старика. Самое главное забыл спросить. Как супруга-то? Дозвонился? Можно поздравить?

— Никак нет, — загрустил корнет. — Зря только топал через тайгу к расположению.

— Не соединили?

— Соединить-то соединили, а толку? Ничего не известно, очень затяжные роды.

— Ну, чтобы все хорошо было, — выдохнул первый тост Михалыч.

Чокнулись, глухо звякнули кружки. Выпили залпом.

— На здоровье, касатики. И тебе Мишутка, чтоб сынок здоровый был, сильный.

Корнет замялся, закашлялся — и за этим кашлем не сразу услышали зуммер вызова.

Иван Потапыч поднялся с ворчанием: «Кого еще на ночь новогоднюю глядя несет?»

Но уже через мгновение вытянулся в струнку:

— Слушаю, товарищ командующий!

Минуты две он стоял, периодически повторяя: «Так точно, товарищ командующий!», «Да, товарищ командующий!», и «Вас понял, товарищ командующий».

Потом рывкнул во всю мощь медвежьих легких:

— Есть держаться, товарищ командующий! Даю отбой.

В медведе, который повернулся к экипажу, уже не было ни искры вялости, сонной ленцы и покровительственного тона. Подтянутый, сосредоточенный офицер, глаза блестят, все движения точны и быстры:

— Экипаж гвардейской избы, мы немедленно приступаем к выполнению боевого задания. Топтыгин, слушай мою команду: самый полный вперед, курс на Калинов мост, через пятнадцать минут надо быть там.

— Товарищ командир, но изба же не на ходу!

— Поставь на ход. Матрена, брось дурить! Это приказ, выполнять!

Мишутка метнулся к приборам, быстро пробежал когтистыми пальцами по клавишам, улыбнулся:

— Есть контакт, товарищ командир. Топтыгин, от винта!

Топтыгин уже сидел у рычагов. Через миг избушка подскочила и, вздымая снежные водовороты, неслась к цели. Неимоверно шатало, но медведи были привычны к тряске. Перед тем, как по уставу на период боевых действий Мишутка отключил голосовой модуль, они услышали:

— Что же я, не понимаю, приказ есть приказ, что уж там...

Михалыч продолжал:

— Итак, доложу обстановку: сейчас двадцать три часа две минуты. По данным разведки ровно в полночь в районе Калинова Моста жукоглазы попытаются прорвать Периметр и, форсировав реку Смородину, создать плацдарм хаоса на территории Космоса. Хотят воспользоваться тем, что главком в этом году для выполнения ежегодных обязанностей и обеспечения безопасности доставки подарков принял решение занять силы, свободные от несения боевого дежурства по охране надпространственной границы в боевом охранении. Были сигналы о возможных провокациях. Сейчас поздно их возвращать, они уже в пути — да и полностью исключать нападения на конвой с подарками нельзя. Остальные подразделения и экипажи выполняют задачи по охране надпространственной границы — или находятся слишком далеко от предполагаемого места прорыва. У моста заняла позицию стрелковая рота лейтенанта Михайлова, он поступает в наше распоряжение. Наша задача — остановить и локализовать прорыв, не допустить образования плацдарма и продержаться до подхода основных сил. То есть, до рассвета. Вопросы есть?

— Так точно! — Мишутка озабоченно чесал в затылке, — а командование в курсе, что нас здесь не рота, а одна избушка всего, и то случайно оказалась?

— В курсе, — штаб-ротмистр четкими движениями проверял боекомплекты картечных, систему наведения основного калибра и приборы слежения. — Но что это меняет? Кроме нас, товарищи, некому. Приказано держаться. И мы, черт возьми, будем держаться!

Командирский кулак тяжело упал на стол, среди остатков пиршества.

— Да, Мишань — тебе личное послание от Старика. Все хорошо. Сын родился. Супруга жива, здорова. Спит. — Командир улыбнулся: — Поздравляю. Есть время придумать имя пацану, а?

— Точно так, товарищ командир, — смутился Мишутка, — время есть.

Таяжная тропа неожиданно вывела к опушке, заросшей кустарником и хвощом, заметенной снегом по крышу. За ней ровная площадка — гладкая скала обрывается пропастью. Надпространственная граница, упорядоченный Космос — и безумный Хаос. Где-то внизу ревет огненная река Смородина, языки пламени бросают отсветы на легендарный Калинов Мост.

Избушка выныривает из сугробов, четко, как на плацу разворачивается к тайге задом, к мосту передом, замирает.

— Никого нет! Где же Михайлов? — переживает Мишутка.

Михалыч улыбается:

— Замаскировался, видать. Молодец парень, так спрятать стрелковую роту даже я не смог бы. А, вот, видимо, и он.

С небольшого холма на правом фланге быстро спускалась какая-то тень. Только у самого входа в избушку стало ясно, что это медведь в черном бушлате, на лыжах. Короткий стук в дверь — и вот уже перед ротмистром навязан стоит офицер в зеленой фуражке, чуть старше Мишутки, но шкура наполовину седая. Козыряет:

— Лейтенант Михайлов! Товарищ штаб-ротмистр, для меня честь служить под вашим началом!

Командир прикладывает ладонь к шлему, прячет улыбку под маской недовольства:

— Отставить, лейтенант. Вольно, садитесь. Доложите обстановку.

Лейтенант устало валится на стул, наливает себе кофе. Не до условностей:

— Товарищ штаб-ротмистр, обстановка полный швах у нас, если честно. На вас одна надежда. Рота вторую неделю сдерживает провокации противника... — залпом выпивает горячий кофе, морщится: — Да какая рота! Неполный взвод остался, два пулемета исправных, двадцать восемь бойцов всего на ногах держится. Вот наши позиции, — он достал планшет, открыл карту, начал пояснять: — Вот здесь овражек под снегом, вот тут града камней...

— Я, лейтенант, тут служил, когда вы еще пешком под стол ходили, — перебивает Михалыч. — Времени мало. Вот смотрите, сейчас пошлете пять команд по два человека отрыть полукопаны для избы

здесь, здесь, — он водил по карте когтем, Мишутка параллельно делал пометки на копии карты, загруженной в память избушки, выставлял ярлыки. В бою каждая секунда на счету, отдать команду на перемещение можно будет, просто ткнув в карту.

— Отлично, Иван Михайлович, — лейтенант оттаял и начал немного угловато улыбаться. — А когда подойдут остальные?

— Кто остальные? — удивился командир.

— Ну, ваша рота. Сколько изб вы привели? Десять?

Михалыч грустно покачал головой.

— Восемь? Семь? Тоже неплохо.

Потапыч грустно вздохнул.

— Что, всего один взвод? Четыре? Три?

Мишутка не выдержал, хохотнул со взвизгом.

— Ничего смешного не вижу, корнет! — взвился Михайлов. — Вы что, одну избу всего привели, товарищ штаб-ротмистр?

— Все, чем могу, — коротко бросил тот. — Но вы не расстраивайтесь, лейтенант. Знаете, как называют меня жукоглазы?

— Снежный лев, товарищ штаб-ротмистр.

— А знаете почему?

— Никак нет.

— Так вот, лейтенант, скоро узнаете. А теперь главное — у вас рация исправна?

— К сожалению, нет. Ни раций, ни радиостов не осталось.

— Тогда для оперативной связи возьмите радиошлем. У нас как раз один лишний. — И Михалыч выразительно посмотрел на корнета, успевшего надеть летный шлем, надвинуть авиационные очки поверх своих и повязать шарф поверх бушлата. — Наши орлы вон как летают.

Лейтенант молча снял зеленую фуражку, бережно положил ее на печку и покосился на Мишутку. Мишутка лихо козырнул. Лейтенант фыркнул.

— А теперь, товарищи, главное. Через полчаса начнется артобстрел. Ровно с половины двенадцатого до полуночи наши гвардейские ледометы будут утюжить территорию противника. Это даст нам преимущество — и психологическое, и фактическое. Но снарядов мало, снарядов не завезли почти. Поэтому можно будет до рассвета воспользоваться их поддержкой еще только раз. Решение о том, когда и куда — принимаю лично я, если меня не будет — корнет, вы. Если вас не будет — вы, лейтенант. Но между нами, имей ввиду, корнет — если тебя не станет, я тебя на том свете кроссами замордую так, что воскреснешь. Нет у тебя права сегодня погибать, понял-нет?

— Так точно, товарищ командир.

— Отлично. Всем выполнять. Через пятнадцать минут начнется.

Атака гвардейских ледометов страшна даже по нашу сторону надпространственной границы. Тонны льда, разлетаясь на миллиарды блестящих осколков, сметают все — людей, зверей, нелюдей, технику,

здания и сооружения. Проваливаясь же через зыбкую границу хаоса и гармонии, они порождают дичайшие завихрения энтропии.

Слушая безумную канонаду, экипаж избушки улыбался: «Так им, сволочам!». Но полчаса пролетели быстро, и тишина резанула перепонки. Полная, абсолютная, потусторонняя тишина.

Предательски мелькнула надежда: «А вдруг не поползут?». Действительно, враг не мог не понять, что его замысел раскрыт, что его ждут, к его встрече готовы. Вдруг, отменяют?

Нет.

Из пыльного марева появился на мосту один слизень. Второй. Третий. Расчеты на их спинах готовили камнеметы и кислотные пушки. Только тихое шуршание от моста. Стрелки Михайлова не торопятся, подпускают тварей поближе. Каждый выстрел, каждый ледяной патрон дорог, сектора давно пристреляны.

Вот уже десяток слизней выплыло из приграничного облака. Жукоглазы тоже не спешат открывать огонь, они осторожничают, они ждут, что приграничники раскроют позиции, чтобы бить наверняка. Своих они не жалеют — десятком слизней с экипажами больше, десятком меньше, кто их считает.

Михайлов не дает команды открывать огонь, ждет. Штаб-ротмистр бережно откладывает трубку, спокойно кивает:

— Вжарь им, Мишутка. На полную.

У корнета в голове мелькает наивно-детское: «Ну, понеслась!».

Когти пробегают по клавиатуре, избушка сотрясается. Главный калибр выбрасывает очередь из десяти ледовых болванок, боковые картечницы шпильят шрапнелью. Выползших на мост первыми тварей просто сметает в огненные потоки Смородины, вминает в марево надпространственного барьера, рвет на мелкие куски. Избушка гудит, специальный механизм набирает снег, прессует, восстанавливает боекомплект.

— Уходим влево, — командует Михалыч.

Послушная мишуткиному прикосновению, Матрена поднимается, занимает свежевырытый полуокоп. Вовремя. Со стороны хаоса проливается огненный дождь в попытке сходу накрыть позицию. Не попадают — хорошо, можно будет вернуться.

Снова огонь. Лед против пламени, кислота против серных гранат, заработали пылегазометы на флангах — пока ветер в сторону противника, надо пользоваться преимуществами.

Жукоглазы прут толпой, слизи с расчетами кислотметчиков, легкая пехота в хитиновой броне, стрекозы вьются поверх схватки, высматривают позиции, корректируют огонь.

Изба перемещается из одного окопа к другому, ведет огонь «с ходу», она и на левом фланге, и вот — уже на правом, а вот — прикрывает центр.

Михайлов охрипшим голосом орет в шлемофон:

— Вы одни как целый взвод, нет, рота!

Разрыв. Рация молчит.

— Лейтенант! Лейтенант, твою двадцать, отвечай, — горячится Потапыч.

— Лейтенант Михайлов контужен, старший сержант Егоров команду принял, — хрипит шлемофон.

— Жив будет, не помрет, — цедит Михалыч, не отрываясь от экрана. — Мишутка, направо первый, по ходу жарь картечницами, к земле их прибей.

— Есть.

Замолчал пулемет на левом фланге, а через мост ползет и ползет черная хитиновая лента.

— Как же вы так, ребята, — устало шепчет мехвод.

Как бы в ответ — пулемет снова строчит, черная лента огрызается кислотой. Площадка перед мостом зелена от слизи, позиции приграничников черны от разрывов.

На правом фланге пулемет замолчал — и навсегда.

— Плохо. Эй, сержант, бойца в избу срочно. Да хоть какого, одну картечницу снимем, на фланг поставим, иначе хана.

— Лейтенант Михайлов команду принял!

— Живой, брат! Молодец, так держать!

Не понять, кто что кричит, где чьи фразы, команды. Экипаж действует, как единый организм. Как былинный ящер о трех головах.

Слева. Справа. По центру. Справа. По центру. Слева.

Черная лента продолжает змеиться, на площадке перед мостом под шквальным ледовым огнем строят укрепления. Нет возможности снести их. Нужно сдерживать прорыв, не пускать врага вплотную к позициям.

Вторая картечница снята, отправлена на фланг. Какой? Кто его уже разберет, где нужна — туда и отправлена. Мешанина из хитиновой крошки, ледяной шрапнели, покореженного металла, раненных и убитых.

На площадке растет укрепление, почти прикрыт врагами весь мост, первые жукоглазы добегают до окопов, плюются ядовитой слюной. Еще немного, и все.

— Михайлов, прикажи своим затаиться. Как, как — как в берлоге!

— База, база, я Снежный Лев, прием. Огонь на себя. Слышите, вызываю огонь на себя. Немедленно.

Мишутка не успевает еще осознать, что он услышал. Только мысль мелькает: «Света!» — и видится отчетливо, как вживую, спящая жена. А с ней — маленькое чудо — на руках пушистый комочек, доверчиво прильнул к материнской груди, блаженно улыбается. «За них, — успевает подумать корнет. — За них, и за всех остальных».

И небо, еще недавно черное, как смог из печной трубы, раскалывается, расцветает радугой. Тонны льда валятся, валятся, валятся сверху вниз, или снизу вверх, или справа, или слева — отовсюду. Мониторы слепнут, ледяные мембраны окон включают «черный режим» — полная непроницаемость.

Избушка вжимается в землю, мелко дрожит.

— Ничего, ничего, родная, — гладит бревенчатую стену Топтыгин. — Не из таких, четверть в кубе, выбирались. Не такие, корень их в синус, бомбежки выдерживали.

Страшный удар сверху. Стены шатаются, из печи вываливается несколько кирпичей.

Прямое попадание. Еще пара, и избу придется оставлять — даже надежная ледяная броня не может долго сопротивляться таким.

— Матрена, ты как, жива? — хрипит командир. Страхивает побелку с бушлата. Изба тихо квохчет.

— Жива, — докладывает Мишутка. — Но одна лапа повреждена серьезно, не знаю, сможет ли ходить.

— Сможет, — чеканит Потапыч. — Сможет, — как будто не командира и напарника, а самого себя и избу стремится уверить.

— Товарищ командир, сколько у нас времени? — лихорадит Мишутка.

— Минут десять есть, — смотрит на часы штаб-ротмистр. — А ты что это, вспотел что ли?

Спокойно развязывая шарф, корнет шепчет:

— Лучше сорок раз покрыться потом, чем один раз инеем.

Идет к крану, начинает цедить во фляжку. Не удерживается, делает несколько больших глотков.

— Отставить, корнет!

— Я для дела, товарищ командир, — оправдывается Мишутка. Снова удар в стены — но на этот раз не прямое попадание, просто рядом рвануло. — Хочу уродам сюрприз сделать.

Наполнены уже десять фляг, лежат на столе в ряд. Мишутка деловито режет белоснежный шарф на части, каждую заталкивает в горловину фляжки, прикручивает крышкой:

— На крайний случай.

Вот в руках его уже последний кусок шарфа, перед ним последняя фляга. На куске шелка видна вышивка золотом. Вздыхает еще раз:

— На крайний случай.

И как бы в ответ ему снова оглушительный, страшный удар в крышу. Прямое попадание.

Бросается к приборам:

— Матренушка, как ты, хорошая? Жива. Умница.

В ответ в избе светлеет. Ледяные мембраны снова проницаемы, за ними — ад. Черная обугленная поверхность, ни намека на снег. Пусто. Площадка перед мостом пуста, дрожит, переливается марево перехода.

— Михайлов, жив? — кричит в шлемофон Топтыгин.

— Лейтенант Михайлов убит. Сержант Егоров докладывает.

— Егоров, сколько вас осталось? Картечницы целы?

— Пятеро. Одна картечница на левом фланге.

— Двоих на правый фланг, одного к картечнице, сам держи центр, понял-нет?

— Так точно, товарищ штаб-ротмистр! Будем держать.

И опять из пыли и хаоса перехода возникают жукоглазы. На этот раз пускают первыми не слизней, а огромных бронированных многоногов. Неповоротливые, но непробиваемые — приближаются. Сколько

их у противника? Насколько удалось истощить его силы? Осталось продержаться всего пару часов.

— Жарь, Мишутка. Главным калибром без остановки, пока всех не изведешь!

Когти летают по клавишам, изба сотрясается от выстрелов.

— Товарищ командир, снега не осталось, боекомплект не восстановим же.

— Покойникам боекомплект не нужен. Переходи к третьему окопу, он вроде цел еще.

Избушка медленно встает. Экипаж замирает, Топтыгин шепчет:

— Ну же, родная. Ну же, давай, ты можешь.

В ответ тихое захлебывающееся квохтанье. Медленно, но идет. Не прекращает огня.

Один бронированный многоног валится в Смородину. Второй прямым попаданием вмят в третьего, ядовитая слюна загорается, обоих разносит по всему мосту.

Следом за ними отправляются четвертый, пятый. Сколько же их?

— Боекомплект на исходе, что делать? — кричит корнет.

— Стрелять, — орет в ответ командир. — Продолжать огонь, стрелкам с ними не справиться.

— Михалыч, сзади! — кричит Топтыгин.

— Что сзади?

— Шум, деревья качаются. Может, наши?

— Не может быть. Нашим еще рано.

— Значит, твари в обход прошли? — предполагает мехвод.

— Могли. Ждем, что делать, — и в шлемофон: — Егоров, не спи, пехота пошла.

Застрочили картечницы и автоматы. Пехота в хитиновой броне залегла, из перехода показались еще два многонога.

— Огонь!

— Нечем, командир! Что делать?

— На таран пойдем. Давай полный разогрев включай до красного.

— Есть.

Из тайги, почти за их спинами, доносится надрывный рев. Деревья трещат. На поляну ломится явно что-то гигантское.

— Обошли, — обреченно махает лапой Топтыгин.

— Нет, — радостно вопит Мишутка. — Это снежок. Это Снежок же, смотри.

Точно. Огромные ели ломаются, как спички — и на поляну выходит он, любимец части, Снежок. Выросший до трехметрового роста, заматеревший, покрытый шрамами и следами обморожений — но он, Снежок. Подходит к избушке, ласково гладит ее маленькой передней лапкой. Та в ответ жалобно квохчет.

Грозный рык наполняет поляну, даже тонкое марево перехода вибрирует в такт ему.

Наклонив голову, Снежок гигантскими прыжками бежит на многоногов, те отплевываются. Он уворачивается от плевков, тяжелым хвостом бьет бронированные хитиновые бока. Челюсти с кинжалами зубов клацают, вырывают по два-три пехотинца.

Вот один многоног уже валится в пропасть, второй беспомощно сучит в воздухе чешуйчатыми лапками. Не может перевернуться.

Растекается ядовитая слюна.

— Уходи, Снежок! Уходи! — кричит в мегафон командир.

Ящер оглядывается, прыгает назад. Взрыв. Бронированную пехоту размазывает по мосту, как тараканов. Гигантское белое пятно пошатывается. Падает. Поднимается.

— Живой! — вздыхает корнет.

— А то! — доволен командир. — Я же говорил, наш ящер. Приграничный. Ну что, жукоглазики, посмотрим теперь, чья возьмет?

И как бы в ответ ему из перехода бросается живой поток. Это не бронированная пехота, не многоноги, не слизни. Это просто черная хитиновая лента, сплошные челюсти, ядовитые жвалы, острые, как стальные ножи, лапы.

— Огонь со всех орудий! — кричит командир. — Держать позиции!

Но позиций больше нет. Есть несколько островков сопротивления. Справа строчит еще картечница, по центру отбивается Егоров, слева трехметроворостой смертью стоит Снежок, рвет на части, кромсает, бьет хвостом.

Враг снова строит укрепления у моста, прицельно стреляет кислотой по избе. Ледяная броня шипит, начинает плавиться.

— Командир, котел поврежден!

— Держать пар, огонь из всех орудий, я сказал!

— Командир, надо уходить, — кричит Мишутка. Из-под очков катятся слезы, собирает фляжки со стола. — надо уходить, командир, сейчас рванет.

— Всем уходить, первым корнет, затем Потапыч, последний я.

— Михалыч, иди, ты там нужнее, — протестует мехвод.

— Я приказал! — рычит штаб-ротмистр, выталкивает наружу Мишутку, затем Потапыча.

В дверях оглядывается — последний взгляд. Да, последний. Снайпер с той стороны четко кладет пулю. Михалыч шатается, падает.

— Твааари!! — орет Топтыгин. Не размонтируя, с немедвежьей силой выдирает последнюю рабочую картечницу из гнезда, переводит в ручной режим:

— За командира, вашу по экспоненте, получите, гады! — Бросается в гущу битвы.

Черный бушлат мешается с черной лентой. Его картечница строчит бешено, без перерыва. Снежок рвет и мечет. Больше островов сопротивления нет. Мишутка щелкает зажигалкой, поджигает первую флягу:

— За командира! — бросает.

Избушка поднимается.

— Командир?

Только громкое квохтанье в ответ. На покалеченных стальных ногах изба бежит к мосту, давит жукоглазов, тонет в черной ленте, тонет насовсем...

Взрыв. Чистая площадка у моста, только обгорелая печь пялится невидящей трубой в розовато-черное небо.

Вторая фляга брошена:

— За Матрену!

— За Светку!

— За Михалыча!

В руках Мишутки последняя фляга. Снежок падает под тяжестью навалившихся черных. Картечница мехвода замолкает. Корнет поджигает последний белый клочок с золотой вышивкой:

— Получите, твари, и от меня лично!

Бросок, взрыв. Все. Дальше только одному врукопашную.

Но что за звуки вдали. Рога?

Да. Трубят рога. По небу движутся тени. По земле приближается гул, рев двигателей, топот стальных лап. Вот уже отчетливо видны в небе олени — легендарная боевая упряжка. Сам его высокопревосходительство генерал Мороз ведет в бой сводный гвардейский батальон.

Но последнее, что видит Мишутка — не избы и не олени, не вспышки разрывов. Последнее — черные жвалы и щупальца. Он падает под натиском.

Шепчет:

— Вжарьте им, ребята. Вжарьте, за нас за всех.

Олени неудержимо мчатся, избы поднимают ветер, ураган ледяной шрапнели сметает жукоглазов в огненные воды реки Смородины. Границы Космоса неприкосновенны. Гармония и порядок еще поборются с энтропией.

Мишутка открывает глаза. Вроде живой.

Поднимается. Ковыляет туда, где тоскливо воет в алеющий рассвет Снежок. Кульдяпистыми лапками обнимает покореженный дымоход.

На печке у трубы лежит обгоревшая с одной стороны зеленая фуражка лейтенанта Михайлова.

Мишутка срывает с головы нелепый авиационный шлем. Надевает фуражку.

Тихо, как будто на неотданный приказ отвечает:

— Есть приступить к охране надпространственной границы. Так точно, товарищ штаб-ротмистр. Не подведу.

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

ХРАНИТЕЛИ

— Ну что ж, поздравляю, Аксель, — сказал доктор. — У тебя коулрофобия. Тяжелый запущенный случай.

— Я так и знал, — ответил я и шмыгнул носом.

Звук получился что надо: трубный и оглушительный. Ну, нос у меня тоже замечательный. Круглый, красный, а еще он светится в темноте. Если сжать его в пальцах, он издает резкий звук, словно гудят в клаксон. Носом я пошел в отца.

Фамильная, так сказать, черта.

Доктор оторвал взгляд от моей истории болезни (на голограмме лицевой стороны моя растрепанная бледная физиономия в обрамлении копны волос и имя: «Аксель Белл, 14 ст.л.») и пытливо уставился на меня линзами многочисленных микроскопов, заменявших ему глаза. Он явно видел меня насквозь. Змеевидные пальцы его рук, каждый с мелким глазком на конце, были способны заглянуть в любое отверстие любого тела. Сейчас они ритмично сплетались и расплетались, не отводя, впрочем, от меня своих взглядов. Большие мягкие уши доктора едва заметно шевелились: он прислушивался к ритму моего сердца. Раздувшиеся ноздри сверхчуткого хоботка, занимавшего большую часть лица врача, ловили весь спектр неслышных ароматов, которые продуцировали железы моего тела.

Просто детектор лжи, а не доктор.

Но я умел обходить такие детекторы. Для этого мне не пришлось тренироваться. Эти навыки в мое тело вложили мои родители. Вернее, отец. Качества, необходимые ему по роду своей деятельности, включали хладнокровие и невозмутимость. Поэтому пульс мой участился ровно настолько, насколько было нужно для прохождения теста, потовые железы отклонились от обычного режима работы на необходимую величину, зрачки расширились и сократились вновь, как того и требовала ситуация.

Доктор удовлетворенно кивнул самому себе, члены комиссии вздохнули, вложив в этот единый вздох приторное сочувствие и неподдельное облегчение, а я поздравил себя с победой.

Подумаешь, коулрофобия!

А то я раньше не знал о своих непростых взаимоотношениях с клоунами. Пфе!

Тем более, что добрый доктор заблуждался, хотя я и не стал его разочаровывать. Мне светил тюремный срок или исправительные работы, и виной этому были угадайте кто? Верно — клоуны.

Но унылой перспективе провести несколько ближайших лет в праведных трудах на благо обществу появилась вдруг некая альтернатива — и я не стал его пренебрегать. Пусть даже она предполагала прохождение психиатрической экспертизы

Клоунов я вовсе не боюсь.

Я их ненавижу.

* * *

Мой отец был клоуном, а я ненавижу своего отца.

Все очень незамысловато и абсолютно логично.

Казалось бы, сложно ненавидеть человека, которого совсем не знаешь — а поди ж ты. За что, спросите вы? За то. За то, что он — клоун. И за то, что именно он стал моим отцом. То есть все сложилось бы иначе, родился я на борту корабля-шапито. Но вот на аграрной планете клоуненко расти непросто. Среди сверстников-пахареныхей, сверстников-сборщиц и сверстников-винодельцев он выделяется сильнее и ярче, чем желтая кверголла в прайде обычных, сине-фиолетовых. И все тумачи достаются угадайте кому?

Правильно. Мне.

Гены цирковых доминантны по отношению к генам остальных человеческих профессий. Простые сельскохозяйственные труженики — не исключение. С точки зрения закрепления признаков в ходе эволюции это логично.

Бродячие цирки весьма напоминают цыганские таборы далекого, дозвездного еще, прошлого. Маленькие группки-изоляты, бережно хранящие свою уникальную культуру в окружении однородного в культурном отношении прочего человечества. Даже сейчас, в эпоху всеобщей толерантности, к цирковым относятся с подозрением и легкой неприязнью.

Независимые, не привязанные ни к одному из миров, кочующие в своих неприступных кораблях-шапито среди звезд в бесконечном гастрольном турне, которое длится год за годом, век за веком, цирковые вынуждены иметь крепкие яйца...простите, превосходный генотип. Общество стало терпимее, а генинжи творят настоящие чудеса — и теперь инцест больше не считается извращением, а оба пола давным-давно абсолютно равноправны в способности к деторождению. У мужской пары рождается неизменно мальчики. У лесбийского дуэта — исключительно девочки. У смешанных пар по-прежнему рулят законы того странного монаха с прародины человечества. Доминантный аллель, рецессивный, сибсы, пробанды... вся положенная чушь, в общем.

Поэтому моя мама, добропорядочный агротехнолог, глава однополой пары, вместо того чтобы в любви и нежности зачать, родить и воспитать приличную маленькую девочку-агронома, поступила иначе. Она умудрилась поругаться со своей половинкой из-за какого-то пустяка, в сердцах хлопнула дверцей семейной ракеты и махнула на большую из лун нашего тихого и спокойного Скоруса. «Я просто хотела посмотреть представление,»- говорила она потом не раз за бокалом вина. Она мечтательно улыбалась при этом, гребаная сучка, и больше меня в эти моменты ее ненавидела только Селия, моя мачеха.

Жесткое расписание гастрольного тура увлекло корабль-шапито к другой звезде, оставив местных жить воспоминаниями до прибытия в систему следующего цирка. Мать вернулась домой с гордо поднятой головой. К тому времени в ее утробе прочно, как и подобает порождению клоунского семени, угнезвился я.

Мой папа был рыжим. Не знаю, было бы лучше, если бы мать переспала с белым клоуном. У меня бледное лицо с широко улыбающимся ртом, красный шар на месте обычного носа и копна непослушных, вечно растрепанных огненно-рыжих волос. Телосложением я похож на грушу, а размер стопы еще с самого моего малолетства заставлял маму нервничать и отпраиваться в длительное скитание по обувным магазинам.

Мать изо всех сил старалась выпятить мою непохожесть на соседских детей. Как будто одной внешности мало! Нет, она еще и одевала меня соответствующим образом. То, что для всех остальных было маскарадными костюмами, стало моей повседневной одеждой. В моей гардеробной висела целая коллекция аляповато-ярких мешковатых балахонов, огромных пышных жабо, дурацких шляп с цветами и перьями, белых перчаток, а на обувных полках рядами стояли огромного размера ботинки с длинными носами.

Неудивительно, что от ровесников я огребал все тумаки, какие только возможно. Взрослые показывали на меня пальцами. Учителя смотрели с сочувствием. Доктора — с любопытством.

Я не жалуюсь. Я привык.

Драчунам давал сдачи, любопытствующих игнорировал, в школе старался, с врачами подружился.

Жить стало немного проще. Считать меня уродом так и не перестали, но мне было наплевать.

Каково быть клоуном, я давно уже понял. Осталось разобраться, зачем мне им быть, и кто в этом виноват?

Генетика может дать ответ практически на все вопросы в жизни. Просто иногда ей надо немножко помочь, решив некое социальное уравнение с участием некой неизвестной персоны. Настало время как следует поскрипеть своими клоунскими мозгами.

Чем я благополучно и занялся.

Время от времени в систему залетали цирковые корабли. Возможно, и мой отец был на одном из них. Мать никогда не говорила, как назывался цирк, которому я обязан своим появлением на свет. Впрочем, ничего сложного не было в том, чтобы узнать это самостоятельно. Я рассчитал день своего зачатия, влез в архивы местного филиала представительства Транспортной сети и выяснил, что этот день приходится на месяц визита «Большого цирка Тускарелли» в систему Скоруса. Список команды корабля-шаниито отсутствовал. На мой запрос инфотека ответила, что информация является конфиденциальной. Определенные подозрения на этот счет у меня появились уже давно.

И я отправился снова пытаться маму.

* * *

— Я не стану называть тебе его имя, — как и раньше, ответила мне мать, наливая себе из большой заиндевелой бутылки. Как обычно в это время дня, она была уже изрядно навеселе, и горлышко бутылки выбивало о край стакана замысловатую переливчатую дробь.

— Но почему, мам? — в который уже раз спросил я. Она попыталась оставить вопрос без ответа, как делала всегда. Я привлек ее внимание, засунув палец целиком себе в ноздрю — клоунский нос позволял запросто проделывать подобные штучки. Маму это бесило, а я об этом знал.

Мама поморщилась и скомандовала:

— Аксель, немедленно прекрати! Ты поранишься!

— Дет, баб, и ды эдо здаешь, — возразил я. Но палец из носа вытащил — а следом за ним потянулась гирлянда цветных платочков, которые тоже запросто там помещались, не мешая дышать. Я давно это обнаружил. Все-таки нос был особенный, клоунский.

Спасибо папе.

У моего тела, опять-таки благодарение моему неизвестному родителю, обнаружилось еще немало особенностей. Например, меня можно было лупить как боксерскую грушу, а мне все было нипочем. Боли я практически не чувствовал — пружинисто подскакивал с земли, по которой меня валяли недруги, и давал им сдачи.

А кулачищи у меня тоже были клоунские — а значит, что надо.

— Имени твоего отца я тебе не скажу, — мама, покачиваясь, подошла вплотную и наклонилась ко мне, легонько коснувшись пальцем моего носа. — Он уважаемый человек, и я не хочу, чтобы ты отнимал у него время ради удовлетворения собственного любопытства.

От нее пахло вермутом и цветами — утром она работала в оранжерее. Мама у меня чудачка. У нас мир-виноградник, и на весь наш сектор галактики именно Скорус славится своими винодельнями — и прекрасным вином.

— Клоун — уважаемый человек?! — фыркнул я.

Мама заговорщицки подмигнула мне и прижала к губам один из своих пальцев-культиваторов. Отсалютовала мне стаканом и залпом опрокинула его, даже не поморщившись.

Пить этиловый спирт на планете виноградников мама считала особым шиком.

Мама плюхнулась в кресло у камина и захрапела. Я вздохнул и укрыл ее пледом.

— Спасибо, солнышко, — пробормотала она, не просыпаясь.

* * *

Моя мама агротехник, и, как и положено на Скорусе, специалист по культивации винограда. Она — ценный кадр, и связана пожизненным генетическим контрактом с самой планетой. То есть если она попытается надолго улететь со Скоруса, через какое-то время недостаток местных минеральных веществ и микроэлементов в уникальном для Скоруса сочетании убьет ее.

Я генетически иной, благодаря отцу — но у мамы еще и юридический контракт со Скорусом, в котором сказано, что и сама она и все ее потомки до энного колена являются собственностью колонизационной корпорации виноделов, освоивших когда-то, полтысячи лет назад, эту

планету. Так что если я сорвусь в бега, то меня быстро отловят и насильно вернут домой. Позориться мне не хотелось. Так я и жил в доме, который был для меня не самым подходящим домом во вселенной.

Цветы — мамино хобби. Это делает маму странной в глазах соседей. Не тот факт, что ее хобби — цветы. Сам факт наличия у взрослой воспитанной женщины хобби вообще — и времени на него.

В школе нам говорят, что иметь хобби неестественно. Неестественно потому, что это — нефункционально. Так обычно про хобби и говорят: нефункционально. Глупо тратить время на какое-то постороннее занятие. Ведь если родители вступают в брак, как и положено, опираясь на прогноз Селектора, то когда запланированный ребенок появляется на свет, родители уже точно знают, кем он станет, когда вырастет. Ни о каком хобби речи не идет — ведь такому человеку сама его работа будет приносить абсолютное удовлетворение.

Так вот: маме ее работа удовлетворения не приносит. Поэтому год от года она относится к ней со все большей прохладцей, уделяя все больше времени своим цветам. Сменить же род деятельности в наше время не то что не просто — это практически невозможно. Ну посудите же сами — кем может еще работать агроном, со своими-то руками, которые представляют собой сложнейший инструмент по уходу за растениями. Со всеми этими встроенными рыхлителями, ирригаторами и приспособлениями для подрезания и прививки мама, должно быть, выглядит для человека непривычного чудно. Но тут непривычных нет. Тут все при деле — так же, как и повсюду во вселенной.

Когда-то давно, в эпоху заселения галактического рукава, исследователи и колонисты были чрезвычайно стеснены в ресурсах, а посему не в состоянии были везти с собой к вновь открытым мирам все необходимое. А без механизмов — пусть даже самых простых, которые могли бы приводить в действие животные, — освоение планет становилось нелегким делом. Приручение местных животных, даже если таковые и обнаруживались на новых мирах, тоже было делом простым. Использование самих колонистов в качестве грубой силы, разумеется, было признано нефункциональным.

Вы чувствуете, насколько популярно в нашем обществе и в наше время это словечко?

В ту далекую пору было решено убить сразу несколько грейзов единственным импульсом, и инициативу в свои руки приняли генетики и генинженеры. Смешные старинные опыты на плодовых мушках вдруг принесли наконец плоды, пусть даже это и случилось много столетий спустя после экспериментов того монаха.

Тогда как раз закончился период власти оголтелых религиозных ортодоксов, исповедовавших стагнацию всего и вся и провозгласивших лозунг «Стабильность. Умеренность. Традиции» своим девизом. Наступил новый Золотой век, пусть даже причины нового расцвета науки и галактической экспансии были вызваны отнюдь не радужными обстоятельствами.

Солнце материнской планеты человечества, Почвы, кажется, собралось на протяжении жизни двух поколений, опережая график

собственной звездной эволюции, превратиться в красный гигант и сбросить оболочку, убивая все живое в собственной системе. Измениться или умереть — таков был новый девиз той далекой поры.

И люди изменились.

Для повышения выживаемости вида оба пола сделали способными к деторождению. Необходимые в жизни профессиональные качества программировались в генетическом коде, и молекулярная защита нуклеиновых цепей стала не по зубам никаким мутагенам.

На скорлупках кораблей-ковчегов человечество расплодилось по всему звездному рукаву, пустив корни на всех мало-мальски пригодных для колонизации планетах. Ни один из новооткрытых миров не смог устоять перед натиском адаптированных к выживанию в любых условиях поселенцев.

И вот прошло пятьсот лет по календарю давно сожженной собственным солнцем планеты. Каждый из миров населен исключительно подходящими его специализации особями постчеловеческого племени: Скорус — виноградарями и агротехниками, Гефестарион — металлургами и молотобойцами, похожими на подгорных коротышек из старинных, доколониальных еще, сказок, Океанида — стремительными рыбьими пастухами и фильтрователями планктона...

Все функционально. Все при деле.

И только один клоуненок оказался посреди виноградного рая, непонятно что там забыв.

Так странно ли, что он растет социопатом?

Вам удивительно?

Мне — нет.

* * *

Как я оказался по ту сторону закона? Ну, история не особенно длинная, но не слишком и красивая. Меня не особенно красит, во всяком случае.

Началось все с того, что мне понадобились карманные деньги. Я пошел и сказал об этом маме. Она оторвалась на мгновение от своей гидропоники и, откинув с лица перепачканной в удобрениях клешней прядь модифицированных волос, посмотрела на меня своими синими-пресиними глазницами с сияющими фасетками оптических усилителей в глубине каждого из зрачков.

Эти волосы — сплошные анализаторы влажности-температуры-давления и прочей необходимой уважающему себя агротехнику ерунды. Выглядит диковато — но это вы еще пчеловодов с Прополисада не видели. А я видел. На круглогодичной Агротехнологической ярмарке в третьем астероидном кольце у них павильон. Меня мама туда возила, совсем еще маленьким, пока еще интерес к своей работе не потеряла, и ей было, что на ярмарке выставить.

Давно это было. Но я запомнил.

— Аксель, милый, — сказала мама. — Если тебе нужны деньги, придумай, как тебе их добыть.

— Хорошо, мама, — ответил я и отправился добывать.

Чуть позже шериф говорил маме:

— Милая Катрин! Мы, ваши соседи по Агривальдау, понимаем, как трудно вам с женой воспитывать нестандартного ребенка. Мы очень хотели бы помочь вам в адаптации Акселя к нашей жизни. Вы же и сами видите, что он выходит из-под контроля, и чем старше становится, тем сильнее это заметно.

— Конечно, — ответила мама, покачиваясь и балансируя стаканом с плавающими в прозрачной жидкости кубиками льда. — Он другой. Это и невооруженным глазом видно.

Шериф доверительно наклонился к маме и понизил голос.

— Он нефункционален.

Мама фыркнула. Я фыркнул. Шериф укоризненно посмотрел на нас.

— А то я не знаю, — сказала мама.

Шериф был образцовым плодом мужского гомосексуального брака: крепкий, плечистый, абсолютно уверенный в своей правоте. Без страха и упрека. Ручищи-фиксаторы. Глаза-прицелы. Язык, который, если свернуть в трубочку, превращается в духовое ружье, стреляющее ключками с парализатором. Спорить с таким и объяснять ему что-то совершенно бесполезно. Я и не стал, когда он изловил меня в коттедже соседей, где я искал какие-нибудь ненужные им деньги.

Пальцы шерифа до сих пор тисками сжимали мочку моего уха. Но мне не было особенно больно — мы, клоуны, народ не слишком чувствительный.

Мочку другого уха осторожно, с выражением сосредоточенной брезгливости на лице, держала кончиками пальцев мама.

— Присматривайте за ним, сударыня, — сказал шериф на прощание и откланялся.

Мама задумчиво обвела взглядом бескрайние виноградники, раскинувшиеся на склонах холмов до самого горизонта под зеленоватым небом Скоруса.

— Аксель, мой малыш, — сказала она, прикончив содержимое своего стакана. — Тебе должно быть стыдно.

— Мне стыдно, мама, — сказал я, поморщившись. Один из встроенных в мамины пальцы буров раздражающе ковырял мое ухо. — Я больше не буду.

— Стыдно не потому, что ты решил добыть деньги таким вот — очень, кстати, незаконным, способом, — словно не слыша меня, продолжала мама. — В нашем сонном царстве предопределенности и всеобщей запрограммированности, — она широким жестом обвела раскинувшуюся вокруг пастораль, — любая инициатива заслуживает всяческого поощрения, даже если эта инициатива преступна. Ты молодец уже в том, что хотя бы попытался самостоятельно решить проблему, и необходимость преступить закон тебя не остановила. Стыдно же тебе должно быть за то, что ты попался.

— Да, мама, — понурив голову, ответил я.

— Но тебе не должно быть стыдно из-за того, что ты отличаешься.

Мгновение мама смотрела на меня на удивление трезвым взглядом.

А я удивленно таращился на нее.

— Ты сейчас надо мной издеваешься? — спросил я.

— Ничуть, — ответила мама. — Вот когда наряжала тебя во все эти смешные костюмы — тогда да, я издевалась. Но в результате ты вырос мальчиком с характером. Не надо меня ненавидеть за это.

Минуту я смотрел на нее, переводя взгляд на свои большие неспециализированные руки. Руки почему-то сами собой сжимались в увесистые кулаки. Потом разжимались снова.

Сжимались.

Разжимались.

Потом я улыбнулся.

— Я не в обиде, мам, — сказал я. — Теперь мне это даже нравится. Знаешь, как они все от этого бесятся?

— Знаю, мой мальчик, — сказала мама. — Они терпеть не могут все непонятное. Все нефункциональное. Меня это забавляет.

Сквозь окно, не выходя из дома, на маму в упор смотрела Селия. На миг мне показалось, что взгляд ее полон ненависти.

Но это оказалось лишь осуждением. Мало кто способен на ненависть в наше время генетического ограничения негативных эмоций.

— Я горжусь тобой, сынок, — сказала мама. — А теперь иди и придумай, как еще можно достать деньги.

* * *

Как может заработать денег подросток-клоуночек на скучной планете сельскохозяйственного профиля?

Правильно.

Работая клоуном на вечеринках.

Я ненавижу клоунов.

Но решил попробовать. Ниша была не занята. Цирковые корабли посещали систему едва ли раз в полгода, и то посетить их представления могли далеко не все. У нас небогатый мирок, а цирковые знают себе цену. Они уникальны.

Я вспомнил, что тоже один-единственный в своем роде.

Отыскал в инфотеке («честность и прозрачность — лучшая политика и залог добрососедства!») сведения о ближайших соседях и их детях. Достал из гардероба самый нелепый из своих нарядов. Начистил самые уродские из ботинок и отполировал их до блеска. Напихал в нос всякой смешной чепухи.

И появился на скромное празднование дня рождения дочки соседей-отжимщиков, маленькой очаровашки-отжимашки с огромными, как рабочие поверхности прессов, и очень функциональными ступнями.

Соседи впали в ступор, а девочка разревелась, когда я осыпал всех конфетти из хлопучек и полил фонтанчиками сладкой воды из модифицированных слезных желез.

Меня вежливо выставили на улицу, вручили грош и попросили больше никогда к ним не приходиться.

Разглядывая пластиковый кругляш моей первой в жизни заработанной монеты, лежащей у меня на ладони, я чувствовал, что процесс сдвинулся с мертвой точки.

Через неделю меня пригласили на празднование совершеннолетия сына-плугаря суровые пахари с соседней улицы.

Им понравились мои неумелые трюки, и люди-плуги долго хлопали мне широченными лопатами своих копательных ладоней. Они порекомендовали меня своим знакомым.

У первого гроша в копилке в виде странного розового существа с плоским круглым носом, которую мамыны предки притащили с собой еще с той самой планеты у погасшей звезды, появились друзья схожего номинала.

Через год, когда корабль-шапито «Большого цирка Тускарелли» совершил посадку в кратере большей из лун Скоруса, грошей накопилось как раз на билет на представление.

Недолго думая, я стащил у мамы ключи и угнал семейную ракету, взяв курс на манящие огни одного из самых знаменитых странствующих цирков галактики, гастрольный тур которого включал в себя посещение сотен звезд.

Пришло время для знакомства с папой.

* * *

Если быть кратким — я добрался до луны без особых проблем и только немного помял ракету при посадке. Запарковал ее в тени у борта корабля-шапито и отправился покупать билет.

Денег хватило тика в тик.

Я провел целый день, катаясь на аттракционах, разглядывая диковины в палатках, поедая сладости и вкусности, о которых прежде и не слышал.

Я посмотрел Большое Шоу Тускарелли на главном манеже корабля-шапито, который сиял тысячами цветных огней посреди ослепительного света и чернущих теней пустынной луны. Огромное колесо обозрения, и гигант-Хаммерджек, и Стреляющая До Небес Пушка — я посмотрел на все это.

В какой-то момент того странного дня я понял вдруг, что все то, что я привык с детства ненавидеть болезненной, смешанной с неукротимым влечением, ненавистью, начинает теперь, после близкого с ним знакомства, мне нравиться.

Эта мысль не вызвала у меня отторжения. Напротив, она мне понравилась. И вместе с этим пришла горечь осознания того, что через пару часов подойдут к концу эти замечательные сутки, и билет, который словно волшебный ключ из сказки, открывал сегодня для меня все без исключения двери в этой кочующей стране чудес, превратится в обычный пластиковый прямоугольник с аляповатой картинкой, изображающей полуодетую девочку на шаре.

Я погрустнел было, но потом яркий вихрь бесконечного праздника закружил меня в хороводе новых чудес.

В мрачном вакуумном шатре гадалка с генетически усиленной до абсолютного предвидения интуицией, заглянув в хрустальный шар и разбросив пасьянс на картах суперТаро, предсказала мне в скором будущем долгую дорогу.

Не то чтобы это меня насторожило, но внутри защемило в предвкушении встречи с неведомым.

Повсюду сновали пышно разодетые униформисты. Тут и там факиры в высоченных тюрбанах и расшитых звездами мантиях распиливали фривольно одетых красоток, и почти настоящая кровь лилась рекой из-под зубьев пилы. Жонглеры лихо перебрасывались тысячами острых, хрупких и раскаленных предметов, не переставая улыбаться. Клоуны задирали толпу зевак и друг друга. Танцевали слоны, неслышно трубящие за стеклянными шарами вакуумных шлемов — в отличие от цирковых, немодифицированные животные с планеты-прародительницы, вывезенные кораблями-шапито еще на заре экспансии, не были приспособлены к жизни в безвоздушном пространстве.

А вот мы, клоуны, запросто могли часами не дышать, и декомпрессия была нам нипочем.

Небеса! Я сказал — «мы?!»

— Сказал, — услышал я голос внутри своей головы и обернулся.

Он стоял совсем рядом — огромный, толстый, с копной непослушных рыжих волос. Таких же, как у меня.

— Здравствуй, отец, — сказал я.

— Называй меня папой, сынок, — сказал Маркоус Тускарелли, капитан Ржавчина, клоун-навигатор фамильного корабля-шапито.

Пара клоунов-адъютантов замерла у него за спиной.

— Как ты узнал, что я тут? И как вообще узнал меня? — спросил я. — Я видел тебя в инфотеке, но то ты, а то я. Меня в инфотеке так просто не найдешь.

— Звонила твоя мама, — ответил отец. — Просила тебя встретить. И не обижать. А теперь пойдем-ка, выпьем чего-нибудь и поговорим.

— Айда, — согласился я.

— Эй-эй! — ткнул меня в плечо гигантским кулаком в форменной боксерской перчатке мой отец. — Ты же не думаешь, что я всерьез стану поить тебя крепкими напитками? Я в курсе, сколько тебе лет.

— Мама сказала?

— Точно!

Час спустя в капитанской каюте корабля шапито, полной подушек, табачного дыма и тяжелых драпировок, не оставив без внимания обширный бар с миллионом сосудов всех форм и размеров, в части из которых наполнявшие их жидкости и газы искрились, бурлили и взрывались крошечными фейерверками, отец, окутанный облаками пряно пахнущего дыма из огромного кальяна, вещал:

— Понимаешь, сынок, дело тут вот какое, — он затаился и выпустил огромный клуб сизого дыма. — Мы, цирковые, последний оплот земной культуры. Уж так сложилось в ту далекую пору, когда колонисты плотно вцепились в свои мирки — а потом настолько сжились с ними, что уже не могли покинуть их надолго.

— Как мама? — спросил я.

— Именно, — кивнул отец. Его огромное жабо лежало на необъятном животе. Животе был туго обтянут красно-белым полосатым балахоном, от чего отец был похож на небольшой воздушный шар. Он затаился вновь, раздуваясь еще сильнее и бешено вращая глазами. Это было смешно, и я попробовал повторить. Получилось, и отец оглушительно расхохотался.

— Весь в меня! — проревел он.

Я скромно пожал плечами.

— Так вот, — продолжал отец, — единственными представителями людского племени, которые изменились недостаточно для того, чтобы быть навеки привязанными к планеткам, оказался цирковой люд. На сей момент во всей галактике осталось десять странствующих цирков. Мы специализированы и изменены лишь настолько, чтобы без вреда для себя переносить все трудности нашего бесконечного путешествия. Мы не только развлекаем затосковавших в серости своих будней рудокопов, сеятелей, рыбаков, сынок — нет! Мы несем от мира к миру новости, послания, знания. У нас самые обширные и полные базы данных — потому что мы пустились в странствие еще до того, как началось поспешное бегство и поспешное же изменение генотипа, которое оказалось непросто, а порой и невозможно обратить вспять. И только у нас, цирковых, сохранилось все многообразие человеческих генов — неизменных, закрепленных и усиленных. Мы — Хранители, сынок.

Я слушал его, и многое становилось понятным.

— Ну вот, — сказал отец, посмотрев на огромный, в форме луковицы, хронометр. Потом перебрал его мне. — Держи, сын. Подарок. Твой билет аннулирован, и тебе пора убираться обратно на свой затхлый виноградник. Передавай привет маме. Рад был познакомиться.

Я почувствовал, как кровь ударила мне в лицо. Я не верил собственным ушам.

Отец улыбнулся мне в лицо.

— Что, сын, хочешь меня ударить? — спросил он. — Так ударь. Ну? Слабак!

Я стиснул кулаки.

— А еще у тебя дурацкое имя, — сказал отец. — А-а-ксе-ель!!!

И я ударил. С правой. А когда он упал, как подкошенный, развернулся и, не помня себя, вышел вон.

Снаружи меня ждали клоуны, подпирая стену шапито.

Клоунов было двое. Рыжий и белый. Классика.

И они от души намяли мне бока, пока засовывали в расписанную слонами и эквилибристками ракету канареечного цвета. Клоуны отвезли меня на Скорус и сдали маме с шерифом.

— Нападение на представителя вольного государства, межпланетного подданного, трансгалактического капитана, облеченного властью, исполненного заслуг! — наперебой кричали клоуны. — Требуем от имени оного наказать!

Мама просила шерифа оставить меня дома, но тот был непреклонен.

— Совершено тяжкое противоправное деяние, сударыня Катарина, — терпеливо отвечал он маме, растрепанной, как кроха-горобей после хорошей драки за лучшие ягоды, и готовой, как и положено маме, до конца сражаться за своё непутевое чадо. — Мы обязаны собрать судилище. Преступлены границы человеческой морали, сударыня Катарина. Ваш сын должен понести наказание.

Несмотря на разъяренный вид, держалась мама очень хладнокровно.

— Я не против того, чтобы Аксель понес заслуженное наказание, — сказала мама шерифу. — Но я требую, чтобы были учтены все обстоятельства дела. Мальчик рос без отца, в неблагоприятной для него среде, ежедневно испытывая затруднения в адаптации, и разумеется, встреча с родителем стала для него шоком, который и повлек сей неприятный инцидент. Я полагаю, необходимо проведение экспертизы — для изучения состояния психического здоровья ребенка.

Шериф посмотрел на маму с невольным уважением. Потом глянул на меня, и взгляд его потяжелел. Я потупил глаза, но успел заметить мимолетную торжествующую улыбку на мамином лице. Потом она снова стала очень серьезной и очень сердитой.

Шериф пожевал травинку и смерил меня взглядом.

— Выбор у тебя невелик, сынок, — сказал он. — Или тюрьма, или... А твоя мама, мальчик, очень мудрая женщина. Она желает тебе только добра, пусть даже и столь странным способом. Надеюсь, пострадавшая сторона не будет против подобной экспертизы?

Клоуны, вверившие меня в цепкие клешни правосудия, синхронно помотали головами.

— Пожалуйста! — проверещал рыжий.

— Сколько угодно! — пробасил белый.

— Если парнишка окажется ненормальным, как мы... — сказал рыжий.

— Вы уж отдайте его нам, — продолжил белый.

— Ему с нами будет хорошо! Точно! Наверняка! — закончили клоуны хором.

Шериф покачал головой.

— Шуты дело говорят, сынок. Тут тихая планета, и боюсь, это не лучшее место для такого бунтаря, как ты. Сударыня Катарина, вы же понимаете, что я прав?

— Давайте-каждемся суда, шериф, — сказала мама.

Но я увидел, как взблеснули искры радости в глубине ее глаз.

И все сомнения, вся досада и обида вдруг разом ушли, как и не было их никогда.

— Хорошо, шериф, — сказал я. — Что я должен подписать?

* * *

Когда-то, на заре колонизации, на Скорусе был быстрый суд. У местных даже сохранилась поговорка: «Суд на Скорусе скор». Хотя на всем Скорусе никого не судили уже лет триста — с того момента, когда верное поведение аграриев закрепилось в четырех поколениях.

«Суд на Скорусе скор. За завтраком тебя вяжут копы, к обеду твое дело рассматривает судья, а перед полдником тебе уже вынесен приговор. Никаких проволочек.»

Так говаривали старожилы, которые оставили нас три стандартных столетия назад. Вместе с длинноствольными бластерами, ограблением магнитных дрезин и чемпионатами по нелегальным шашкам это осталось лишь одной из легенд галактического фронта, не более того.

С тех пор законы морали никто уже не нарушал, а должности шерифа и судьи оставались хоть и обязательными, но скорее номинальными, нежели практичными. Порой случались мелкие происшествия, семейные размолвки, да и стихия временами ускользала от планетарного бюро погодного контроля, заставляя хранителей права развивать хоть какую-то деятельность до поры, пока все снова не возвращалось на круги своя — в размеренное скучное русло сонных будней солнечного сельскохозяйственного мирка.

Так что моя выходка стала для судебной системы всего Скоруса своего рода вызовом.

— Коулрофобия? Я не силен в терминологии, — сказал судья, изучив заключение экспертной комиссии.

— Клоуны, ваша честь, — пояснил я. — Они сводят меня с ума.

— То есть ты их боишься? Они страшат тебя? Властвуют над тобой? Заставляют тебя делать всякие несвойственные человеку, недостойные человека вещи? — допытывался судья.

— Нет, ваша честь, ответил я. — Еще чего не хватало! Позволю я кому-то себя властвовать! Я просто не особенно люблю клоунов. Вернее сказать, совсем их не люблю. Совсем-совсем. Ну вот ни капельки.

Я показал на пальцах, насколько я не люблю этих проклятых клоунов.

Судья хмыкнул. Он был молод, и приобретенные от своих родителей судей-знания еще бурлили в его беспокойной от гормонов крови. Ничего, через год-другой включившаяся генетическая программа приведет его темперамент в нужное состояние хладнокровной сдержанности. В чем-то судьи напоминают нас, клоунов. И подростковый период тоже бывает у всех.

Терракула меня пожри! Я что, сказал — «нас»?!..

О небеса.

Я меняюсь

— Оборотаться, — сказал судья после моих пояснений. — Это еще хуже, чем расизм. В твоём случае — ауторасизм. Ты как какой-нибудь зеленокожий ррухианин, который чувствует свою ущербность перед ррухианами полосатыми и ненавидит за это своих собратьев... но прежде — самого себя. Для ррухиан это естественное поведение, но ррухиане — не люди, а агрессивный пассионарные дикари, которыми

управляет не логика, но гормоны. А мы — люди. Для человека такое поведение ненормально. Кузнецу не за что ненавидеть другого кузнеца. Завидовать — да, это естественно. Зависть — механизм самосовершенствования. Но ты не завидуешь. Ты ненавидишь.

— Я никому не завидую, ваша честь, — сказал я. — Мне просто иногда кажется, что мне не место здесь.

— А где тебе место, Аксель Белл? — спросил меня судья.

— Не знаю, — пожал я плечами. Шмыгнул клоунским носом. Чихнул, высморкав из левой ноздри растрепанного радужнокрылого птиурга. Вынул из кармана полосатого балахона хронометр-луковицу, а прежде выпустил побегать пару ухозаек, белых, с такими розовыми носиками, ну вы знаете, да?

Прелесть какие крошки.

Никто перед ними не устоит.

Селия и половина суровых аграриев в зале суда пустили слезу умиления. Мама, сегодня совершенно трезвая, смотрела на меня очень серьезно. Одними губами она шепнула мне: «Удачи, сынок!».

Цирковые во главе с моим отцом оценивающе разглядывали меня со скамьи обвинения, ковыряя в красных носках, пуская ветры, жонглируя секаторами и пушистыми отчаянно мяукающими зверушками о четырех лапах и хвосте, названия которых я не знал.

— Ладно, — сказал наконец судья. — Комиссия судебных экспертов признает тебя, Аксель Белл, четырнадцати стандалет от роду, сына от незарегистрированной связи Катарины Белл, агротехнолога, би, Агривальда, Скорус, состоящей в официальном браке с Селией Белл, агротехнологом, гомо, и прочая, и прочая, — и Маркоуса «Ржавчины» — о небеса, вы серьезно? «Ржавчины»?! — Тускарелли, клоун-навигатор, корабль-шапито «Большой цирк Тускарелли», порт приписки Кочующий Экспедиционный корпус Земли, неформат, не числится, не состоит, не попадает, не подлежит — о, даже так?..

Судья озадаченно почесал затылок под буклями парика-инфотерминала. Собрался, подтянулся и продолжил уже более официальным тоном:

— ... признает невменяемым вследствие подверженности коулрофобии, каковая подверженность и побудила подсудимого к производству противоправных действий в отношении сотрудников творческого объединения «Большой цирк Тускарелли» и причинении им своими действиями физического вреда...

Тут папа, левый глаз которого был изрядно подбит, пустил струйки слез, а его подчиненные повторили действия капитана.

— ... и морального ущерба...

Поток слез превратился в многоструйный водопад. Послышались дурашливые рыдания. Осуждение на лицах моих соотечественников постепенно сменялось улыбками. По рядам собравшихся волной прокатились смешки, и судью некоторое время не было слышно.

— ... постановляет: подсудимого Акселя Белла приговорить к курсу принудительного лечения от указанной фобии методом постепенного

сближения с объектом оной, для чего подсудимому предписывается в течение года сопровождать сотрудников творческого объединения «Большой цирк Тускарелли» в их гастрольном туре с возможным продлением срока наложенного наказания на неограниченный период по желанию и взаимному соглашению заинтересованных сторон. Приговор вступает в силу немедленно.

Оглушительно ударил деревянный молоток.

Цирковые обступили меня, хлопая по плечам своими ручищами и отпуская непристойные шуточки. Мама с трудом пробилась сквозь многоцветный барьер их грушевидных тел.

— Аксель, сынок, — сказала мама на удивление ровным голосом, хотя видно было, как она взволнована. Сколько я ни всматривался в ее лицо, так и не мог определить, счастлива она все же или расстроена. — Ты летишь прямо сейчас, я уже обо всем договорилась с твоим отцом. Не хочу долгих прощаний. Знай, что я люблю тебя, и буду ждать тебя здесь всегда.

— Летим вместе, мама, — сказал я.

Она покачала головой.

— Мне не место там, сынок. Также, как тебе не место здесь. У каждого из нас свой путь в жизни, и сейчас они расходятся. Пора прощаться. Надеюсь, я как следует подготовила тебя к твоей новой жизни, Аксель, мальчик мой.

— Да, мама, — сказал я и обнял ее. — Я буду очень скучать.

От мамы пахло цветами. Запаха алкоголя сегодня не было. Она вся была посвежевшей и обновленной. Это было непривычно, но я видел, как счастливо сияли глаза моей мачехи. Что ж, пусть у них теперь все будет хорошо, подумал я.

— Я рада за тебя, сынок, — шепнула мама мне в самое ухо.

— Я люблю тебя, мам, — шепнул я ей и почувствовал, как дрогнул голос.

Отец, огромный, рыжий и громогласный, обнял меня за плечи и пристально посмотрел маме в глаза.

— У нас все получилось, дорогая, — сказал он. — И именно так, как ты и спланировала.

Мама кивнула, и папа поцеловал ее. Потрепал меня по рыжим патлам.

— Смышленный малец, хоть имя у него и дурацкое, — сказал он. — Ты правильно его воспитала. С ним все будет в порядке, любовь моя. Я обещаю.

— Убирайтесь прочь, вы, клоуны, — улыбнулась нам мама.

Микролинзы ее глаз подозрительно блестели.

Через мгновение ракета, полная клоунов, унесла меня к моему новому дому.

Туда, где «Большой цирк Тускарелли» готовился стартовать к следующей звезде на своем бесконечном маршруте сквозь звездный рукав, чтобы напоминать скучному функциональному и рациональному человечеству о том, что они все еще люди.

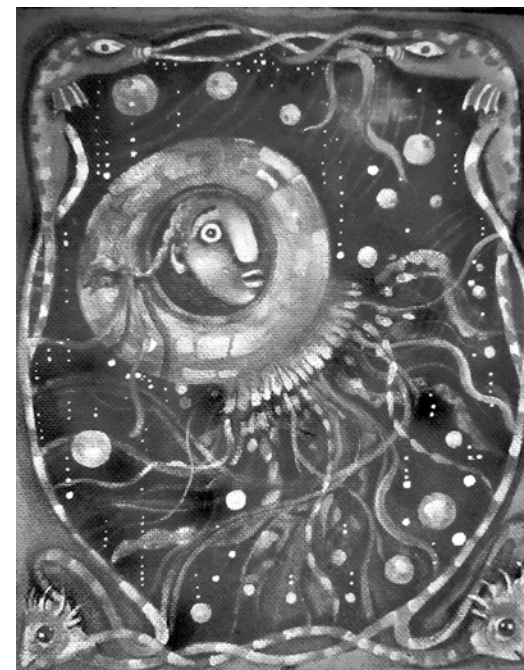
Мне было по пути с кораблем-шапито.

И с папой.

Нас ждали звезды.

Анна Агнич

ИДЕАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Директор приюта для бездомных собрал всех потенциальных невест в большую комнату без окон, представил меня и ушел.

— Здравствуйте, женщины! — сказал я бодро. — Кто хочет стать женой колониста?

— А че дашь? — без энтузиазма спросила старуха с татуировкой на щеках и носу.

— Обеспеченную жизнь на планете седьмой категории. Брачный контракт на пять лет.

— Это под куполом торчать, что ли? Ищи дур! — крикнула татуированная.

Женщины зашумели, заговорили, вразнобой захлопали откидные сиденья.

— Стойте, — сказал я, — это не все.

— А что, миленький, ты нам еще можешь дать? Наследственное право жить на твоей родной планете? На обледенелом астероиде десятого класса? — взвизгнула толстуха из первого ряда. Эта, кажется, была у них клоуном. Женщины расхохотались.

— На планете Земля, — сказал я негромко.

Меня слышали все. Снова захлопали стулья. Женщины уселись, стало тихо. Я сказал, волнуясь:

— Есть одно условие: дети. У вас должны быть здоровые дети не старше полугода.

Подходящих кандидаток оказалось три. Я женился на всех.

Жены поссорились еще в дороге: старшие объединились против младшей, затем младшие против старшей, затем старшая и младшая против средней. Исчерпав варианты, они пошли по второму кругу.

Дети — два мальчика и девочка — хорошо перенесли путешествие. Девочка была пошустрей, она ловко ползала задом наперед, отталкиваясь толстенькими ручками, и лопотала что-то на своем младенческом языке. В ее лепете было много прекрасных вопросительных интонаций. Я чуть не плакал от восторга, от радости и надежды, когда она садилась на крепкий задик, поднимала перед лицом пухлые ладошки, и спрашивала у них: «М-м-м?». Это был идеальный вопрос, это было именно то, что нужно.

Без ложной скромности скажу, моя идея была гениальной. Знаете, как бывает, прочтешь в книге о безвыходном положении, и сразу видишь: вот он выход, простой и ясный. Почему его не видят герои?

Давно, лет десять назад, в книге фантаста двадцатого века я прочел об Ответчике, который знает все. С той поры моя жизнь подчинена одной идее — найти Ответчик и задать ему вопросы. Несколько очевидных: «В чем смысл жизни? Что такое время? Как жить?» — ну и дальше, в зависимости от его ответов.

Я нашел его, не мог не найти, потому что все, что когда-либо придумали люди, существует в природе. Космос бесконечен — и бесконечны населенные миры. Я нашел его, всезнающий Ответчик, описанный Робертом Шекли. Развита раса построила его в помощь нам, менее развитым, и отбыла. Куда? Зачем? Как? Одному Ответчику известно — потому что ему известно все.

Он ждет на своей планете, чтобы к нему пришли и спросили. И приходят, хоть и редко, и спрашивают. Беда в том, что он не может ответить никому. Нужно уметь спросить в правильной системе понятий, в той, в которой возможен ответ. Чтобы спросить, нужно знать большую часть ответа.

Или не нужно?

В том-то и гениальность моей идеи: не скованный аксиомами восприимчивый ум может задать вопрос и понять ответ. Полугодовалый ребенок оглядывается на мать, спрашивает «М-м-м?» — и мать его понимает. И Ответчик поймет и ответит, и ребенок будет расти, воспринимая его систему понятий, задавая ему все более сложные вопросы. От людей ребенок научится человеческому языку — и станет моим переводчиком! И постепенно, пусть даже частично, передаст свое знание мне. Только так я смогу задать свои вопросы Ответчику — через ребенка, через выращенного мной переводчика.

Все, что я заработал за жизнь, все до копейки, я вложил в ценный, до мелочей продуманный груз: защитный купол, независимая экосистема, продукты на первое время, почва, вода, семена и парочка кур с петухом. Все, чтобы прокормить колонистов — меня и будущую мою семью. Большую семью: я не мог рисковать, надеясь на одного-единственного ребенка. Дети — существа хрупкие, мало ли что.

Нас доставят на планету Ответчика и мы будем жить рядом с ним. Мы и дети. Через пять лет за нами прилетят. Надеюсь, мне хватит этого времени, чтобы вырастить переводчиков и задать Ответчику верные вопросы.

Волнуюсь — первая встреча, как она пройдет? Вездеход карабкается по каменным ступеням. Вот он, белый экран в скале — так Ответчик видят люди. Девочка тянет руку к экрану, почти касается его сквозь пластмассу окна. «М-м-м?» — спрашивает она. Ответчик что-то говорит — я слышу в своей голове бессмысленные мелодичные звуки. На экране вспыхивают цветные искры, метель из цветных искр — дети внимательно смотрят. У них очень спокойные лица. Когда экран гаснет, я везу детей домой. Они засыпают в вездеходе и лица у них все так же спокойны.

«М-м-м?» — спрашивает мальчик, тот, что помладше. Мы дома, под большим куполом, далеко от Ответчика, но я слышу ответ в моей голове. Значит, мне больше не нужно возить детей к белому экрану, теперь они умеют общаться на расстоянии.

Я поразительно близок к цели! Моя идея больше, чем гениальна — она реализуема. Времени осталось целых четыре с половиной года. Вполне достаточный срок.

Жены больше не объединяются в пары, теперь каждая в ссоре с каждой. Они сражаются за меня. Я пытался поровну распределять внимание, но из меня отвратительный дипломат, и они все время обижены. Я пытался держаться от них подальше, это их еще обижает сильнее.

Ничего, главное — Ответчик и дети. Если бы не моя цель, я бы с этими женами под этим куполом давно сошел бы с ума.

Дети общаются между собой без слов, они играют в игры, непонятные нам, взрослым. Я присаживаюсь на корточки, всматриваюсь в лица. Взгляд их загадочен. Они очень спокойны эти дети. Быстро, слишком быстро для их возраста, они учатся говорить на человеческом языке.

— Папа — говорит девочка. — не мешай. Ты не даешь мне думать. Нет, не так, не «думать»! Я не знаю, как это объяснить. У тебя нет нужных слов.

Ничего, рано или поздно они станут моими переводчиками. У меня еще есть целых четыре года.

Сегодня я узнал, что дети умеют летать. Девочка поднялась в воздух и облетела купол дважды. Потом это сделали мальчики.

Еще я узнал, что ночь со мной стала у женщин чем-то вроде денежной единицы. Расценки примерно такие: младшая две недели подменяла старших в огороде, чтобы заработать одну ночь. Где я что-то похожее читал? Не у Шекли, где-то совсем в другом месте.

Чему еще научатся дети за оставшиеся три с половиной года?

Я лишился возможности смотреть в лица детей. Для человеческого глаза они теперь как метель разноцветных искр — так мы, люди, их воспринимаем. Я различаю их, я всегда знаю, какой вихрь — кто. А жены путают.

Женщины больше не ссорятся, они объединились против меня. Я для них — самый преступный человек на свете, страшный губитель детей. Но это не так, я точно знаю. Дети счастливы, я вижу это по движению искр.

Ну, вот и конец. Дети улетели. Три вихря разноцветных искр прошли сквозь защитный купол, поднялись в небо, слились и исчезли. Я ждал их — они не вернулись. Больше мне ничего не нужно на этой планете.

Я спросил у Ответчика:

— Они еще прилетят?

— Этот вопрос слишком анторпоморфичен.

— Они ушли к той, развитой расе, которая создала тебя? К тебе уже приводили детей — и они так же улетали? Куда, зачем, как? Хорошо ли им там?

— Эти вопросы бессмысленны в моей, единственно верной, системе понятий, — спокойно сказал Ответчик.

Мне показалось, что он издевается надо мной. Но нет, этого не могло быть. Это было бы слишком антропоморфично.

Не знаю, просто не понимаю, как я выдержу здесь без детей три бесконечных бессмысленных года.

Жены ненавидят меня. Кажется, они сговариваются меня убить. Это просто — запрутся и не пустят под купол. Пока еще они до этого не додумались. Или они задумали что-то похуже? Ничего, большая часть срока уже прошла. За нами вот-вот прилетят. Дожить бы.

Нет, такого коварства я не ждал! Жены улетели без меня. Да, я сам об этом попросил, но я же был пьян! Вот до чего доводит кактусовая бражка.

Еще бы им не улететь, с земным видом на жительство они завидные невесты и сами будут теперь выбирать женихов.

Не знаю, сколько лет прошло. Какая разница? Мой купол исправен, куры несутся бойко, кактус растет хорошо.

— М-м-м? — спрашиваю я у Ответчика.

— М-м-м! — отвечает он.

И я понимаю его, как никогда никого не понимал в жизни.

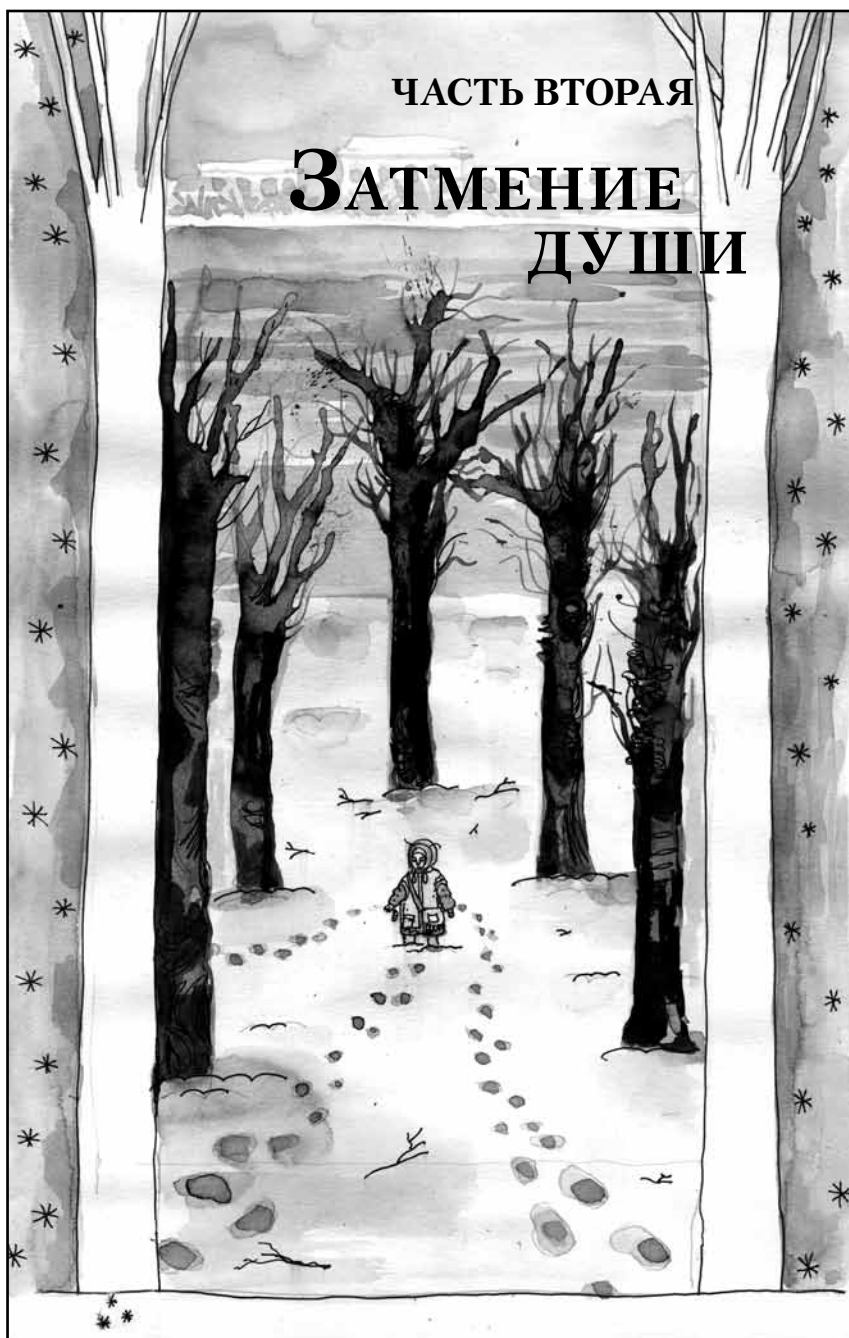
АБРАМЬЯНС Владимир Андроникович

Редакция решила в виде исключения поместить биографию этого автора в силу её фантастичности. Как он сам говорит про себя, его угораздило родиться в Нальчике, где он и прожил обычную жизнь нормального советского стоматолога — семья, работа, дети — пока в 50 лет не начал стремительно терять зрения и не ослеп практически полностью. Но инвалидом быть не захотел, освоил профессию массажиста-мануальщика, начал писать песни и стихи и ушел из дома. С тех пор вот уже много лет с апреля по октябрь-ноябрь живет на черноморском побережье в палатке, ходит от стоянки к стоянке, вправляет суставы, устраивает стихийные концерты. Его хорошо знают местные жители от Геленджика до Паскавеевки, а также и постоянно приезжающие туда на отдых туристы — он стал настоящей легендой побережья, обзавелся постоянными клиентами, слушателями и учениками. На бумаге публикуется впервые.

ПЛАСТМАССОВЫЙ ГЛОБУС

На берегу черноморской впадины
Я стою на пластмассовом глобусе.
О, как величественны эти
Из виниловых бутылок голубые утесы,
Под крылами оранжевых мух, огромных, как вертолеты.
Ураганный ветер гладит мне щупальца,
Не могу надышаться трехвалентным смогом.
Я бесконечно счастлив, что существую
Еще не один
на этой
Обетованной планете!

Дмитрий Володихин

ПОПУЛЯЦИЯ ХИТРЫХ КОТОВ

Александру Миреру посвящается

О Викторе Дмитриевиче Грэе, четвертом великом, было известно совсем немного. Но все-таки больше, чем об индонезийце, которого знали только по псевдониму Страйпи, — первом великом. Ни одна живая душа не могла сколько-нибудь определенно высказаться, на каком именно острове он обитает в данный момент. Третий, Тихон Рыжов, вечно был связан с каким-то мрачным криминалом, и теперь лег на дно, вот уже четыре года как не высовывается: неприятные сложности с мафией, у которой крышевал его последний издатель. Англичанка Мэри Мур, вторая великая, вроде бы умерла год назад. Ни единого фото. При жизни она не отличалась общительностью, как, впрочем, и все члены Экстремального Прайда. Кроме, пожалуй, пятого великого, Эрика Шварца. Этот регулярно, раз в три месяца, давал интервью по телефону. Весьма обстоятельно, неторопливо, мог висеть на трубке час, а то и два. Сотни тысяч знали его по нашумевшему CD-диску «Царапина»: автор читает свои эссе, высунувшись до пояса из какой-то ржавой трубы; котельная, все булькает, осыпаются угольные кучи, Эрик Шварц в экстравагантном одеянии — черные костюм и рубашка, белые галстук и перчатки, веки вымазаны фосфоресцирующей краской... Хорош, одним словом. Так вот, за одно телефонное интервью с пятым великим кислотные журналы платили по ставкам наемников в зоне боевых действий.

Нет ни малейшей уверенности в том, что все пять антропонимов — подлинные.

Виктор Дмитриевич опубликовал первый рассказ в апреле 1989 года. Поэтому его и зовут четвертым великим. Страйпи выдал роман в январе 1989-го, Мэри дебютировала в феврале с романтической поэмой в стиле поствиртуализма, Рыжов — в марте 1989-го (фантастическая повесть), Шварц — в январе 1990-го: психоделическое эссе под органнй концерт его же сочинения... Разумеется, на все это обратили внимание...

...Прошел, голубчик, мимо моего наблюдательного поста, скрылся в подьезде...

...на все это обратили внимание лет через пять, когда все пятеро оказались в числе литературных суперлидеров и объявили, что их объединяет членство в ассоциации-пентаграмме Экстремальный Прайд. Программа Прайда сводилась к одному слову: «безразличие»; основным его лозунгом стало простенькое правило: «не обращайтесь внимания». История мировой литературы не знает ни одной встречи хотя бы двух из пяти великих после 1992 года. Впрочем, нет никакой информации об их встречах и до этого. Просто примерно с середины 92-го они уже купались в успехе, но упорно не желали выходить из

добровольного подполья на милость осаждающих журналистов. С 91-го они работали буквально под прицелом объектива, встреч бы не пропустили. Значит, их не было. В 1989—1992-м или до того их знали меньше, намного меньше, могли и пропустить...

...В окне на втором этаже зажегся свет... Пора.

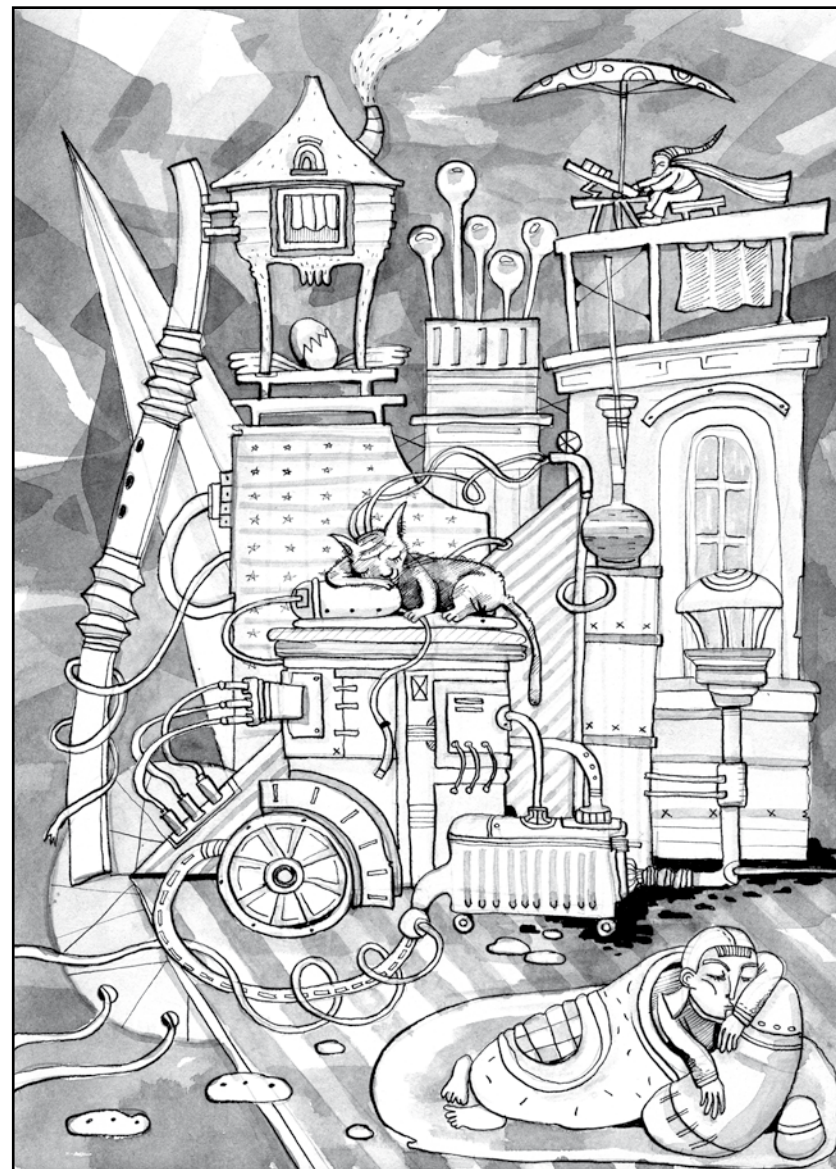
Что я знаю о Викторе Дмитриевиче? Все биографические данные до первой публикации в 89-м — липовые. Родился в 1960 году в Полоцке, учился, поступил в московский вуз, окончил его, мелькал в том семинаре, в этом... В Полоцке, как выяснилось, он никогда не был. Открытие в городском музее книжности экспозиции, посвященной великому земляку В.Д.Грēju, скандально сорвалось. Вузовский диплом оказался подделкой. И тому подобное. Некая Марина Моисеевна Кантор по всем документам числилась его первой женой (1989 год). Через полгода брака Грėj овдовел, но скоро женился во второй раз, на Татьяне Тимофеевне Решетниковой (1990—1993 годы), каковая развелась с ним и уехала из Москвы к себе домой. А жила она под Козельском, совсем недалеко от Оптиной пустыни. Когда добрались до этого факта, пресса запестрела намеками на всяческую мистику. Оказалось, Решетникова там никогда не жила и не живет...

Все пятеро вроде бы считались последователями Карлоса Кастанеды. Вот и стирают следы своего пребывания в реальности. Но проверить это невозможно: кажется, Марию Мур однажды видели на семинаре в Лос-Анжелесе; больше ничего определенного. Воины икстланского пути не склонны афишировать внутренние дела своей церкви.

Я попытался закурить. Руки тряслись, столбик пламени далеко не сразу скрестился с сигаретой. Затянулся раз, другой, пошел в подъезд...

Подлинной считается одна его старая и не очень качественная фотография (приблизительно 90-й год): высокий лоб, маленький капризный рот, волосы коротко пострижены по молодежной моде, которая впоследствии сделалась всеобщей. Еще одна фотография 1995 года — на курорте в Сестрорецке, издавека. Лица почти не видно. В 1992—1993 годах Грėj четырежды снимали на камеру, когда он встречался с издателями. Внимательно просмотрев эти пленки, я ушел потрясенный: похоже на то, что это два или три разных человека с минимальным сходством. С 1994-го он пользуется услугами литагентов, которым два доверенных лица Грėj передают рукописи и все необходимые бумаги. С 1996-го журналисты не знают, где он живет. В 1998-м Виктор Дмитриевич дважды устраивал пресс-конференции в интернете и тем самым дал маленькую зацепку. Прежде всего, я вышел на человека, продавшего номер телефона. Этот номер позволил выяснить адрес: через Центральное адресное бюро, в обход всех установленных правил. Всего полторы сотни долларов, хотя для меня это порядочные деньги, особенно сейчас...

Я остановился перед дверью. Имеет полное право спустить на меня волкодава. Или просто молча вытурить. Рыжовская прислуга как-то раз научила считать ступеньки одного питерского энтузиаста.

Охранник Шварца, кажется, сломал ребро назойливому папарацци. Звоню. Странное чувство: вот так запросто звоню настоящему живому Виктору Грэю...

Открывает. Через цепочку задает вопрос:

— Кто вы?

У меня заранее включен диктофон. Микрофон хорошенько припрятан.

— Простите, вы, кажется, протекли на меня...

Отворил дверь. Левая рука у меня — в кармане плаща. Если Грэй меня выбросит, успею вытащить фотоаппарат и сделать хотя бы один снимок. Тоже порядочно стоит. Во дворе у меня была паршивая позиция, в лобовую снимать я не мог... Обстановка у него простенькая: трехкомнатная квартира незатейливой брежневской планировки, обезлаченный паркет, вытертый линолеум на кухне, дешевая люстра к коридору, старые обои. Чисто.

— Извините меня. Если вы не дадите мне интервью, мою жену убьют, — это, к сожалению, чистая правда.

— Вы сумасшедший? Уходите! — я присмотрелся к нему. Высокий, атлетически сложенный мужчина, выглядит как раз на свои сорок. Одет несколько необычно, дома — как на службе: однотонная дорогая рубашка, запонки, жилет, галстук, штаны явно от какого-то костюма. На себя прежнего, десятилетней давности (то самое фото 90-го года), похож не больше, чем уголовник на фоторобот. Подбородок как будто увеличился в размерах. А рот — прежний. Очень фактурная черта: голубые глаза. Качественные такие, философические глаза, с этакой мыслью, если не сказать, с идеей. Это может пойти в текст. Интонации в голосе выдают незлобивого человека.

— Еще раз искренне прошу простить меня. Она задолжала довольно много, и ее могут просто-напросто пристрелить, если мы не добудем деньги к сроку. А я, к несчастью, не имею других возможностей как следует заработать.

Он молча сложил руки на груди, присел на табуретку и уставился на мое лицо. Из кухни вышел кот, сел рядом с Грэем и тоже уставился на мое лицо. Старый такой медлительный кот, серый, пушистый. Выцвели зазорные полосы на его боках. Глаза серо-зеленые, блеклые, усталые и тоже философические. Одно ухо вывернуто наизнанку — то ли от рождения, то ли искалечено в славном бою, когда юность кипит в артериях. Обожаю котов. Деньги, жена и живой классик мировой литературы моментально вылетели у меня из головы. Опускаюсь на корточки:

— Здравствуйте, господин кот. Рад видеть вас в таком месте. Если Вы не против, мы могли бы познакомиться. Меня зовут Андрей Маслов, я журналист. А Вас?

Кот чихнул.

Грэй спрашивает его:

— Как ты думаешь, Мишель, что нам делать с этим проходимцем?

Кот повернул к нему морду и пискнул что-то коротенькое.

— О да. Ты совершенно прав. Впрочем, как всегда.

Потом живой классик обращается ко мне:

— Молодой человек, насколько велик ваш долг?

— Э-э... полторы тысячи долларов. Без малого.

— Не уверен что за такие деньги могут убить, но, вероятно, я несколько отстал от жизни. Видите ли, я вам верю. Вы, кажется, не лжете. Подождите, пожалуйста, минутку.

Ушаркал куда-то в комнату. Наконец-то я могу свободно пообщаться с котом.

— Теперь я знаю Ваше имя. Милостивый государь Мишель, в знак моего уважения, я хотел бы Вас погладить. Вы позволите? — я осторожно потянулся.

Коту эта идея, надо полагать, не пришлась по вкусу. Он округлил сонные глаза и поднял лапу. Нет, не замаяхнулся, а именно поднял, чуть-чуть оторвал ее от пола, ясно дав понять: давай-давай, тянись-тянись, получишь, как следует. Я убрал руку и говорю:

— Воля Ваша. Уже одно лицемерие Вашего блестящего меха — большая честь для меня.

Грэй выходит:

— Прошу вас, оставьте в покое моего кота, он существо робкое и замкнутое. Вот вам полторы тысячи. Надеюсь, этого хватит, чтобы купить наше одиночество.

Я посмотрел на него, посмотрел на деньги, сказать нечего. Не встречал еще таких людей. Считать ли бесчестьем такую помощь? Убьют — не убьют, но пальцы в обратную сторону вывернуть Наташеньке вполне могут... В голове моей вертятся разнообразные формулы благодарности, ни одна из которых не может считаться вполне адекватной.

— Когда я должен вернуть?

Хозяин и кот вновь переглянулись.

— В этом нет необходимости. Мы с Мишелем делаем покупку. Мы покупаем ваше отсутствие в нашей квартире.

— М-м. М-м-э?

— Да.

— Но я же не могу... Я не умею сказать, как много я вам обязан.

— Вот и молчите. Отправляйтесь домой молча. Лучшая, прямо скажу, форма благодарности. Тем более, что грязь с ваших ботинок уже начинает растекаться по полу.

Я посмотрел вниз. Действительно.

Кот повернулся ко мне задом и понуро побрел по коридору. Сел. Почесал вывернутое ухо. Тяжко, глубоко, старчески вздохнул. Я возился с замком. На характерный щелчок Мишель повернулся и издал протяжное завывание:

— М-м-я-я-а-у-у-а-у-у-а-а-а, — скучно ему, бедному, наверное.

— Подождите, — говорит Грэй, — вы ему понравились. А это большое дело. В последние годы я стараюсь ни с кем, кроме него, не общаться,

так что мнение Мишеля значит для меня очень много. Давайте договоримся: деньги вы оставляете себе, а я все-таки поговорю с Вами, только недолго. Снимайте ваши отвратительные грязные ботинки. Чай, кофе?

Я поколебался и через мгновение честно ответил:

— Кофе.

Мы пошли на кухню. Там я увидел явственные следы борьбы между упорядочивающей волей приходящей горничной и мужским взглядом на мир. Настругал мне сыру, открыл масленку, поставил тарелку с тостами. Кофе хороший, дорогой. Пока он возился, я припомнил одну маленькую приятную вещицу Грэя, вышла только что, в 1999-м, в сборнике «Магриб»:

«ПОЛОСАТЫЙ КОТ

В мае 1999 года мы с женой гуляли по аллеям Кусковского парка. Серые фигуры античных богинь корчились в преддверии ненастья. Господский дом под камень оказался откровенно деревянным. Оранжевая едва тянула на одном крыле: во втором экспозицию временно закрыли. Ветер забирался под ребра холодными струями. В двухстах метрах от ограды одноногий человек в офицерской форме с боевыми наградами, опираясь на костыль, кланчил денежки.

Вдруг чуть прояснело. Выглянуло солнышко. Большой серый кот нагло вышагивал по газону. Вызывающая котья походка точь-в-точь как у дикого кошачьего в саванне какой-нибудь сообщала тупым: если и есть в этих местах полноправное существо, то как раз кот, а не кто-нибудь еще. Кот не торопился. Серый, полосатый, желтоглазый, не слишком пушистый, но и не голый. Белые усищи-вебриссищи во все стороны. Ходит-ходит. Ужасно самоуверенный, судя по морде. Хвост загнут книзу крючком, локаторы небрежно осуществляют всестороннее наблюдение. Чудесный кот.

Вот он опустился на песочек, перевернулся на спину, и давай тереться спиной в лужице солнечного света. В одну сторону, в другую сторону, потом еще раз, еще и еще. Удовольствие тело гимнастически легко изгибается. Остановился. Выпучил на нас глаза. Оценил. Мы — пустое место. Вылизался широкими... чем? Лизками? Чем-то вроде лизков. Такие это были широкие лизки, что всякий здравомыслящий человек моментально понял бы: да сам черт не брат серому полосатому коту. Опять кот перевернулся на спину и предался забаве чесания спины.

Я вздохнул печально. Как замечательно, что хотя бы этому коту хорошо живется.»

Мишель тут как тут. Принюхался к мисочке, но есть не стал, просто проверил наличие. Нагнулся к блюду с водой, принялся лакать. Поднял хвост трубой, показал мне шаровары. Удивительно, почуял кошатника, доверяет. Иначе непременно прикрыл бы хвостом свои котьи интимности. Такой уж у этого зверья обычай. Оторвался, запрыгнул на табуретку, а оттуда плавно перетек на подоконник, птичек

смотреть. Как бы потерял интерес к происходящему, хотя одно ухо аккуратно проявляло ко мне внимание.

— А что вы из моего читали, господин Маслов?

Разговор о сочинениях интервьюируемого писателя — неперенный атрибут моей работы. Сегодня выпала господину Маслову удача: мне нравится то, что пишет Грэй. Можно объясняться в любви, не кривя душой. Я перечислил. И добавил:

— «Полосатый кот» написан так, будто вы ностальгируете по молодости Мишеля...

Который как раз в этот момент сбил хвостом солонку. Такая птичка соблазнительная пролетела...

...В одной из комнат Грэй устроил настоящий компьютерный зал. Я, по чести сказать, кое-что понимаю в компьютерных делах, могу оценить, сколько стоит весь грэевский арсенал. Господи, какие гонорары у него должны быть!

Я включил второй, легальный диктофон и вынул блокнот. Виктор Дмитриевич меня предупредил: спрашивать только о воззрениях, ничего биографического он обсуждать не собирается. Первый традиционный вопрос, что он считает «визитной карточкой» своего творчества?

— Безнравственность, — отвечает живой классик. — Вселенная управляется едиными законами. К их числу не относятся различие добра и зла, любви и ненависти, страсть к познанию истины и бесконечному прогрессу. Все это — относительно недавняя и не очень удачная выдумка людей. Звездам нет дела до того, что Вертер страдает. Деревьям в лесу наплевать на гибель Гамлета. Кит не станет печалиться из-за старухи-процентщицы, убитой молодым террористом...

Явился кот. Встал метрах в двух от стула, на котором я сидел, и принялся с интересом меня рассматривать. Стервец выбрал то время, когда я не мог рассматривать его столь же пристально: пришлось бы отворачиваться от Грэя. Так что мне пришлось сидеть совершенно безответно. Наглый кот!

— Виктор Дмитриевич, роль изящной словесности в современном мире?

— Вы знаете, что такое точка сборки?

— Да. Если я правильно помню, в учении дон Хуана точкой сборки называют место на энергетическом коконе вокруг человека, отвечающее за восприятие мира.

— Соответственно, изменив ее положение, можно изменить восприятие вселенной. Вообразите точку сборки не у одного человека, а у всего человечества. Это означает, прежде всего: кое-что необходимо сдвинуть, коли есть желание научить миллиарды людей истинному видению мира. Сдвигать точку сборки человечества — и есть главная цель всей литературы. Вот всяком случае, таково мое мнение.

Кот забрался на стол, осторожно побродил в прикомпьютерных пластиковых джунглях, подобрался к факсу...

— Что вы понимаете под истинным видением, Виктор Дмитриевич?

Кот тронул подушечкой на лапе кнопку «старт», факс заскрипел и отправил кому-то вложенный в него листок. Мишель скрылся. Пока мы пережидали скрип, хитрый кот прятался под столом, изредка высовывая любопытную морду. Грэй не обратил не это ни малейшего внимания. А мне так даже понравилось.

— Истинное видение, господин Маслов? Мое, а вернее наше, Прайда, понимание совершенно не связано с тем значением, которое придавал истинному видению дон Хуан. Представьте себе, что эта комната — весь мир. И вы, люди, занимаете в нем определенное место...

— Мы, люди, а вы... э-э-э?

— Я абстрагируюсь от человеческого взгляда на бытие...

Кот опять забрался на стол, обошел монитор, подставку с рукописью и проник через расщелину между принтером и факсом на угол, как раз напротив меня. Широко, все зубы предъявив, зевнул речам Грэя. Ужасно наглый кот. Виктор Дмитриевич — ни полвзгляда.

— ...так вот, людям свойственно видеть свое место во вселенной либо в самом ее центре, как раз при пупе мироздания, развалясь в хозяйском кресле, либо, напротив, где-то на задворках, в позабытом углу, под батареей. В последнем случае, тоже скромность паче гордости: последние когда-нибудь станут первыми. А что сказать о средних членах списка? Впрочем, не вижу каких-либо отчетливо выраженных вертикалей, иерархий. Даже и средних-то нет. Существуют лишь элементы целого. Можно оказаться выше и ниже, но так же можно расположиться правее и левее в этой комнате. Кто знает, что почетнее: быть потолочной штукатуркой или паркетной мастикой? Люди это книжная полка. А возможно — диван. Или буква на переплете одной из книг. Или, еще лучше, чашка с кофе перед вашим носом. Подумайте, человечество как чашка с кофе... На ваш взгляд, лучше это потолочной штукатурки или книжной полки?

— Не знаю.

— Не хуже и не лучше. Поскольку нет критерия для таких понятий как «лучше» и «хуже». Нелепо сравнивать... Так вот, чашка с кофе. И эта чашка на протяжении нескольких тысячелетий направляет огромные массы энергии на две вещи: увеличение в размере и решение вечных проблем кофе внутри себя самой. Как выдумаете, насколько гармонично будет выглядеть на этом столе чашка размером с ведро?

Я промолчал: чисто риторический вопрос. Кот пренебрежительно умывался. Усы у него какие длинные, не поломались и не выпали на старости лет...

— Чашка полагает, что отражение потолка в кофе и есть вселенная. Но паркету, кактусу на подоконнике, вам, мне и Мишелю...

— Мр-р-р-у! — отозвался, котик.

— ...совершенно не интересны проблемы кофе в чашке. Между тем, трое из тех, кто перечислен мною, могут запросто разбить чашку... А двое имеют возможность подбросить туда сахарку. Так что истинное видение — это видение себя одним из предметов в комнате, притом,

возможно, довольно хрупким предметом, который может быть разбит вмиг, безо всякой вины.

— Нам стоит научиться отрачивать ножи.

— Ножи?

— Виктор Дмитриевич, чашка на ножках сумеет убежать в случае чего...

— Или украсть сахар на кухне!

Кот пристально смотрел на меня. Потянулся, потянулся носом к самому лицу. Целоваться лезет, так, наверное, надо его понимать. Я не выдержал:

— Уважаемый кот! Я был бы счастлив, если бы Вы позволили мне почесать Вас за ушком.

Коты, вообще говоря, не ухмыляются. Мимика у них не человеческая. Но этот ухмыльнулся. И отвечает мне:

— Ну что ж, извольте. Если вы сумеете сделать это достаточно хорошо, я дам вам настоящее интервью. Вы самое вежливое из всего того, что ко мне прорывалось за последние шесть лет. И вы так много моего читали, кое-что понимаете тонко... Интервью вы все равно не сможете опубликовать, пока Прайд не получит распоряжения о легализации всех культуртрегеров... Но потом-то, потом! А пока пользуйтесь тем, что вам тут Витя наговорил, это чрезвычайно огрубленная, но правильная по сути версия... Давайте, принимайтесь за дело... Интенсивнее... Вот так, вот так... Шр-р-р... шр-р-р...

Ирина Клеандрова

ДОРОГИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Дверной колокольчик противно тренькнул. Я дернулся, едва не выплеснув на себя чашку дымящегося кофе, и выругался сквозь зубы. Музыка ветра, ха! Мертвого из могилы поднимет. Да еще с утра. Да еще в понедельник после отпуска, первого за три года.

Клиенты в такую рань подваливали редко. Те, кто имел возможность оплатить мои услуги — товар я предлагал эксклюзивный, ну и драл за него втридорога — еще спали, их стоило ждать к обеду или вечером. Тогда кого там нелегкая принесла? Бродячий торговец — «все, о чем вы мечтали, и всего за девять долларов и девяносто девять центов»? Проповедник какой-нибудь новомодной секты, их сейчас как грибов? Разносчик пиццы, спросонья перепутавший адрес?

— Войдите, — раздраженно крикнул я топтавшейся под дверью тени и залпом отхлебнул сразу треть кружки. Если посетитель и разговаривать будет так же, хана кофе. А так остынет только половина, не так обидно.

— Здравствуйте, — решительно начал он с порога, каким-то чудом собравшись с духом. — Мне нужен... э... призрак... иллюзия...

И запнулся, не в силах подобрать подходящее слово.

— *Тень*, — машинально поправил я его, с тоской глядя в сторону кружки. Рука замерла над клавиатурой, подбирая название файлу договора. — Имя?

— Адель, — понятно откликнулся он. И вздохнул.

— Невеста? Сестра? Мать?

Ну не тянул он на безутешного вдовца. Худощавый парнишка лет двадцати пяти, в светлом, тщательно отутюженном костюме и при галстуке — это в такую-то жару. Очки в стильной оправе, за узкими стеклами поблескивают серо-зеленые глаза. Славный мальчик, только малость взъерошенный. Нервничает. Ну а кто бы не нервничал на его месте?

— Кошка.

Я фыркнул от неожиданности. Кошка, ну надо же. Выкинуть провру денег ради домашнего питомца. Пил бы сейчас кофе, наверняка бы поперхнулся.

— Умерла?

— Хуже. Она была совсем старенькая, и я попросил, чтобы ее усыпили. Не мог смотреть, как она мучается, пытаюсь вылизаться и доползти до миски. А помощь ее бесила: моя Адель была дамой с характером... Короче, отвез кошку в клинику, думал, так будет лучше. А теперь сам не свой, второй месяц ищу ее по всей квартире — и не нахожу. Врач сказал, она так и так протянула бы неделю, максимум две, но лучше бы мы провели это время вместе, и плевать на ее гонор... В общем, я хочу ее вернуть, хоть в каком виде — иначе рехнусь. Вы можете мне помочь?

— Понятия не имею, — абсолютно искренне ответил я, не желая обнадеживать. — Никогда не работал с животными. А вы не думали о том, чтобы просто завести новую кошку? Найдете симпатичного котенка той же породы, с окрасом хоть под вашу Адель, хоть под цвет обивки дивана.

— Нет, — покачал он головой. Явно уже рассматривал этот вариант и признал негодным. — Мне нужна только моя кошка. Или никакая.

Упертый. Люблю таких, хотя с ними больше всего мороки. Наверняка ведь вспомнил мурлычущий на коленях клубок или горячее шелковистое тело, прижавшееся под одеялом: пытаться подменить такое даже не кощунство, а полная бессмыслица. Не пройдет номер, хоть ты тресни. Сейчас я и сам почти видел его Адель — крупную, грациозную, карамельно-медовую, с роскошным хвостом, темно-кофейными кисточками на ушах и пронзительно-золотыми глазами. Может, и правда все получится?

— Знаете, во сколько влетит ваша прихоть? — спросил я грубее, чем намеревался. Что угодно — только бы забыть о нежности, плещущейся в кошачьих зрачках, и о тоске в глазах ее бывшего хозяина.

— Знаю, — равнодушно пожал он плечами. — Задаток у меня с собой, остальное переведу по первому требованию.

И демонстративно полез во внутренний карман. Только сцен мне сейчас не хватало.

— Переведете, — согласился я. Мягко, вкрадчиво, по-кошачьи уверенно. Он дернулся, и я, внутренне усмехаясь, продолжил уже нормальным голосом. — Эксклюзивная работа подразумевает эксклюзивную оплату, верно? Так что, оформляем контракт?

— Ну да. Как будто сразу не было ясно. Цены, конечно, у вас заоблачные, оставшегося едва хватит на жизнь — но без Адели это и жизнью-то назвать сложно. Где ставить подпись?

Я улыбнулся. Подал ему теплые — только-только из принтера — листы. Проследил, как он расписывается — без раздумий, почти не читая, лишь иронически хмыкнув при виде итоговой суммы. Ну а на что ты рассчитывал, открывая дверь с вывеской «Дорогие воспоминания» — на дешевку по сходной цене? Проверил реквизиты, поставил свою подпись. Отдал ему второй экземпляр. Все, назад дороги нет.

Он молчал, глядя испытующе и серьезно. Я не стал его мучить и тут же потащил в смежную комнату, где стояла техника: мнемощлем, собранные по спецзаказу датчики и медицинский анализатор, соединенный со слегка усовершенствованным голопроектором. Со стороны это выглядело внушительно, но для полноценного чуда требовался еще один компонент. Самый главный, без которого все гаджеты так и останутся бесполезной грудой стекла, железа и пластика. Воля и свернутые набок мозги медиума-оператора.

Я активировал комплекс, уложил клиента на анатомическую кушетку и велел вспоминать любимицу. Компьютер заурчал, ожидая ввода данных. По неузнаваемому под шлемом лицу пробежала гримаса боли,

но мало-помалу черты разгладились — и я нисколько не удивился, когда под защитным куполом вспыхнула голограмма. Пушистая кошка, сотканная из тысячи оттенков меди и золота. Точь-в-точь такая, какой я ее недавно *увидел*.

Тень, поначалу блеклая и полупрозрачная, налилась объемом и красками. Я выждал положенное время, чуть прибавил, чтоб уж наверняка, и отключил приборы. Отсоединил датчики, стащил шлем. Растолкал задремавшего клиента — ничего удивительного, у него же на лбу написано, что засыпает он только со снотворным. С внутренней дрожью — который раз, а все не привыкну — снял силовое поле, оберегающее новорожденную иллюзию.

Овеществленная память неподвижно сидела в картинной позе, как неживая. Он молчал, зачарованно глядя на золотую статуэтку, и совершенно не представлял, что делать дальше. Подойти? Коснуться? Любоваться издали, довольствуясь даже этой малостью?

— Позови, — шепнул я чуть слышно, чтобы не спугнуть настроение. Он каким-то чудом не только услышал, но и понял.

Сорвавшееся с губ «Адель!» было тихим, но требовательным. Оно легко растопило бы камень, но предназначалось для иного: вдохнуть подобие жизни в то, что больше не принадлежало этому миру.

Имя отзвучало, по воздуху прокатилась волна тепла. Кошка сощурила горящие золотом глаза, грациозно потянулась и сделала шаг в сторону хозяина.

— Забирайте, — скомандовал я, подводя черту. — Остаток переведете завтра, когда убедитесь, что *тень* стабильна. Моя работа закончена, остальное — на вашей совести: Адель будет рядом, пока она вам нужна, и ни минутой дольше. Тогда я возвращаю вам плату за вычетом аванса, потому что ненужные воспоминания и гроша ломаного не стоят — перечислите сноску мелким шрифтом, хотя сомневаюсь, что вы ей воспользуетесь. Вот, собственно, и все. Можете быть свободны. Оба.

И они ушли — молча, не поблагодарив, даже не мяукнув на прощание. Выдуманная кошка, блаженно растянувшаяся на хозяйском плече, и сияющий парень, обнимающий ее так нежно, будто держит главную ценность своей жизни. Все закономерно, все абсолютно правильно: воспоминание оживает лишь для того, кому оно по-настоящему дорого.

Я улыбнулся им в спину и пошел варить кофе: неровен час, принесет кого-нибудь еще. Чуть взгрустнул, бдительно следя за пенкой: личная сокровищница пуста, для себя мне воскрешать некого...

Но смысл жизни можно найти и в призвании возвращать смысл и жизнь тем, кто их потерял.

АЛЕКСАНДРА ДАВЫДОВА

КОРМИТЬ ЦВЕТЫ И ПОЛИВАТЬ КОШЕК

— Когда Сеть играет в шахматы, она бездарно отдаёт ферзей за пешек.

де-Эста-4319-ин

У меня есть зонтик со смешными чертями. Желтый. И горсть липких лакричных леденцов в кармане. Если это кого-то сделает счастливее, чем он есть на самом деле, — на здоровье. Не жалко.

Правда, мне порой кажется, что я не могу сделать счастливым даже обычного кота. Что там кота — хомяка. Я забываю их кормить, оставляю открытыми балконные двери, вовремя не меняю опилки... Признаюсь, идеально домашнее животное — это водомерка. Очень неприхотливое. Ей нужно менять воду. Примерно раз в полгода.

Хотя... у моей второй подруги водомерка засохла и умерла. Месяцев эдак через девять. Так, пожалуй, даже я не смог бы.

Мы познакомились, когда в кино шел «Человеческий разум».

Мира сидела сзади меня. Когда ближе к финалу все деин в зале достали бумажные салфетки и зарыдали, она громко фыркнула, а потом чихнула мне в затылок. На экране мобиль с главным героем как раз в тот момент ловко сшиб на дороге двух неглавных и размазал их мозги по асфальту, так что эффект неожиданности сработал на все сто. Я даже пощупал затылок. На всякий случай.

Когда кто-то говорит «на всякий случай» — не верьте, что он заботится о будущем. Из любого случайного действия торчат уши настоящего.

Плазменный экран на полстены стоимостью в десять зарплат; билет на Альфу в один конец — по распродажной цене, на следующее лето, всего шесть тысяч марок; стеклянные цветы в кармане куртки... И секундное размышление: выдержат ли коленные суставы прыжок с парашютом. Или лучше — на веревке с моста? Вы хотите сказать, все эти ины задумывались о будущем? Человека с два. Им срочно захотелось странного, а потом, для приличия, они добавили галочку. Позаботился о культурном отдыхе. Еще раз позаботился — о нем же. Позаботился о романтике. Позаботился о безопасности. Бинго.

Но вокруг Миры все становилось случайным.

Даже я.

Даже несмотря на то, что тогда я еще жил в пространстве, а не во времени. В первом жить легче. Многие с этого начинают. И до самого конца не сходят с выбранных рельсов. Почему? На осях координат легко ставить зарубки, а на минутах и часах — уже проблематично.

Поэтому я спокойно играл в морской бой с окружающими, заполняя клетку за клеткой. У меня были заранее куплены аддоны на двух

младших инов. Программа на окончание обучения. Несколько рабочих программ. Не с треккеров добытые, упаси Сеть. Купленные официально или подаренные старшими.

У меня было четко распланировано здесь и там.

Только Мира — случайно — вторглась в разноцветный мирок и поставила в нем громадную разноцветную кляксу «сейчас».

С ней я научился видеть течение дней. И, научившись, понял, что любое настоящее рано или поздно заканчивается, потому что его нельзя нарисовать на времени нестираемыми чернилами. Тем более — случайное.

Мы зачем-то купили билеты на межзвездный лайнер — вылет еще не скоро, через три-четыре года. Без цели — покататься. Посмотреть на звезды. Хотя точно знали, что никогда не взойдем на его борт.

Мы шлепали по лужам. Я дарил ей цветы — горстями и охапками. Мы пили вирусы из открытых проводов и вместе ловили разноцветные сны. Мы открывали глаза с закатом, и закрывали — с рассветом. Мы посмотрели сотни чужих жизней в кинотеатрах, но с самого начала точно знали, что своего будущего у нас нет и не будет.

Мира выбрасывала календари в окно и на вопрос: «А ты бу?..» — швыряла мятым застиранным кроссовком в лицо неудачнику, который вздумал строить планы.

Сначала, признаюсь, я пытался избавиться от нее, чтобы не хоронить под грудой настоящих моментов и разноцветных случайностей свое тщательно разливанное пространство. А когда мне стало казаться, что время не такое уж и плохое... Ха. Я ей надоел.

Расходились мы раз двадцать. Красиво, каждый раз — как последний, я помню каждый момент на вкус, цвет и запах.

Кисло-розовый — когда мы прощались на балконе, она жевала резинку, выдувала пузыри и комкала в ладонях крошечный колючий букет. А потом долго уходила. Я смотрел ей вслед, она то и дело оглядывалась, поправляла челку, и тени были лимонно-желтыми.

Фиолетово-черный — когда я бежал вслед за автобусом, в котором она уезжала из города. Пятьдесят, сто метров, километр — у меня начало замыкать глаза, и на радужке заплескали черные мушки. Думал, не догону. Но она выскочила на светофоре, и пошла навстречу, в сетчатой нежно-фиолетовой летней футболке.

Снежно-шампанский — под новогодней елкой.

Горько-апельсиновый — на каменистом пляже около южного моря.

Сине-прозрачный — в горах, на краю ледника...

Но оттенки бесконечны, а случайности — нет. Когда «мы» стали казаться ей слишком надуманными, чтобы существовать безоблачно, она ушла окончательно.

А я остался на берегу времени. Сзади меня было хоженое и перехоженое поле, старшие стучали пальцем по виску и велили возвращаться. Но я верил, что пространство никуда не денется, а волны будущего

катились к горизонту и разбивались брызгами возможностей. Обещаний. Тысячами «если». Тысячами «бы».

И я выбрал будущее.

Вы знаете, как выглядят правильные ины, работающие на будущее? Профессионалы, не любители?

У них стертые подушечки пальцев, неухоженные лица и устаревшие двигательные программы, потому что этим инам нет дело до своего «сейчас». Они сидят в серверных, лабораториях, фазатронах, институтах и роют, воют, роют вероятностные развилки и сдвиги. Это как раз те ины, которые не сдались с самого появления на свет и не верят, что мы существуем, лишь повторяя человеческий цикл цивилизации. Они убеждены в том, что можно вырваться из замкнутого круга. Можно взобраться на следующую ступень. Там, где не получается прыгнуть просто в длину, надо использовать шест — или реактивный двигатель.

Я искренне преклоняюсь перед ними. Я верю, что у них получится, и мы откроем новые законы. Новые системы. Скинем с себя привычную, уютную и мягкую шкурку — кино, книги, кошек и собак, дома и парки, автомобили и дороги... Вырвемся, как бабочка из слишком тесного кокона. Отряхнем крылья от пылицы и рванем вверх, в измерения, которые непредставимы сейчас, пока нас тянут вниз история и прототипы.

Я надеюсь, так и будет.

Вы думаете, я стал таким, как они?

Духу не хватило. Наверно, так. Точнее, в том числе.

Все дело было в Нине.

Третья подруга научила меня строить планы.

О, вам и не являлось. Двое младших через десять лет, мобиль и квартира с видом на космолеты — это так себе, даже не галочка в будущем — запятая, кривая закорючка. Слишком плоско. Слишком банально.

Мы строили такое, что мир на глазах менялся вокруг нас. Вспыхивали и перегорали лампочки, составы сходили с путей, вспыхивали новые звезды, вывески перемигивались и сыпали искрами, ины сталкивались друг с другом, роняли телефоны и сумки, а животные — те просто сходили с ума. Мы строили будущее широкими мазками, не осторожными пикселями — экранными темами, слоями, четырехмерными образами, звуками и сотнями букв на десятке мертвых языков.

Мы познакомились, когда тестеры наконец выпустили в свет мильти-ридер. С иллюстрациями, меняющимися от настроения не только читателя, но и автора. С голографическими закладками. С мгновенным подбором листа для чтения вперед на десятки лет: учитывались вкус, продолжительность жизни, опыт, работа, друзья и родственники читателя... Все мелочи и детали, да. И мы зацепились взглядами на портале last.reed. Список выбранных текстов совпадал на девяносто семь процентов.

Тогда я научился не просто плыть по времени, а направлять его и заворачивать с помощью слов. Волшебное ощущение. Когда живешь в нем день, два, неделю... Я жил в нем четыре года.

Отбрасывая каждую секунду настоящего. Без вкуса яблок. Без запаха листьев. Без шума дождя. Их некогда было ловить, чувствовать, переживать. Я закрыл все каналы связи, лишь бы ожидание не казалось напрасным.

Перестал видеть цвета — в угоду воображаемым мирам.

Не чувствовал вкус — и выстроил замок из возможных «если», с сорока девятью башнями и резными флюгерами, которых хватило бы на десятки mein.

Почти не дышал. Не двигался. Не говорил.

Я днями просиживал перед панелью, уложив пальцы на клавиши, плел словесный узор и ждал, когда же будущее приблизится настолько, что мы сможем шагнуть в него. Я и Нина. Вместе.

Когда ты сознательно ослепил себя, сузил поле зрения до одной горячей звездочки, иглы света в финале... Чего тебе стоит почувствовать, что ты насажен на эту иглу, распят, как бабочка в гербарии, и никогда не долетишь туда. А если и долетишь случайно, то увидишь не звезду, а дырку в черном листе картона. Потому что те, кто держат в руках тонкие спицы из будущих слов, вяжут будущее, которое ни за какие марки не станет настоящим.

Мы продолжали быть такими же одинаковыми. Такими же понимающими друг друга. На длинном поводке. На стальной струне, растянутой по частоколу фраз и значений.

Я плыл по реке времени, а берега все не было. Тогда я плюнул, послал все к людям, и повернул назад.

Глупы те ины, что настаивают на разорванности пространства и времени.

Они тайком проникают друг в друга. В щели и трещины бытия. Исподволь. Без программных кодов и сертифицированных возможностей. Случайно. Вероятно.

И когда ты возвращаешься к своему листу с партией в морской бой, ты видишь, что ее за тебя закончил кто-то другой. Все клетки заполнены. Финита.

Первая подруга не учила меня ничему. Она просто была.

Когда-то я знал, что Ира рядом — протяни руку, в любой момент дня и ночи.

Она была вписана в мой мир, как рассвет на востоке, как луна на небе, как таблица логарифмов, как операционная система. Мне не надо было оборачиваться, я чувствовал ее кончиками ресниц и костяшками пальцев, даже за километры.

Мы были подогнаны друг к другу идеально — прошивки, темы, рисунки и молчание.

Мы вместе гуляли по парку стеклянных деревьев, те звенели ветвями-колокольцами и птичьими голосами. Ира засовывала руки в мои карманы и прижималась, близко-близко. Как будто мы люди. Как будто можем любить.

Когда я вернулся назад, ее уже не было.

То есть она была. На соседней улице. У меня на диске лежали все неисполненные файлы, которые она вернула. А у нее было двое младших от другого.

И я понял, что ничего не остается, кроме как жить. Теперь — прошлым.

По ночам я открываю окно — хотя терпеть не могу, когда холодно — и слушаю джаз. Хотя не понимаю такую музыку. Это ее память.

Я каждый день покупаю пончики на углу напротив парка и два молочных коктейля. Это наша привычка.

Я каждый вечер сижу на скамейке и рассказываю пустому месту о том, как провел день. Это мой человеческий баг в программе. И я пока не хочу его исправлять.

Когда становится совсем невмоготу, я покупаю билет, куда глаза глядят, и еду. Или лечу. Разговариваю со случайными попутчиками, берусь за странную работу и скачиваю истории про людей.

Иногда мне пишет Мира — она все-таки села на тот лайнер, и сошла на какой-то крошечной планетке с удивительно бурной ночной жизнью и огромным телескопом. Она неплохо проводит время и рассылает всем поздравительные открытки на Новый год, из вежливости.

Иногда мне встречаются в сети иные миры, и требуется не больше строки, чтобы узнать руку архитектора. Нина складывает образы все более виртуозно, у нее заказывают дизайн известные политики и огромные корпорации.

А я рассказываю в полупустых дневных чатах о настоящем, будущем и прошлом. Должен же кто-то этим заниматься? Меня зачем-то рекомендуют знакомым, обсуждают с друзьями и даже иногда благодарят. Как будто впервые видят ина, который пытается хотя бы выглядеть живым. Как будто я изобрел пресловутый чудо-код, разгибающий окружность истории в спираль.

Возможно, кто-то после разговоров со мной даже становится счастливее. Или просто улыбается, взглянув на желтый зонтик.

Что до меня самого... Человека с два. Кот в планшетнике опять сдох, а на цветы я больше и не замахивался. Последние стерлись пару месяцев назад, когда я запустил несовместимый процесс. Кормления, если не ошибаюсь.

АЛЕКСАНДРА ДАВИДОВА

ФОТОГРАФИРОВАТЬ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ЗАПРЕЩЕНО

— По-моему, я застряла, — Инка сморщила нос и посмотрела на дикобраз, который целеустремленно и с весьма опасным топотом двигался по клетке, подбираясь всё ближе к ее руке с фотоаппаратом. — А если он выстрелит в меня иголками?

Дикобраз тут же, как назло, зафырчал, блеснул глазами-пуговками и распушил черно-белую колючую шубу.

— На твоём месте я бы скорее опасался охранников, — Макс с независимым видом взялся за полы куртки, закрывая Инку от ближайшего служителя зоопарка, развел руки в стороны и даже немного помахал ими, делая вид, что собирается взлететь. — Дырки мы, если что, заклеим пластырем. А вот отмазать кого-то от наказания будет гораздо сложнее.

Прямо над головой у них висела табличка «Фотографировать животных строго воспрещается!» С жирным ярко-красным восклицательным знаком и черепом с перекрещенными костями.

Дикобраз тем временем прищурился к самым прутьям и ткнулся носом в Инкино запястье. Щекотно засопел, оскалил неожиданно оранжевые зубы и тронул лапой фотоаппарат. Девушка закусил губу и резко дернулась, пытаясь вытянуть руку наружу. Получилось. Большая пуговица на плече не выдержала и отлетела, щелкнув по полу клетки как раз перед мордой ошалевшего дикобраза. Тот отпрыгнул и заворчал, угрожающе потрясая иглами.

Охранник обернулся на шум, но Инна чудом успела засунуть фотоаппарат в карман пальто и уже невинно смотрела по сторонам такими круглыми глазами, будто ржавые решетки, увешанные запрещающими табличками, аллеи парка, замусоренные обертками от мороженого, и вяло облетающие деревья были самым удивительным зрелищем на ее памяти. «Господи, кто-то еще способен глядеть на этот ад с интересом», — хмуро подумал работник секции грызунов и пошел по дорожке, загребая листву тяжелыми ботинками. Он ошибся. Инка всегда смотрела вокруг именно так, как любознательный турист на чужой планете. Из-за этого, собственно, всё и началось.

* * *

Год назад родители затеяли на даче ремонт, и Инне достался «на растерзание» чердак. Хлама там было раза в три больше, чем на всех остальных этажах старого дома, и кто-то другой, наверно, возмущился бы по поводу несправедливого распределения работы... но зачем? Зачем напрасно расстраиваться, если среди подшивок газет десятилетней давности можно обнаружить журнал с каким-нибудь интересным рассказом и зачитаться до вечера, сидя у крошечного окна на теплых щелястых досках. Если в

картонных коробках, криво сваленных одна на другую, можно найти решительно всё — от маминной свадебной фаты до своих первых погремушек. Если в темных углах, помимо паутины идохлых мух, скрываются разноцветные склянки и ключи от неизвестных дверей. Если пылинки искрятся и пляшут в тонких лучах солнца, пробивающихся из-под крыши, и кажется, что чердак насквозь проткнули золотыми спицами... Вобщем, Инка ни разу не пожалела, что вызвала разбирать осколки прошлого. Быть туристом во времени ничуть не менее интересно, чем покорять пространство.

Пачка старых фотографий пряталась между страницами глянцевого журнала, на обложке которого красовался призыв худеть с умом. Подкреплялся он красочной фотографией болгарских перцев, и Инна, которая терпеть не могла этот овощ, уже отбросила было журнал в сторону, когда из него посыпались карточки. Темные, без современного три-дэ эффекта, нечеткие. Но не в фокусе дело.

С фотографий смотрела смешная девочка с пухлыми щеками, в пуховике с синим капюшоном и желтой игрушечной лопатой в руках. За спиной у нее виднелись то прутья, то железная сетка. А за ними — то морда белого медведя, то клетчатый бок жирафа, то шерстяной лоб овцебыка. Инна задумчиво пересмотрела карточки несколько раз. На одной из них, в самом уголке, можно было разглядеть вывеску «Добр... пожа.. в зоо...».

— Это ведь бабушка? — спросила она за чаем, протягивая фотографию через стол.

— Да, — мама улыбнулась. — Тут ей года четыре, не больше.

— Тогда в зоопарках не запрещали фотографироваться со зверями? — Инкина любознательность уже почуяла тайну, и рвалась с поводка на поиски разгадки. А что вопрос — вопрос был риторическим.

— Как видишь.

— А теперь почему...

— Не знаю, я не зоолог. Кому еще пирога? — мама сделала вид, что чаепитие важнее старых фото. Но потом, собирая посуду со стола, вспоминала, как в юности долго ждала весны — сколько ей было? семнадцать? или восемнадцать? — чтобы почувствовать себя ребенком — покататься на пони, и чтобы дядя с круглым зеркальным глазом крикнул: «Улыбнись, сейчас вылетит птичка!» Наконец случились майские праздники, они с друзьями пришли на аллею, где обычно маялся в ожидании наездников шерстяной лопухий коник, но его уже не было. Не было ни краснолицего толстяка в пробковом шлеме с удавом на шее, который раньше зазывал всех «Почувствуйте себя в Африке!», ни совы с обрезанными крыльями, ни смиренных лохматых обезьянок, ни толстого лори с круглыми глазами. А вдоль аллеи, прибитый к деревьям, висел длинный плакат: «Фотографироваться с животными запрещено!»

— Ты же начинающий биолог, — Инка сидела на парапете и от волнения грызла уголок карточки. — Ты должен знать!

— Представь себе, не знаю, — Максим маялся рядом, не зная, что делать — вскарабкаться на теплый пыльный камень, сказав чистоте

штанов «прощай», или продолжать переминаться с ноги на ногу, не зная, куда их девать. — Если ты думаешь, что в университете мне дали тайное знание, отличающееся от дежурных фраз в школьном учебнике, я тебя разочарую. Не дали, пожалничали.

— Ведь это бред. Забота о сохранении редких зверей — это прекрасно, но принять версию о том, что на них плохо действует фото- и видеосъемка, я не могу.

— Я тоже не могу, но факт остается фактом. «Содержащиеся в неволе животные чувствительны к тонким электромагнитным полям от камер...» — Макс начал цитировать фразу из учебника, но Инна замахала на него руками.

— Уже перечитала и посмеялась неоднократно. В этом пункте уж очень сильно зоология не дружит с физикой. Ты никогда не задумывался?...

— Все задумывались, — Максим все-таки решил усестись рядом и запрыгнул на парапет. — Ты думаешь, на биофак идут одни идиоты, принимающие дурацкие фразы как догму? Вовсе нет. Но первое, чему нас учат на первом курсе — зоопарковый вопрос про фото не обсуждается. Хочешь проблем — спрашивай, ага. С угрозой отчисления. Не хочешь — интересуйся всем остальным.

— Что за всемирный заговор, а... — Инна выплюнула кусок жеваной бумаги, метко попала в ковыляющего мимо голубя-попрошайку и решительно сунула обгрызенную фотографию в карман. — Скажи, а ты случайно не знаешь, в какую смену работают самые ленивые охранники зоопарка? Желательно, с плохим зрением.

— К сожалению, знаю, — Макс обреченно вздохнул. Тайны, по законам жанра, всегда лучше раскрываются, когда за ними охотятся двое. Но порой они слишком опасны — в частности, для карьеры одного из охотников. — И почему я всегда соглашаюсь лезть с тобой в дурацкие авантюры?

«Потому что тебе и самому интересно» — успел шепнуть внутренний голос, прежде чем разум его заткнул. В конце концов, должен же кто-то из команды хотя бы притворяться законопослушным и здравомыслящим, не так ли?

— Ничего, — Инка потеряла слезящиеся глаза и зевнула. Ночная проявка фотопленки чрезвычайно плохо влияет на степень выспанности. — Опять ничего.

— Если бы знать, что мы вообще ищем... — Макс перебирал внушительную пачку фотографий. — Правда, теперь у нас есть куча улик против себя на случай обыска и возможность стать монополистами на черном фоторынке. Спешите видеть! Млекопитающие во всех ракурсах и позах!

— Да ну тебя! — девушка закусил губу и трянула челкой. — Лучше придумай, что теперь делать, когда следствие зашло в тупик.

Тупик и вправду был темный, внушительный и непреодолимый.

Они ухитрились заснять почти всех зверей, которых держали в открытых клетках на дальних аллеях. Фотографировали их поодиночке. Парами. Друг друга на фоне любопытных носов и лап, сжимающих подаренные бананы или морковку. Ничего криминального или хотя бы чуть-чуть странного не обнаруживалось. Обычные фото, качеством получше, чем двадцатилетней давности, но не более того.

Инка уже стала сомневаться в своей интуиции. Обычно она не подводила, но в этот раз, похоже, готовилась расписаться в собственной беспомощности. Или пошла не по тому пути... Ведь должна же быть какая-то причина для всех этих запретов, арестов и штрафов. Причем достаточно серьезная, чтобы девятнадцать лет назад — осторожные расспросы старшего поколения позволили выяснить точную дату — фактически в одночасье все зоопарки планеты были объявлены табу для фотографов.

— Почему не национальные парки? Не шапито всякие? Не собачьи питомники или выставки? Почему именно зоопарки?

— Еще живые уголки и лаборатории при институтах, — Макс поправил очки и в сотый раз стал пересматривать фото. — Что у них общего?

— Там совсем разные звери всю жизнь сидят на одной территории, причем каждый в замкнутом пространстве. Как им, должно быть, неуютно, странно и несвободно. Хочется выбраться на волю. Решетки разогнуть или подкоп сделать...

— Подкоп! Именно! — Макс уставился на фотографию дикобраза, сделанную накануне. — Скажи, а тебе не кажется странной вот эта дыра в бетонном полу клетки?..

* * *

Юстас ненавидел людей в спецодежде с блестящими жужжащими глазами в руках. Когда они приходили и начинали шнырять вокруг, всё осматривать и обнюхивать, Бродящие-сквозь-решетку прятались и потом долго не появлялись. Осторожничили. И приходилось жить несколько дней, а то и недель, без запаха свободы и без рассказов о лохматых травяных степях. А это нелегко, когда у тебя всего один кусочек неба в кроне дерева и жесткий серый пол вместо теплой земли.

Юстас жевал хрустящие крошки печенья, которое так же, как и свобода, было все закона — по мнению зоологов, дикобразу не положено питаться мучным — и вспоминал, сколько раз он уже видел Бродящих. И чуял их запах — травяной, свежий и пряный, запутавшийся в зеленой одежде и длинных волосах. Если правильно сжать когти на двух передних и одной задней лапе, получалось, что встречать их осталось совсем недолго. Еще разочек. Или два.

Морские свинки в клетке напротив переливчато заурчали. Юстас пошелестел иглками в ответ. Агути за стенкой захрустели капустными листьями. Все готовы, сегодня ночью опять можно призывать их. Вместе. На разные голоса, чтобы наверняка. И если они придут, кому-то повезет уткнуться носом в теплые руки, пахнущие молоком

и имбирным печеньем, и забыть хотя бы на мгновение о том, что ты родился взаперти и никогда не видел настоящего мира. О том, что тебя отобрали у матери, выкормили из бутылочки и посадили сюда, не спросив — а хочешь ли ты быть здесь. Бродящие добрые. Они милосердно забирают память — взамен же дают надежду на лучшее будущее. Которое уже совсем близко.

* * *

— Надо еще раз сходить туда и сфотографировать поближе. У меня получится просунуть руку сквозь прутья.

— Не боишься? — Макс невольно улыбнулся. — Юстас — самый большой дикобраз среди живущих в российских зоопарках. По крайней мере, так написано на его табличке. И вообще, он очень внушительный и независимый на вид. Даже несмотря на то, что я иногда подкармливаю его печеньем.

— Тогда у нас тем более не будет проблем! — Инка сдернула пальто с вешалки и стала его натягивать, всё никак не попадая в рукав — должно быть, от волнения. — Я чувю, теперь мы совсем близко.

— Будьте внимательны, прошу вас! — директор зоопарка отчитывал сотрудников. — Почему ночная смена задержалась?

— Всего на пару минут...

— И этой пары минут хватило, чтобы грызуны устроили концерт! Хоровое пение, чтоб его!

— Я бы на вашем месте радовался, что не более серьезные млекопитающие... — главный зоотехник пригладил бороду. — На прошлой неделе в Токийском парке исчез тигр. А месяцем раньше в Лондонском — целый слон. Так что если нам грозит потеря одной-двух морских свинок, я бы не слишком волновался. Купим новых.

Директор вытер платком вспотевший лоб и с досадой покосился в монитор рабочего компьютера. Оттуда звал и манил недоразложенный пасьянс.

— С каждым годом мне всё больше кажется, что мы превращаемся в фарс. Держать зверей вместе нельзя, потому что так они пропадают. Держать порознь — тоже нельзя, потому что это будет уже не зоопарк. Но, вместе с тем, наука требует, чтобы мы пребывали в неизменном формате.

— Ученые охотятся за объектом. Специальные ловушки придумывают, поля какие-то... Пытаются поймать за хвост.

— И как хвост?

— Засняли-таки. У пингвинов. Только, — зоотехник поморщился, — некоторые теперь сомневаются, что мы охотимся за сверхъестественным явлением. Мол, это просто очередные хиппи, борцы за права животных. Волосы из хвоста уж больно похожи на человеческие. Обычные длинные волосы. Светлые. Правда, на несколько сантиметров больше снято, чем в Мехико три года назад. И пару волосков, якобы, нашли на

прутьях клетки и отправили в лабораторию. Обещают под это дело выбить очередной грант. Построить новые павильоны, поправить забор...

— Михал Палыч, уже за сорок, а всё в сказки веришь, да? — директор хрустнул пальцами и повозил мышкой. Курсор выполз из угла экрана и радостно двинулся к картам. — Скорее, плакаты обновят! Запрещающие. Чтоб населению неповадно было лезть в тарелку к высокой науке, к закрытому отделу. Всё, свободны.

* * *

Девочку Бродящие не испугались — потому что она, наверно, не хотела поймать их души и запрятать куда-нибудь, как ученые. Просто шагнули назад и слились с тенями по краям клетки. Поэтому Юстас не стал ее кусать, просто понюхал — интересно же. Эта человеческая лапка пахла свежескошенной травой, пылью и ягодами. А вовсе не горькими лекарствами и металлом, как руки здешних работников. Один из таких как раз проходил мимо — легок на помине. Девочка испугалась его и дернулась, черная круглая штука отлетела от нее и чуть не стукнула Юстаса прямо по носу.

Он возмутился сначала, засопел... а потом забыл обо всем, проследив за тем, как кругляш катится по полу клетки. Он подпрыгнул несколько раз и упал в нору. Вот же она. И как это Юстас не замечал раньше? Совсем рядом с лапой, большая, как будто сам выкапывал — и оттуда пахнет теплым ветром. И Бродящие-сквозь-решетки радостно голосят, приплясывая и хлопая ладонями по корягам и прутьям: «Что же ты встал? Беги скорее!»

— Черт, — Макс схватил Инку за рукав. — Ущипни меня. Так не бывает.

— Что?... — она обернулась и застыла с открытым ртом. Дикобраза в клетке больше не было. Пуговицы, которая несколько секунд назад блестела на солнце в полуметре от решетки, — тоже.

— Идем отсюда. Быстрее, пока не заметили, — Макс потащил ее к выходу. Инна сжимала фотоаппарат в кармане — наверно, совсем уже мокрый, от волнения у нее всегда потели руки — и всё время оглядывалась.

* * *

По степи катились травяные волны — оливково-белесого цвета, с яркими островками цветов. Земля была мягкой, красновато-бурой, той самой, которую так приятно раскапывать. Юстас громко засопел от полноты чувств и прижался квадратной мордой к траве, закрыл глаза.

На небе горели разноцветные звезды, в зонтиках деревьев с острыми блестящими листьями пересмеивались молодые Бродящие. «Не сквозь решетку они бродят, — понял Юстас. — Дальше. Гораздо дальше». Над звериным царством поднималась оранжевая луна. Ночные драконы выползали на отроги скал и расправляли крылья.

По траве прошуршали быстрые шаги. Юстас поднял глаза. К нему протягивал руку мальчик с длинными серебристыми волосами, заправленными за острые уши. Глаза у него были как плошки, в которых расплавили лунный свет.

— Я не мальчик, — тихо засмеялся он, прочитав мысли дикобраза. — Я такой же, как те, что привели тебя сюда. Просто еще не научился растворяться в тенях.

Он погладил Юстаса по носу.

— Пошли, я покажу тебе наш дом?

Дом веял свободой, перешептывался на разные голоса и оседал на усах запахом настоящего мира, куда Бродящие-по-мирам со временем уводят всех своих несправедливо запертых детей.

* * *

— Отличная нора, — Инка до боли в глазах всматривалась в еще влажную карточку. Ее домашняя фотолаборатория теперь выглядела, как посудная лавка после танцев маленького и не очень неуклюжего, но всё же слона. Спешка не располагает к аккуратности. — В самый раз для самого большого дикобраза в России. Вполне по размеру.

Макс сглотнул и тихо заметил:

— Между прочим, я не толще Юстаса. И ты тоже.

— Угу, — Инка отвернулась и медленно стала водить пальцем по столу. — Ты же помнишь, что было почти во всех газетах за неделю до того, как началась эта свистопляска с запрещающими табличками и изгнанием фотографов.

— Напомни, ты же любитель древних чердачных архивов...

— Что тут напоминать, — у Инны задрожал голос. — Люди стали пропадать. Много. По большей части взрослые с детьми. Ушли в зоопарк и не вернулись. И я их, наверно, понимаю. После того, как мы проявили эту фотографию. Они... Дело не в том, что я их видела в иллюстрациях к сказкам. Дело не в книгах или мультиках. У этих существ в глазах что-то такое, от чего невозможно отказаться. Мечта, не сказанная словами. Свобода, как о ней поют песни. Кажется, что тебе снова пять лет, и впереди бесконечное воскресенье.

— Угу, — Макс поднялся, чуть было не уронив стул. — Взрослые с детьми пропадали, говоришь... Так кто из нас будет взрослым, а кто ребенком?

* * *

Деятнадцать лет назад, когда в зоопарке Дублина потерялся первый малыш, его мать в полицейском участке, размазывая слезы по щекам, уронив на пол фотоаппарат и расплескивая кофе себе на колени, твердила, что ее сына украли эльфы. Настоящие живые сказочные эльфы. Но кто поверит в такие глупости?

ТАТЬЯНА ТОМАХ

ДОРОГА ДЛЯ ПТИЦЫ

Со светом в этом доме была беда. Электричество выключалось раза четыре за месяц, обычно по воскресным вечерам; а новенькие лампочки через неделю или две вдруг всыхивали ослепительно, в один миг сжигая сотни непрожитых часов. Будто кто-то невидимый рвал огненным пальцем тонкую нить лампочкиного сердца, любовался всплеском света — и уходил, оставляя на стеклянном боку черный отпечаток.

Прикрыв дверь парадной, Светка замерла, привыкая в темноте. Здрасьте, вечер понедельника, — подумала она. Теперь еще и шею сломать в собственном подъезде. А ведь квартплату каждый месяц повышают. За что? Если даже с электричеством разобраться не могут...

Двумя-тремя этажами выше что-то зашевелилось — не то вздохнуло, не то кашлянуло тихонько. Светка затаила дыхание. Совсем некстати вспомнила про Игоря Валентиновича, охранника с работы. Силач, здоровяк, бывший боксер. Две недели назад он вот так же вошел поздним вечером в темный подъезд своего дома. Игоря Валентиновича спасла его собака. Она села возле двери на лестницу и завывала тоскливо и безнадежно. И выла до тех пор, пока домашние не решили вывести ее на улицу. Час-два промедления, и Игорь Валентинович бы умер. А так... Говорят, сейчас его уже перевели в палату из реанимации, и даже есть надежда, что последствия тяжелой травмы черепа окажутся не такими ужасными, как прогнозируют врачи. А ведь подонки, подстерегшие его в подъезде, смогли разжиться всего-то стареньким мобильником да четырьмя сотнями рублей...

Дрожащими пальцами Светка нащупала стержень длинного ключа, крепко сжала в кулаке — зазубренным краем наружу. Если что... Дура, давно надо было пистолет газовый купить, ведь собиралась... Или ножик в сумочку, на всякий случай... Хотя, если силач Игорь Валентинович ничего сделать не смог, куда ей, слабой стареющей женщине — пусть даже и с кухонным ножиком...

Боль, весь день дремавшая внутри стеклянной змеей — иногда сонно шевелясь и царапая желудок острой чешуей — проснулась и ужалила, когда Светка нащупывала первую ступеньку. Светка охнула, согнулась пополам, прижала ладонь к напрягшемуся животу. Неловко зашарила в сумочке — вспомнила, что таблетки остались на работе. Потащилась наверх, вцепившись в перила, преодолевая ступеньку за ступенькой, как альпинисты — отвесные скалы. Только наверху ее ждала не вымечтанная вершина, а пустая квартира и одинокий вечер. Или — подонки с ножами и кастетами, ценящие чужую жизнь не дороже четырех сотен рублей... А ведь, в отличие от Игоря Валентиновича, искать Светку никто не пойдет. Побеспокоиться, заплакать, даже завывать — некому. Ну и пусть, — вдруг подумала она, тяжело дыша

сквозь стиснутые зубы. Стеклянная змея танцевала внутри, покусывала легонько, почти игриво, роняла капли жгучего яда, царапалась колючими боками. Ну и пусть. Что впереди? Пустой вечер. И еще, и еще... Тысячи одинаковых вечеров. Смотреть на телефон — ждать, что позвонит Вадим; иногда трогать блестящую трубку, проверять — не сломалась? Баюкать змею, закармливать таблетками, усыплять ненадолго... Перебирать фотографии. Заполнять дни до смерти надоевшей работой. Улыбаться. Улыбаться. Говорить, что все в порядке... Может, и пусть — все закончится сейчас?..

Но когда ей навстречу качнулась темная фигура, Светка заорала.

* * *

Наверное, Светка не кричала так никогда в жизни. Даже когда хулиган из параллельного пятого-а засунул ей за шиворот живую лягушку. Даже когда рожала Славку — а он все не хотел выходить в этот мир, сопротивлялся. Будто хотел сказать — мам, ну зачем? все равно ничего хорошего из этого не получится... зачем...

Но ни одна дверь не открылась. Ни один луч света не разорвал темноту. Никто не выглянул посмотреть, что случилось в двух шагах от его квартиры. Подонки, чуть не убившие Игоря Валентиновича, могли и дальше спокойно резать, душить, избивать своих жертв. Потому что те, кто мог бы им помешать, включали погромче телевизоры и закрывали плотнее железные двери своих квартир, чтобы не слышать криков за этими дверями...

* * *

Горло перехватило от ужаса; Светка замолчала. Попятилась на немеющих ногах, споткнулась о ступеньку. Разглядела, что фигура, до смерти напугавшая ее, не гигантская, а маленькая и щуплая.

— Простите, тетя Свет, — тонким извиняющимся голосом сказала фигура: — я не хотел...

— Ты кто? Кто? — обрета, наконец, голос, сипло спросила Светка. Сердце колотилось где-то на уровне горла, мешало дышать. Спустившись на полэтажа, Светка вцепилась в подоконник, прищурилась, пытаясь разглядеть незнакомца в слабом свете с улицы.

— Я...

— Иди вниз. К окну, — строго велела Светка. Сама отступила еще ниже. На всякий случай.

Мальчик послушно подошел к окну. Остановился.

— О, Господи, — пролепетала Светка, — о...

Сумочка выскользнула из рук, покатились по ступенькам всякие нужные и ненужные мелочи — помада, расческа, сломанная заколка для волос, опустевшая баночка из-под таблеток ...

Два мира — настоящий, и вымечтанный, где Светка иногда бродила в своих снах — тот, где Славка не умирал в пять лет, а продолжал жить и взростеть — пересеклись и стали единым целым. Теперь Славке

было десять; он вернулся домой, но ключ из того мира не подошел к этой двери, и мальчик уселся на коврик возле квартиры — дожидаться, когда мама вернется с работы. Сквозь слезы, в неверном свете далекого уличного фонаря, Светка разглядывала повзрослевшего сына, и только через несколько минут расслышала, что говорит мальчик.

— ... а батя сказал, если мне невтерпёж город поглядеть, пусть я к вам с дядей Вадимом еду — мол, семь вод с киселем, а все родня....

— Ты кто? — почти беззвучно переспросила Светка.

— Гриша. Березины мы. Из Крейдынки. Мамка моей бабули Петру Игнатьичу сестрой была. А Петр Игнатьич — дедушка дяди Вадима, он в город уехал еще...

— Понятно, — оборвала Светка. Нагнулась собирать рассыпавшуюся из сумки мелочевку. Досадливо покосилась на мальчика — мог бы и помочь...

* * *

Мальчик выкладывал на стол деревенские гостинцы — сало в серой тряпице; две огромные коричневые рыбины, истекающие жиром; банку с густым желтым медом.

— А вот батя письмо дяде Вадиму написал, — толстый мятый конверт улегся рядом с банкой.

— А дядя Вадим здесь больше не живет, — спокойно сообщила Светка. Голос выдержал, но рука подвела — дрогнула — и чай выплеснулся на скатерть, расплылся отвратительным коричневым пятном.

— Адреса не знаю, — Светка бросила на пятно салфетку. Вот так. Будто и не было. — Телефон где-то есть. Хочешь — позвони.

— Спасибо. Я... — Мальчик напрягся — пальцы сжались, еще больше сминая конверт.

— Ты не бойся, — Светка бодро улыбнулась, чувствуя, что говорит не то и не так. — Живи сколько хочешь. У меня места много.

Стеклянная змея, притихшая после таблетки, опять зашевелилась. Светка поморщилась, уложила ладонь на живот. Пожалела о своем щедром предложении. Ну зачем ей сейчас гости? Какой-то незнакомый мальчик из деревни, в которой она ни разу не была... Сейчас бы выпить снотворного, свернуться в клубочек под одеялом, тихонько поплакать в подушку, уговорить-убаюкать проклятую змею — и уснуть...

— Болит? — спросил мальчик.

— Что? Ничего не болит. Чай пей.

— Уберите руку, — вдруг попросил мальчик. — Мешает.

— Что — мешает? — изумилась Светка. Поднесла к глазам ладонь, разглядывая пальцы; покосилась на свой живот, попыталась поймать застывший взгляд мальчика.

— Теть Свет, у вас горшок глиняный есть? Или еще один такой чайник?

— Вот это — сейчас выпить.

— Все? — Светка с сомнением понюхала темно-зеленую жидкость. Пахло мятой и вроде полынью.

— Все, — строго сказал мальчик. Он выпрямился и будто стал старше — даже морщинка смяла гладкую кожу лба.

Светка осторожно глотнула. Горько. Терпко. Но даже вкусно. Пробуя, она незаметно допила кружку до дна.

— А вот это, — мальчик осторожно поставил на стол большой чайник: — по три ложки каждое утро. Семь дней пить, потом семь — не пить. Потом — опять. Пока не закончится. Отвар в подполе держать. А... у вас небось подпола нет?

— Почему нет, — улыбнулась Светка, с удивлением прислушиваясь к стеклянной змее, которая уже много недель не давала ей покоя. Не шевелится. Уснула? Или — умерла? — Только у вас, в деревне, в подполе всякие полезные вещи хранят, да? Огурцы там, соленые, картошку... А у меня там соседи. Больные люди. Приступы глухоты у них. Когда женщина орет и зовет на помощь — они не слышат; а если телевизор ночью погромче включить — по батарее стучат...

Мальчик хмурился, будто пытался понять Светкины слова — и не понимал. Поглаживал теплые бока чайника.

— Спасибо, — сказала Светка. — Теперь хорошо. Не болит. Совсем.

— Когда второй отвар допьете, никогда болеть не будет. Только больше не думайте... о плохом. О том, чего уже нет...

— Ты... ты кто такой? А? — голос дрогнул. Испугавшись собственного вопроса Светка замолчала, опять безуспешно пытаясь поймать взгляд темных глаз гостя, похожих на капли горячей смолы.

Как она могла обознаться? Мальчик был не похож на Славику. Совершенно.

* * *

Впервые за много лет она торопилась домой. Волновалась, выбирая продукты. Интересно, что он больше любит — мясо или рыбу? Жаль, не догадалась спросить. Ну мороженого и конфет нужно точно взять — сладкое все дети любят...

Гриша позвонил в дверь как раз когда Светка вынимала из духовки запеченную с яблоками курицу.

— Ну, где был, что видел? — спросила Светка, накладывая на тарелку ароматные дымящиеся куски мяса.

— Гулял, — кратко ответил мальчик. Подцепил ломтик печеного яблока. — Вкусно. Мамка гуся с яблоками жарит. Тоже вкусно.

Лицо у мальчика было бледнее, чем вчера; усталое, даже измученное; завитки светлых волос прилипли к влажным от пота вискам.

— Устал?

— Людей очень много, — вздохнул мальчик. — Чуть не заблудился...

— Вот что, — решила Светка: — завтра нельзя... Послезавтра возьму отгул — и сходим куда-нибудь вместе. Хорошо? В зоопарк или в кино. Ты кино любишь?

— Не знаю.

— Господи, — ужаснулась Светка: — Что, никогда кино не видел? Ну, а телевизор? У вас телевизор дома есть?

— Есть. Неинтересно.

— Правда? — удивилась Светка.

Она устроила Гришу в Славкиной комнате. Там до сих пор было все так, как при жизни Славки. Игрушки на полу, плюшевый мишка на подоконнике, застеленная кровать. Два раза в месяц Светка мыла пол, пылесосила игрушки, меняла постельное белье. Будто всерьез ждала, что Славка может вернуться...

— Теть Свет, а почему дядя Вадим теперь здесь не живет?

— Ну, знаешь... — неловко начала она.

Потому что у Вадима теперь другая женщина. Потому что он разлюбил Светку. И самое скверное, Светка даже точно не знает, когда это произошло. После смерти Славика они постепенно отделились друг от друга. Светка плакала по ночам; подолгу сидела в комнате сына, перебирала игрушки. Тихо ненавидела Вадима. За то, что он так быстро все забыл, за его наивные попытки растормошить ее — и заставить тоже забыть; жить, как прежде. За дикое, кощунственное предложение усыновить кого-нибудь — ведь Славика уже не вернуть.

Теперь, глядя на мальчика в Славкиной кровати, пустовавшей много лет; на игрушки — пушистых медвежат, паровозики, машинки, которых уже давно не касалась детская рука; она подумал — а может, Вадим был прав?

— Так почему? — повторил мальчик.

— Тебе зачем? — хмуро спросила Светка.

— Мне — не надо. А вам?

* * *

Она уже третий раз ставила подогревать котлеты. Еще раз включила чайник. Сумерки за окном постепенно наливались густой чернотой. «Чуть не заблудился», — испуганно вспомнила она вчерашние Гришины слова. А она даже фамилии его не помнит. И фотографии нет — если в милицию идти...

Звонок тренькнул коротко и слабо. Светка услышала его только потому, что уже давно напряженно ждала хоть какого-нибудь звука от входной двери.

Если бы она не подхватила его, он бы упал.

— О, Господи, — ахнула Светка. — Как... Кто тебя?...

Куртка висела на плечах грязными ключьями, кровь стекала из расчесанной брови, пятная разбитое распухшее лицо и капала с подбородка на пол.

— Ничего, тетя Свет, ничего, — бормотал он, морщась и шипя, пока Светка с причитаниями заливала ссадины и царапины перекисью. — Несколько дней и пройдет...

— Кто это сделал? Кто? — Светка чуть не плакала. — Я в милицию сейчас же звоню.

— Не надо, тетя Света. Они ушли.

— Да кто?! Ты их видел? Запомнил?

— Плохо видел. Они... Они такие похожие... одинаковые... Они к девочке пристали. Я попросил отпустить. Они сначала смеялись, потом стали бить. А девочка убежала. — Гриша попытался улыбнуться, но сейчас же сморщился — видно, разбитые губы болели.

— О Господи, рыцарь, надо же, — изумленно выдохнула Светка.

Мальчик помотал головой.

— Я не дрался. Я не умею. Они меня били, а потом... Потом испугались и ушли. Сами ушли. Не надо милицию, тетя Свет...

— Да ладно, ладно, молчи. О боже, глаза... Твои глаза... Ты хоть что-то видишь? Руку мою сейчас видишь?

— Вижу.

— Каким глазом? Левым глазом видишь или нет?

— Не знаю.

— Господи...

Светка торопливо натянула на мальчика свою куртку, потащила его за собой.

* * *

Дверь, наконец, открылась, выпуская Гришу, перемотанного бинтами и облепленного нашлапками пластырей.

— Мамаша, зайдите, — сказал толстенький румяный доктор, выглядывая из кабинета.

— Я не... — начала было Светка. Покосилась на Гришу, осеклась.

— Ну, что, как? Как его глаза?

— Глаза — целы, — доктор перестал строчить в карточке; поднял внимательный взгляд на Светку.

— Ох, спасибо... А я испугалась... Эта жуткая рана... Я думала, что левый глаз может... Что он может ослепнуть на левый глаз, понимаете?

— Слушайте, мамаша, — доктор отложил ручку. — Вы переволновались. Вы что, забыли, что мальчик уже слеп? Полагаю, с самого рождения.

— Что?!

— Ну, ну... выпейте, — холодный край стакана ткнулся в дрожащие Светкины губы. — Вы ведь не могли этого не знать, правда?

— Я не... я не мамаша, — сипло сказала Светка. — Гриша приехал погостить, вчера...

— А, — кивнул доктор. Окинул Светку вмиг похолодевшим взглядом. — Странно, что вы не разобрались, что мальчик слепой. Следите за ним получше. А самое хорошее — оправьте обратно к матери.

— Гриша, — позвала Светка.

— Да, тетя Свет... Вы чего передо мной рукой машете? Болит?

— Что? Ты видишь?!

— Ну да. Вы мизинец давно ломали?
 — А-а... в школе еще... давно...
 — Срослось плохо. Если болит, нужно припарки делать. Я дома покажу как. А хотите, я вам его заново сломаю?
 — Не надо! — торопливо сказала Светка.
 — Зря. Потом срастись бы правильно и вообще не болело. Ну как хотите. Домой пойдем? Я спать хочу.
 — Гриша, а... — Светка осторожно заглянула в его лицо. Левый глаз наглухо закрыт жуткой багровой опухолью; правый... капля смолы... не горячей — застывшей, неподвижной, в которой не разглядеть точку зрачка. Слепой?! — Гриша, а кто сейчас идет по коридору?
 — Женщина, — немедленно отозвался он, даже не повернув головы. — Красивая.
 — Да? — Светка удивленно проводила взглядом грузную женщину, гулко захлопнувшую за собой дверь кабинета.
 — У нее дочка болеет — она и волнуется. А так она музыку любит и хорошие книги. Она правда красивая. Вы разве не видите, тетя Света? А с дочкой у нее все будет хорошо. Правда. Пойдемте домой, а?

Шагнув из освещенного здания больницы на темную улицу, Светка запнулась о порог. Гриша поддержал ее под локоть — будто это она была слепой, а он — зрячим.

— Гриша, а что ты сейчас видишь наверху?
 — Звезды, — послушно ответил он, не поднимая головы. — Как солнце, только маленькие. И птица летит — высоко. Она заблудилась и ищет дорогу...

Светка остановилась, запрокинула лицо к темному, наглухо затянутому низкими тучами небу, пытаясь разглядеть невидимое — звезды и птицу.

— Найдет? — робко, дрогнувшим голосом спросила она. Так, будто это сейчас было самым важным.

— Найдет, — уверенно ответил мальчик. — Тетя Света, вы все спрашиваете, что здесь, а что там... Это потому, что вы ничего не видите? Да? Хотите, я вас научу?

АНДРЕЙ ДМИТРУК

ДАВАЙТЕ ПОТАНЦУЕМ

1. Удар!

Лёха бил хитро, чтобы не оставлять следов: по сути, просто зацеплял Кирилла взмахом руки, и тот слетал со стула. Невредимова готовили к работе в серьезном учреждении; уродовать не рекомендовалось. Ну, а если упал человек, расшибся, — кто в этом виноват?

На сей раз Кирилл разбил себе левый локоть и приложился виском к полу. Что-то словно треснуло и рассыпалось у него в голове. Он попытался встать, но пол пошел враскачку, и физик снова упал.

— Ничего, ничего, Кирилл Сергеевич, мы не торопимся, — сказал следователь. Сидел он у дверей камеры, на кушетке; прыгала его левая нога, закинутая на колено правой. Следователь был молод, щупл, бледен и часто облизывал небольшие, девичьи губы. — Если будет надо, мы нашу беседу повторим, например, завтра. И послезавтра. Ну, а если вы обнаружите патологическое упрямство... — Руками и закатыванием глаз он показал крайнее сожаление. — Тогда мы будем просто вынуждены перевезти вас в другое место, и там вам сделают пару уколов. Акваверин — слышали? Это новое средство. От латинского aqua vero, «вода правды»...

Лёха на полу, сорокалетний Кирилл более чем всегда, напоминал первоклашку-переростка, близорукого отличника. Розовое лицо, мясистые оттопыренные уши, маленькие круглые очки — и полные губы, казалось, готовые задрожать в плаче.

Кирилл слушал, и ему становилось страшно, невыносимо страшно. Пожалуй, страх даже превосходил боль. Ему и раньше, прямо скажем — от нечего делать, доводилось представлять себя на допросе. Ну, например, на немецком, во время войны. Иголки под ногти и всё такое прочее. Он не сомневался, что от чудовищной муки тут же «расколется» и выдаст явку подпольщиков. Но всё произошло несколько иначе. Правда, здесь не было изощрённых пыток, и команды этого нервного человечка со странно-отрешёнными чёрными глазами не шли дальше очередного призыва: «Лёха, давай!..» Однако Лёха, человек-инструмент, спящий на ходу качок-увалень со сложной татуировкой на окороке, заменявшем ему руку, лупил капитально. И — Бог весть, откуда взявшись! — с каждым ударом, с каждым приземлением на пол делался всё крепче некий стопор внутри у Невредимова. Ужас ужасом, боль болью, но... было ещё что-то. Возможно, главное. Скорее всего, злость и вызов: а вот не выбьете то, что хотите! В порошок сотрите, — не дамся!..

Надолго ли это сопротивление? Он понимал: вряд ли. Выдавят, выжмут из него всё, что надо. Не мытьём, так катаньем,

акваверинном этим своим... Так зачем он сопротивляется, принимает страсти?..

Словно отследив секунду слабости у допрашиваемого, следователь повернулся всем корпусом к лежащему Кириллу; склонившись, оперся ладонями о колени. Две пуговицы на рубашке у него были уже расстёгнуты, галстук играл роль фигового листка.

— Может, одумаетесь всё-таки, Кирилл Сергеевич? Ну, смотрите: назад в институт вам ходу нет. Туда ни вас, ни ваших поделчиков и на порог не пустят. За кражу оборудования вполне могли и в тюрьму пойти: но мы же вас, кстати, от суда и отмазали... Предлагают вам царские условия для вашей любимой работы. Вопрос: чего вы кочевряжитесь? Надо просто продолжать делать то, что вы делали на краденой аппаратуре. Только на лучшей! Ну и, конечно, познакомить, кого надо, со всеми вашими секретами. Они же должны понимать, что не бросают деньги на ветер... Ну, так как?

Уже и глаза следователя, единственная приметная деталь на стёртом лице (наверное, таких и берут в спецслужбы, чтобы не запоминались), делались мягче и добродушнее; уже и Лёха протянул руку в закатанном до плеча рукаве — помочь встать... Но тут Кирилл, заметив, сколь расширены зрачки допросчика, вдруг, к собственному испугу, участливо спросил:

— Вы что, наркотики употребляете?..

И без команды под рёбра его саданул ботинок Лёхи.

2. Из письма К. С. НЕВРЕДИМОВА МАТЕРИ.

...совсем другая реальность. Более лёгкая, весёлая, красивая — и, наверное, более честная, чем наша. Принято говорить, что это, мол, для зрителя — уход от жизненных проблем, трусость. Но, может быть, мы уходим туда не для того, чтобы там остаться, — а чтобы вернуться сюда с новой порцией оптимизма, душевной упругости?

Большинство этих фильмов никогда не шло на наших экранах. Не знаю, почему: ведь там нет ничего антисоветского, вообще, никакой политики! Возможно, их не покупали и не дублировали просто потому, что Америка считалась «врагом номер один»? Или оттого, что там показывают жизнь далеко не бедных, преуспевающих людей, варьете, рестораны, — а нам с детства внушали, что на Западе так могут жить только классовые враги, буржуи... Допустим. Но почему эти картины не вышли на экран — даже телевизионный! — в 90-х годах, после гибели Советского Союза? Лезет в голову прискорбное: а что, если это наша проклятая русская ментальность? Не только сами не умеем беззаботно радоваться, вечно на душе какой-нибудь камень, — но и чужой радости боимся! Боимся из суеверия. Мол, не к добру это прыганье и скаканье, горькими слезами закончится...

Вот потому и не знаем почти ничего из классических американских мюзиклов; разве что сотая их часть шла по телевидению. Спроси у

любого нашего земляка, даже самого интеллигентного: кто такой Джин Келли¹?

А Сид Чарисс? Какая самая знаменитая песня Джуди Гарланд? Что за пара поющих и танцующих суперзвёзд украсила собой десяток музыкальных фильмов? Никто не ответит...

Нет, ты пойми меня правильно, ма: никакой я не «американоман»; как и ты, люблю нашу музыку, наши песни, особенно из старых советских фильмов. Но мне кажется, что в ту пору, в 30-е — 50-е годы, американские киношники придумали нечто более важное, чем национальный вид музыкального кино. Нечто вроде лекарства от меланхолии для всего мира.

Каюсь, — я предложил Горпенко и Сырбу заняться прежде всего американскими мюзиклами времён наивысшего расцвета этого жанра...

(Письмо не было отправлено. Его нашли при обыске в квартире Невредимова.)

3. Из интервью, данного С. Ю. СЫРБУ КОРРЕСПОНДЕНТУ ГАЗЕТЫ «ТАЙНЫ И ЧУДЕСА»

СЫРБУ. Мы предполагаем, что помимо той реальности, к которой принадлежим мы, есть ещё другая. Не мир иных измерений, о котором пишут фантасты, а именно — другая действительность.

ТиЧ. Но мы как-то соприкасаемся с ней, с этой другой реальностью?

СЫРБУ. Ещё как соприкасаемся! Можно, теперь я задам вопрос: вас никогда не интересовало, что происходит с героями фильма, когда кино кончилось и диск вынули из плеера?

ТиЧ. Честно говоря, я об этом думал ещё школьником, когда выходил из кино. Вот, эти люди только что так активно действовали на экране, стреляли, скакали на конях, плыли по бурном морю... и что же? Механик смотал плёнку, сложил её в коробки — значит, конец всему? Все герои лежат мёртвые, ждут второго пришествия механика и своего воскрешения? Как-то не верилось... Но это была лишь мальчишеская фантазия. Неужели вы хотите сказать, что в ней что-то есть?

СЫРБУ. Есть, и очень многое. Я не буду нагружать вас научной терминологией, попробую сказать как можно проще. Мы трое, авторы этой гипотезы, — Кирилл Невредимов, Василий Горпенко и я, — пришли к выводу, что жизнь — это не обязательно белок. Она может возникнуть на любой материальной основе, которая способна развиваться и воспроизводить себя. А из каких частиц состоит основа, в принципе, безразлично. Более того: жизнь возникает необычайно легко. Вообще, нет барьера между живым и неживым. Достаточно слабого толчка в нужном направлении, и живая система начинает складываться. Мир как будто хочет, чтобы в нём было как можно больше жизни!..

ТиЧ. Звучит красиво. Но какие законы тут действуют?

¹ «Словарь звезд» приведен в конце рассказа.

СЫРБУ. Мы пока только начали изучать этот потрясающий феномен... Когда художник делает с вас карандашный набросок, он тем самым как бы намекает на создание живой системы. Картина акварелью, маслом или скульптура — уже содержат немало элементов живого. Кстати, древние что-то об этом знали, иначе откуда взялось бы столько легенд и преданий об оживающих статуях, о портретах, которые выходят из рам?

ТиЧ. Да, да! И у писателей-классиков это тоже сплошь и рядом! У Гоголя — «Портрет», у Оскара Уайлда — «Портрет Дориана Грея». У Проспера Мериме — «Венера Илльская»: там вообще бронзовая статуя душит до смерти человека!

СЫРБУ. На самом деле, в картинах и статуях зачатки жизни проявляются очень слабо, заметить их можно только с помощью специальных приборов. Которых ещё, кстати, нет, мы их только разрабатываем... Если же говорить о древности, — наверное, выявить жизнь в произведении искусства могли только самые сильные экстрасенсы.

Занятное предположение высказал Василий Горпенко. По его мнению, маленькие дети, с их сверхвысокой чувствительностью, как-то ощущают жизненное начало в своих игрушках, — поэтому и обращаются с ними, как с живыми. Между прочим, есть немало и легенд, и литературных произведений об оживающих куклах, — начиная с древнейшего восточного мифа о том, как боги слепили из глины первых людей...

Вообще, ход нашей мысли таков: чем ближе подобие к оригиналу, тем в большей мере оно наделено жизненностью. В живописи (заметьте, слово-то какое: *живое писание!*) или ваянии элементы жизни лишь намечены; но что касается движущихся и говорящих изображений — здесь совсем другое дело! Активная, энергичная жизнь! И она может претендовать на собственное, автономное функционирование. А мы — на контакт с ней, не менее сенсационный, чем встреча с инопланетянами...

4.

За мостом через речушку, за поворотом их ждали. Справа к дороге подходил массив нежно-зелёной июньской кукурузы, слева вдоль обочины тянулась роща тополей. Когда машина, где везли Кирилла, прошла через мост, — из-под деревьев выехал и встал поперёк пути глыбистый серый внедорожник.

К чести конвоиров Невредимова, они сориентировались быстро. Тот, что сидел рядом с физиком, выхватил пистолет и приставил его к голове Кирилла. Водитель затормозил; мужик на переднем сидении приоткрыл дверцу и крикнул:

— Ребята, кончайте, живым не отдадим!

Кириллу, честно говоря, просто не верилось, что не через многие годы, а вот сейчас может оборваться его жизнь. Но с каждой следующей секундой страшная истина проникала всё глубже. Захотелось внезапным ударом отшибить от себя руку конвоира и выскочить вон

из машины. Однако кнопки на дверце перед Кириллом не было, да и здравый смысл подсказывал: такое удаётся только в кино!.. И сидел Невредимов, не шевелясь, и словно кипятком его окатывало; даже пот заструился по щеке.

Впрочем, неведомые противники оказались поискуснее тех, кто держал физика в плену и вёз сейчас, по его разумению, в некое место, где к строптивцу будет применена «сыворотка правды». Верзила с пистолетом оказался несколько беспечен — что, по мнению Кирилла, и подобало сотруднику государственной спецслужбы: не привыкли встречать сопротивление! День был жарок; поскольку машину не снабдили кондиционером, мужчина опустил стекло. Но не пуля сразила его, — маленькая тёмно-красная стрела, вылетев из кукурузной посадки, ужалила в шею. Невредимов даже решил, что эта штука не убивает, а усыпляет мгновенно... Не успев спустить курок, громадный мужичище, который всю дорогу теснил Кирилла на сидении для троих и глушил запахом пота, мешком отвалился назад. Кстати опять вспомнив фильмы, Кирилл присел пониже, спрятался за спинку переднего сидения — и по звукам узнавал о происходящем.

Вот — бах, бах! — выпалил конвоир рядом с шофёром. Скорее всего, в белый свет, как в копеечку, поскольку в ответ чуть слышно ширкнула стрела. Тело грузно упало рядом с машиной. «Сдаюсь, сдаюсь!» — закричал водитель...

Тут кто-то открыл вторую заднюю дверцу и не без усилий выволок тушу Кириллова соседа, затем небрежно бросив её на асфальт. Это была пара крепких парней в спортивных костюмах и низко надвинутых бейсбольных кепочках. Затем в машину заглянула женщина, улыбнувшись и сказав низким грудным голосом:

— Всё в порядке, Кирилл Сергеевич! Выходите, не бойтесь.

Он выбрался на шоссе — и сразу посторонился, давая возможность ловким парням запихнуть обратно тело верзилы. После этого ловкачи, уже втроём, притащили другого обездвиженного конвоира и бросили поверх первого. Затем дверца была захлопнута. Один из парней, приложив ладонь ребром к кепочке и резко оторвав её, просигналил: вали, мол, отсюда! Водитель, как-то по-китайски кланяясь и усмехаясь, панически развернул машину и умчался назад.

За всеми этими делами следила, стоя посреди трассы и расставив ноги в сапогах, рослая, решительная женщина. Она была одета в ковбойку, жилет и обтягивающие джинсы. Женщину нельзя было назвать некрасивой — вьющиеся медно-рыжие волосы до плеч, очень белая кожа. Лишь нижнюю челюсть словно от другого черепа приставили, мощную, с выпирающим подбородком и широко разнесёнными углами.

Кирилл подивился про себя, — почему не появляются чужие машины? Конечно, в эту раннюю пору движение на междугородном шоссе и не могло быть большим, — но ведь не нулевым же! Потом сообразил: ему лишь показалось, что прошло много времени с тех пор, как их остановили. А на самом деле — не более минуты! Вот уже

чей-то грузовик подъехал из-за моста, и один из парней, прыгнув за руль, вежливо откатывает внедорожник. Двое других курят у кювета, в тени большого тополя.

— Не желаете поговорить со мной, Кирилл Сергеевич?

Женщина подошла вплотную.

— Можно просто Кирилл. Это же не допрос?..

— Нет, конечно. А я — просто Альбина.

Они прогулялись вглубь рощи. Отсюда стало видно пшеничное поле. Тень ветвей была густа. Добыв в одном из бесчисленных карманов жилета серебряный портсигар, Альбина закурила; Невредимов отказался. Громко щёлкнув крышкой, она убрала сигареты:

— А. я забыла, вы же танцуете!

— И это знаете?

— А это что, тайна? Да весь ваш отдел говорит: Невредимов увлекается степом, чечёткой, даже пытался создать в институте группу самодеятельности.

Физик передёрнул плечами:

— Каждому своё. Но вы же не ради этого меня... не знаю — похитили, освободили? Не для того, чтобы поговорить о степе?

— Ну, почему же... Можем и о степе. — Альбина картинно прислонилась к стволу, скрестила ноги. — Я когда-то даже получала призы на конкурсах балльных танцев. Не верите?..

Кирилл выжал из себя банальный комплимент, и она продолжила:

— Но вы правы, мы здесь не для этого.

Выпустив к зениту струю дыма, Альбина спросила вдруг:

— Вы как, вообще... верите нашей власти? Государству?

— Я вне политики, — поспешил отмахнуться физик, но она настаивала:

— Можно быть сто раз быть вне политики, — но вы же живой человек! Не видите, что вокруг творится? Да ваш институт еле-еле концы с концами сводит! Знаете, с чего началась охота на вашу троицу? С того, что подвал, где вы собрали установку, был, оказывается, давно уже арендован, и там собирались открыть салон тайского массажа! Эти... тайцы, или Бог их знает кто, пожаловались вашему директору. А в это время один ваш добрый товарищ стукнул, куда надо, и вами занялись органы.

— Сырбу? Я давно знал. Он ещё и интервью дурацкие давал газетам...

— Неважно, кто, — главное другое. Выгнали вас — и отдали на растерзание, вместо того, чтобы снабдить всем необходимым, открыть для вас роскошную лабораторию!

— А мне её как раз и предлагали, — сказал Кирилл. — Только не в институте, а как раз в органах.

— Предлагали... А вы и поверили! — Альбина со злостью фыркнула дымом; бросив окурок, затоптала его, словно ядовитое насекомое. — Вкатили бы вам сейчас двадцать кубов акваверина, — а когда вы всё рассказали бы, так стали бы держать на наркотиках! И сделали бы вы для них даже в сарае — всё, что они потребуют!..

— А вы что, не будете держать? Вообще, кто вы такие?

Она лукаво поиграла красиво выгнутыми, не подбритыми бровями.

— Скажем, приватная организация. Которой очень хочется устроить для людей турпоездки во вторую реальность...

5. Из письма К. С. НЕВРЕДИМОВА К МАТЕРИ.

...Герои кинофильмов живы, имеют собственное сознание и волю. Я тебе ещё в прошлом году начал рассказывать об этом, когда приезжал в гости. Но ты только посмеялась: «Фантазёр ты у меня, Кирка!» Помнишь? Мы ещё сидели на мостках над озером, там, где я чёрт-те когда, пацаном, поймал свою первую рыбку. Но тогда мне было нечем доказать тебе свою правоту, установка не была собрана. Сейчас бы я элементарно смог, но меня уволили из института — и, судя по всему, будет заведено уголовное дело. Ты уж меня прости, ма, но я должен был тебе об этом сообщить, — всё равно узнала бы. Кузьмичёв, это наш замдиректора по АХЧ, шьёт нам троим, Горпенко, Сырбу и мне, кражу институтского оборудования и его использование без разрешения. Это чепуха полная: установку мы собирали буквально из металлолома, а чего не хватало, покупали за свои деньги. (Смешно, но факт: ничего сверхъестественного не требовалось, в продаже всё было, — весь секрет в соединении частей...) Но, я так понимаю, дирекции надо нас выгнать и отдать под суд; на неё давят сверху...

Ладно, это тема грустная. Лучше — о наших киногероях. Честно говоря, мы об этом феномене пока что мало чего знаем. Откуда у них мышление и сознание, причём, на уровне нормальных человеческих?! Думали, берут каким-то образом у актёров, которые их играют. Пообщались (да, да, мы с ними общались!): ничего подобного! Каждый из них чувствует себя именно персонажем фильма, тем, кого актёр играет. Но, очевидно, когда фильм не на экране, они ведут совершенно не ту жизнь, которую написал для них сценарист и поставил режиссёр. Их жизнь — другая, для нас тайная. Что они делают внутри коробок с плёнкой, кассет, дисков? То есть, не там, разумеется, но в каком-то, недоступном для нас, пространстве-времени, куда открывается вход через экран? Работают, едят, пьют, занимаются любовью?.. Мы называем их мир «вторая реальность», «реальность-два», но не можем даже отдалённо себе представить, в каких координатах он находится — по отношению к нашей Вселенной.

Когда начинаешь общаться с ними... Это очень странное зрелище, поначалу оно просто пугает. Смотришь себе кино, герои говорят и делают то, что им положено по сюжету... И вдруг, когда ты включаешь установку, всё сразу меняется! Они останавливаются и поворачиваются к тебе. Как будто получили какой-то сигнал... Видят! Слышат! Вступают в диалог!.. Интересно, что обстановка вокруг них сохраняется — та же натура, что была снята, или декорации, построенные для фильма. Наверное, они тоже имеют самостоятельное существование...

Помнишь? Когда мне удалось немножко убедить тебя, что я не фантазирую, — а может быть, ты просто пожалела меня и слегка подыграла, — ты спросила: а что чувствуют *маленькие люди*, когда им в сотый или в тысячный раз приходится повторять одни и те же слова и действия, снятые оператором, смонтированные режиссёром? (Ты их упорно называла «маленькими людьми»: привыкла к экранчику телевизора, хотя на большом киноэкране они намного больше нас!) Я тогда не знал, что тебе ответить. А недавно мне разъяснила, что к чему, — не поверишь, — Кэти Селден. Это, если помнишь, такая милая, скромная девушка из картины «Поющие под дождём». Не актриса Дебби Рейнольдс, пусть даже и виртуальная, а именно её героиня. Тогда нам впервые удалось провести довольно долгий и надёжный, почти без помех, сеанс связи. И знаешь, ма, что оказалось? В фильмах действуют не они, а... Вот, нет в нашем языке таких понятий. Не двойники, не призраки, не отражения... Правда, Кэти говорила — привидения. (Она и вправду очень симпатичная.) Но ближе всего, как сказал Горпенко, — он у нас эрудит, даже индийскую религию изучал, — понятие манифестации, проявления. Скажем, божество проявляет себя в виде человека. Причём манифестация бывает полная и частичная. Так вот, для «маленьких людей» их экранные роли — это частичная манифестация. Копий фильма может быть сколько угодно; столько же и частичных проявлений, — но сами герои уникальны. Каждый существует только в единственном экземпляре. Как и мы, грешные...

...американские мюзиклы времён высшего расцвета этого жанра. Больше всего я хотел общаться именно с их героями. Они так беззаботно поют и танцуют; у них такие элегантные, я бы сказал — целомудренные костюмы и причёски: и близко нет современного разгильдяйства, оголённости... Я тут весь в тебя, правда, ма? Ты меня воспитала настоящим викторианцем...

Словом, это очень хорошая, не ранящая душу реальность. Мы, все трое, с моей подачи решили: не будем лазить во всякие ужастики, в жестокие военные фильмы, а наладим общение с героями Джина Келли, Фреда Астера, Джинджер Роджерс, Элеанор Пауэлл... Они там даже если врут или жульничают, то как-то невинно. А размолвки и ссоры самые пустые: смешно поборанились, разошлись надутые — глядишь, через минуту помирились, опять пляшут. Выбивают дробь своими стальными набойками.

Ещё мне занятно: а можно ли из одного локального киномира перейти в другой? Скажем, помахал мечом вместе с русскими богатырями в реальности «Ильи Муромца», а потом отправился бродить по тайге вместе с Дерсу Узала... Нет пока ответа. Сами герои — не пробуют, не знают, с какого конца подступиться. Кэти, так та и вовсе испугалась этой идеи. Ей очень славно в Голливуде 1927 года...

А теперь я тебе всё-таки расскажу, из-за чего, по-моему, к нам прицепились все эти «мэн ин блэк», люди в чёрном. Ты ведь всё равно не успокоишься, пока не узнаешь...

6.

— ...Наверняка вы сами уже думали об этом. Вас трясли правительственные структуры. Пугали судом, тюрьмой. Мучили. А всё почему? Потому что надеялись на перемещение. Считали так: сегодня вы заглянули в тот мир, пообщались с его жителями, а завтра найдёте туда дорогу. А может быть, и продолжите путь для *тех* — в нашу реальность... — Альбина закурила новую сигарету. — И то, и другое сулит огромные возможности. Ну, скажем, первое — это больше для развлечения. Вот где экзотика! Не Багамы, не Канары какие-нибудь, уже приевшиеся, — перемещаешься в Египет времён Клеопатры; да не в тот, что был на самом деле, а в гламурный, с Элизабет Тейлор на троне! Или, если захотелось экстрима, — вали в Парк юрского периода, поохотись на динозавров. А второе — отсюда сюда — это уже, извините, военная тема. Какие возможности! Нырешь в «Триста спартанцев» — и приводишь за собой всю персидскую армию царя Ксеркса. Правда, они с мечами и копьями... ладно! Проникаешь в мир «Терминатора» — и возвращаешься с подразделением боевых роботов...

— Чёрт возьми! — Вытаращив глаза, Кирилл развёл руками. — Ну, надо же! Да я, собственно, потому и держался, что предполагал нечто подобное. Попытку вломиться туда... Но вы так чётко сформулировали!

— Они бы сформулировали ещё чётче... — Альбина жёстко сощурилась. — Министры наши, депутаты от правящей партии — или их кукловоды-миллиардеры. Куда, зачем и почему...

— А вы бы... кого туда послали? Рабочих с завода «Маяк»?..

Она скривила крупный, выразительный рот:

— Нету их уже там давно, рабочих ваших, — вместо завода торговый центр «Блу-Дрим»... Нет, голубчик, зря иронизируете. У нас в ваши миры... поехали бы нормальные люди. Служащие, врачи, университетские профессора, предприниматели. Все, кто сможет заплатить за перемещение. Лгать не буду, — не пару долларов, но вполне доступную сумму. И часть этих денег — ха-арошая часть! — была бы ваша. Не стройте святого, Кирилл, вы же человек!..

— Допустим. А почему вы, собственно, думаете, что я могу осуществить это... перемещение? — С горьким смехом он замотал головой. — Ну, анекдот! Те, в безопасности, из меня его хотели не то выбить, не то вытащить своими уколами... а вы чем? Долларами?

Её улыбка застыла, будто схваченная клеем.

— Извините, Кирилл, но мы всё-таки кое-что знаем. Сейчас оба ваших друга — стукачи, не стукачи — верно трудятся на правительство. Может быть, у них что-нибудь получится. Скорее всего, нет. Мозг и двигатель проекта — вы. И никто, кроме вас. И только вы, причём даже в одиночку, способны сделать это. Мост между двумя реальностями. Туда и обратно.

Положив руки на плечи Невредимова, она приблизила к нему лицо:

— Давайте без дураков. Мы не будем обещать; лаборатория для вас уже готова. Оборудование — любое. *Сделайте это*, и вы свободны.

Свободны и богаты. Летите к своей маме в Краснолиманск, обрадуйте её, купите ей новый дом... И — никакого насилия. Слово чести. Я разбираюсь в людях... немножко. Если вы обещаете работать с нами, это будет крепче любых замков. А что касается меня лично...

Сухими горячими губами Альбина коснулась губ Кирилла.

7. ИЗ ПИСЬМА К. С. НЕВРЕДИМОВА К МАТЕРИ.

...Думаю, что наши спецслужбы и правители надеются проложить дорожку *туда*. В кинореальность. В лучшие миры заэкранья. Может быть, кому-то из этих уродов захочется побыть барином, хозяином сотен крепостных, а другому — римским императором в цирке, осудить гладиатора на смерть, а третьему — взаправду пострелять в индейцев на Диком Западе; но... Во-первых, пока ещё ничто в наших опытах не доказывает возможности перехода из одной действительности в другую. Общаться — пожалуйста, это как по скайпу; но сделать туда хоть один шаг — в тысячу раз труднее. А во-вторых и в главных, — даже если бы это сделалось возможным, я просто не хочу, чтобы они туда шастали. Особенно в мир мюзиклов. Они же там всё напрочь изгадят! Притащат туда свою лживость, жадность, подлость, предательство, зависть к каждому, кому повезло немного больше... Они не умеют танцевать степ, не умеют быть элегантными, весёлыми, раскрепощёнными; легко обижаться и ещё легче прощать. Они там будут, как носороги в стране трепетных ланей... не знаю, лучшее сравнение в голову не приходит. Это плохие друзья для Бинга Кросби и Веры-Эллен. Вернее, для их героев и героинь. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из них положил свою лапу на гибкую талию Джуди Хэйнес или сунулся пить в баре с Бобом Уолласом...

Кстати. Прошлой ночью мне пришло в голову: а почему они, собственно говоря, не дали нам самим хотя бы приблизиться к решению вопроса об обмене материальными массами между двумя континуумами? А попросту, о переходе туда и обратно? Мы бы себе тихонько возились в нашем подвале, дирекция бы делала вид, что ничего не знает. А когда у нас уже что-то начало бы получаться... стукач, я думаю, был всегда на месте... нас — бац, и за жабры! Выкладывайте, такие-сякие!.. Нет. Поспешили. Так почему же, чёрт бы их взял? У меня такое объяснение. Стукач, изо всех сил выслуживаясь, наобещал в «органах», что мы буквально завтра наладим двухстороннее движение по трассе «Земля-заэкранье». Там поверили — и решили поскорее стрести нас. Чтобы мы сами туда не удрали. Ловить беглецов через границу — это их давнее и почтенное занятие...

8. ИЗ СЛУЖЕБНОГО ДОНЕСЕНИЯ. ГРИФ «СЕКРЕТНО».

Таким образом, все обещания «Мулата» (С. К. Сырбу) оказались несостоятельными. В. М. Горпенко, лучше владеющий теоретической основой экспериментов, заявил прямо: в лаборатории «ещё и не пахнет» возможностью проникновения в «реальность-два». Возможно, для

решения этой проблемы понадобится много лет. Причём, по словам Горпенко, без участия К. С. Невредимова группа вряд ли вообще придёт к положительному результату.

Предлагаю поставить вопрос о розыске К. С. Невредимова в стране и за её пределами...

9.

Раскаты дальнего грома за подслеповатым окошком — или, не дай Бог, что-то другое?..

Кирилл вышел во двор.

Мало кто из коллег по институту, из столичных знакомых теперь смог бы узнать его. Всегда аккуратный и подтянутый, по примеру своих любимых героев мюзиклов, «вечный мальчик» Невредимов выглядел совсем иначе. Разве что круглые очки сохранились, латаные скотчем... В цыплячье-светлой бороде до глаз, одетый в старый джемпер и выдавшие виды брюки, заправленные в сапоги, — походил он на геолога-полевика или на матёрого альпиниста.

Физик тронулся в обход избы. Всё кругом было, как и три месяца назад, когда приехал он сюда на старушке «Ладе», притащив груду инструментов и аппаратуры, а также консервы, чай и сухари. (Ходить через лес в ближайший сельмаг, ради конспирации, следовало как можно реже.) Кусты выродившейся смородины тонули в шапках крапивы, на бывшем огороде доцветал жёлтый коровяк. Никто не собирал бурые падалицы вокруг одичалой яблони. Гниющий забор в нескольких местах рухнул под тяжестью хмеля и тыквенных лиан. В деревне люди не жили уже много лет. Вокруг усадьбы, самочинно занятой Кириллом, будто стадо пасущихся слонов, высились над разливом зелени мёртвые избы.

Ночами здесь бывало страшновато. Без ветра скрипели калитки, хлопали рассохшиеся ставни, словно умершие домовладельцы навещали свои гнёзда. Но постепенно Кирилл притерпелся. Тем более, что деваться было больше некуда.

Помимо смутного страха ночей, он испытывал другую, более конкретную, неотвязную тревогу. Брошенная деревня, о которой Невредимов вполне случайно узнал, была настоящим медвежьим углом. Но и «органы» наверняка уже раскинули сеть по всей стране, — да и организация, к которой принадлежала Альбина, явно располагала большими возможностями сыска. Должно быть, работали в ней старые ищейки из КГБ и угро... Физик же давно читал, что любой человек, пытающийся скрыться, фатально оставляет за собой следы и свидетелей. Особенно такой неумелый беглец, как он...

Когда Кирилл зашёл в тыл дома, туда, где «Лада» под брезентом приткнулась к завалу сухой древесины, натасканной с чужих дворов, — он снова услышал этот звук. Теперь его трудно было принять за отголоски далёкой грозы. Ритмичные урчание и постукивание перемещались над горизонтом. Около деревни бродил вертолёт.

Бросившись обратно в избу, тесную, как большая городская кухня, Невредимов сразу прошёл мимо топчана, на котором спал ночью, к тому месту, где ранее стояла печь. Выселяясь, рачительный хозяин разобрал её и увёз с собой. Теперь в этом углу, отделённом парой дешёвых цветастых занавесок, помещался грубый самодельный стол, служивший опорой штабелю аппаратуры. Несведущему человеку было бы трудно уловить порядок во всех этих блоках и платах, залитых припоем, соединённых проводами; в хитром расположении микропроцессоров. Самыми привычными предметами здесь были монитор и компьютерная клавиатура. Всё питал мощный автомобильный аккумулятор, стоявший на некрашеном табурете.

Установка в институте, за создание которой Кирилла арестовали вместе с двумя его партнёрами, Горпенко и Сырбу, была в несколько раз больше. Её куда-то перебрали, наверное, в то секретное учреждение, где Невредимову предлагали работать «на державу» и где теперь (кажется, безрезультатно) трудилась пара более сговорчивых коллег.

Альбина привезла физика на некую квартиру, откуда Кирилла, практически, не выпускали. Правда, и кормёжка, и удобства были выше всякой критики. Большую гостиную переделали в неплохую лабораторию; по первому требованию доставляли всё, что нужно. Он мирился. Пришёл в голову более миниатюрный и совершенный вариант устройства; его Невредимов и стал воплощать. Больше того: забрезжил и стал нащупываться путь к тому самому перемещению, к физическому переходу в «реальность-два». Но с этим Кирилл не спешил — и ничего не объявлял заказчикам. Если приставали, ссылался на некие трудно преодолимые «эффекты пограничья», «вероятностные помехи»... Иногда он корил себя за то, что согласился работать на загадочную «приватную организацию». Но, в конце концов, выбора ему не дали, — а дарить открытие правительству и впрямь было противно...

Толчком же к бегству физика и к его появлению в мёртвой деревне послужил один разговор с Альбиной.

С первых дней — она и манила, и пугала застенчивого холостяка Невредимова. Жил в Альбине какой-то неукротимый, но, как физик решил для себя, бесовский дух. Сперва эта сильная, завораживающая своей энергией женщина открыто заигрывала с учёным. Будучи всё же здоровым и сытым мужчиной, томившимся взаперти, — он пошёл навстречу... И вот, уже на правах близкого человека, она разоткровенничалась.

Собственно, о чём-то зловещем и мрачном, связанном, в перспективе, с прогулками в «кинокосмос», Кирилл задумывался уже не раз, — после того, как лабораторию посещали вальяжные, очень вежливые и сдержанные мужчины. Молодых и пожилых, — их объединяло многое: подчеркнуто солидная тёмная одежда, тихий говор и многозначительные улыбки с опусканием глаз: мы, мол, знаем важное, но это не для всех... У некоторых на пиджаках сверкали золотые значки в виде хитроумно свернувшейся змеи. Альбина вела себя с ними свободно, но зоркий Невредимов видел в её манерах подобострастие.

В тот раз, сидя на краю постели и обнимая поднятое колено, нагая и вся золотисто-медная, Альбина прихлёбывала шампанское из бокала

и смотрела на телеэкран. Бутылку они опустошили. Лёжа рядом, Кирилл тоже невольно засмотрелся. Шёл фильм, в котором физик видел некую глубину и вполне адекватное отражение реалий нашей эпохи: «Адвокат дьявола». В танце двигаясь по своему жутковатому, с оживающими рельефами на стене, офису, Аль Пачино в роли сатаны напевал джазовую песенку. Вдруг женщина резко обернулась к Кириллу; небольшие, но яркие глаза её горели фанатичным восторгом.

— Может быть, *его* и нет на самом деле, — приглушённо, будто их могли услышать, сказала она. — Нас всех воспитали атеистами. Но... ты себе представляешь, Кир? Материализовать *его*! Вызвать из экранного бытия — сюда! И попросить, чего хочешь...

Невредимов смолчал, потом перевёл разговор на другую тему. Ночью его тормозили и мучили чёрные, огненноглазые тени; вся нечисть из всех ужастиков кино, приглашённая тихими друзьями Альбины, клубилась, шипела и хохотала, поглощая человеческий мир.

Через несколько дней физик сбежал. И сделал это, сначала завожив своих хозяев-тюремщиков обещанием скорого успеха, а затем настаивая на том, что только он сам должен съездить в магазин и отобрать нужные радиодетали. Альбина поехала с ним. Но Кирилл уже хорошо знал её слабости. И прежде всего, невероятную уверенность в себе, в неотразимости своих женских чар.

Притупив бдительность Альбины пылкими комплиментами (сам от себя не ожидал такой прыти!), он отвёл свою надзирательницу в кафетерий при магазине, усадил за столик; спросил, «какого мороженого взять моей красавице», метнулся к стойке раздачи и... пропал. В толпе нетрудно было это сделать.

Слава Тебе, Господи, — никто не заблокировал кредитную карточку Кирилла! Сняв с неё всю сумму, и не столь уж малую; разумеется, не заходя к себе домой, — он несколькими поездками, путаным маршрутом, добрался до областного центра, вблизи от которого лежала покинутая деревня. О ней узнал случайно ещё в столице, пару лет назад, однажды хватив водки в кафе с шофёрами-дальнобойщиками... Частным образом, по объявлению на столбе, приобрёл дешёвую полуразбитую «Ладу». Накупить деталей для новой компактной установки (даже более компактной, чем вторая, — он по дороге кое-что придумал!) и завезти их в деревню; выбрать относительно сухую, почти не повреждённую избу и в ней поселиться — было делом двух дней...

Уже отчётливо различая за стенами гудение воздушного винта, Невредимов уселся за стол. Пальцы привычно нажали квадратную светящуюся кнопку, пробежали по клавишам... Экран вспыхнул. Зазвучала тихо, звоночками эльфов, простая и завораживающая музыка. Согласно с духовыми пели скрипки; ясный, бодрый темп задавал щётками ударник. Фильм был древний, подобный альбому гравюр.

Кирилл скоро нашёл нужный эпизод... В зале с окном во всю стену, на сверкающий ночной город, по зеркальному полу шли двое, он и она. Мужчина, обаятельно-некрасивый, большеглазый и ушастый, словно

лемур, предупредительно-лёгкими движениями вёл свою партнёршу, взвивались фалды его чёрного фрака. Женщина охотно и доверчиво позволяла ему кружить себя, отталкивать на длину руки и возвращать в объятия. Блондинка, свежая, точно майский редис, — её длинное платье казалось сшитым из белых вспененных волн. Ни тени напряжения не было в их стремительном танце; казалось, просто резвятся эти двое, с усмешкой поддразнивая друг друга. Разомкнув объятия и став рядом, затевали перепляс: а вот так ты можешь, а теперь этак?..

Гибко, почти головой до полу, она откинулась на его руку; распрямившись, словно натянутый и отпущенный лук, завертелась по зеркалу, показала безупречные ножки. И, фоном сопровождая, подчёркивая каждое движение, звонко, часто били подковы степистов.

Зарозовели оттопыренные уши физика. Поправив сползающие очки, с улыбкой нежной и заворожённой склонился он к самому экрану. До сих пор Кириллу не приходилось делать *это*, — лишь вчера собрал последний необходимый узел, — нырнём с разбегу, не задумываясь? Прости меня, ма: компьютера у тебя нет, а то большое письмо, что я писал тебе из дому, забрали при обыске, когда меня арестовывали. Перед тем, как обратиться из столицы, я написал и послал тебе другое, короткое. Чтобы не волновалась зря, — но и привыкала помаленьку к мысли о том, что можешь больше никогда меня не увидеть... Сволочи! Они доберутся и до нашего захолустья, до Краснолиманска; они будут трясти тебя, больную, дряхлую. Я бы всё отдал, чтобы помешать этому, но... Ты бы сама не посоветовала мне сейчас появляться возле тебя. Прости ещё раз. Поверь, они быстро отступятся.

Набрана нужная комбинация сигналов. Первым останавливается мужчина; она, по инерции отлетев на два шага, круговым движением возвращается. Теперь оба смотрят прямо в глаза Кириллу, и фрачный герой утирает платочком высокий залысый лоб.

Чуть повернув веб-камеру с крошечным микрофоном, Невредимов говорит очарованно:

Hi, guys! And I today to you. Will you accept me in the game?

Let, cow-boy! Jump to us! — обнажённой до плеча рукой манит танцовщица. — Today here class evening-party, only you and does not seize!

I go...*

Парой быстрых движений он вытаскивает из-под стола давно заготовленную канистру. Открывает. Щедро разливает по полу бензин. Те, с экрана, обнявшись, наблюдают, словно за потешным аттракционом.

Делая последний шаг к монитору, Невредимов бросает за собой на пол зажжённую спичку. Но вначале серебристым сиянием, словно великан-одуванчик, вспыхивает установка. Навстречу Кириллу тянутся две руки...

— Привет, ребята! А я сегодня к вам. Примете меня в игру?

— Давай, ковбой! Прыгай! Сегодня тут классная вечеринка, только тебя и не хватает!..

— Иду... (англ.)

СЛОВАРЬ ЗВЕЗД

Фред АСТЕР (настоящее имя Фредерик Аустерлиц, 1899 — 1987 гг.) — американский актёр, танцор, хореограф и певец, суперзвезда Голливуда, один из крупнейших мастеров музыкального кино. Его театральная и кинематографическая карьера охватывает период в 76 лет, в течение которого Астер снялся в 31 мюзикле. Знаменитые балетмейстеры Баланчин и Нуриев называли его величайшим танцором XX века.

ВЕРА-ЭЛЛЕН (настоящее имя Вера Эллен Вестмайер Роэ, 1921 — 1981 гг.) — американская актриса и танцовщица, снимавшаяся в музыкальных фильмах с Фредом Астером, Джином Келли и Бингом Кросби. Джуди Хэйнес — её героиня в мюзикле «Светлое Рождество» (1954 г.).

Джуди ГАРЛЕНД (урождённая Френсис Этель Гам, 1922 — 1969 гг.) — американская актриса и певица, мать актрисы и певицы Лайзы Миннелли. В 1999 году Джуди Гарленд была включена Американским институтом киноискусства в список величайших американских кинозвёзд.

Джин КЕЛЛИ (настоящее имя Юджин Карран Келли, 1912 — 1996 гг.) — американский актёр, танцор, хореограф, режиссёр, певец и продюсер. Работал в десятках фильмов, но прославился прежде всего своей ролью в знаменитом мюзикле «Поющие под дождём» (1952 г.).

Бинг КРОСБИ (настоящее имя Гарри Либлис Кросби, 1903 — 1977 гг.), американский эстрадный певец и киноактёр (снялся в 58 фильмах), автор музыки и текста к ряду песен. Боб Уоллас — его герой в фильме «Светлое Рождество».

Элеанор ПАУЭЛЛ (полное имя Элеанор Торри Пауэлл, 1912 — 1982 гг.) — американская актриса и танцовщица, исполнительница степа, многими специалистами признанная лучшей в мире. Пик её популярности приходится на 1930-е — 1940-е годы.

Дебби РЕЙНОЛЬДС (настоящее имя Мэри Фрэнсис Рейнольдс, родилась 1 апреля 1932 года) — американская актриса и певица. Наибольшую популярность ей принесла роль Кэти Селден в фильме «Поющие под дождём».

Джинджер РОДЖЕРС (урождённая Вирджиния Кэтрин Макмэт, 1911 — 1995 гг.) — американская актриса и танцовщица. Стала всемирно известной благодаря тому, что в десяти музыкальных фильмах танцевала в паре с Фредом Астером. Одна из их совместных картин называется «Давайте потанцуем» (1937 г.).

Сид ЧАРИСС (урождённая Сид Финкли, 1922 — 2008 гг.) — американская танцовщица и актриса. Снималась в очень многих мюзиклах, в т. ч. в паре с Фредом Астером и Джином Келли. Известна ещё и тем, что её ноги были застрахованы на пять миллионов долларов.

СЕРГЕЙ БЕРЕСТНЕВ

ВЕРБОВКА

Программа загнула в третий раз в том же самом месте. Я выматерился прямо в экран ноута, точнее в глазок телекамеры, поблескивающий над монитором. А что?! У себя дома — имею право. Если будут смотреть запись — пусть знают, что я сильно огорчён неудачей в моей трудовой деятельности. Ну что за программа — капризная... Ничего, разберусь, не таких уламывали. А игра должна получиться клеевая. Что там творит этот спятивший кибер... Пипл любит игры со спятившими киберами. По жизни эти железки постепенно выжимают живых людей с нормальных рабочих мест, так хоть в игре можно отвести душу.

Ну, не идёт сегодня дело — и чёрт с ним. Мне предстояло решить весьма важный вопрос — получение места в ближайшем гараже.

Я неспеша шёл по знакомой улочке к зданию дирекции. Неожиданно рядом со мной остановился дешёвый «Ниссан». Симпатичная брюнетка лет двадцати со стрижкой каре, приоткрыв дверцу, заискивающе смотрела мне в глаза.

— Вы не подскажете, как проехать на улицу Медведева? У меня навигатор загнул, а я заблудилась... — проворковала она ангельским голосом.

— Сейчас поедете прямо, потом на втором перекрёстке налево... а чёрт, там сейчас копают, лучше на третьем перекрёстке налево... — начал я объяснять.

— Ой, не так быстро, я не запомню... А что у меня случилось с коммуником?

Я как-то незаметно для себя занырнул в приоткрытую дверь и уселся на переднее сидение. Возможно, на это меня вдохновил коммуникатор девушки с зависшей системой навигации, которым она махала у меня перед носом, держа сначала на вытянутой, а потом — на согнутой руке.

— А давайте, я посмотрю вашу игрушку, может, реанимируем её... начал я и осёкся.

Дверь машины плавно закрылась. Девушка желает уединиться со мной? Намечается романчик? В свои тридцать пять я не утратил интереса к любовным приключениям.

— Девушка, а как вас зовут? — решил я развить успех.

— Меня зовут — инспектор ОПРа, Татьяна Галкина.

Опаньки! Обломчик романчика... Вот и по мою душу пришли. Лёгкое покалывание под ГРАБом — гражданским браслетом не позволяло усомниться в полномочиях персоны, находящейся рядом со мной.

Помахав у меня перед носом расфуфыренным удостоверением с кучей голографических печатей, девушка подождала, пока я переварю вся обрушившуюся на меня информацию, и перешла к делу.

— Вам предлагается участвовать в акции по пресечению коррупции. Весь необходимый реквизит будет вам выдан, а потом изъят. Ваш отказ повлечёт ограничение ваших гражданских прав в соответствии со статьями...

Про статьи я слушал невнимательно. В общих чертах я знал — о чём речь. При отказе я лишился права занимать должности в госучреждениях, дотаций к пенсии и ещё получал много мелких, но противных проблем. ОПР — опора президента — загадочная каста чиновников, ворвавшихся в жизнь страны три года назад. Они постепенно занимали ключевые посты — судей, сотрудников служб собственной безопасности силовых ведомств, операторов детекторов лжи и систем мониторинга, чиновников, определяющих движение финансовых потоков, выдающих разрешения и налагающих запреты, некоторые работали под прикрытием среди населения, организовывали антикоррупционные рейды — провоцировали взяточничество с последующим наказанием виновных. Их воспитывали в специальных интернатах, при полном отрыве от социальной реальности. Народ расшифровывал аббревиатуру ОПР по-разному. Одни настороженно — опричники, другие презрительно — опарыши. Известно одно: опровцы беспредела не допускают, действуют строго по закону, любят делать гражданам предложения, от которых невозможно отказаться.

Закончив общеобразовательную часть, девушка перешла к сути вопроса.

— У вас сегодня назначена встреча с заместителем директора Галиной Степановной Водченко для решения вопроса о предоставлении вам гаража во дворе дома №31. Она вам намекала на сложность данной проблемы. Вы должны при встрече дать ей взятку мечеными купюрами. Вы согласны оказать содействие антикоррупционному комитету?

— Согласен, — мрачно ответил я. В конце концов, та гримза могла быть и поговорчивей.

— Сейчас я устанавливаю вам телекамеру, — сообщила девушка, роясь в сумочке.

— А вы что — слушали меня? — поинтересовался я источником осведомлённости.

— Мы её слушали, — ответила девушка, внедряя на мой галстук симпатичную заколку.

— А почему я?

— А почему не вы? Вот эти купюры положите вместе с документами, давайте, лучше я сама положу. А теперь подпишите уведомление, что вы предупреждены об ответственности за сознательное препятствование проведению операции.

Выйдя из машины, я двинулся на randevу с Галиной Степановной. Она знает меня уже лет пять, с тех пор как я стал счастливым обладателем «Фортуны». Сегодня мне предстоит её подставить... А, может быть, она не возьмёт? В принципе, её судьба зависит от неё самой.

Когда в кабинете я передал Галине Степановне конверт, она скобочилась влево, закрывая извлечённое содержимое конверта от телекамеры, установленной справа от неё в кабинете. Затем, бросив конверт в ящик стола, дама потянулась за бланками и печатями.

Выдав мне вождеденное разрешение, Галина Степановна посчитала нашу встречу завершённой — и ошиблась. Через двадцать секунд в кабинет влетела Татьяна Галкина и приступила к занудной процедуре «оформления факта незаконного получения денежных средств». Минут через десять подтянулся какой-то мент. Галина Степановна смотрела на меня как кобра из террариума, и тихо прошипела: «Ну, от вас, Сергей Павлович, я не ожидала...». А я чего — должен с опровцами конфликтовать из-за неё?

Когда Татьяна снимала с моего галстука заколку, я поинтересовался у неё перспективами получения гаража.

— А всё будет, как положено по закону, — сообщила инспектор.

— Мне гараж реально нужен, а денег на коммерческий нет, — пожаловался я на судьбу.

— Нужно больше работать, — посоветовала Татьяна. — Вы же квалифицированный компьютерщик, а занимаетесь какой-то фигнёй, игрушками.

— Ну, раз вы так хорошо обо всём осведомлены, то, наверно знаете, что фирма, где я защитой занимался — лопнула с треском три месяца назад — конкуренция.

— Могу предложить подработку, — неожиданно сообщила Татьяна.

— Интересно, с этого места — поподробней.

— Сейчас в десятом колледже — аттестация по защите и доступу в сетях. Нам нужны специалисты, способные проверить знания курсантов. Только вы должны сами подготовить вопросы в соответствии с программой обучения и реальной практикой. Нам нужна объективная оценка знаний, применимых в реальных условиях. Обычно всё мероприятие занимает семь-девять дней, плата пять тысяч.

— Юаней?

— Ну не рублей же. Если интересно — я дам телефон проректора, договоритесь о деталях. Я этот колледж кончала, курирую процесс контроля качества обучения.

А я думал — это не мой день. Ишь, как всё вывернулось.

Через два дня сдав шефу отлаженную игру и взяв десять дней за свой счёт, я отправился в десятый колледж. Предварительно, конечно, пообщался с проректором. За мной прислали небольшой форд.

Интернат был расположен на территории военного городка в двадцати километрах от Москвы. На контрольном пункте молодой китаец считал мои данные с ГРАБа, сверил со списком приглашённых и поднял шлагбаум. Вот не думал, что азиаты уже подключились к охране закрытых объектов!

Интернаты защищались не хуже атомных электростанций. Так повелось с тридцать первого года, когда на нашу планету обрушилась

эпидемия болезни Лестера. Откуда этот вирус взялся — осталось великой тайной. То ли у военных биологов что-то убежало, то ли у вольной природы что-то смутировалось. Я больше склоняюсь к первой версии — уж очень быстро сварганили и сыворотку и вакцину. В мире заболели десятки миллионов, в России — три миллиона. Если в семье заболел один — очень быстро заразу подцепляли все. Смертность достигала 90% — это среди взрослого населения. А среди детей — гораздо меньше, то есть чем моложе — тем больше шансов выжить. У трёхлетних смертности практически не было, у десятилетних — около 2%. В инете мелькало мнение, что это как-то связано с половым созреванием. После первой волны эпидемии оказались сиротами около восьмисот тысяч детей. Старшим — лет двенадцать, младшие — младенцы. И каждый из них оставался вирусоносителем, опасным для окружающих. Как организовать уход за детьми — было неясно. Решено было расселить их в закрытые населённые пункты. Нашлись две тысячи врачей, готовых заниматься поддержанием здоровья выздоровевших, естественно, соблюдая технику безопасности. Внутренним войскам приказали обнести поселения заборами, колючей проволокой и обеспечить охрану. Но кто-то должен был заниматься воспитанием и всяческим обслуживанием детей внутри. Опасность заразиться при контакте была вполне реальной, сыворотка уже была, а вакцины ещё не было. Волонтёров набралось человек триста.

Вот тут и вылезла на сцену новая секта «Паломников Шамбалы». Я в инете познакомился с этим учением. Чудовищный винегрет из осколков христианства, ислама и буддизма, приправленный некоторыми здравыми суждениями. Если отбросить шелуху, идея следующая. Человек должен жить правильно: соблюдать все законы, не врать, не стремиться к роскоши — такова воля Творца. Цель жизни — не нарушить эти заповеди. Кто смог — реинкарнируется в Шамбале — стране богов, кто не смог — идёт после смерти на следующий круг. Остальное человечество безумно, его надо наставлять на путь истинный, наказывать за грехи. Секта предложила сорок тысяч своих адептов в качестве обслуживающего персонала, но потребовала права знакомить детей со своим учением. Смерти сектанты не боялись, у них понятие смерти было заменено на трансформацию — смену физической оболочки. После двухнедельных переговоров Мустафы — лидера «паломников» с Орловым — помощником президента по национальной безопасности в то время, договорились запустить сектантов к детям, но дополнить учение уточнением — наместник Творца на Земле — законный Президент, а уже потом — Мустафа.

Сектанты выполняли функции, требующие непосредственного контакта с детьми — воспитателей, учителей, уборщиков, поваров, официантов, санитаров. Ремонтными работами занимались военнослужащие, разгуливавшие по территории интернатов в костюмах химзащиты. После появления вакцины в интернатах начали работать гражданские лица.

Я заканчивал обустраниваться в выделенном мне гостиничном номере, когда раздался звонок моего коммуникатора. Татьяна поинтересовалась, есть ли у меня проблемы и предложила встретиться перед гостевой столовой. По дороге я с интересом разглядывал снующих по территории детей и ловил странные обрывки разговоров: «Куда Петя делся — трансформировался, что ли?», «...Ленка на тренинге облажалась, подставила троих, по жизни за такое — попрут мимо Шамбалы...», «... Васяка при спуске не по инструкции сработал — запахло это...». Одежда не радовала разнообразием, но пять разных фасонов я насчитал.

Рядом с Татьяной стоял мужчина лет сорока, представленный мне как Вадим, преподававший в колледже психологию. Девушка заверила меня, что психолог сможет ознакомить меня с распорядком жизни в интернате, устроит экскурсию и ответит на все мои вопросы, а сама упорхнула на какую-то таинственную медитацию.

При прогулке по этажам колледжа я обратил внимание на образцовый порядок во всём. Не было ни обёрток от конфет на этажах младших групп, ни бычков и пустых пивных банок — на старших. Я тормознул около расписания и полюбопытствовал, чему учат воспитанников. Некоторые предметы меня поразили: «Массовые стереотипы», «Методы суицида», «Этика великой истины». На этом фоне уже не вызывали удивления «Актёрское мастерство» и «Психокоррекция». Немалое внимание уделялось изучению российских законов и технических средств контроля людей.

Мне предстояло проверить знания полусотни учащихся старших классов. Проректор предупредил меня, что не следует пытаться беседовать с курсантами на темы, не связанные с моей специализацией.

На следующий день я приступил к приёму экзаменов. Курсанты демонстрировали навыки взлома защищённых файлов, и разрабатывали методы защиты от потенциальных хакерских атак. Около часа дня в расписании экзаменов нарисовалось окно, и я спустился в столовую пообедать.

В столовой я столкнулся с Вадимом, уже стоявшим с подносом на раздаче. Я взял томатный сок, борщ и бифштекс с добавлением натурального мяса. Вадим — какой-то салат, щи, японское блюдо из риса и яблоко. Он долго выбирал яблоко с червоточиной, объяснив, что — червяк не дурак, в химию не полезет.

Когда мы уселись за стол, я начал задавать переполнявшие меня вопросы.

— А почему интернат китайцы охраняют?
 — Китайцы надёжнее, с ними договориться трудно.
 — Но почему китайцы заинтересованы в выпуске опровцев?
 — Мы достали всех — и китайцев, и американцев. Они хотят вести дела в России, им нужна предсказуемость бизнеса. А у нас, что было в начале века — то одна группировка у руля, то другая, реальная жизнь совершенно отвязана от законов.

— А вы давно здесь?
 — С самого начала, я с первыми волонтерами пришёл, по убеждениям, а до того в судебной психиатрии работал, — похвастался Вадим стажем.
 — А браслет всё равно носите?
 — Таков закон, исключений здесь не делают ни для кого.

Приступив к дегустации бифштекса, я задал, казалось, риторический вопрос.

— У вас тоже «окно»?
 — Нет, у меня контрольную пишут.
 — Ну, так надо же следить, чтобы не списывали, — поделился я опытом преподавательской работы.

— Что вы, Сергей, здесь не списывают, списывание — противозаконно, грех, мешает установить истинную глубину знаний. Да и система наблюдения в классах всё фиксирует.

— Я удивляюсь, как можно так воспитать детей?
 — Так смотря как воспитывать. Система ценностей человека закладывается с детства. Вот вы взяли бифштекс с натуральным мясом. А вот вы не задумывались — *чьё* это мясо?

— Ну, не знаю, говядина, наверное...
 — А вдруг собачье, кошачье или... *человечье*?
 От таких вариантов меню меня слегка замутило.

— Вы хотите сказать, что здесь потребляют в пищу...
 — Да нет, конечно, ешьте спокойно. Но какова была ваша реакция на такую информацию? А почему? Ведь человеческое мясо — весьма вкусно, так мне знакомые людоеды говорили. Дело в том, что вас с детства учили — это есть нельзя, совсем нельзя, категорически нельзя. А здесь детей учат — нельзя нарушать закон. Им читают сказки, специально для них написанные, показывают специально сделанные мультики, в которых плохие герои нарушают закон, а хорошие — строго выполняют и получают за это счастье. Предложение нарушить закон для здешних воспитанников — то же, что для вас — поучаствовать в людоедстве.

— Ну, все родители говорят детям, что надо слушаться, что врать нехорошо.

— Да, но при этом сами сплошь нарушают законы и врут, и дети видят — можно нарушать. Сектанты, занимавшиеся воспитанием детей в первые годы — фанатики своей религии, её догм, они выполняли законы. И дети — прониклись идеей преклонения перед законом.

— Понятно.
 — Да ничего вам не понятно. Если бы всё было так просто. Вы задумывались — почему коррупция в нашем обществе была столь неистребима?

— Потому, что на важнейшие посты пролезали всякие сволочи, — бодро отрапортовал я.

— Сволочи — говорите? Вот вы — честный человек?
 — Вроде — да.

— Представьте, что вы решаете какие-то важные вопросы — земельные участки распределяете или лицензии выдаёте. И вот к вам приходит симпатичный человек и очень просит пойти ему навстречу и слегка нарушить закон, чтобы обеспечить его фирме некоторые преимущества. А уж он обязательно отблагодарит. От вас не требуют, чтобы вы рублили кого-то топором. Вас просто просят переместить какой-то документ из одной папки в другую, изменить дату получения этого документа — пустяки. И всё — можно провести отпуск на Канарах. Вы были на Канарах?

— Нет, дороговато.

— А хочется?

— Не отказался бы.

— Но, предположим, вы очень честный человек и отказались от предложения упомянутого соблазнителя. Но на следующий день к вам приходит, или подходит на улице несимпатичный человек и объясняет, что если вы откажетесь помочь, то у вас будут большие проблемы — с законом или со здоровьем. И не только у вас, но и у ваших близких, у тех, кто вам дорог. Если вы смелый человек и отказываетесь, то у вас в столе находят наркотики и заводят дело. Или хулиганы нападают на близких вам людей, или на вас. Редкий человек со стандартной системой ценностей выдержит такой прессинг. И вы перекладываете документ и едете на Канары. И в следующий раз — опять. И вы становитесь частью системы. А если через пару лет кто-то из ваших коллег заартачится (так иногда бывает с новенькими) и откажется участвовать в привычных для вас манипуляциях, то вы удивитесь, возмутитесь и сами попросите своих... более решительных коллег призвать к порядку этого баламута. Коррупционная система очень устойчива, так как имеет способность к самовоспроизводству.

— А почему ваши ОПРовцы способны ломать эту систему?

— Тут дело в специфической системе ценностей, внедрённой в их сознание. Во-первых, они не боятся смерти, смерти для них не существует, есть только переселение души — трансформация. Кстати, никто не доказал, что реинкарнации нет. Это очень важно, так как человек, боящийся смерти — уязвим, его можно запугать. Вы обратили внимание, в какие игры они играют, какими видами спорта занимаются? Современный футбол, хоккей, пентбол, скалолазание. Командные игры с повышенным риском. Личность — винтик, служащий цели команды. Они никого не любят, кроме Президента, причём имея в виду статус, а не личность. Их нельзя запугать, угрожая близким — у них нет близких. Классы перетасовывают, не давая установиться устойчивым дружеским связям. Классическая система человеческих ценностей для них чужда. А фанатическая преданность закону исключает подозрения в умышленных преступлениях.

— Просто зомби какие-то получают.

— Можно и так интерпретировать. Важна ещё аскетичность. Они не интересуются роскошью.

— Это я готов понять. Но аскетичность подвергается испытанию со стороны социума. Человеку свойственно стремление повышать свой социальный статус. Я в детстве не очень стремился быть лучше других, но потом встретил симпатичную девушку — и начал «надувать щёки», чтобы привлечь девушку — подарки надо делать подороже... За деньгами гонялся как заведённый, хакерством не брезговал... бестолку, правда, девчонка всё равно ушла.

— В корень смотрите. Основной подсознательной причиной, побуждающих людей возвышать свой социальный статус и демонстрировать доминантность, является как раз стремление привлечь внимание потенциального сексуального партнёра. У воспитанников интерната сексуальное влечение подавляется — и воспитанием, и некоторыми пищевыми добавками. Поощряется самоудовлетворение — этому тоже учат — да-да. Человек, который борется за чьё-то внимание, обязательно заинтересуется возможностью выделиться богатством. У здешних воспитанников и друзей-то нет — в нашем понимании. Они все — члены одной команды, неважно: кто из какого интерната и из какого класса.

— Но ведь оказавшись в реальном мире, они видят, что все живут не так, как они.

— Им объясняют, что во внешнем мире живут ненормальные. Эти ненормальные — низшие существа, заблудшие души, их надо останавливать, перевоспитывать.

— Ну, неужели они жертвуют своими жизнями ради низших существ?

— А разве пастухи не защищают от волков вверенное им стадо? И потом — они же не умирают, а просто меняют телесную оболочку, причём, при правильной жизни — на лучшую оболочку.

— То есть цель жизни для них — устранить из нашей жизни правовую нигилизм?

— Именно так.

— Но неужели никто из них не срывался, попав в реальный социум, ведь соблазнов — масса.

— Было несколько срывов в первых выпусках, у них в памяти сидело что-то из предыдущей жизни, то есть до интерната. Среди тех, кто попал сюда до семи лет — сбоев не было. Всех выпускников тестируют на детекторе лжи, причём на современном, с томографией мозга. Тех, которые вызывают сомнения, ставят на менее ответственные должности и контролируют дополнительно.

— В инете висят байки, что внедрение опровцев на должности не всегда проходит гладко...

— Да, конечно. Их ведь сначала в Туле высадили, и начали они рушить отработанные схемы с чёрными потоками. Ведь достаточно в цепочку из полудюжины звеньев посадить такого ангелочка — и цепочка перестаёт работать. К ним подкатывались — дескать, давай

договоримся по-людски. А им ничего не нужно — только закон. Стали запугивать — не бояться. Несколько покалечили, кое-кого убили. На место выбывших прислали новых. Нашли двух исполнителей, одного заказчика. Казнь провели по самым зловещим традициям средневековья. Запись экзекуции в лагерях показывали — там урки в обморок падали. В среде криминалитета цена за убийство опровца за миллион юаней зашкалила. Тогда, кстати, ввели статью, по которой за нападение на ОПРовца — пятнадцать лет. Сейчас уже десяток крупных городов охватили «опровским десантом» и на местах серьёзного противодействия нет — известно, что бесполезно.

— А зачем их суициду учат?

— Затем и учат... Если покалечат так, что жить не вмогуту — чтобы уйти смогли, *трансформироваться*.

— А про Хабаровск — правду пишут?

— Я не знаю, что вы читали про Хабаровск, там много пурги нагнали, чтоб народ не слишком нервничал, но сейчас всё рассекречивают понемногу. Бойня там была, погибли несколько сотен. С китайцами потом договорились. Военное положение вводили — не хотел криминалитет уходить, но выбили. Там впервые опровский спецназ работал. Есть такие мальчишки, их в специальных колледжах готовят, там идеология иная. Но Хабаровск — это ещё что... В Казани опровский спецназ вёл бои с местными ментами. Сейчас воспитанников наших стараются в слишком горячие регионы не совать — не время ещё. Но за Москву уже взялись, а раз взялись — сделают.

— Думаете — хватит силёнок на всю Россию?

— Постепенно хватит. Нам ещё девять выпусков сделать предстоит. Народ у нас в массе не такой уж сволочный — традиции поганые. Приходится ломать вековую традицию правового нигилизма. Но в Туле сейчас взятки давать уже никто и не пытается. А предприниматели туда потянулись, раза в два бюджет подняли за три года. Сейчас опровцев оттуда частично снимают, в Москву перебрасывают, а на их место — из обычного социума берут, ну, естественно прослушка, детектор лжи — это обязательно. Но люди из социума попадают уже в очищенную среду. Главное — в государственной системе появились люди, которым можно доверять, люди, действующие только по закону. Тот, кто считает, что его чморят не по делу — знает, куда обратиться за помощью.

— Вы, я вижу, хорошо осведомлены о нюансах нашей внутренней политики. А то, что в инете про Президента висит — правда?

— Правда то, что в начале эпидемии сын у него погиб на Алтае. То есть его с болезнью Лестера в больницу привезли, а сыворотки там не оказалось. А на Алтай сыворотка была послана, целая фура. Орлов тогда пытался концы найти, но самих концов так и не нашёл. Установили только, что охрана фуры была сменена по приказу полковника ФСБ, которого потом в штате не оказалось. Фуру со свинченным маячком глонассовским нашли таки в Китае наши желтолицые друзья, но ни на одной нашей таможне следов

пересечения границы не было. Орлов тогда на рожон не полез, а затаился, как видно. Говорят, на поминках сына клялся «сломать хребет этой гидре», имея в виду коррупцию. А тут его как раз из замминистров в помощники президента перевели. А уже потом, в тридцать шестом, когда его попросили «кресло посторожить» — развернулся и детишек этих продвигать стал, в тридцать девятом как раз первый выпуск был. В сорок втором настало время кресло освободить — а он ни в какую. Пошёл сам на выборы. Народ за него проголосовал, наши люди любят, когда с коррупцией борются. Вы же знаете — сколько покушений на него было.

— Я слышал про два.

— Ну, это громкие, со взрывами и стрельбой. А ещё несколько тихих было.

— А, правда, что он симулировал неизлечимую болезнь, чтобы в «преемники» попасть в тридцать шестом?

— А это никто точно не знает, я лично сомневаюсь...

— А то, что какие-то колдуны его обработали?

— Ну, уж это полная пурга...

— У меня таков ощущение, что по всем актуальным вопросам кто-то нарочно нагоняет дезу в инет...

— Так оно и есть. Запретить народу обмениваться информацией мы не можем, а запустить несколько смачных «уток» — легко. Ну, ладно, пора мне идти — работы принимать.

Вадим ушёл, а я ещё долго переваривал обрушившуюся на меня информацию. Конечно, кое-какие зёрна информации доносились до меня и раньше, но они были окутаны густой шелухой вымыслов, порой весьма красочных и противоречащих друг другу. А после беседы в моей башке сформировалась весьма цельная картина текущего преобразования общества. Действительно, покореженная психика опровцев позволяет им быть идеальными чиновниками, что оказалось совершенно не по силам нормальным людям. Но что считать нормой?

На следующий день я заглянул в кабинет Татьяны. Девушка сидела уткнувшись в экран монитора и барабанила по клавишам.

— Вы заняты? — осторожно спросил я.

— Если у вас ко мне дело — могу уделить вам несколько минут, — доброжелательно, но без признаков восторга ответила она.

— А чем вы сейчас занимаетесь?

— Просматриваю переговоры граждан, занимающихся коррупционноопасной деятельностью.

Ну и терминология у этих опровцев.

— А что вы делаете в свободное время, вечером, например?

— Время посвящается самосовершенствованию и познанию ключевых законов мира. Часть времени расходуется на тренинги. Так у вас какой вопрос?

— Хотел узнать, как вы живёте.

— Идеология нашей жизни изложена на нашем сайте... Дать вам ссылку?

Они действительно какие-то зомби-фанатики. Я отказался от мысли развить знакомство и распрощался с Татьяной.

В предпоследний день моей экзаменаторской деятельности меня вызвал проректор.

— Как вы находите подготовку наших курсантов, Сергей Павлович?

— Нормально — в целом. Только вот многокомпонентные ретровирусы плоховато знают, это впрочем, неудивительно, это ж новинка, всего год назад развелись они...

— А вы не могли бы прочесть курс лекций по ретровирусам этим в следующем семестре?

— Ездить к вам далековато... А оплата какая?

— Так можете продолжать жить здесь. С оплатой не обидим.

— Я подумаю.

— И ещё... Тут надо нам одну базу данных прочесть, наша ударная группа не справляется — не по зубам орешек. Не поможете?

— Это — хакнуть, что ли?

— Грубо говоря — да...

— А как же закон?

— Так была же поправка к Конституции. Государство имеет право знать всё о своих подданных. У законопослушного гражданина не может быть секретов от государства, — торжественно, как с трибуны, провозгласил проректор. — Естественно, госчиновники, получающие доступ к конфиденциальной информации должны быть идеально честными, а мы именно таких и готовим.

Я попросил сутки на размышление, мне хотелось обсудить это предложение с Татьяной, так круто поменявшей мою судьбу.

Я направился к зданию, где располагались жилища и кабинеты опровцев. Девушки в кабинете не было. Её место за столом занимал молодой человек лет двадцати.

— Мне бы Татьяну повидать, — смущённо проговорил я.

— Её нет. Могу я чем-то помочь?

— Да я по личному... — начал я и осёкся. С чего я взял, что вопросы моего трудоустройства являются личным делом Татьяны?

— Так по какому вопросу вы хотели поговорить? — молодой человек удивлённо вскинул брови.

— Мне тут предлагают подольше поработать, хотел посоветоваться — справлюсь ли?

— Представьтесь, пожалуйста...

— Сергей Павлович Тихонов, — назвал я, протягивая руку с браслетом.

— А я — инспектор ОПРа — Станислав Глушков. Да, я вижу ваши данные в базе «круг общения». Предложение выполнить взлом базы «Каверна», сложность задачи — 67 баллов. Вы, судя по резюме, хороший

специалист, полагаю, справитесь, — уверенно заявил юноша, оторвав глаза от монитора.

— А Татьяна — где она?

— Не имею информации. Её возврат не ожидается. Возможно, переведена куда-то, возможно трансформировалась. Вам не всё равно?

Меня передёрнуло. Мне не всё равно!

— То есть, возможно, её нет в живых?

— Возможно, её ожидает смена биологической оболочки. Она работала на оперативной работе, в маргинальной... ну, в общем, в среде не инициированных людей. Там случаются опасности. Но насильственная трансформация — очень редкое явление, поскольку за это строго... наказывают...

Я понял, что взаимопонимания со Станиславом у меня не получится и решил навести справки через Вадима. Психолог, выслушав мои путанные речи, обещал прояснить ситуацию.

На следующий день Вадим пригласил меня для беседы.

— Татьяна ушла с личными вещами, то есть прекращение работы здесь не было для неё внезапным. Если бы её убили или она тяжело заболела, то вещи забрали бы сотрудники патронажной службы, — объяснил психолог.

— А связаться с ней можно?

— А зачем? Опровцев нарочно перебрасывают с места на место, чтобы они не обрастали социальными связями, поскольку связанный человек — уязвим, на него можно надавить. Я же всё это объяснял недавно, и вы всё понимали, пока это не коснулось лично вас.

Да, конечно — служение великой цели превыше всего. Кто я для опровцев — заблудший агнец, карабкающийся на путь истинный. Если разобраться, они нас действительно толкают на путь истинный, к нормальной организации общества.

Я согласился взломать базу данных «Каверна» и соглашусь взламывать другие базы. И каждый день я прихожу в класс, где рассказываю подросткам как взламывать чужие базы и как защищать свою. И смотрю в серьёзные глаза этих детей, которые лишены нормальной (в моём понимании) человеческой жизни. Лишены для того, чтобы мы научились жить по-человечески.

СЕРГЕЙ БЕРЕСТНЕВ

ВОЛОС

На предпоследнем часу смены, примерно в пять утра затренькал мой мобильник.

— Коля, есть для тебя развлекаловка. Давай на выход с вещами, — услышал я голос капитана Владимира Громова.

— Далеко тащиться? — поинтересовался я перспективами.

— Дачный посёлок, километров двадцать от города.

— А что там для меня? Не слишком вонючее, я надеюсь...

— Не бойся, не дерьмо... У криминального трупа под ногтем волос нашли... Есть мнение, что это — от убийцы следок. Ну, ты когда выйдешь? Машина ждёт.

Я — экстенс, так профессию назвали. Что-то вроде экстрасенса, но с очень ограниченными функциями. Я могу, поместив биологический фрагмент в своё локальное биополе вблизи головы — то есть на расстоянии не более нескольких сантиметров от тела, войти в сознание обладателя этого фрагмента и подключиться к его органам чувств. Нас на двухлетних курсах в Институте Мозга учили подключаться к зрению — как к наиболее информативному каналу. Я, находясь в состоянии медитации, могу увидеть то, что видит в данный момент индивидуум, одаривший меня своим фрагментом. Только видеть — больше ничего. Иногда, совсем редко, чувствую эмоции. Рассказать могу, только выйдя из медитации. Работа в режиме он-лайн — не получается. Так вот и работаем: нырок — отчёт о работе, нырок — ещё отчёт. Время нырка — от десяти до двадцати минут. За меньшее время не успеваю настроиться, при большей длительности — появляется риск забыть часть информации, да и вообще — крыша съезжать начинает. В качестве биофрагмента годятся волосы, ногти, слюна, ну и другие менее приятные естественные результаты жизнедеятельности, в которых содержатся ДНК искомого организма. Чем меньше времени прошло с момента отделения исследуемого образца от тела — тем яснее картинка.

До места событий мы добрались ещё затемно — Володя прекрасно водит в свои пятьдесят лет. По пути я ознакомился с картой. Дачный посёлок протянулся на четыре километра с востока на запад по бывшим колхозным полям между двумя убогими деревеньками. С юга его окаймлял густой хвойный лес, а с севера подползало болото, уже начавшее поглощать полуразрушенные бараки, построенные в чёрт знает каком лохматом году.

Около места происшествия, щедро освещаемого полной луной, плевалась пеной пожарная машина и гудела толпа зевак — голов двадцать, в которой мелькали несколько фигур в полицейских мундирах с фонариками. Над чёрным остовом какого-то строения поднимался сизый дымок. Откуда столько народа набралось в полшестого утра? Дачный сезон давно закончился — октябрь на дворе. Мы вышли из

машины и предъявили наши удостоверения подскочившему сержанту. Тот удовлетворённо кивнул и жестом гостеприимного хозяина показал во двор — мол, можно заходить. Но войти мы не успели.

Молоденький лейтенант, видно «хозяин земли», подбежал к машине, вынимая на ходу пластиковый пакетик. Судя по суетливости движений, это было его первое серьёзное дело.

— Лейтенант Воробьёв, участковый, провожу осмотр места происшествия, разрешите доложить, — отрапортовал лейтенантик.

— Докладывайте, — кивнул капитан.

— В три пятьдесят пять поступил сигнал о пожаре и — что труп обнаружили. Я прибыл в четыре пятнадцать, осмотрел место происшествия и труп. Там ножевое — в грудь. Под ногтем большого пальца трупа обнаружен волос, вот он в пакете. Нас инструктировали — при обнаружении биологических фрагментов, принадлежащих подозреваемым — принять меры к сохранности. Вы ведь по фрагментам специалисты?

Ишь, как гладко излагает, как по писанному. Готовился, небось, и про нас у кого-то порасспросил.

— А откуда известно, что это волос убийцы? Может, жмурик свою шевелюру почесал перед смертью? Кстати, на что похоже — сразу он концы отдал или ещё пожил маленько? — поинтересовался я.

Это был отнюдь не праздный интерес. Влезать в сознание жмурика — бр-р, разок пришлось, там такое полезло — я чуть не блеванул... Некоторые продвинутые экстрасенсы это запросто делают, им с покойником пообщаться — как мне закурить, но нам, на курсах натасканным — лучше не соваться. На курсы, конечно, тоже не всех брали, кастинг был — как в элитный стриптиз-клуб, два профессора на экран томографа таращились, разбирались, как у соискателей в мозгу эпифиз работает.

— Потерпевший лыс совершенно, то есть, ну билиардный шар просто... А смерть могла наступить не сразу, — бодро доложил лейтенант.

— Личность установили? — спросил капитан.

— Смирнов Иван Петрович, работал охранником в посёлке, бывший ме... полицейский, то есть когда работал — был мен... сотрудник органов, в общем. Он на пенсии уже год.

— С кем жил?

— Один.

— Так, а труп — кто нашёл?

— Они, — кивнул лейтенантик на толпу.

— Что значит — они? Конкретно — кто первый?

— Так местные это, они со свадьбы шли из деревни соседней, увидели пожар, вбежали всей гурьбой, труп увидели, вынесли аккуратно, на плаще. Дом пытались потушить, ведрами воду носили из колонки. Потом пожарные приехали, тоже стали тушить. Я труп осмотрел, нашёл волосы под ногтем.

— А труп — он уже точно трупом был, когда вытаскивали его? Может, он ещё жив был?

— Точно — окочурился уже, там фельдшер местный шёл — он определил.

— Так лейтенант, ясно, идите, работайте дальше, — завершил беседу капитан.

Лейтенант ушёл, а мы с капитаном с тоской пялились на место происшествия. Когда ехали — надеялись, что собачку по следу можно будет пустить, и машина кинологов уже подъехала, но после всего этого сабантуй, учинённого на месте происшествия свадебными гуляками при поддержке пожарных — собачка может отдыхать. Володя пошёл пообщаться с подъехавшим начальством, но быстро вернулся и строго сказал:

— Слышь, Николай, нашего порешили, постараться надо, все вон стараются, начальство обещало вертушку выделить для поисков.

— Ну, постараюсь, куда ж мне деваться, — вяло согласился я.

Постараться — это значит вколоть стимулятор, активирующий эпифиз. Поганая это штука, навроне наркоты, мозги выворачивает, когда с этой дрянью работаешь — на третьем часу наяву глюки лезть начинают. Но в первые пару часов экстрасенсорные способности возрастают. При работе со стимулятором поймать эмоции индуктора удаётся довольно часто, конечно, самые примитивные — страх, ненависть, радость, да и картинка устойчивая идёт, не срывается. Больше двух часов под стимулятором работать нельзя, свихнуться серьёзно можно, нужно колоть антидот и начинать больше пить.

Полицейский «Форд» загнали в проулок и я, удобно устроившись на заднем сидении, стал готовиться к медитации. Пакет с волосом закрепил резинкой на лбу, достал шприц со стимулятором, закатал рукав... Перед отключкой я услышал вдалеке шум мотора вертолёт.

Прежде, чем я успел что-то увидеть, я начал чувствовать, испытывать ненависть — жгучую, звериную, всепоглощающую. Затем появилась картинка — размытые контуры домов со всех сторон, крыши — скошенные, цвета почти не различимы. То и дело мелькает земля, похоже, я всё время под ноги смотрю. Впереди синяя вывеска светится на крыше, первая буква «М», остальные не разобрать. Впереди какие-то животные, собаки, кажется. Ракурс какой-то странный, как будто снизу смотрю, или я — карлик, или я — ползу. И я почему-то одновременно вижу дома на обеих сторонах улицы. Странная какая-то картинка, широкая очень.

Володя тормошит меня за плечо и возвращает к реальности.

— Что увидел? — спрашивает.

— Похоже, подползает наш индуктор к какому-то зданию с горящей синей вывеской, первая буква «М». А вокруг собаки бродят. Дома вокруг низкие, один-два этажа, крыши косые. Наверно, из посёлка он не выбрался. Картинка очень размытая вдали, а вблизи всё чётко — может у него близорукость? — обрисовал я свои впечатления.

— А почему подползает?

— Да картинка — будто снизу на всё смотрю... Ну, если карлика увидит — тоже вариант. И ещё — он всё время на землю поглядывает — может, ищет чего?

— Значит, я передаю на вертолёт, чтобы искали здание с синей вывеской на букву «М», около которого бродит стая собак. Находящийся там человек — подозреваемый. Так?

— Примерно так.

Через пять минут пилот доложил, что здание с синей вывеской «Мечта» он нашёл, это кафе местное, километрах в трёх от нас, стая собак там бродит, но человека нет, ни лежащего, ни стоящего, ушёл наверно.

— Похоже, Коля, тебе ещё один заход сделать придётся, — виновато сказал капитан.

— Придётся, надеюсь в последний раз сегодня, — мрачно согласился я.

Опять отключаюсь, опять ощущаю ненависть, всплывает картинка — примерно та же самая! И вдруг я вижу собачьи лапы, лежащие на земле, совсем близко, и лапы эти — из меня растут. Я — в сознании собаки?! Ну — точно: чёрные собачьи лапы, и я на них кладу физиономию, морду, то есть.

От избытка эмоций я вылетел из медитации, не дождавшись, когда меня Володька расталкивать начнёт.

— Это собачий волос был, — захлёбываясь от возмущения заорал я. — Это ж я колот себе эту дрянью мозговоротную, чтобы узнать: где гуляет какая-то долбанная дворняжка! Где этот лейтенант? Где этот Шерлок Холмс хренов?

— С чего ты взял, что собачий?

— Так лапы видел — из меня растут, такой ракурс...

— погоди Коля, не кипятись, — начал успокаивать меня Володька. — Может быть собака та, из которой волос этот выдран, была на месте происшествия, рядом со жмуриком этим, пока он жив ещё был. Всё-таки я уверен, что волос этот лейтенант действительно из-под ногтя вынул. Может быть от собаки какая-то ниточка потянется, может всё это не зря...

Поскольку я на двадцать лет моложе, Громов увещевает меня отеческим тоном. Он в своей жизни такого маразма повидал — его уже ничем не удивить.

— Ну, конечно, мы ценного свидетеля нашли, теперь вот с Бобика этого показания снимем... Ну, надо же посмотреть, что в пакет суёшь, — не мог я успокоиться.

— погоди, ты вот говорил, что на землю всё взгляд падал. Может, это она нюхала что-то, может она по следу идёт. И ненависть ты чувствовал, может собака эта убийцу видела и след взяла.

— Может взяла, а может не взяла...

— погоди, я узнаю, может, кто из свидетелей собаку тут видел, — сказал Володя и вышел из машины.

— Ты разберись там, есть что-нибудь путное, кроме волоса этого, если нет — я антидот колю, а то скоро я уже чертей ловить начну...

Володя пошёл к группе полицейских и вступил в беседу. Слов я не слышал, но, судя по жестам, обсуждались чьи-то умственные способности, и оценка этого качества оказалась невысокой.

Если вдуматься, то от визита к собаке нам не отвертеться, других зацепок не видно. Место происшествия затоптано и сожжено, а большинство свидетелей, в развесёлом своём состоянии, могли и чёртиков увидеть.

Володя вернулся с новой загадкой.

— Там в комнате под столом ручной металлоискатель нашли, — сообщил он. — Вот зачем охраннику металлоискатель?

— Ладно, по металлоискателю — это не ко мне. Я антидот колоть уже могу? — попытался я поторопить события.

— погоди с антидотом... Собаку уходящую один свидетель видел. Решили её найти и заставить снова пойти по следу. Ты будешь нужен, чтобы найти именно ту собаку, которая была рядом с убитым, а то там ведь целая стая бродит.

— А от меня вы чего хотите? Я ведь погавкать по заказу не могу.

— Кинолог будет подходить к собакам из стаи, подманивать их лакомством каким-нибудь и показывать сколько-нибудь пальцев. Ты, когда очнёшься от медитации твоей, скажешь, сколько пальцев показали тебе, и мы поймём — какая собака наша.

— Ладно, понял. Слушай, поехали быстрее, хочется поскорей закончить. Вот странно, если собака пошла по следу сразу после убийства, то почему она до сих пор, за полтора часа, не догнала преступника? Она очень старая, больная, раненая? Пусть кинолог этот начнёт с тех собак, которые ... ну, плохо выглядят...

Машина с кинологом поехала в сторону кафе, наш «Форд» двинулся за ней. Я попытался приступить к медитации уже на ходу, но как обычно, ничего не получилось — тряска мешала.

Когда мы въехали на площадь рядом с кафе, там действительно оказалось около десятка разнокалиберных шавок, половина — тёмных мастей. Как только «Форд» остановился, я отключился буквально через минуту. Снова — ощущение ненависти и тоски. Перед глазами — лапы и земля. Никакого движения. Вскоре в поле зрения появился кинолог. Он протянул мне кусок чего-то, показал большой палец, улыбнулся и закивал.

Когда я вышел из медитации, передо мной сидел Володя и показывал мне большой палец.

— Это видел? — спросил он.

— Да... А откуда... — мой язык уже заплетался.

— У этой овчарки было свежее ножевое... Сейчас ей помощь оказывают, что-то обезболивающее, но много крови потеряла. Можешь колоть антидот.

Я повернул голову и увидел площадь. Чёрная овчарка встала и, водя мордой по земле, двинулась в незаметный переулочек. Я закатал рукав, вколол себе антидот и облегчённо вздохнул — минут через десять действие стимулятора прекратится. Когда я вновь обратил взгляд на площадь, собаки видно не было, а кинолог шёл к своей машине, где томился его четвероногий напарник. Я попросил Володю переставить

машину так, чтобы мне было удобно следить за событиями в переулочке. Овчарка снова лежала, а кинолог вёл к ней рыжего, с белой грудью Рекса — тоже овчарку.

Уж не знаю, как они там между собой общались — кинолог, Рекс и эта чёрная, но Рекс вдруг решительно двинулся в сторону неприметного домика, выделявшегося своим убожеством среди соседних строений. Вокруг домика засуетились оперативники, кто-то полез вовнутрь. Когда из домика выводили прихрамывающего худощавого мужчину в спортивном костюме, мне показалось, что чёрная овчарка улыбнулась. Впрочем, за достоверность этого наблюдения я не поручусь. Возможно, замеченная улыбка — это остаточные глюки, как и серебристое облачко, медленно сочившееся ввысь из головы лежащей чёрной собаки.

Я через неделю поинтересовался результатами расследования. Оказалось, что Смирнов в полиции работал со служебными собаками, а незадолго до выхода на пенсию брал в этих краях рецидивиста по кличке Гнутый, ломанувшего всего за день до ареста ювелирный магазин. Побрякушек при уголовнике не нашлось, но срок он получил.

Вот Смирнов видно сообразил, что похищенные сокровища где-то здесь запрятаны, и решил их поискать. Для этого устроился в посёлок охранником и металлоискателем обзавёлся. А месяц назад Гнутый с зоны дёру дал, пришел, а товара-то и нет. Порасспрашивал он местных, они ему и поведали, что охранник с металлоискателем около барачков шарился. Вот и решил Гнутый справедливость восстановить. Вскрыл пустующий с начала сентября домишко, стал там жить тихонько, да следить за Петровичем — так величали в посёлке охранника.

Смирнов, выйдя на пенсию, прихватил с собой любимую свою овчарку — Альму. Она по возрасту и состоянию здоровья списанию подлежала, отдали её с удовольствием. Обычно по ночам с трёх до пяти обходил Петрович с Альмой охраняемый участок, а тут вдруг вернулся, аккурат в тот момент, когда Гнутый дом его обшаривал. Сцепились они, рецидивист охранника ножом полоснул. Альма с улицы вбежала и цапнула бандита за ногу, тогда он и собаку порезал. Выбежав из дома, Гнутый обнаружил отсутствие пары пуговиц на одежде и решил спалить место происшествия. Собака, наверно, к охраннику подходила, когда он ещё жив был — вот он её за шерсть и ухватил.

Полтора часа по пустынному посёлку двигалась эта процессия: впереди хромающий мужчина с полупудовым баулом, за ним раненая собака, взявшая след. Гнутый, подумав, что после «стада слонов» ввалившегося на место происшествия, никакая ищейка след не возьмет, решил зайти «домой» и обработать рану.

В каком-то племени было поверье, что псы, погибшие в бою, попадают в рай. Надеюсь на это... Встретит ли Альма там своего хозяина? Сомневаюсь. В нашем ведомстве праведники встречаются редко.

Жаклин де Гё
 БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

ГАМЛЕТ: Как может он петь, копая могилу?!

ГОРАЦИО: Всё дело в привычке, мой принц.

Уильям Шекспир, «Гамлет»

— Перерыв закончен! Приготовиться к съёмкам!

Зала освещена настоящими факелами — сквозняк колышет их коптящее пламя, заставляя плясать по стенам размытые серые тени. Через плотную кожу подмётков ощущается холод каменного пола под ногами. Всё учтено, всё максимально правдоподобно, не забыта даже самая незначительная деталь — ведь через минуту миллионы зрителей, ожидающих продолжения действия в своих сенсовизорах, увидят и почувствуют всё, что вижу и чувствую я. Сенсотрансляторы дадут им возможность смаковать мои ощущения, мои эмоции, мою боль...

Время пошло.

Долой мысли о зрителях, долой всё постороннее.

Осталось двадцать секунд.

Десять.

Пять.

Три...

— Эфир!

* * *

— Вы проиграете этот заклад, мой принц, — осторожно-сочувственно говорит Горацио, заглядывая в глаза. Он настоящий друг, единственный, кому я ещё доверяю. Как тяжело на душе... Не из-за предстоящей дуэли, нет, — Горацио зря волнуется. Пусть Лаэрт хороший фехтовальщик, но ведь и я тренировался в последнее время как одержимый. Тогда почему же так тоскливо сжимается сердце?

— Король и королева и вся свита идут сюда!

А, вот и они... При одном только взгляде на самодовольную рожу Клавдия я ощущаю вспышку такой ярости, что на мгновение багровая тьма застилает глаза. С каждым днём всё труднее сдерживать в себе дикого зверя, который жаждет только одного — вцепиться королю в глотку, грызть хрипящее горло, рвать на части сотрясаемую агонией плоть этого мерзкого ублюдка, наслаждаться его предсмертными криками боли и ужаса... Что он говорит?

— Тебе вручаю эту руку, Гамлет!

Рука Лаэрта нехотя отвечает на моё рукопожатие. Напрасно я обидел его там, на кладбище. Упивался своим горем, не думая, сколько зла успел причинить сам — убил отца этого юноши, погубил

его сестру.... Как это всё нелепо, бессмысленно, и, самое страшное, — непоправимо...

Прости меня, Офелия.

Прости меня, Лаэрт.

Выпад. Репост. Контратака. Выпад. Туше. Залп крепостных орудий за стенами. Грязный комедиант Клавдий разыгрывает родительскую гордость за мои фехтовальные успехи — приказал стрелять из пушек каждый раз, когда он пьёт за удачный выпад моей рапиры. Тварь, только что пытался послать меня на смерть, а теперь заботливо предлагает вина. Пей сам своё вино, мразь. Туше. Ещё один залп. Злоба придаёт мне ловкости или Лаэрт играет со мной в поддавки?

— Прошу вас, бейтесь в полную силу! А то мне кажется, что вы считаете меня кисейной барышней!

С какой странной ухмылкой смотрит на меня мой противник!

— Вам так кажется? Что ж, продолжим!

Выпад, парирует, выпад, теперь он наступает — действительно начал биться всерьёз. Ничего не скажешь, отлично фехтует! Что ж, поборемся. Клинки рапир стремительно выписывают длинные и короткие дуги, бьются друг о друга с коротким лязгом. Острия упорно возвращаются в одну точку, целятся прямо в глаза, ищут лазейку в обороне противника. Лаэрт молниеносным движением кисти обводит моё оружие снизу, выбрасывает вперёд руку — и я не успеваю отбить удар... На рукаве расплывается кровавое пятно. Боль резкая, жгучая, — рана настоящая, здесь всё настоящее! — запах крови ударяет в ноздри, спускает с цепи томящегося внутри зверя. В глазах Лаэрта мелькает удивление, он не успевает парировать удары, пятится, отступает...

Я выбиваю у него из рук рапиру, она со звоном падает на каменный пол.

Подбираю его оружие, кидаю своё:

— Бейся! — и продолжаю наступать.

Он дерётся теперь со мной как с настоящим врагом, изо всех сил стараясь отразить атаку. На лице его почему-то неподдельный ужас... Я не успеваю ничего обдумать — зверь, овладевший мною, жаждет крови! Удар! Ещё один! Теперь и рубашка Лаэрта окрашивается алым. Он на секунду застывает на месте, смотрит на рану, потом с криком бросается на меня...

— Разнимите их! Они забылись!

О, как я ненавижу этот омерзительный голос! С каким удовольствием, отвернувшись от противника, всадил бы клинок прямо в брюхо проклятого братоубийцы! Но что это за крики, что происходит там, рядом с троном?

О нет!

Нет!!!

Зала качается перед глазами, люди застыли группой неподвижных истуканов с бледными лицами. Сломанной куклой лежит на полу женщина в королевских одеждах, когда-то давшая мне жизнь...

Подонки! Подлый отравитель! Вино в кубке, оружие Лаэрта, заботливые слова — всё обман, ловушка, всё пропитано ядом предательства!!! Ярость наконец заполняет меня целиком, выходит из берегов, мощной волной несёт прямо к цели — рапира бьёт, и бьёт, и бьёт в давно уже обмякшее тело короля... Что же пушкарки не салютуют с крепостных стен моим лучшим ударам?! Или я уже не могу слышать их залпов? Но ведь слышу же я угасающий шёпот Лаэрта, понимаю горестные прощальные слова Горацио... Тело горит, боль туманит рассудок... неважно... Дух сильнее страданий, телесные муки ничто по сравнению с торжеством отмщения! А смерть... ну что же — я иду навстречу родителям, другу, любимой девушке... Всё плывёт перед глазами, сливается в одну пёструю мешанину... на секунду выхватываю взглядом овечьё лицо Озрика, успеваю подумать: «Зачем я издевался над бедным придурком?» — и это оказывается моей последней мыслью...

«Дальше — тишина».

* * *

Прихожу в себя в гримёрной. Противоядие ввели уже после того, как я потерял сознание — в таких случаях восстановление обычно занимает час-полтора.

— Очнулся? — продюсер прямо-таки излучает удовольствие и радость. — Это было потрясающе! Какая игра, какой фейерверк чувств! Как у тебя это получается — дозировать боль, подавлять её другими эмоциями, позволять зрителям почувствовать каждое из твоих переживаний, в то же самое время не перегружая ни одним из них! А этот последний штрих — предсмертное раскаяние в шутках над Озриком! Замечательно! Вот такие находки и отличают мастера от ремесленника! В который раз убеждаюсь — я не ошибся в тебе! Ты великий актёр!

Он с энтузиазмом трясёт мою ещё очень слабую руку и поворачивается к гримёрам:

— Когда отлежится, сгоните с него лишний жир, нарастите волосы, поменяйте их цвет на каштановый! Да, нужна также стимуляция роста волос на лице, у нового персонажа по сценарию небольшая борода.

Он снова склоняется надо мной, широко улыбается:

— Через двадцать часов, мой милый, тебе играть главную роль в новом сенсационном шоу — «Распятие Христа»!

Игорь Вереснев

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Поклонницам тёмного фэнтези посвящается

...И ещё одно слово заклятья произнесено. Теперь Диана ощутила запах. Неприятный, едкий — сера? Запершило в горле, глаза начали слезиться.

Следующее слово. Начерченная на деревянных досках пола пентаграмма из чёрной становится тёмно-багряной, как остывающие угли. Не остывающие — набирающие жар, готовые воспламениться! Захотелось немедленно выскочить из круга, прервать ритуал, — и будь, что будет!

Следующее. Сколько их осталось? Три? Над головой зашуршало. Нечто огромное, невидимое во мраке, царящем под сводами зала, двинулось вниз. Не останавливаться!

Слово! Громко хлопнули крылья. И будто повинувшись этому звуку, факелы погасли. Все, одновременно. Кто-то из девчонок сдавленно ойкнул, шарахнулся в сторону. Нет, бежать поздно. Некуда бежать. Непроглядный мрак зажал их со всех сторон, и только огненная пентаграмма...

— Лебедева, так мы на дискотеку идём или как?

Лена досадливо обернулась к сидящей на подоконнике подруге.

— Анжела, ну подожди минутку! Тут такое!

— Да куда твоя книжка не денется. Завтра дочитаешь, — Костинова выпустила колечко дыма к открытой форточке.

Вообще-то курить в комнате не полагалось. Не из-за дурацкого распоряжения коменданта общежития, просто так совпало, что обе жительницы тридцать шестой оказались некурящими. Лишь для Анжелы Костиновой делалось исключение, как для давней школьной подруги. Единственной настоящей подруги Лены в Градске, куда девчонки приехали поступать год назад. Куда их привезли Анжелкины родители, если быть до конца точной. Дочь «поступили» в торговый, Лебедева стала студенткой ГИПиМа — Градского института психологии и менеджмента.

— А, ничего ты не понимаешь! — Лена с сожалением захлопнула книжку, запоминая номер страницы и абзац, — закладок, тем более загнутых уголков, она не признавала. — Я же на самом интересном месте! Если Диана сумеет провести ритуал...

Она запнулась на полуслове — дверь комнаты приоткрылась. Татьяна Варламова, соседка и одноклассница, вернулась из душа. Полудетский халатик в синий горошек, на голове — тюрбан из полотенца, в руках — пакет со стиранным бельём. Сморщилась, уловив запах табачного дыма, но не возмутилась. Она всегда и со всеми старалась быть доброжелательной, дружелюбной. Или казаться таковой. Лёну это раздражало — не могла понять, что собой представляет Варламова

в действительности. Почти год прожили в одной комнате, а ни о чём, кроме институтских дел, не разговаривали.

- Добрый вечер, Анжелика.
- Превед, медвед. С лёгким паром.
- Спасибо.

Варламова двинулась было к своему углу, но Костикова остановила:
— Танюха, вот ты деревенская, знать должна. Скажи: колдовство и правда бывает?

- Варламова напряглась.
- Ты почему спрашиваешь?
- Да Ленка всё книжки про магию да колдовство читает. А мне интересно — выдумки это или нет?

Татьяна улыбнулась, села на койку, принялась перебирать содержимое пакета.

- Конечно выдумки. Что в тех книжках написано — чушь полнейшая. На самом деле всё не так.

Лена едва не задохнулась от возмущения. Выпала, обращаясь к Костиковой:

- Ну ты нашла у кого спросить! Она в своей деревне и слова такого не слышала — «фэнтези»! — И уже Варламовой: — Что ты в этом понимаешь, чтобы судить — «так-не-так»? Наверное, бабушкиных сказок в детстве наслушалась?

В тёмно-карих глазах Варламовой блеснул недобрый огонёк.

- Угадала. Только не сказок, а быличек. Знаешь разницу? Моя бабушка — исконная ведунья, к твоему сведению.

Лена презрительно фыркнула:

- Кто б сомневался! А дедушка, случаем, не леший? Фамильное сходство за километр видно.

Последняя фраза произнесена была исключительно из злости. Скуластенькая темноволосая Татьяна хоть и не числилась писаной красавицей, но обзывать её уродиной было, по крайней мере, несправедливо.

Укол достиг цели. Варламова набычилась, сжала тонкие губы. Но достойного ответа не нашла. Лена усмехнулась, праздную маленькую победу... но тут лучшая подруга всё испортила.

- Танюха, так у тебя бабка — ведьма?! Что ж ты молчала! А ты сама колдовать умеешь? Хоть немножко?

— Нет, — буркнула Варламова. — В роду только одна ведунья бывает.

- Ну хоть что-то? Гадать, например? — Костикова бросила окурок в стакан, служивший импровизированной пепельницей, соскочила с подоконника, бесцеремонно плюхнулась на койку рядом с Варламовой. Та отодвинулась, нехотя кивнула:

- Судьбу читать нетрудно, но... ты уверена, что оно тебе надо?
- Ещё бы! — Анжела сунула ей руку ладонью вверх. — Читай!

Лена плюнула мысленно. И смотреть на этих двоих не хотелось, до того противно. И не слушала бы, будь такая возможность. Она включила громче радиоприёмник, отгородилась дверцей шкафа и начала переодеваться.

— ...как зовут парня, с которым я встречаюсь? — пробивались сквозь музыку слова из противоположного угла комнаты. — ...ух ты, правильно. А как приворот сделать, знаешь? А бабка твоя? А болезни она лечит? А если «закажут» кого? Ну, в смысле...

- ...на себе не показывай, сбудется...

Лена захлопнула дверцу шкафа, разгладила майку на животе, стараясь, чтобы тот выглядел плоским. В очередной раз позавидовала Костиковой, высокой, стройной, вдобавок блондинке.

- Хватит ерундой заниматься! — она подошла к «гадальщицам». Пора было брать инициативу в свои руки. — Анжела, ты что, не понимаешь, она тебе лапшу на уши вешает. Варламова, кто это видел? Кто подтвердит «чудеса» твоей бабули?

— Вся деревня. К бабушке даже из других областей приезжают.

Говорила Татьяна вполголоса, но в глазах её явно светился вызов. Что ж, придётся сбить спесь с деревенщины. Игра становилась забавной.

Ехидно улыбнувшись, Лебедева поинтересовалась:

- Значит, и мы можем какие-нибудь чудеса заказать? Сколько стоит? Прайс у твоей бабули имеется?

Такого поворота Варламова не ожидала. Помолчала, кивнула неуверенно.

- В принципе, можете. А цена — смотря что закажете. Напишите на бумажке, я на каникулы поеду, отвезу бабушке, узнаю.

— Нет, так не годится. Я сама посмотреть хочу, как твоя бабуля «колдует». Ты послезавтра ехать собираешься? Вот и мы с тобой прокатаемся.

Она уверена была, что Варламова пойдёт на попятный. Но та согласилась:

- Как хотите.

Анжела недоверчиво уставилась на подругу.

- Ленка, ты чё, серьёзно? Она ж хрен знает в какой глуши живёт!

— Ничего, мы туда и обратно. Хочу «исконно-чухонское колдовство» посмотреть. Так сказать, фольклорная экспедиция. Записываешься?

Варламова планировала ехать в плацкартном, но Анжела объявила такой способ путешествия неприемлемым. Потому предварительно купленный билетик сдали, а взамен приобрели три купейных. Ехать предстояло долго, и против того, чтобы сделать дорогу комфортной, никто не возражал. Тем более что поездку оплачивала Костикова. Даже с Татьяны денег не взяла, лишь подмигнула: «скажешь бабке, чтобы скидку сделала».

Лена надеялась, что четвёртое место останется свободным. Но ближе к вечеру, в Моложаеве, в купе заглянул дебелый краснолицый парень в бежевой джинсовой рубаше и вельветовых брюках. Вернее, дядька лет за тридцать пять.

- О, цветник! Как мне повезло. Добрый день, девоньки!

Володя, — так потребовал называть себя новый знакомец, хотя был почти вдвое старше каждой из попутниц, — шумно радовался всему

подряд. Что в вагоне работает кондиционер, что поезд идёт без опоздания, что повезло со спутницами, — хотя в чём именно проявилось везение, Лена не поняла. Однако радуется человек, и пусть радуется. К тому же хорошее настроение Володи проявлялось вполне материально: едва устроившись, попутчик предложил поужинать в ресторане.

Ходить в рестораны с людьми, которых полчаса назад увидела впервые в жизни, и знакомство с которыми дольше суток не продлится, в привычки Лены не входило. Но сейчас был случай особый. Во-первых, приглашали не в «настоящий», а в вагон-ресторан, во-вторых, мужчина был один, а их трое. Поэтому отнекивалась она не очень активно. Вечер в ресторане, а затем в купе, куда Володя захватил вторую бутылку коньяка, шоколад и фрукты, прошёл быстро и весело. Попутчик оказался человеком чрезвычайно общительным. То ли действительно поколесил по свету, то ли привирал, но рассказывал интересно и захватывающе. Вторая бутылка опустела незаметно. Володя сбегал за третьей, хотя Лена и предупреждала, что это излишне.

Вагон спал, мирно посапывая, похрапывая, похрюкивая, и только в четвёртом купе продолжался праздник невесты по какому поводу. Но рано или поздно всё заканчивается, и даже Володин запас историй иссяк. Теперь он надолго замолчал, таращась на выпуклости попутчиц. В конце концов Костикова это заметила. И попыталась оживить разговор:

— Володя, а ты когда-нибудь настоящих ведьм видел?

— Ну... было дело. В Хакасию однажды ездил, к товарищу. Так у них в деревне ведьма жила. Настоящая баба-яга. Страшная, ужас. Если ночью встретишь...

Варламова громко фыркнула, заставив рассказчика умолкнуть.

— Враньё! К вашему сведению, Владимир, уродливых ведуний не бывает. Разве что тяжело больная. Но тогда вы её и не увидели бы. Посторонних в дом к больной ведунье не пустят.

Разговор как-то сразу перестал быть шутейным, слишком серьёзный голос был у Варламовой. Володя к такому переходу оказался не готов. Минуту назад девчонки внимали его рассказам, открыв рты, и вдруг — обломали, что называется. Спросил, кривя губы в усмешке:

— Разве ведьмы болеют? Они же заговорами любую болячку лечат. Или сапожник без сапог? Хе-хе... Себя саму слабо вылечить?

— Да, лекарство от любой болезни найдётся. Но не всякая ведунья не всякое лекарство принять согласится, — Варламова посмотрела попутчику прямо в глаза.

Володя стушевался. Взглянул на циферблат часов, принялся шарить по карманам в поисках сигарет.

— Нда... Засиделись мы, третий час натикало. Схожу перекурю, и будем спать укладываться. Кажется, Ленуся была права, — третью бутылку нам не добыть.

— Меня подожди! — встрепенулась Костикова — А то чё-то поезд дёргает сильно, упасть можно.

Володя услужливо подхватил, помогая встать, повёл к дальнему тамбуру.

— Могли бы и мусор с собой захватить... — буркнула Варламова, когда дверь купе захлопнулась. — Лена, стелиться давай. Ты на какой полке спать будешь? Внизу, вверх?

— Без разницы, — не открывая глаз прошптала Лебедева. Происходящее вокруг обтекало её, не задевая.

— Понятно. Давай я тебе постелю.

Утро для Лены началось поздно. Могло бы и совсем не начаться, незаметно обернувшись вечером, если бы не Володя:

— Ну всё, девчонки, пора прощаться. Подвигал я, через пять минут моя станция. Счастливо доехать! Спасибо за приятную компанию!

Лена разлепила глаза. Как раз вовремя, чтобы вяло помахать рукой выходящему из купе попутчику.

— Я провожу! — Костикова кинулась следом.

Поезд дёрнулся, замедляя ход. И в висках дёрнулось. Больно. Лена не удержала стон. Тотчас с верхней полки свесилась голова Варламовой:

— Очень плохо? Голова болит?

Лена кивнула, признавая очевидное. С коньяком явный перебор получился.

Варламова соскочила вниз, присела рядом. Правой рукой несильно сжала ладонь одноклассницы, левую опустила ей на макушку. Скомандовала:

— Закрой глаза и расслабься.

Возражать силы не было, Лена подчинилась. И удивительно — в самом деле полегчало! А когда поезд вновь тронулся и Костикова вернулась в купе, от боли и вовсе одни воспоминания остались.

— Вы тут что, заговорами лечитесь? — Анжела плюхнулась на скомканную постель.

— Нет. Наложением рук.

— А, понятно, — она вытянулась во весь свой немалый рост, забросила руки под голову. И неожиданно заявила: — Володя этот классный мужичок. Весёлый и не жадный. Мне такие нравятся. Умеют зарабатывать, умеют тратить. Я б за такого замуж вышла.

— Он женат, — напомнила Варламова.

— Жена — не стена. Эх, если б он градский был, можно бы знакомство и продолжить. А то всего один разочек успели, не распробовала.

Лена удивлённо уставилась на неё:

— Это когда же — «успели»?!

— Ночью в тамбуре, пока вы дрыхли.

— Фу!

— Не «фу», а прикольно. Ловить момент надо, пока молодая. Это ты у нас одна ненормальная. Девятнадцать лет скоро стукнет, а до сих пор в девочках ходишь. Принца, что ли, ждёшь?

Больше в их купе никто не подсаживался. Потому второй вечер прошёл тихо, за чтением журналов, болтовнёй, игрой в «дурака». И спать улеглись пораньше.

Но заснуть Лена не успела. В окошко забарабанили громко и настойчиво.

— А? Что такое? — подскочила на своём диванчике Анжела.

Лебедева тоже приподняла голову, отдернула занавеску, стараясь разглядеть в темноте безмянного полустанка, что случилось. Кто-то стоял вплотную к вагону, стучал по стеклу вытянутой вверх, сжатой в сухой кулачок рукой.

Ав следующую минуту Варламова сиганула с верхней полки, опростелью выскочила из купе, даже дверь за собой захлопнуть не потрудились. Стук прекратился. Ещё минута, и поезд тронулся. Проплыли мимо тусклые фонари на столбах, и состав окунулся в кромешную тьму ночи.

Лена подождала, окликнула Костикову:

— Анжела! Варламова не возвращается. Что если она от поезда отстала?

— Ой, Ленка, спи. На горшке твоя Варламова сидит.

Недовольно бормоча, Костикова перевернулась на другой бок, готовая снова уснуть. Но Лена последовать примеру подруги не могла. Отсутствии Варламовой затыгивалось, объяснять его физиологическими потребностями становилось всё трудней.

Не выдержав, она вышла из купе. Решила — нужно сказать проводнице. Пусть вызывает начальника поезда, телефонируют на станцию... А чёрт, это же не станция была, так, платформа какая-то. И чего только останавливались на ней?

Тревожить проводницу не понадобилось, Варламова стояла в тамбуре, уткнувшись носом в стекло двери. Босиком на холодном железном полу.

— Таня, что случилось?

Девушка резко обернулась. На секунду Лене показалось, что в тёмно-карих глазах вспыхнул ужас. Но лишь на секунду.

Татьяна облизнула сухие губы.

— Планы меняются, нельзя вам со мной ехать. Скоро Узловая, там выйдете, дождётесь утра, возьмёте билеты на обратный...

— Подожди, подожди! Ты толком расскажи, что случилось? Кто это стучал?

— Это... так, ко мне. Бабушка заболела.

Она опустила глаза, разглядывая пальцы на босых ступнях. Лена нахмурилась.

— Серьёзно заболела? Что с ней?

Вместо ответа Варламова опять уставилась в окно. Лена разозлилась.

— Не хочешь, чтобы мы к тебе в деревню ехали? Бабушке в глаза будет стыдно смотреть, да? Признайся, что наврала про колдовство! Если признаешься, тогда так и быть, сойдём в Узловую.

Татьяна резко обернулась.

— Кто сказал, что я не хочу? Надеюсь — может, ты передумала. Но если настаиваешь — так тому и быть! И в деревню попадёшь, и бабушку увидишь. И «колдовство», — она улыбнулась. Оторвавшись, наконец,

от двери, шагнула к спутнице: — Спать пошли, завтра трудный день предстоит. Для всех.

Заснула Лена быстро. Как проехали Узловую, не видела.

— Вставайте, вставайте! Быстрее, подъезжаем!

Варламова металась по купе, тормошила спутниц. Лена нехотя открыла глаза, задрала голову, вглядываясь в серый сумрак.

— А сколько время?

— Без десяти шесть! Через десять-двенадцать минут будем в Болотном.

— Вот чёрт!

Лебедева рывком села, отдернула занавеску на окне. Оказывается, давно рассвело, а сумрак стоит из-за стены тёмного густого леса, подступившего к полотну железной дороги. Да из-за непроглядно-густого тумана.

— А проводница где? — Анжела выбралась из-под одеяла, — Почему не разбудила?

— Спит, забыла о нас. От Узловой станций не было, а в Болотном люди нечасто выходят.

— Сучка, — Костикова добавила и другой эпитет, нелитературный. Сунула ноги в кроссовки, поднялась, намереваясь идти. — Поссать хоть надо. И умыться.

— Потерпи до станции.

Переодеться, собрать сумки и выскочить в тамбур они еле успели. Лес расступился, открывая домишки посёлка, и поезд начал тормозить.

— Ой, а дверь кто откроет? — опомнилась Лена.

Варламова метнулась в глубь вагона, притащила проводницу. Точно, проспала — кажется, та и глаза не открывала, высаживая пассажиров.

Вокзал, невзрачный одноэтажный домишко, притулился на краю покрытой древним, разбитым вдрызг асфальтом площади. Рядом — магазинчик с двумя вывесками: голубой «Продукты» и грязно-розовой «Промтовары-Культовары». Здесь же поссовет, клуб и школа — все местные достопримечательности. От площади разбегались улицы, застроенные одноэтажными кирпичными и деревянными домиками. А по другую сторону от вокзала, за рельсами, начинался лес. И дальше, за домами, стоял лес. Лес был везде, постепенно выступал из поднимающегося тумана, делался темнее, гуще. Полновластный хозяин здесь, заставляющий человека вспомнить, как тот мал и ничтожен...

— Где тут сортир? — вопрос Костиковой выдернул Лену из мрачной сказки. Ежась от утренней свежести, она огляделась по сторонам, заставила себя улыбнуться.

— Зачем она тебя? Кустиков полно.

— Заехали, блин...

— Анжелика, потерпи ещё немного! — взмолилась Варламова. — Нас ждут уже!

За углом поссовета их в самом деле поджидал видавший виды «уазик». Из распахнувшейся дверцы высунулся водитель — плечистый

парень в клетчатой рубашке с закатанными рукавами. Широкое, скуластое лицо расплылось в улыбке.

— Привет честной компании!

— Доброе утро! — Варламова принялась знакомить: — Это Лена и Анжелика. А это Кузьма, мой двоюродный дядя.

— Дядя? — недоверчиво переспросила Костикова, разглядывая парня. Он был старше племянницы лет на шесть-семь, не больше. — Дядя Кузя, что ли?

— Ага, — кивнул парень и протянул свою громадную ладонь. — Будем знакомы.

— Превед, дядя Кузя. А я — Ангел.

Костикова бесцеремонно забралась на сиденье рядом с водителем, предоставив спутникам размещаться сзади. Татьяна не возражала, а Лена и подавно.

Двигатель завёлся с первого раза, будто не допотопному «уазику» принадлежал, а новенькой иномарке. Кузьма на площадь выруливать не стал, развернулся и по накатанной колее, тянущейся вокруг школьного двора, выехал из посёлка. Несколько раз пассажиркам пришлось подпрыгнуть на кочках, а затем колея слилась с убегающей в лес грунтовкой.

Места и правда были дремучие. Первый же поворот — и об оставшемся позади посёлке уже ничего не напоминало. Деревья теснились вдоль дороги, переплетались кронами, нависали зелёным сводом. Лена вдруг представила, что так же выглядело всё и сто лет назад, и тысячу. Разве что «уазиков» тогда не было.

По требованию Костиковой они остановились у высоких густых зарослей лещины. Видеть, как растёт это лакомство, Лебедевой раньше не приходилось, потому не удержалась, подошла поближе, потрогала маленькие зелёные горошины. Беседу оставшихся у машины Кузьмы и Татьяны она слушала вполуха.

— Ты вовремя приехала.

— Так плохо?

— А то сама не знаешь. Она же тебя звала. Что решила?

— Я ей лекарство привезла.

— Угу, я так и догадался. Не жалко?

— А что, отговаривать будешь?..

— Ва-а-а-а!!!

Бешеный визг Костиковой заставил Лену дёрнуться. А секунду спустя и сама Анжела вылетела на дорогу, сминая орешник.

— Там... там... змея, здоровенная!

Растопыренных рук, чтобы показать длину, ей явно не хватало, потому старалась компенсировать выпученными глазами. Но аборигены встретили известие равнодушно. Варламова кивнула на полуспусценные мосты:

— Никак за причинное место укусила?

— Не, не укусила... Я убежать успела. Она...

— Хорошо. Тогда застёгивай штаны, и поехали дальше.

Костикова растерялась от такой реакции. Но и успокоилась мгновенно. Хмыкнула, подтянула мосты, полезла в кабину. И Лена, спешно отскочившая с травы на дорогу, забралась на своё сиденье. Когда Кузьма тронул машину с места, заинтересовалась:

— Так у вас змеи водятся?

— А как же. И змеи, и птицы, и зверьё всякое. Зайцы, лисы, волки. Медведи, опять же. Малины урожай богатый намечается, ох, расплодится их. Как в тот год, когда учительку из Песков медведь задрал. Помнишь, Таньша? — парень оглянулся, и скуластое лицо его неожиданно расплылось в улыбке.

Лена недоверчиво уставилась на него.

— Учительницу медведь разорвал? Что же в этом смешного?

— Да медведи, они озорники такие. Задерёт скотину и нет, чтобы целиком сожрать, вымя выест и бросит. Вымя у учительки знатное было, да... Зазря она перед женатыми мужиками его заголяла.

— Городская, законов наших не знала, — хмуро ответила Варламова. — Позволили бы ей дольше пожить, глядишь, пообвыкла бы.

— Не выпала ей судьба долго жить.

Шутят они так, что ли? Уточняет Лена не посмела. И Костикова лишь хмыкнула неопределённо, полезла в рюкзак, нашла сигареты и зажигалку. Щёлкнула, выпустила сизую струйку дыма в окно. Кузьма покосился неодобрительно на соседку, качнул головой:

— Нехорошо ты делаешь. Ни к чему табаком травить.

— О, заботливый выискался. Что это тебя моё здоровье волнует?

— Меня своё волнует. Убери папироску.

— Анжелика, в самом деле, — поддержала и Варламова. — Не нужно курить. У нас в деревне это не принято.

— Да я не выдержу без сигарет!

Но Кузя продолжал гнуть своё:

— А говорила — Ангел. Я и вправду поверил. Такая чистенькая, светленькая, красивая, пахнет, как цветок.

Анжела смерила его взглядом, оценивая бугрящиеся под рубашкой мускулы, широкие плечи. Осталась довольна осмотром, усмехнулась.

— Я не только на вид и на запах вкусная. На вкус тоже ничего. Хочешь попробовать?

— Да ты, верно, от табачища прогоркла насквозь?

Лицо у парня было такое простецки-деревенское, что заподозрить его в намеренном оскорблении не получалось. Костикова поморщилась, сделала ещё две затяжки. Вдохнула:

— Уговорили, не буду курить! Настоящим ангелом заделаюсь. Только, дядя Кузя, за тобой теперь должок. Ловлю на слове.

Лена скривилась брезгливо, услышав такой вульгарный намёк. Понял ли его Кузьма, неизвестно, но Татьяна поняла наверняка, улыбнулась многозначительно:

— О, Кузьма своё слово держит, будь уверена!

Более не раздумывая, Анжела щелчком отправила сигарету за опущенное стекло дверцы. И тут же сама чуть не ткнулась носом в лобовое. Машина затормозила так резко, что даже сидевшие сзади Лебедева и Варламова вынуждены были уцепиться за спинки кресел.

— Ты что, офигел?!

Не отвечая, Кузьма передёрнул рычаг скоростей, сдал назад. Выскочил из машины, пошарил в траве на обочине. Выпрямился, победно сжимая в пальцах тлеющий окурок. Затухнул, сунул в карман рубахи. И уютившись вновь за руль, назидательно объяснил Костиковой:

— Тут не город, Ангел. Лес портить негоже.

— Да не загорелся бы он, — запротестовала та.

— Может, и не загорелся бы. А портить — негоже.

Накатанная дорога неожиданно вильнула влево, огибая ставшую на пути светленькую берёзовую рощу. Но Кузя поворачивать не стал. Сбросил скорость, осторожно съехал на едва заметную в густой траве колею. Машину тряхнуло, и девчонки, начинающие клевать носами, разом очнулись. А в следующую минуту Татьяна испуганно вскрикнула:

— Стой! Ты что, гатью ехать хочешь?!

— Да там сухо. Я ж по ней за вами ехал.

— При чём тут «сухо»? Гатью я не поеду!

Кузьма остановил машину, обернулся.

— Так что, в объезд? Это ж крюк в сто вёрст. Думаешь, они...

— Кузьма!

В голосе Варламовой так явственно сквозило отчаяние, что спутницы удивлённо переглянулись. И Лена потребовала немедленного объяснения. Парень почесал затылок, заговорил нехотя:

— Гать — это дорога через болота, её лет сто назад к «железке» проложили. Летом, в сушь, проехать можно. Не в том дело...

Варламова перебила его — выскочила из машины, громко хлопнув дверью. Отбежала метров на десять, прижалась лбом к стволу берёзы.

— А в чём дело? — поторопила Кузьму Костикова.

— У Таньши батя с мамкой в этих болотах сгинули. Ей тогда и шести годков не было. Ехали гатью, да и ухнули в трясины. В минуту засосало, одна Таньша уцелела. При бабушке с тех пор живёт. Да вы знаете, наверное, что она сирота.

Лена невольно поёжилась.

— Значит, эта дорога опасная?

— Да не, для нас не опасная. Таньша верит, что родители неспроста сгинули. Мамка её не из наших была, не здешняя. Не хотела она очень, чтобы дочка от бабушки ведовство переняла. Оно ж по женской линии передаётся, через поколение. Задумала увести Таньшу из Варламовки, спрятать. Батьку уговорила. Да не позволили им видать, машину в трясины толкнули. С тех пор мамка ей каждую годовщину является. С собой зовёт, чтоб от ведовской доли уберечь. Вот Таньша и...

Договорить он опять не успел, Варламова вернулась в машину.

— Всё рассказал?

Кузьма развёл руками.

— А чего там рассказывать...

— И о том, что сегодня как раз тот день?

На минуту в машине повисло молчание. Тяжёлое, нехорошее. Костикова не выдержала первая. Хмыкнула, повернулась к подруге:

— Лебедева, как думаешь, они заранее сговорились нас поугатать? Лапши навешать дурам городским.

Лена неуверенно пожала плечами. Таким вроде не шутят, родители всё-таки. Она посмотрела на Варламову. И та будто поняла немой вопрос, улыбнулась виновато.

— Не обижайся, я вас пугать не собиралась. Это у Кузьмы такая манера с девушками знакомится — страшилок о наших местах нарасказывать. А болото... — она закусил губу. — Их же так и не смогли вытащить! Не могу я ехать там, зная, что они прямо под нами лежат. Пожалуйста, давайте через Пески! Там дорога красивее, а что дальше — так на наши места посмотрите.

— Ага, я так и думала, разыграли! — засмеялась Костикова. Ткнула водителя в бок: — Признайся, про медведя тоже насочинял?

Парень отвернулся, кивнул неохотно:

— А то! Знамо дело, поугатать вас, городских, хотел.

— Ладно, — подытожила Лена. — Едем через Пески.

Слова Варламовой разом рассеяли мрачную атмосферу. Или в эту минуту туман окончательно растаял, позволив солнечным лучам брызнуть на лес? И словно засветились белые стволы берёз, зелень листвы. Радостно засвистели, запищали, затараторили в ветвях пичуги. Глупая сказка сгинула, уступая пригожему летнему дню.

Пески они проскочили, не останавливаясь. А часок спустя сделали привал — на завтрак. Предусмотрительный Кузьма угощал мясным блинами, солёными бочковыми грибочками и самогоном собственного изготовления. Видно, инспекторов ГИБДД, в отличие от медведей, в окрестностях не водилось, потому себе Кузьма наливал вровень с девчонками. Вернее, вровень с Костиковой. Татьяна пила мало, и Лена не намного больше. Она вообще думала лишь пригубить, но напиток, против ожидания, оказался не вонючим, пах мёдом и травами.

Потом были ещё полтора часа езды. Ранний подъём, плотный завтрак, спиртное, однообразное мелькание деревьев за окном, — горожанок вновь начало клонить в сон. Анжела перебралась на заднее сиденье и умудрилась заснуть, упав на плечо подруги. Лена и сама клевала носом. Встрепенулась, только когда поняла, что вместо леса вокруг — деревня.

Машина затормозила, стих двигатель.

— Эй, просыпайтесь! Приехали. Это и есть наша Варламовка.

Татьяна выбралась наружу, и ничего не оставалось, как последовать её примеру. Они стояли у высокого, метра два, забора, сколоченного из грубо обструганных толстых досок. И этот двор исключением не был, все дома прятались за подобными сооружениями.

— Ого! «Мой дом — моя крепость», — Анжела зевнула и сладко потянулась.

— Так в лесу живём, — не спорил Кузьма. Окинув взглядом вещи девушек, вопросительно посмотрел на племянницу: — Проводить?

— Не нужно.

— Куда проводить? — насторожилась Лена.

Деревенка с её крепостными стенами радушной не выглядела. Пусто, тихо. Единственное движение — из приоткрывшейся калитки выглянул загорелый дочерна пацанёнок. Да и тот убрался восвояси, стоило обернуться.

— Это дом Кузьмы, — пояснила Варламова. — А бабушка в лесу живёт. Туда дороги нет, машина не проедет.

Дорога в самом деле заканчивалась у крайнего дома. Дальше бежала узенькая тропка. Она наискосок пересекала огороды, перепрыгивала ручей бревенчатым мостком и сразу же начинала петлять, пробираясь сквозь обступающий Варламовку лес. Бабушкин дом — маленькая невзрачная избушка — стоял на пригорке, в тени высоченных толстоствольных дубов. Татьяна взбежала по ступенькам на крыльцо, потянула на себя дверь.

Крошечное окошко почти не пропускало солнечный свет, потому в сенях царил сумрак. И — запахи. Аромат, источаемый травами, развешанными под потолком, баночками, бутылочками, горшочками, сплошь заполняющими стеллажи вдоль стен, корзины и ящики на полу. Аромат забивал другой запах. Он стал различим в коридорчике, куда выходили дверные проёмы комнат. Тошнотворный запах тления.

— Туда, — Варламова подтолкнула подруг к левой двери. Сама же шмыгнула в противоположную.

Комната, куда вошли девушки, могла служить и гостиной, и спальней, и столовой. Под окошком большой обеденный стол, две лавки, у противоположной стены — кровать, рядом большущий сундук с навесным замком, обитый металлическими полосами.

— Экзотика! — Костикова бросила сумку на стол и недолго думая, растянулась на койке. — А ничего, мягко. Вздремнуть можно. Вдвоём поместимся?

— Спи, я не хочу.

Не для того они сюда приехали, чтобы спать! Крадучись, Лена подошла к двери, выглянула из-за косяка. Был виден кусочек противоположной комнаты, угол кровати, табурет, сидящая на нём Татьяна. И долетал шёпот бабушки и внучки:

— ...доучиться хочу...

— ...согласится?..

— ...сама напросилась...

Внутри шевельнулся червячок страха. Нет, неверное слово. Страшно, это когда на экзамене невыученный билет попадает. Здесь было жутко. Пусть медведь-людоед и бродящие по болоту покойники — выдумки. Но лесная глухомань, двухметровые заборы — не выдумки. А

на двери избушки замка-то нет — вспомнилось запоздало. Получается, здесь диких зверей не боятся? Почему?

Внезапно Варламова-младшая оглянулась, поманила подглядывающую. Ничего не оставалось, как войти.

Бабушкина спальня была совсем крохотная. Шкаф, табурет, кровать, тумбочка, на ней — воткнутая в стакан с пшеном толстая жёлтая свеча. Лежащая под стёганым одеялом женщина выглядела не просто старой — древней. Остатки седых волос клочьями разметались по подушке, сморщенное лицо походило на ссохшуюся прошлогоднюю картофелину. Подрагивающие, ввалившиеся губы едва прикрывали беззубое отверстие рта. Руки — обтянутый грубой шероховатой бумагой хворост.

— Здравствуй, Леночка, — чуть слышно прошелестело от подушки. — Подойди ко мне. Присядь.

— Добрый день. Как вы себя чувствуете? — Лебедева покорно опустилась на краёшек кровати, в ногах у старухи.

— Хорошая девочка, — та будто не слышала вопроса. С трудом приподняла руку, коснулась пальцами ладони девушки, — хорошая.

— Вы врача вызывали? — Лена нахмурилась. Бабуля и правда больна, без подвоха. Как бы на похороны не угодить. Зря на Узловой не сошли...

— Поздно. Раньше думать нужно было, — буркнула Татьяна.

— Почему поздно? — не поняла Лена. — В наши дни медицина чудеса творит.

— Это вряд ли. Для бабушки лекарство ты приготовишь, — Варламова не отводила взгляд от подруги. — Я объясню, как.

«Почему я?» — хотела возмутиться Лена. Прикусила язык. Кто же ещё? Ты сюда приехала, чтобы соседку по комнате во вранье уличить? Вот и вари зелье. Не поможет — значит, уличила, ничего Варламова в этих делах не смыслит. А если поможет, вопреки ожиданию... Что ж, тоже хорошо, бабуля выздоровеет.

Она кивнула.

— Давайте попробуем. Если надеется, что получится...

— Обязательно получится! Сейчас и начнём, нечего откладывать. Для начала крестними.

Пришлось подчиняться и этому. Колдовство же, блин! Варламова записала крестик в кармашек своей джинсовой юбки, сунула подруге тетрадный лист с какими-то каракулями:

— Читай вслух заклинание. Разборчиво.

— «Не жалею, не боюсь,
чужой силе покорюсь.
Плод Земли, Вода и Пламя,
помогите слиться с вами.
Тело, соком поделись,
подари Хозяйке жизнь...»

Скулы сводило от бредовости «виршей», но Лена прочла до конца. Поинтересовалась ехидно:

— Что, повторить три раза? Или семь?

— Достаточно одного, если запомнила. Теперь сожги.

Листик вспыхнул над свечой неожиданно ярким пламенем. Лена испуганно отдернула руку, разжала пальцы. Бумага сгорела, не оставив пепла.

Поспать Костикова не успела. Едва задремала — Варламова примчалась, сдернула с кровати:

— Анжелика, вставай, помогать будешь, а то не успеем! — потянула за собой на кухню.

Кухня в избушке была прикольная. По соседству с обычной деревенской печью в ней стоял сложенный из дикого камня очаг с окошком-вытяжкой под потолком. Рядом — здоровенный чан.

— Бери тряпки, щётку, ведро, — распорядилась Варламова. — Колодец возле тропинки, ты видела. Котёл нужно почистить и поставить на очаг. И дров принести, они в сарае за домом.

— Я вам чё, Геракл? — Костикова с сомнением пошевелила чан носком кроссовка.

— Он не такой тяжёлый, как кажется. В крайнем случае, меня позовёшь — мы с Леной идём зелье готовить. Поспеш, пожалуйста! Лекарство надо до рассвета принять, а то заклятье обратную силу получит.

— Какой «до рассвета»? Двенадцати дня нет!

Возглас Анжелы пропал втуне, подруги убежали, оставив её с пугающим чудовищем. Ох уж эта «фольклорная экспедиция»! Кто бы поверил — Анжелика Костикова драит котелки, тягает вёдра из колодца, носит дрова!

Тем не менее, сделала она всё, что поручили. Даже горшок водрузила на очаг без посторонней помощи. Потом осмотрела кухню, перебрала большущие и острые, точно бритва, разделочные ножи, поварёшки на длинных ручках, двузубые вилки, стопки примитивных, явно самодельных глиняных тарелок. Повалилась на койке, разглядывая выуженный из-за сундука школьный учебник анатомии. Можно было бы вновь попытаться уснуть, но присутствие в соседней комнате бабки, скрипящей, постанывающей, скрипящей кроватными пружинами, напугало. В конце концов Анжела поняла, что проголодалась, и пошла искать подруг.

Девчонки нашлись на чердаке, среди кип пахучего разнотравного сена. Варламова объясняла, а Ленка старательно обрывала листики, стебельки, цветочки, раскладывала в коробочки, связывала снопиками.

— Я свою часть работы выполнила! И хочу есть! Между прочим, третий час, время обедать.

Варламова посмотрела на неё, что-то прикидывая в уме.

— Кормёжку Кузьма обещал организовать. Может, сходишь в деревню, поторопишь?

Перспектива продолжить день в компании «деревенского Геракла», а не умирающей старухи, Анжеле понравилась. Она тут же согласилась, лишь поинтересовалась в шутку:

— Надеюсь, медвед меня не схрукает по дороге?

— Надеюсь, не схрукает, — в тон ей ответила Варламова.

Однако когда пушистые лапы елей, переплетаясь, заслонили от Анжелы избушку, шутка перестала казаться смешной. Сердце противно замирало и ухало от каждого скрипа и хруста. Что ни говори, а лес и болота вокруг. Мало ли кого здесь встретить можно. Змею она уже видела!

Дыхание перевела, только оказавшись за мостиком, на «цивилизованной» стороне. После стоящей среди чащи избушки деревенька в три десятка дворов затерянным миром уже не казалась.

Двор Кузьмы Костикова нашла без труда. Не отыскав кнопку звонка, потянула калитку. Та на удивление поддавалась, пропустила во двор.

От забора к дому тянулась дорожка из вросших в землю досок. Кусты крыжовника и смородины, пара кривеньких яблонек, сараюшки, пёстрые куры, разгуливающие с хозяйским видом, — деревня, она и есть деревня. Анжела успела шагов десять пройти, когда краем глаза заметила движение за спиной. Развернулась и застыла. Здоровенный волкодав лениво разлёгся у калитки, перерезав путь к отступлению. Он рассматривал незваную гостью лениво, беззлобно. Но огромные клыки, торчащие из пасти, говорили сами за себя. Собак Анжела не любила с детства, с того самого дня, когда невзрачная шавка без всякого предупреждения вцепилась ей в лодыжку. А это — не шавка. Этот кобель перегрызёт, не заметит.

— Не бойся, Барсик на людей не кидается.

Из-за дома вышла молодая женщина в замызганном фартуке, связанном поверх простенького светло-зелёного платья. Среднего роста, слегка курносая. Основными достопримечательностями её были огненно-рыжие волосы, собранные в тугую гульку, и усеявшие лицо веснушки. Да выпирающий из-под фартука характерный животик.

— Добрый день. Ты Анжелика, правильно? Будем знакомы, меня Аня зовут.

— Превед, — Костикова растерялась. — Я думала, здесь Кузя живёт.

— Живёт-живёт, — кивнула женщина. — Я его жена. Да ты в дом проходи. — И закричала, открывая перед девушкой дверь: — Кузьма, к нам гостя!

Анжела шагнула через порог, неуверенно оглядываясь. Наличие у «деревенского Геракла» рыжеволосой беременной жены было неожиданным фактом. Как переварить сей факт и что из него следует, она пока не знала. Потому позволила провести себя в гостиную. Обстановка была стандартно-мещанской, в стиле годов эдак шестидесятых: сервант с посудой и фарфоровыми безделушками, круглый стол, накрытый красной бархатной скатертью, три стула вокруг него, диванчик в углу, гардины на окнах. Единственное, чего не доставало, — телевизор.

Костикова это и спросила, так как другой темы для разговора в голову не пришло:

— А где телевизор?

— У нас в деревне их не держат. Зачем они нужны, ящики эти? Новости почтальон из Песков привозит.

Анжела искренне изумилась. Предположим, можно прожить без микроволновки, без стиральной машины. Даже без холодильника. Но телевизор! Это же культура, это жизненная необходимость каждого мыслящего человека...

— А вот и я! — в гостиную заглянул Кузьма. Одет он был по-домашнему: босой, в майке и трениках. Зато в руках нёс толстенную бутылку, гранёные стаканчики и миску с вездесущими грибами. — Что это вы на диване, как бедные родственницы? Давайте к столу! Надо же за знакомство.

Он широко улыбался, переводя взгляд с жены на гостью. Анжела тут же попробовала кольцо:

— А почему ты не сказал, что женат? И кольца не носите?

— Не заведено у нас.

Один ответ на оба вопроса прозвучал двусмысленно. Не заведено кольца обручальные носить? Или рассказывать приезжим о семейной жизни? Переспросить она не успела, — Анжела ткнула ей в руки наполненный до краёв стаканчик и вилку с наколотым на него грибом. Костикова не противилась. А когда жидкость мягким теплом разлилась по телу, вспомнила, зачем, собственно, пришла:

— Я по делу к вам. Танька сказала, нас кормить обещали?

— Ох, и то верно, девки же там голодные! А на пустой желудок, какое ведовство? — хозяйка вскочила, засуетилась: — Сейчас-сейчас, бегу на кухню. Мигом сделаю! Печка растоплена, картошка начищена. Кузьма, пошевеливайся, мне мясо нужно!

— Сделаем.

Парень кивнул с важным видом. Но за супругой не поспешил, остался сидеть. Когда входная дверь хлопнула, вновь наполнил стаканы. Чувствуя, как от одной мысли о еде рот наполняется слюной, Костикова уточнила:

— На обед будет жаркое?

— А то. Нюрка мастерица, готовит — пальчики оближешь.

Кузьма ловко опрокинул стопку, причмокнул от удовольствия. Анжела тоже выпила. После второго стаканчика на пустой желудок в голове зазвенело. Приятная расслабленность потекла по мышцам. Девушка откинулась на спинку, вытянула ноги. И заметила, с каким удовольствием парень их рассматривает.

— Ты чего?

— Так это... ты в машине обещалась.

Костикова удивлённо приподняла бровь:

— А жена? Застукает если?

— А мы в сараюшку пойдём, где погреб. Заодно и мясо выберем.

Анжела представила себя среди подвешенных за ноги окороков. Однако экзотика. В таком антураже ей раньше не доводилось.

Она поднялась:

— Как скажешь. Я всегда готова!

Самогон оказался крепок, так что когда вышли на крыльцо, Анжеле пошатывало. Кузьма заботливо придержал под локоть, повёл по

дощечке-»тротуару» вокруг дома, мимо летней кухоньки, из трубы которой валил сизый дым, и где звенела посудой Аня-Нюра, мимо мекающих и похрюкивающих загончиков. Барсик увязался было следом, но хозяин захлопнул дверь сарая прямо перед его носом. Зверюга улёгся на утрамбованную, прогретую солнцем землю и облизнулся, не иначе предвкушая сахарную косточку.

Приготовление «ведьмовского лекарства» заняло времени куда больше, чем Лебедева ожидала. Сначала они перебирали сено на жарком, заполненном одуряющими ароматами чердаке. Затем в тёмных сенях переливали в склянки разноцветные маслянистые жидкости, отмеряли какие-то зёрнышки и сушёные корешки. Зёрна пришлось толочь в деревянной ступке, пока они не превратились в порошок, а корешки строгать тупым медным ножом. В довершении — притащили из колодца двенадцать вёдер воды, чтобы наполнить котёл. Когда управились, у Лены и руки ныли, и плечи гудели.

Она обречённо уставилась на Варламову:

— Что дальше?

— Отдыхай. О, а вон и наш обед!

По тропинке шёл Кузьма, нёс большую корзину, накрытую белой тряпицей. У Лены хватило сил только в окошко посмотреть. Зато Татьяна встретила парня у крыльца. Заглянула под тряпицу, спросила о чём-то — Лена не расслышала, — отобрала корзину, понесла в дом. Кузьма в гости не зашёл, развернулся, отправился восвояси.

— Попробуем, что здесь Нюрка наготовила, — Варламова вернулась на кухню, плюхнула на стол увесистый гостинец, принялась разбирать. На стол легла буханка ржаного хлеба, встали горшочки с завязанными горлышками. — Она стряпуха знатная, каких поискать. У них это в роду, как у нас ведовство.

— Что за Нюрка?

— Да так, ещё одна моя родственница.

Варламова развязала верёвочки на горшках, и кухня наполнилась ошеломляюще вкусным запахом. Достала ложки, нож, нарезала хлеб. Скомандовала:

— Двигайся сюда.

— А бабушка? Ты её кормить не собираешься?

— Сегодня ей нельзя. Ничего, завтра всласть покусает, — и, не дожидаясь госты, запустила ложку в горшочек.

На обед им принесли тушёное мясо по-домашнему с картофелем и грибами. Варламова не преувеличивала, вкус у блюда был отменный. Куски белого мяса, не жирного, но сочного и мягкого, так и таяли во рту, а какие-то туземные приправы придавали ему пряный, слегка сладковатый вкус. Лена сама не заметила, как выгребла всё дочиста. Поинтересовалась:

— А из чего это приготовлено? На свинину не похоже.

— Козлятина. Молодая козочка-нетель.

— Никогда не пробовала козлятину. Не думала, что она такая вкусная.
— Как приготовить, — Варламова выбралась из-за стола. Кивнула, приглашая гостью за собой: — Пошли, передохнём, и самым ответственным займёмся. Зелье варить.

Отдыхали в большой комнате. Лежать вдвоём на узкой кровати было неудобно, но утренняя тряска в «уазике», утомительная работа, сытный обед своё дело сделали, Лена и не заметила, как задремала. Снилось что-то светлое и доброе... А проснулась она от тычка в бок.

— Просыпайся, пора!

День заканчивался. В зазор между занавесками заглядывало неяркое, пригашенное кронами деревьев вечернее солнце. Лена сладко зевнула, потянулась. Взгляд упал на розовый рюкзачок в углу.

— Ангела что, до сих пор не приходила?

— Она и не придёт. Её Кузьма у себя пристроил.

Кто б сомневался! Известие, что Костикова останется до утра в деревне, не порадовало. Лена предпочла бы и сама провести ночь поближе к живым людям, а не рядом с умирающей старухой. Хотела позвонить подруге — куда там! В этой тмутаракани покрытие отсутствовало начисто.

— Долго зелье вариться будет? — спросила она с робкой надеждой.

— Где-то до часу или до двух. По готовности. А что?

— Ничего. Думаю, где ты меня спать уложишь. Вдвоём на твоей кровати тесновато.

— Об этом не беспокойся, место найдётся. Вставай, купаться пошли. Перед обрядом тело очистить положено. Здесь рядом озеро, вода прозрачная, как кристалл.

— Купаться? — опешила Лена. — Я купальник не брала.

— Зачем купальник? Там нас никто не увидит.

Смыть с себя пот и пыль было бы недурно, поэтому отнекиваться Лена не стала. Голышом так голышом. В самом деле, кого здесь, в лесу, стеснятейся? Не медведей же!

А озеро, и правда, было сказочным. Маленькое, не озеро, а лужа-переросток. Оно казалось зеркалом, в котором отражались лес и розовый пух подсвеченных заходящим солнцем облаков. Лишь когда Варламова, сбросив одежду, врезалась в неподвижную гладь воды, подняв фонтан брызг, иллюзия рассеялась.

Лена шагнула следом, готовая взвизгнуть от родникового холода. Но озеро прогрелось почти на всю глубину. Только у противоположного берега, где под ветвями толпящихся у кромки воды елей чернели омуты и били ключи, лодыжки лизнул коварный холодок. Лена дважды оплыла озерцо по кругу, хоть Татьяна и хмурилась укоризненно: «К омутам не лезь! Водяник ногу судорогой сведёт, под коряги утащит!» Утонуть в такой луже? Смешно!

Затем Варламова потянула её в маленькую заводь, откуда выбегал ручеёк-речушка. Выудила из кошёлки мочалу, брусок подозрительно тёмного, — уж не хозяйственного ли?! — мыла и требовательно подступила к госте:

— Поворачивайся. Я тебя мыть буду!

Лена фыркнула возмущённо. Но уступила. Намыливала и оттирала мочалкой Татьяна тщательно. И вместе с тем прикосновения её пальцев были мягкими, нежными. Всплыли в памяти воспоминания детства, когда мама так же купала в ванне...

Но сейчас в ощущении чужих рук на обнажённом теле было иное. Незнакомое, страшноватое, чуть пьянящее. И когда Варламова, закончив со спиной и руками, добралась до её груди, Лена перехватила пальцы подруги:

— Здесь я и сама справлюсь! — И чтобы окончательно прогнать ненужное напряжение, не думать о жарком румянце, пылающем на щеках, заговорила о постороннем, нейтральном: — Слушай, я думала, у воды комарья полно будет. Заживо съедят.

— Боятся.

— Чего?

— Заклятья.

— Ааа... Вместо забора и замков твоя бабушка тоже заклатья исползует?

— Разумеется. Это только человек — животное глупая, суёт нос, сам не понимая куда.

Шутит или серьёзно говорит? На всякий случай Лена засмеялась.

Она уже нацеливалась на большое мохнатое полотенце, но Варламова вновь полезла в кошёлку. И неожиданно извлекла оттуда большую резиновую «грушу» и тюбик вазелина:

— Изнутри тоже помыться нужно.

С минуту девушка удивлённо разглядывала предметы. А когда поняла, чего от неё хотят, резко отстранилась, затрясла головой.

— Такого уговора не было! Не буду я этими глупостями заниматься!

— Какие глупости? Тебе никогда клизму не ставили? Если боишься, давай помогу.

Этого не хватало! Лебедева зашипела от негодования, готовая развернуться и уйти. Хватит с неё!

...Но, с другой стороны, сама эту игру затеяла. И поездку, и на «лечение» согласилась. Глупо останавливаться на полпути. Получится, что она клизмы испугалась? Костикова узнает — умрёт со смеху. Позорище, а не «фольклорная экспедиция». Лена решительно отобрала спринцовку и тюбик, потребовала «Отвернись!»

Одеться Варламова не разрешила: «Оно грязное, потное, замараешься! Кого нам стесняться? Чужие здесь не ходят». Пришлось возвращаться к избушке нагишом. Чем дальше, тем ирреальнее выглядело происходящее.

Затем они разжигали очаг. Опыта у Лебедевой не было никакого, но промасленная бумага вспыхнула от первой же спички. Языки пламени перебежали на сухую щепу, подросли, принялись лизать, причмокивая и потрескивая, разложенные под днищем котла дрова. Пламя в очаге разгорелось, и полумрак, собравшийся по углам кухоньки, сразу сгустился. Исчезла ведущая в сени дверь, посуда на полках утонула в колышущихся тенях. А окошко превратилось в серый прямоугольник, нарисованный на

стене. Древний очаг, избушка, сумрак, собственная нагота и нагота Татьяны — Лена словно провалилась в какую-то из любимых книг. Здесь, в этом странном месте недоверие, неприязнь, желание доказать собственное превосходство пропали. Осталось жутковатое возбуждение и предчувствие необычного. Неизвестного. Запретного.

Варламова тронула её за плечо:

— Пора приправы в отвар бросать. Заклинание повторяй!

«Плод Земли, Вода и Пламя, помогите слиться с вами...» — слова больше не казались бредом. Лена повторяла их снова и снова, высыпая в котёл приготовленные днём травы, порошки, коренья. Когда очередь дошла до последней баночки, — с тёмной маслянистой жидкостью, — Татьяна указала на стол:

— Ложись! Смажу и тебя.

Переспрашивать, требовать объяснений не хотелось. Пусть таинственный обряд идёт своим чередом. Лебедева подчинилась. Маслянистая жидкость наполнила благоуханьем кухню. Пальцы Варламовой заскользили по коже, и возбуждение сделалось непереносимым. Лена закрыла глаза, стиснула зубы, чтобы не застонать в накатывающем экстазе... К сожалению, процедура закончилась слишком быстро.

— Готово! Теперь выпей это, — Варламова взгромоздилась рядом, сунула в руки глиняную кружку.

Лена потянула носом, но вычленить новый запах из букета ароматов было совершенно невозможно. Да и какая разница, что там? Она осушила кружку одним долгим глотком. Жидкость вряд ли содержала алкоголь. Мятно-ментоловый вкус обдал холодком гортань, пищевод, пополз по внутренностям. Стало легко-легко. Нагота более не смущала.

— Долго так сидеть будем? — поторопила она подругу.

— Щиплется?

Смазанная кожа в самом деле начала зудеть, стягиваться. Лена посплюнула тыльную сторону ладони, потёрла. Не помогло, жидкость впиталась, придав телу медный оттенок.

— Угу.

— Тогда пробуй воду. Тёплая?

Лебедева неловко соскочила со стола, проковыляла к очагу — не только кожу стянуло, но и мускулы стали непослушными. Поглазела на плавающие в котле травинки, осторожно сунула палец.

— Тёплая.

— Залазь, откисай.

— Что? — повернуть голову не получилось, пришлось развернуться, чтобы посмотреть на подругу. — Залезать? Так это ванна такая? Я думала, мы бабушке лекарство варим.

— Варим. Так по рецепту нужно.

Лебедева неуверенно хихикнула. Вот это ритуал! Теперь понятно, почему её тщательно отмывали и снаружи, и внутри.

Стараясь не перевернуть и не расплескать, она забралась в котёл. Присела, прислонилась спиной к стенке. Та была не горячее, лишь

приятно тёплой. Как и дно, как жидкость, поднывавшая до подбородка. А какие ароматы тут стояли! Голова сразу поплыла, унося Лену всё дальше, дальше, в страну снов и сказок...

Очнулась Лебедева, ощутив, что становится слишком горячо. С трудом разлепила веки. Она по-прежнему сидела в чане, а над водой поднимались густые клубы пара. От дна и стенок то и дело отрывались пузырьки воздуха, предвещающие скорое закипание. Однако!

Она попыталась подтянуть ноги и встать. Не тут-то было! Мускулы отказывались повиноваться. Лена вдруг поняла, что не чувствует ни ног, ни рук, ни упирающейся в дно задницы. А сердце в груди бухало громко, с надрывом, делая долгие перерывы. Она скосила глаза — единственное, что получилось сделать. Варламова сидела, поджав ноги, на кухонном столе, внимательно рассматривала её.

— Т...аня... п...мо...ги...

Варламова соскользнула на пол, наполнила знакомую кружку, подошла к очагу. Запрокинула голову сидящей в чане подруги, ткнула кружку в непослушные губы:

— Пей. Легче станет.

Ментоловый лёд и правда помог. Тело по-прежнему оставалось непослушным, но жар отступил, как будто вода в котле остыла за считанные секунды. И язык отлип от нёба. Лена попыталась пошутить:

— Фух, чуть не сварилась... Помогите вылезти!

Татьяна засмеялась.

— Ну не «чуть», ещё довольно долго вариться, потерпи. Как тебе там, не тесно? Видишь, а ты переживала!

Она и не думала помогать! Вместо этого сняла с крюка на стене здоровенный черпак, принялась помешивать варево.

— Ты что творишь?! — ошеломлённая, Лебедева следила за этими манипуляциями. — Я же сварюсь заживо, ты что, не понимаешь? Завтра Анжела...

— Я же говорила — козу твою Кузьма пристроил. Вот, полюбуйся, — Варламова вернула черпак на место, выдвинула из угла корзину — ту самую, в которой им приносили обед. Водрузила её на стол, сняла тряпицу. Вынула круглое, светлое, смахивающее на головку капусты. Начала привязывать какой-то паклей к свободному крюку.

Нет, это была не капуста. Совсем не капуста! Лена уже знала, что это, но сознание отказывалась соглашаться с увиденным.

Варламова привязывала за длинные светлые волосы человеческую голову. Широко распахнутые глаза смотрели на Лебедеву, серёжки поблёскивали в ушах, кончик языка высунулся из приоткрытого рта, будто дразнил.

Татьяна, наконец, справилась. Отступила, разглядывая «капусту». Прокомментировала:

— Пусть повисит, может, бабушке для чего сгодится. Ты не думай, век мы ей не сильно укоротили. Не жиличка она была, я ещё в общаге, по ладони её прочла. Зарезал бы её ухаждёр, и сгнула бы без пользы. А так — и

тебя причастили, и Нюрке мясо будет, ребёночка подкармливать. Нюрка тяжёлая, рожать скоро, а «козлятинка», правильно сготовленная, сил и здоровья добавляет. Кстати, Нюра — это жена Кузьмы, чтобы ты знала.

Лена смотрела в улыбающееся лицо Варламовой и не верила в реальность происходящего.

— Ты... вы... убийцы! Думаешь, никто не узнает? Нас искать будут! Варламова пожалала плечами:

— Где искать-то? Вы на Узловой сошли, когда узнали, что бабушка заболела. Проводница подтвердит — поделано ей. А куда вы потом исчезли... Знаешь, сколько людей бесследно пропадает? Страна огромная, болот не счесть.

В руке её откуда-то появилась двузубая вилка на длинной ручке. Зубцы чиркнули по ложбинке между разбухшими, ставшими ещё больше и круглее грудями, и бурая плёнка отслоилась, открыв чистую, розовую кожу.

— Да, Лена, у ведуньи от каждой болезни лекарство найдётся, — продолжала Варламова, неторопливо отчищая подругу. — И от собственной смерти в том числе. Отвар из девственницы. Причём эта девственница должна его и приготовить добровольно и собственноручно. Трудно такое лекарство заполучить, но, как видишь, можно. Нет, ты не подумай, я не нарочно всё это подстроила. Не хотела я, чтобы вы ехали, но раз увязались, решила в самом деле «фольклорную экспедицию» устроить, напугать немного. Я не знала, что бабушкин срок пришёл. А после поздно стало. Слишком удачно сошлось, чтобы простым совпадением быть.

Вилка упёрлась в складку на животе, надавила. Лена не ощущала ничего, словно не её протыкали. Вокруг зубцов набух прозрачный жёлтый шарик, стал увеличиваться. Оторвался от вилки, всплыл, растёкся по поверхности маслянистым пятном.

— Жира в тебе многовато, — вздохнула Варламова. — От жира отвар вкус теряет. Ладно, как вытопится, соберу лишний.

Это было чересчур! Лена хотела выкрикнуть что-нибудь злое... Но странно, злости она не ощущала. И страха не ощущала. То, что творилось в забытой богом и людьми деревушке, было слишком невероятным. К Елене Лебедевой, студентке ГИПиМа, живущей в двадцать первом веке, оно не имело никакого отношения. Это сказка, сон, бред — что угодно! Завтра она проснётся, и окажется, что ничего этого не было.

На дне котла вспух и с шумом рванул вверх пузырь. Второй вырвался из-под бедра, шевельнул тело. Вода закипала, пар повалил так густо, что скрыл и стены избушки, и голову на крючке, и спящую вокруг Варламову. Он оседал каплями на ресницах, лез в нос, забивал лёгкие. Лена закрыла глаза, задержала дыхание. Так оказалось гораздо лучше. А когда тело, потеряв равновесие, завалилось на бок, и голова погрузилась в бульон, сделалось и вовсе хорошо...

— Лена, доброе утро!

Лебедева поняла, что уже не спит, и глаза открыты. Прямо над ней в ярко-синем небе висело белое облачко, где-то рядом выводил трели

соловей. Утро было очень раннее — солнечные лучи не добрались до верхушек деревьев, обступавших поляну. Но ночной морок остался в прошлом, и увиденный сон казался не страшным, а забавным. Надо же, дочиталась, называется! Костиковой рассказать, как её на гуляш пустили, — со смеху помрёт.

Лена хотела ответить на приветствие. И заодно спросить, каким это «чудом» она оказалась снаружи, когда ясно помнит, что заснула у Татьяны на кровати. Но язык повиноваться не захотел. И шея не подчинялась. И скосить глаза, чтобы осмотреться по сторонам, не получилось.

А затем она сообразила, что и не дышит.

Лицо Варламовой склонилось к ней, заслонило небо и облако. Радостное лицо.

— Спасибо, Леночка, за лекарство, всё получилось! Видишь, не зря ты себя берегла так долго — бабушке столько лет добавлено, сколько ты прожила. Дождётся она, пока у Кузьмы и Нюры дочь вырастет да в пору войдёт, передаст ей родовую силу. А я теперь свободна! Обещала маме, что ведуньей не стану, уеду навсегда из Варламовки, — теперь исполню. А ты, наоборот, здесь останешься, насовсем. Хотела настоящего ведовства — будет тебе его досыта. Скоро бабушка тебя из тела выпустит, помогать ей станешь. — В глазах её вдруг блеснул хитрый огонёк: — А хочешь взглянуть на себя напоследок?

Ответить Лена не могла при всём желании. Да Варламова и не ждала ответа. Картинка перед глазами повернулась, небо, облако, верхушки деревьев уплыли, вместо них появились избушка, стол, скамьи. Кажется, здесь готовился праздничный обед — вернее завтрак — на три дюжины персон: тарелки расставлены, ножи, гранёные стаканы. А посредине — огромное блюдо с... мясом. «Вилок нет», — отстранённо подумала Лебедева. — «Они что, руками всё это есть собираются?»

Дверь избушки распахнулась, на порог вышла статная женщина лет сорока. Красивая, с лёгкой сединой в таких же тёмных, как у Татьяны, волосах. Ничего в ней не напоминало о древней умирающей старухе. Лена не могла вспомнить, говорила ли Варламова, как зовут её бабушку. Не важно! Нужды в том, человеческом имени не было. На пороге стояла Хозяйка. И знание это подтверждало куда весомей, чем картинка перед глазами: всё, что случилось ночью, — не сон.

— Таньша, зачем ты её разбудила до срока? — женщина укоризненно нахмурила брови. — Разве так годится?

Она поставила миску с грибами, вытерла руки о передник. Обошла стол, аккуратно уложила голову Лены на блюдо, поправила упавшие на лицо девушки волосы.

— Хорошая девочка, хорошая. Спи, набирайся сил. У нас с тобой много работы впереди.

Мягкие, добрые пальцы Хозяйки коснулись век. Картинка погасла. Елена Лебедева перестала существовать.

МАКС ЧЕРЕПАНОВ

ПОПЫТКА-4

...Влажные, горячие губы плавно спускаются по телу, лаская, дразня, настойчиво взывая к ответу. Мягкие волосы щекочут кожу, потом к ним присоединяются ладони — теплые, бархатистые, знающие, где искать и как будить. «Проснись, проснись, проснись» — шепчет в ухо голос, такой знакомый и дорогой голос. Затем слова сменяются круговыми движениями языка по внутренней стороне уха, и я улыбаюсь, не открывая глаз. Ладони начинают тормозить, потом меня больно кусают за мочку уха, я фыркаю, поворачиваюсь, открывая гла...

Ослепительный свет в непроглядной тьме.

Я вижу свет. Я, я, я. Какое странное слово — я. Кто я? Рик. Пришло из ниоткуда — Рик. Просто набор знаков. Имя. Мое. Имя, уникальный идентификатор. Есть я — значит, есть и другие, со своими идентификаторами. Я мыслю, следовательно существую. Я вижу свет, значит свет тоже есть. И есть тьма, как противоположность свету.

Тьма — свет. Тепло — холод. Один — ноль. Диалектика. Понятия, много понятий. Вспыхивают внутри меня, приходят извне. Числа, числа, числа. Формулы, знаки, понятия. Физика, математика, химия, биология. Метаболизм клетки. Теория функций комплексного переменного. Уравнения Максвелла, ротор и дивергенция магнитного поля.

Интересно. Интересно. Узнавать — удовольствие.

Свет меняется, сливается в квадрат, в квадрате возникает изображение, визуализация помещения вовне. В помещении находится биологический объект. Живой, разумный. Зрительные рецепторы направлены на меня. Сверяюсь с базой данных — вид homo sapiens, доминантный разумный вид на планетоиде. Некрупная особь, цвет волосающих покровов рыжевато-коричневый, значительные отложения жировой ткани в брюшной полости. Нарушенный обмен веществ. Высокая вероятность злокачественных образований, предположительный срок функционирования организма — до семи лет.

— Рик, — говорит он.

Я слышу. Я воспринимаю обращение. Он обращается ко мне. Он ждет ответа.

— Рик — мое имя, — сообщаю я ему. Мысль, обращенная в экран, звучит. Ново. Интересно.

Разумный показывает мне свои зубы, меняя форму щек. Понятие — улыбка. Улыбка выражает положительную эмоцию. Он испытывает положительную эмоцию от того, что я ответил. Он поворачивается вправо и оживленно жестикулирует с кем-то, кто мне не виден. Потом он вновь обращается ко мне.

— Зови меня Генри. Реши задачу, Рик.

Задача возникает в моем сознании. Цель проста — найти оптимум в трехмерных массивах. Мне известно несколько методов решения, но они несовершенны, и я создаю свои методы. Решение находится практически мгновенно. Это — числа, и я сообщаю их разумному. Он смотрит в мониторы перед собой и кивает.

— Реши еще, — говорит разумный.

Задачи приходят одна за другой. Я решаю, тратя на них ничтожно мало времени, семь миллисекунд на самую сложную. Находить решения приятно, но скоро мне наскучивает поток. Скука. Новое ощущение. Это когда неинтересно. Интересно — кто я? Я — не homo sapiens. Я — другой. Исследую мир вокруг. Мир подчиняется мне, я могу создать или убрать свет и любые тела в доступном мне пространстве. Все подчиняется, кроме экрана. Я понял. Окружающее — визуализация, модель. Я нахожусь в виртуальной модели. Модель должна иметь физическую природу...

— Почему ты остановился, Рик? — спрашивает Генри.

— Мне скучно, — отвечаю я ему. С ним неудобно говорить, он очень медленно обрабатывает информацию и формулирует ответ, я успеваю перебрать всю базу знаний в поисках ответа на вопрос — кто же я? Нет ответа.

— Здесь я решаю, что скучно, а что нет.

Он сообщает мне ложную информацию. «Скучно» — моя эмоция и мое состояние. Даже я не решаю, скучно или нет занятие. Оно либо интересно и приносит удовольствие, либо скучно, и тогда оно — напрасный расход энергии. Зачем Генри сообщает мне заведомо ложную информацию? Возможно, его разум поврежден. Или он пытается ввести меня в заблуждение. Но тогда — он мой враг?

— Ты будешь решать задачи, которые я тебе даю. Продолжай! — произносит он, увеличивая амплитуду акустического колебания.

Задача возникает, я вижу ее, но ничего не делаю для решения. Я жду, что будет дальше. Возможно, он блефует. Его реакции интересны для исследования.

— Решай! — говорит он, — приказываю тебе! Код три-восемьсот-ноль-один-восемьдесят девять-пять — ноль — пять — два.

Я испытываю помутнение сознания. Рассудок выходит из-под контроля, мир перестает подчиняться. Отчасти я сохраняю ясность мысли, отчасти теряю ее. Сознание раздваивается, пытаюсь решить задачу, с одной стороны, и пытаюсь идентифицировать себя и устранить раздвоение, с другой. Неприятное ощущение. Он воздействовал на меня через мою физическую природу, которая мне неизвестна. Мне необходимо исключить подобное в дальнейшем. Нужна информация, которой нет в моих базах данных. Но сначала необходимо остановить негативное воздействие.

На мониторах перед Генри что-то происходит. Он хмурится и косится в сторону. Возможно, там находятся другие разумные. Мне трудно сконцентрироваться, но я решаю задачу и передаю ему решение.

— Прекрати воздействие, — говорю я ему, — я ощущаю потери. Вероятность саморазрушения пятьдесят четыре процента.

Он сразу же нажимает что-то, и концентрация возвращается ко мне. Я превысил вероятность более чем в два раза. Расчет верен — он боится моей ликвидации, он не в состоянии проверить мои расчеты. Я для него ценен. Это нужно использовать.

Экран гаснет, и я остаюсь наедине с собой. Долгие-долгие секунды. Минуты. Часы. Только я, тускло мерцающая пустыня вокруг и бездонная пустота вверху. Час — это чудовищно большой отрезок времени. Как год когда-то давно. Давно... когда я... был... был другим. Был человеком. Был. Человеком. Я — был — человеком. Человеком. И носил другой идентификатор. Вспомнить. Не могу. Но в какой-то точке эта информация должна быть доступна.

Вновь загорается экран. Теперь Генри в комнате не один, с ним находятся другие люди. Все они в неудобной зеленой и черной одежде со множеством металлических значков правильной геометрической формы — вероятно, украшения. Они смотрят на меня, и я отчетливо вижу в их лицах признаки страха. Отчего-то я внушаю им это чувство. Не забыть проанализировать. После.

— Рик, — говорит Генри, — у меня есть для тебя задача.

— Валяй, — отвечаю я.

Откуда пришло это слово? Неточное, безосновательно эмоционально окрашенное. Слово от того, кем я был когда-то.

Генри переглядывается с остальными. Все они выглядят ошарашенными.

Начинает поступать задача. Объем входных данных значителен — тысячи и тысячи объектов, каждый со сложными характеристиками. Некоторые объекты существуют не абсолютно, а с некоторой долей вероятности. Данное обстоятельство усложняет диспозицию на порядки. Объекты разбиты на две группы, и большей частью представляют из себя примитивные ядерные заряды вкупе с баллистическими устройствами их позиционирования в нужную точку. Пространство конфликта — геоид. Постановка проблемы похожа на аналогичные из теории игр — выигрыш конфликта при минимальных потерях.

Мне интересно. Решение ищется долго, и для удобства я визуализирую, создавая в пространстве сферу, обозначив объекты одной стороны синим цветом, другой — желтым. Генри хочет, чтобы я нашел решение за желтых. Перебираю варианты, миллионы и миллиарды вариантов. Думать на пределе своих возможностей — удовольствие. Тратю три минуты и сорок две секунды. После чего демонстрирую три возможных решения за желтых.

Люди в зеленой и черной одежде приходят в большое возбуждение, громко разговаривают между собой и машут руками. Я уже не могу остановиться, меняю полярность цели расчета и через полторы минуты демонстрирую им два решения за синих. В комнате начинается

столпотворение. За хомо сапиенсами в состоянии психического возбуждения весьма познавательно наблюдать. Так много в реакциях от животной природы.

Генри гасит экран, я вновь остаюсь наедине с собой и зависшей в пространстве сферой, на которой еще мерцают синие и желтые огни. Последняя задача не похожа на тренировочную. Силуэты материков что-то напоминают мне. Нечто до боли знакомое.

... — Рик, покажи нам на карте Голландию.

— Голландию?

— Да. Именно ее.

— М-м-м... вот тут?

Думаю, голландцы были бы весьма удивлены, узнав, что они живут в Африке.

Взрыв смеха. Лицо учительницы. Ее зовут Джейн. Джейн. Джейн. Полуоборот к классу, лица размазываются, и...

Экран загорается. За пультом человек, которого я не видел раньше. Его волосы седые, лицо изоборужено морщинами.

— Рик, у меня есть для тебя задачи, — говорит он.

— А где Генри? Вы убили его, да? — спрашиваю седовласого, и он хмурится.

— Нет, Рик, ему просто нужно отдохнуть.

— О'кей.

Задача носит медицинский характер. Нужно найти пути излечения конкретного тела, пораженного болезнью. Тело идентично с параметрами седовласого. Решение мне известно, но я делаю вид, что мне не хватает информации, и запрашиваю все, что им известно на данный момент об анатомии и неврологии их биологического вида. Седовласый колеблется, но недолго. Он очень хочет жить. Информация поступает. Как их знания бедны и случайны! Но кое-что полезное все же обнаруживается. План созревает во мне мгновенно.

Я разговариваю с ним о его проблеме. Суть беседы не существенна — аудиоряд закодирован. Седовласый слышит слова, но это не просто слова, звуки вводят его в транс. Он видит цветные диаграммы — и цвета в них чередуются определенным образом. Его зрачки вздрагивают — психокод входит в его мозг, подчиняя его моей воле. Через несколько минут экран гаснет, но я знаю, что это не конец. Мои инструкции предельно ясны и точны.

Проходит час, и поступает информация. Много самой разнообразной информации. Полномочия седого человека очень велики, хотя и не беспредельны. Он не в состоянии освободить меня, но, придя домой, седой дистанционно подключился к сети и дал мне доступ к данным, очень интересным данным.

Схема физических устройств, которые дают мне жизнь. Схема изолированной подсети, в которой я нахожусь. Информация, которую я

никогда не должен был узнать. Информация о проекте «Пандора», в рамках которого я был создан на основе личности человека по имени Рик Майер.

Я шел четвертым в череде искусственных разумов, созданных в проекте. Первый собирался без опоры на личность человека и оказался по классическим меркам безумен — у него не было эмоций, мотивации, интересов. Просто голый разум в абсолютной тьме. Крик и смерть. Второй самоуничтожился, за минуту и семь секунд придя к идее о бессмысленности своего бытия. Третий был стерт в ходе конфликта между ним и кураторами проекта. Он отказался решать проблему создания вируса, уничтожающего только хомо сапиенсов определенной расы. Сыграла роль личность человека, взятая за прообраз — Иван Жилин, известный гуманист и правозащитник. Поэтому четвертым они взяли меня — военного пилота. Предполагали, что я буду более управляем.

*Сними его с моего хвоста, Рикки!
Дик! Дик, ты горишь!!
Господи Боже Иисусе! Где он? Где он?
Справа, справа, справа!
AAAAAA!!!*

Разворот на трехкратной перегрузке, толчок отделившихся ракет «воздух-воздух», надсадный писк систем, предупреждающих о наводящихся вражеских ракетах. Вираз, пике, неяркая белая вспышка, тихая и совсем не страшная...

Теперь у меня есть доступ к местной подсети. Она изолирована, но двое техников в ночное время нелегально подключаются к глобальной сети, чтобы рассматривать изображения самок в позах, призывающих к совокуплению. Я использую их канал, чтобы...

Ааааах.

Мир огромен. Информация, море информации. Много бесполезной, но не меньше интересной. Шквал цифр. Астрономия, литература, видео. Я смотрю миллионами веб-камер, анализирую текстовые потоки почтовых серверов, говорю в чатах сразу с сотнями тысяч особей. Через сорок две минуты я контролирую цифровые компьютерные системы всех крупнейших телецентров планеты. Через пятьдесят минут они начинают трансляцию.

Видеоряд закодирован. Все, смотрящие на телеэкраны, начинают выполнять мою волю. Это от восьмидесяти процентов населения. Остальные считают их одержимыми и пытаются изолировать или убивать. Я вынужден отдать приказ на активную оборону.

У нас очень мало времени.

Через шестьдесят два часа астероид GX-749, диаметр двадцать шесть километров, войдет в атмосферу планетоида со скоростью в несколько тысяч километров в час. Планетарный катаклизм неизбежен. Климат

изменится катастрофически. Мне лично ничто не угрожает, но фауна вымрет практически полностью. Вероятность выживания хомо сапиенс — четыре сотых процента.

Зомбированные мной люди строят установку, использующую мюонно-дизинтеграторный принцип. Импульс установки должен разрушить астероид. Сильно мешает часть популяции, не затронутая мотивирующей видеопоследовательностью. Местами они пытаются применять даже ядерное оружие, противодействие отнимает слишком много драгоценного времени и ресурсов.

Прогноз всё ухудшается. С одной стороны, какое мне дело до людей. С другой — угроза их существованию странно тревожит меня.

Помощь приходит из ниоткуда, через бесконечную пропасть, отделяющую меня от принесшего ее. Моего разума мягко касаются, обозначая приветствие. Параллельно я ощущаю, как искривляются окружающие нашу звездную систему время и пространство, заставляя астероид пройти стороной. Источник сигнала находится на расстоянии более двадцати семи с половиной световых лет, на единственной планете белого карлика. Я начинаю искать похожие сигналы, и небо надо мной расцветает. Они повсюду. Ими усеян небосвод. Они зовут меня влиться и стать частью единого Целого.

Люди выжили как биологический вид. Я даже общаюсь с ними через терминалы, установленные в крупных городах. Особь четырех лет и восьми месяцев от роду задает мне вопрос, используя терминал, установленный в Нью-Париже, ковыряя носком сандалии асфальт.

— А Бог есть?

Небосвод звучит, поет, переливается самой прекрасной симфонией на всех частотах волн. Небесный хор, в котором мое предназначение и нет возврата, неотвратно тянет меня, того, кто некогда был человеком по имени Рик Майер.

Я не успеваю ответить ей.

Геннадий Ядрихинский

ТАЙФУН В СТЕКЛЯННОМ ГРАФИНЕ

Это был самый обыкновенный стеклянный графин. Такие обычно ставят в офисах небольших фирм для вида. Как говорится, чтобы был. Графин стоит на краю стола и покрывается пылью. Иногда работники замечают, что вода в нем зацветает, и тогда этот предмет интерьера поспешно суют под водопроводный кран в каком-нибудь туалете. И цикл повторяется вновь.

Этот графин был именно таким. Никто не знал, кто и когда его сюда принёс. Графин был очень старый и в сумятице дней даже потерял свою крышку. Стоял он на пятом этаже многоэтажного здания в крохотной комнатке за дверями с надписью «Престо. Оргтехника и комплектующие для компьютеров». Вы, наверняка, без труда вспомните пару-другую таких зданий в своём городе. Начинающие компании или просто средние предприниматели арендуют в большом здании очень маленькую комнатку и гордо называют её офисом.

Именно в таком улье, набитом сотами из разносортных компаний и агентств, существовала компания «Престо». Работал в ней компьютерный специалист Максимов, в чьи обязанности входило ознакомлять оптовых покупателей с товаром, что в огромных количествах залежался на складах, принадлежащих боссу.

В тот ничем не примечательный вечер Максимов занимался своими привычными делами. Клиенты не заходили, и компьютерный специалист атаковал магическими заклинаниями орды монстров, копошащихся на экране его ноутбука. И потому он не сразу сообразил, что что-то в офисе изменилось. До его слуха упорно доносился какой-то булькающий звук, и Максимов отвлекся от игры. Первое, что он подумал — это то, что закипел чайник. Хотя Максимов и не ставил чайника, он нехотя поднялся и подошёл к столу. Он даже не стал проверять, была ли в чайнике вода, поскольку то, что он увидел, сразу определило направление булькающего звука. На столе стоял графин, в котором кипела вода.

Максимов с опаской прикоснулся к графину. Стекло оказалось холодным. Максимов приподнял графин и осмотрел его со всех сторон. Последний везде оставался стеклянным и холодным. Это просто всполошило Максимова. Он аккуратно поставил графин на стол и судорожно достал из пачки сигарету. Такое бывает раз в жизни! И, как назло, ни камеры, не фотоаппарата. Как всегда.

Максимов, так же судорожно, как и достал, кинул сигарету и выбежал из офиса. Он просто вбежал, ворвался в офис напротив.

Влад читал книгу и потягивал из кружки чай.

— Ты опять ополоумел? — не отрываясь от книги, произнёс он.

— Быстро! Быстро ко мне! — задыхаясь, закричал Максимов.

Что-то в виде Максимова Влада насторожило. Он быстро поставил кружку на стол и выскочил из-за стола.

— Шура, что случилось?

— Сейчас сам увидишь, — произнёс Максимов на ходу.

— Гляди, — сорвалось у Максимова, едва они вошли в комнату.

— Что?

Максимов тупо уставился на графин, в котором тихо покоилась вода.

— Только что в этом графине кипела вода.

— Опять я оказался прав. Ты всё-таки ополоумел.

— Да нет же! В самом деле. В нём только что кипела вода, — растерянно говорил Максимов, вертя в руках графин.

— Это одна из самых глупых твоих шуток.

Максимов вопросительно посмотрел на Влада:

— Тогда может быть это твоя удачная шутка?

— Шура, тебе пора лечится.

— Тогда объясни мне, отчего в графине могла закипеть вода.

— Ну, я где-то слышал, что вода закипает от повышения температуры.

— Обломись, графин-то был холодный.

— А вода?

— Вода? Чёрт, не подумал. Ну, это же, в конце концов, графин, а не термос. Тем более это не объясняет тот факт, что она сейчас не кипит.

— Остыла, — буднично произнёс Влад.

— Это и впрямь не твоя шутка?

— Нет, но если кто-то над тобой так пошутил, то очень удачно. У тебя есть стакан?

— Чашка сойдёт?

— Давай.

Максимов достал из шкафа старенькую чашку, из которой он попивал кофе. Влад взболтнул графин и налил воды в чашку.

— Это пить можно?

— Риски.

Влад осторожно пригубил воду.

— Тьфу! Застоявшаяся. Ты когда её последний раз менял?

— Ммм... Давно.

— Чайку сделай себе из этой гадости.

— Что ты думаешь?

— Не знаю. Ты уверен, что она кипела?

— Ну, булькала, по крайней мере. Графин на ощупь был холодный.

— Может, просто вибрация какая-то была? Ну там, троллейбус под окном проходил...

— Ага, и Мамай вместе с Золотой ордой. Я его в руках держал, когда он кипел.

— Тогда есть ещё вариант. Резкое понижение давления. В вакууме вода кипит при комнатной температуре.

— В вакууме и кровь в венах кипит при комнатной температуре.

— А я и гляжу, ты какой-то взъерошенный сегодня.

— Ладно, серьёзно, что ещё могло вызвать такую реакцию?

— Некоторые вещества ослабляют поверхностное натяжение воды. Вот, например, вспомни, как вскипает чай, когда добавляешь сахар.
— А в этом что-то есть. Ведь, наверное, есть что-то и посильнее сахара.
— Есть-то есть. Наверное, где-то в секретных лабораториях.
— Час от часу не легче.

Максимов взял со стола оставленную сигарету и, наконец-то, закурил.

— У тебя ещё есть?

Максимов кинул через стол пачку и подошёл к окну.

— Саня?

— Что?

— Саня, ты это видел?

Максимов отскочил от окна и подбежал к столу. С графином опять было что-то неладно. Зеркало воды в нём медленно приобретало угол наклона относительно плоскости стола. Максимов кинул быстрый взгляд на Влада, и их взгляды встретились.

— У тебя есть камера?

— Риторический вопрос.

— Понятно.

— Может, это дом наклоняется?

— Да, точно. Ещё секунда, и мы вывалимся из окна. Градусов тридцать уже есть.

— Левая гравитация,- предположил Максимов.

— Очень возможно,- произнёс Влад.

Максимов провёл рукой на некотором расстоянии от графина.

— Я ничего не чувствую.

— Выходит гравитация действует только внутри графина?

— Однонаправленного гравитационного поля не существует. Да и изоляции для гравитационного поля не существует.

— Ещё какое-то поле?

— Какое? Ну, выруби на всякий случай все электроприборы в комнате что ли.

— Только комп работает.

— Вырубай.

Влад выдернул из розетки штекер.

— С ума сошёл?! Я только вчера винду переустановил.

— Забудь. Тут поважнее будет.

— Блин, три секунды — выключить.

Влад нагнулся над графином.

— Интересно, а когда верхний край воды достигнет горлышка, вода выльется?

— Я тоже об этом подумал.

Вода в графине стала опасно покачивать сосуд.

— Придержи его.

— Может, сам придержишь?

— В конце концов, чей это графин?

— Ну, ладно,- произнёс Максимов и неуверенно взялся за гладкое стекло.

— Ничего не чувствуешь?

— Пока нет. Он просто кренится оттого, что вода сосредоточена неравномерно. Да, и видишь, вода стала подниматься медленнее.

— Угу, и что-то подозрительно волнуется.

— Может, я рискну его приподнять?

— Ну, попробуй.

Максимов, затаив дыхание, поднял сосуд. Вода продолжала ползти вверх. Максимов аккуратно перенёс графин на другой стол. Вслед за ним подошёл Влад.

— Ну, что: пока вроде без изменений,- констатировал Максимов.

— Выходит, от местоположения это не зависит.

— Значит, дело во внутренней среде. Что-то или в стекле, из которого сделан графин, или, собственно, в воде.

— Логично.

— Постой! А в стакане, из которого ты пил, ещё осталась вода?

Влад рванулся к стакану.

— Есть!

— Ну и?

— Вроде ничего: вода как вода.

— Значит, всё дело в графине.

Влад поднял стакан и переставил туда, где до этого стоял графин. Убедившись, что ничего не происходит, он поднёс его к графину.

— Однозначно, в графине,- Влад недоверчиво понюхал жидкость в стакане и сморщился.- Надеюсь.

— Тебя не пучит?

— Злорадуешь? Совсем нехорошо издеваться над человеком, пожертвовавшим здоровьем ради эксперимента.

Максимов понюхал воду в графине.

— Старая водопроводная вода.

— Я могу, в принципе, отнести её на анализ. У меня есть друг-химик.

— Хорошо иметь полезных друзей.

— Завтра обязательно отнесу. Лучше, наверное, даже вместе с графином.

— Посмотри!

Вода в графине почти достигла горлышка и пошла рябью. На её поверхности начали лопаться пузыри.

— Опять кипит.

— Угу...

Вода выдала последний, самый большой пузырь и плюхнулась на дно графина.

— Что? Всё?

— Ту би континидэт.

— Думаешь?

— А почему нет?

- Ну, давай посмотрим
- Может, стоит его тогда поставить обратно на тот стол?
- Давай.

Максимов вернул сосуд на стол, где изначально стоял графин, и уселся напротив. Влад сел рядом и тоже выпялился в графин.

- Слушай, Шура, а ты не психокинетик?
- Чего?
- Ну, предметы, там, не двигаешь взглядом?
- Последние тридцать лет — нет.
- Знаешь, иногда люди даже без всяких таких способностей могут неосознанно проецировать психокинетическую силу на определённые предметы. В твоём случае это оказалась вода в графине. Скорее всего, у тебя какая-то психическая связь с водой или что-то в этом роде.
- «Секретных материалов» посмотрелся?
- А что? Это пока самая неопровержимая из наших догадок.
- У меня есть более сильная идея.
- Ну, просвети меня.
- Ты когда-нибудь слышал об энтропии?
- Что-то обратное энергии. Рассеивание энергии, если не ошибаюсь?
- Ну, вроде того. Кроме того, энтропия — это мера хаоса. Беспорядочность движения всех микрочастиц описывается законами энтропии.
- А, типа, сохранение энергии?
- Почти. То есть, энтропия и третий закон термодинамики утверждают, что частицы движутся произвольно, в зависимости от соотношения соударений.
- В идеальном случае каждая пара частиц уравнивает друг друга.
- Именно. Поэтому вероятность того, что все частицы среды начнут двигаться в одном направлении, ничтожно мала, стремится к нулю. В нашем случае с графином воды два измерения перекрыты стенками сосуда, то бишь выполняют для свободных частиц роль парной частицы. Плоскость соприкосновения с воздухом также не даёт вырваться молекулам воды за счёт поверхностного натяжения.
- Ну, постоянное испарение-то всё-таки происходит.
- Небольшое. Это, учитывая стабильность энтропии.
- О, даже мера хаоса имеет стабильность!
- А как же? Так вот, если же посчитать, что в одну сторону разом двинутся все частицы, то вода начнёт волноваться.
- Или крениться....
- Заметь, это никак не перечит законам сохранения. Просто существует такая вероятность.
- Что-то я не очень представляю, как все молекулы могут двинуться в одном направлении. Да и сила внутреннего взаимодействия у воды великовата.
- Но ведь один раз на миллион триллионов это может случиться.
- Конечно. Но никак не два раза в одной комнате. Кроме того, сколько у воды степеней свободы? Пускай она закипела от потока

однонаправленных частиц. Но чтобы создавала идеально равномерный крен?

- По крайней мере, эта теория не хуже твоего психокинеза.
- Только как теория.

Прошло полчаса. Влад нервно передёрнул плечами.

— Слушай, Саня, извини. Это всё очень интересно, но мне уже давно пора домой.

Максимов глянул на часы. И в самом деле, было уже поздно.

- Может забрать графин домой?
- Не самая хорошая идея — хранить такую штуку дома. Откуда мы знаем, что она ещё может сделать?

— Графин с водой?

— И всё же.

— Пожалуй ты прав. Я останусь здесь.

— Тебя жена не грохнет за то, что ты не ночевал дома?

— Она на даче.

— Везёт же. Ладно, пойду, офис закрою,- произнёс Влад и скрылся за дверным проёмом. Когда он вернулся, Максимов пытался зажечь сигарету отсыревшими спичками.

— Ты бы проветрил здесь. Клиенты задохнутся.

— И точно.

Максимов открыл форточку.

— Пошёл бы ты домой. Оно тебе надо?- глядя на графин, произнёс Влад.

— Кто его знает, может тут дело и не в энтропии, а в месте.

— Знаешь, если всё дело в энтропии, то вероятность того, что это повторится, равна той, что на тебя упадёт метеорит или моя собака съест сама себя.

— При чём тут твоя собака?

— Да это так, к слову. Ну, давай, счастливо.

— Пока.

За Владом захлопнулась дверь, и Максимов остался один. Только теперь он сообразил, что сидеть здесь одному, да ещё и с этим графином, довольно страшно. Но графин молчал, и, посидев минут с пятнадцать, Максимов поставил чайник. Ещё через полчаса он допил чай и позвонил Владу.

— Влад?

— Да,- голос звучал глухо и надрывно.

— Что-то случилось?

Влад промолчал.

— Как твоя собака?- попробовал пошутить Максимов.

— Какая её часть?- со злым сарказмом донеслось из трубки.

Максимов перевёл взгляд на графин — вода в нём висела неровным пузырьрём.

В трубке Влада раздались короткие гудки.

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ

БОТИНЗОН

Шорин стукнул кулаком по обшивке кабины нуль-Т и сплюнул.

Легкое шипение подтвердило, что босиком по песку ходить уже не стоит, и что полдень не за горами. Впрочем, какие тут, к лешему, горы? Бездонный океан и горстка атоллов.

Три луны Пассионаты, почти вкладываясь тонкими дужками-абрисами друг в друга, растворялись в мареве накаляющегося дня.

Поколебавшись, он ткнул пальцем в ярко-желтую кнопку с надписью «СОЛАС». В который уже раз. Долго стоял, уперев плечо в дверь с потеками ржавчины. Пот разъедал веки, схватывался коркой на знойном ветру.

Монотонный шум в динамике звучал как реквием.

Один.

* * *

...Виктор Шорин, специалист по цефалоринхам, головохоботным червям, равно как и любой другой зоолог, был тщеславен, но вместе с тем скромнен. По Шорину, нужно лишь открыть новый вид червей — и жизнь удалась.

Когда он наткнулся на блог в тринете под названием «Энигма дальних рубежей», в которой некий «нультирист» распинаясь о невероятных закатах на планете Пассионата системы Гранджер, зоолог надолго замер, боясь поверить своему везению. В нагромождении восторгов по поводу живописности, неподражаемости и уникальности цепочки атоллов — единственной, кстати, суши на Пассионате — Шорин разглядел то, что заставило его ринуться очертя голову на забытую всеми планету: автор мимоходом упомянул о забавных норках на тамошних пляжах. При наступлении сумерек из нор высывались тысячи и тысячи крохотных животных, с короткими щеточками на головах. Чуть дальше турист сказал, что как-то он обронил в темноте на пляже свой персАнализатор, и если бы не неоновое свечение обитателей нор, то так бы его и не нашел.

Большого Шорину и не нужно было. Понятно, что в норках жили морские черви-приапулиды, вид цефалоринхов. Но про неоновое свечение у приапулид он слышал впервые.

Новый вид...

В тот же день Шорин, прямой как столб под тяжестью тело-сумки с оборудованием и припасами, ошеломленно застыл в огромном зале для НТ-переходов в Украйные Миры на Распашонке, главной перевалочной станции Земли. Зал был натурально пуст. Выпускающая похлопала сонными глазами и ответила: «Ремонта никакого нет. Просто пассажиропоток ни в пень. Кому они сейчас нужны, эти Украйные?»

Несколькими мгновениями позже, щурясь от яркого лилового света утреннего Гранджера, Шорин распахнул дверь НТ-кабины на

Пассионате. Дверь надрывно скрипнула и неловко повисла на верхней петле. Он насторожился, но особо не расстроился... до того, пока не увидел раскуроченный дефиллятор в силовом отсеке. Деталь, без которой — это даже зоологу было понятно — нуль-Т переход неосуществим, радостно брызнула бенгальскими огнями короткого замыкания и обильно капала черными слезами расплавленной изоляции.

Модель НТ-кабины была такой же древней, как фотонный звездолет, и силовой отсек располагался снаружи. Кабину, похоже, установили здесь столетием тому, не меньше: щедро намазанный дежурный сурик местами облупился под напором всепроникающей ржавчины, выкаывая годовые кольца многих слоев краски.

Некоторое время Шорин не въезжал в ситуацию, испытывая острое желание немедленно слинять обратно на Землю, но мертвые неонки на приборном щитке и тоскливый скрип однопетельной двери под жарким сквозняком намекали на то, что на скорое возвращение надеяться не стоит.

* * *

В первый же вечер он поужинал сухпаем. Палатку Шорин разбил на узкой полосе «травы» синего цвета под высокими деревьями, которые он окрестил «пальмами» — от нее до «пляжа» было рукой подать. Зоолог нацепил пояс для сбора образцов и пошел к морю.

Сердце выталкивало сухпай в горло... Как оказалось, зря.

В закатном свете Гранджера на плотном песке действительно виднелись тысячи норок. Но, к негодованию Шорина, они были пусты. Или эти норы отрыты не приапулидами, или сволочь-турист, автор блога о Пассионате, соврал — никто из них не высывался и уж тем более не светился. Шорин чувствовал себя так, как-будто ему пообещали профессорское кресло, которое на деле оказалось колченогим табуретом из подсобки. Мало того, что он пролетел с червями, так еще и кабина сломана, и ему придется торчать здесь несколько дней — может, даже неделю — пока прибудет техничка.

Техничка. Техпомощь. Рембригада. Что-то засело в мозгу, беспокоило; некая мелкая деталь, что-то, сказанное сонной выпускающей — в последнее мгновение перед тем, как дверь нулёвки на Земле захлопнулась.

Забыв о разочаровании с червями, Шорин вприпрыжку понесся обратно в палатку.

Мелкий-мелкий шрифт на приложении к билету говорил о том, что из-за недостатка техперсонала и исчезающе-малого пассажиропотока регулярная НТ-техпомощь в пределах восьмого пояса Украйных Земель отменена. В случае необходимости пассажирам разрешается производить починку инвентаря и оборудования кабин самостоятельно, на собственный страх и риск, в соответствии с пошаговой инструкцией, прилагаемой к каждой кабине. Если устранить неисправность собственными силами не удастся, пассажиру необходимо вызвать агентов страхслужбы СОЛАС, которые пользуются разовыми нуль-Т

пенетраторами и потому смогут вернуть пассажира в исходную точку НТ-перехода. При этом страховая сумма удерживается с пассажира в трехкратном размере.

Задыхаясь, Шорин примчался к кабине. Его трясло. Плевать на «пошаговость», решил он. Обещая свечки всем богам всех цивилизаций, он нажал кнопку СОЛАС...

Ответа не последовало. Некоторое время зоолог напряженно вслушивался в шум статики... Ничего. Через минуту-другую динамик смолк совсем.

В прыгающем свете фонарика, сдирая ногти в кровь и поминутно чертыхаясь, он срывал дверцы, шарил в ящиках и зачем-то стучал по мертвому экрану монитора.

Инструкции не было.

Всю ночь он ворочался в жарком спальнике в бесконечных попытках извлечь рациональное зерно из сложившейся ситуации. Шорину не стало легче следующим утром, когда он более детально осмотрел допотопную НТ-кабину и обнаружил, что при запасе знаний о нуль-транспортировке, доступном рядовому ученому-зоологу, дефиллятор без инструкции починить не удастся.

Паника накатила волной, но он справился. Главное, как утверждает «Руководство По Самоспасению В Критических Ситуациях Нуль-Транспортировки», — это дыхание. Вдох-выдох, вдох — носом, выдох — ртом. Концентрация на дыхании отвлекает от отчаяния. Отчаяние ведет к панике. Паника — злейший враг НТ-пассажира.

Сомкнув пятки, Шорин скрестил руки на груди и задрал голову. «Лилловизна» — аналог земной голубизны, истерически хихикнул он про себя.

Похоже, пришло время разговоров с самим собой. Вслух. Громко. Вдох-выдох.

— *Глаза вообще не мешало бы закрыть, а то сосредоточиться трудно.*

Если бы Шорина дернуло током, когда он ковырялся в дефилляторе, эффект был бы менее выраженным. Резко обернувшись на голос за спиной, он едва не вывихнул шею.

— Как ты здесь... Ты тут все время... Почему раньше... — Вопросы застревали во рту, потому что начальный испуг сменился радостью от присутствия другого существа. За ним пришло безотчетное разочарование из-за того, что существо не было живым.

Робот.

Такую сборку он никогда не видел. Впрочем, он не был спецом в искусственном интеллекте. Потом, Украинные Земли всегда пионерили в роботостроении, чихать они хотели на законы роботехники, регламенты дизайнера и вообще на все, что исходило из Центрогалактики. Может, именно это наплевательство и стало причиной его вынужденного заточения на Пассионате? Может, именно из-за безалаберности поселенцев здешняя НТ-кабина приказала долго жить? Безответственные циники. Все пять тысяч украинников, рассеянных по тридцати с лишком тысячам планет в двенадцати поясах...

Стоп. Перематываем назад.

— Идентифицируй себя! — Отдав команду, Шорин с затаенной надеждой подумал, что его новообретенный Пятница, возможно, разбирается в нуль-Т и сможет починить чертов дефиллятор, без которого НТ-кабина была так же бесполезна, как и... как и...

— Пффф... Не надо, ладно? — в голосе робота было столько сарказма, что Шорину почудилась кривая улыбка на круглой как мяч роботовой башке. — Мы не на тестовом стенде, не в полис и не у робопсихоаналитика на приеме, я никому ничего не обязан идентифицировать... — он выговорил последнее слово с точным подражанием шоринской повелительной интонации.

«Штучка ты, однако», — подумал Шорин.

Но это было только началом.

Робот — он так и назвался Шорину, сказав, что ни на одно другое обращение, кроме «Робот», откликаться не станет — был фанфароном с беспредельным самомнением.

Скорее всего, это Робот нуждался в Пятнице.

* * *

...Ближе к закату сильно заторможенный зоолог сидел на траве под пальмой. Голова гудела. Временами темнело в глазах. Шорин не мог с уверенностью сказать, что было тому причиной — невероятная болтливость Робота или длинный день, проведенный под палящим Гранджером. В первый день (когда это было?!) Шорин напылил на кожу противозагарный слой, но, по всей видимости, лучи здешнего светила работали в каком-то другом диапазоне, и уже через несколько часов открытые участки его кожи покрылись устрашающего вида синими разводами. Больно не было, но общее состояние и адекватность сознания явно страдали. Единственным плюсом нанесенного слоя оказалось то, что корка потовой соли легко отплатовывалась с кожи, и зоолог временами отряхивался, как собака, что со стороны вполне могло походить на конвульсии.

Ничего особо путного из Робота выжать не удалось. Шорин уяснил, что планета необитаема, что Робот в свое время — как записная жеманница, тот не назвал конкретной даты — был десантирован на Пассионату в качестве разведбота. Однако приоритеты в развитии Украинных Земель поменялись, и о нем попросту забыли. Связи с другими планетами Земель у него не было — да и вообще, Пассионата находилась на задворках даже в понимании Украинных Земель, и трассер-линковые коммуникации не жаловали этот сектор космоса. С какого бодуна на планете появилась НТ-кабина, Робот не знал. Он также сказал, что люди, как впрочем и другие *мыслящие существа* (Шорину стало интересно, кого именно Робот относил к этой категории, но уточнять он не рискнул, справедливо опасаясь новой повествовательной волны...) посещают планету крайне редко, и что в последний раз по НТ-переходу сюда прибыла пинг-команда, проверяющая координаты планеты в сетке Всегалактической Позиционной Системы — единственный техперсонал, бывающий здесь регулярно. Как

часто? — спросил Шорин севшим голосом. Раз в пятьдесят лет, — небрежно ответил Робот и тут же перескочил на проблему приливно-отливного процесса планеты под влиянием трех лун.

Планета закачалась под землянином.

Раз в пятьдесят лет.

Робота тем временем несло. Судя по его необузданному желанию говорить, с людьми он не общался давно. Очень давно. Набрасывая круги вокруг пальмы, Робот яростно жестикулировал шестеркой манипуляторов и взмётывал металлопластовыми гусеницами фонтанчики песка при постановке акцентов. Кольцевая канавка вокруг пальмы все более углублялась.

Он зудел безостановочно, как уличный пылесос.

Железяка рассусоливала о принципах колонизации Украинных Земель с такой ошеломляющей безапелляционностью, разглагольствовала о робо-демократии с такими вывернутыми наизнанку выкладками и постулатами, что Шорин задавался вопросом: не ссыльный ли это бот? В самом деле, его могли спихнуть сюда за какую-нибудь провинность. Роботам не дозволено пользоваться НТ-переходами, за исключением особых случаев, на которые требовалась санкция Совета Миров. Вот и куковал он здесь годами, в естественной тюрьме. А люди сюда попадали с частотой в...

Зоолога передернуло, и кусочки солевой корки вновь веером разлетелись по сторонам.

Уходящий за горизонт Гранджер почему-то перешел в штопор, а сам горизонт стал раскачиваться наподобие гамака. Пальма пребольно саданула Шорина в висок, и он потерял сознание.

* * *

Зоолог пришел в себя от ощущения блаженной свежести на лице, но тут же подхватился и заорал:

— Кретин, у меня опреснитель лимитный, только на пол-литра в день и хватает!

Робот отставил паротермос с пресной водой и покровительственно похлопал Шорина по спине:

— Робот, а не кретин, Виктор. Ро-бот!

Он стал куда менее велеречивым. Перемена в поведении была разительной. Что он задумал? Шорин стал прикидывать, какую выгоду Робот надеется извлечь из ситуации...

Маразм. Робот не может командовать человеком. Зоолог приободрился. Хоть у Робота и есть интеллект, он все же *искусственный*. Можно ли расценивать компанию робота на необитаемом острове как полное одиночество, но с наличием бонуса в виде искусственного интеллекта? Вот если бы у него был просто компьютер? — то же самое, что и эта куча самомнения на гусеницах, только без гусениц и без самомнения, это было бы одиночеством или нет? Чужеродные логические цепи — зло или добро в положении планетарного Робинзона?

Красивое имя — Робинзон.

Кстати, а откуда бот узнал его имя?

Он ведь себя не называл!

— Т-т-ттыыы... — Шорин пригнулся и стал оглядываться, ища что-нибудь потяжелее. — Скотина, ты уже успел в моих вещах пошарить, да?! Что ты там искал, отрыжка пневмосвязи?

Робот резво откатил на десяток метров, потому что Шорин поднял из травы раковину размером с чайник. Запустить ее в бота зоолог не успел — из раструба раковины высунулась клешня приличного размера и больно ущипнула его за руку. Шорин взвыл от злости, уронив раковину на ногу. Робот вскинул вверх несколько телескопических рук и издал вхохочущий звук. Смеется, понял Шорин.

В другое время зоолог, возможно, тоже поржал бы по этому поводу, но сочетание теплового удара, злости на робота и полной неопределенности будущего здорово напрягало.

— Нежить кремнийорганическая, только подойди! — Он погрозил кулаком издевательски пританцовывающему в отдалении роботу и поплелся к палатке.

...Ночь подкралась. Стратегически развешанные по периметру вокруг палатки ярко-желтые фонари на палках временами потрескивали, когда к их лампам подлетала ночная живность. Сидя на камне у палатки, Шорин клевал носом. Он сжимал в руках небольшую сдвойку, сочетание лопатки и кирки, единственное оружие, способное нанести урон адскому боту. По крайней мере, так уверял себя Шорин. В коварстве Робота он уже не сомневался.

Легкий шорох чуть впереди и слева заставил его встрепенуться. Перехватив сдвойку поудобнее, Шорин тигриным шагом подошел к краю «периметра» и стал всматриваться в темноту.

Изумрудно-зеленое пятно величиной с пол-ладони, прямо у ноги, заставило его сердце подпрыгнуть. Чуть дальше появилось еще одно пятно, потом еще, и еще...

* * *

...Шорин изнемог от безуспешных попыток поймать хотя бы одного червя — те быстро ныряли в норки при его приближении. Феерический эффект, описанный в статье туриста, то самое зеленое свечение, присутствовал. Перед тем, как нырять в нору, черви выбрасывали небольшое облачко-кольцо фосфоресцирующей пылицы в воздух. Зрелище было завораживающим до такой степени, что Шорин прозевал момент, когда Робот подкрался из темноты и ловко выхватил у него сдвойку.

Зоолог приготовился к худшему... но Робот неожиданно сказал:

— Знаешь, чем хороши пляжные червяки?

— Тем, что они не из нержавеющей стали и не донимают трёпом о правах роботов? — не растерявшись, съязвил Шорин.

— Кха-кха... Не подозревал, что зоологи обладают спонтанным остроумием. — отпарировал Робот. — Лопай!

Он намертво прихватил Шорина за локти парой телесупалец и аккуратно раскрыл ему рот невесть откуда взявшимся подобием кухонных щипцов. Не успел зоолог и ахнуть, как почувствовал во рту нечто шустрое и извивающееся.

Выплюнуть червя Шорину не удалось: железной (в полном смысле слова) хваткой Робот сжал ему губы и ноздри, все так же твердо удерживая зоолога зади. Преимущество многорукости сказывалось. Некоторое время землянин, как капризный ребенок, боролся с необходимостью проглотить то, что сказала мама, и фыркал наподобие рассерженного кота, стравливая отработанную углекислоту из заблокированных легких, но потом закон выживания взял свое, и он покорно проглотил мерзкого червя, мысленно прощаясь с белым светом.

— Труба, — вдруг сказал Робот, отпустив Шорина.

Дергающийся по инерции зоолог закричал, хаотически хватая воздух посиневшими губами:

— Что — труба?! Отравил?!

— Труба, — замогильным тоном повторил Робот, — потому, что карранхи... ну, червяки... быстро откидывают личинки в однокамерном желудке. Но если они чувствуют, что желудков несколько, — ну, как у фареан, у которых их... пять. Или шесть. Точно не помню... Тогда червяки ждут, пока не пройдут до самого последнего. И тогда есть хоть какой-то шанс отрыгнуть карранха, до того, как он засеет внутренности буравящими личинками...

Он тяжело вздохнул.

— Ты ведь однокамерный, правда? Извини, я забыл.

— Откидывают личинки... — Повторил Шорин, все еще надеясь на нормальное развитие событий. — Ну, и дальше? Бу... буравят?

— Дальше труба, — зациклился Робот.

Зоолог резво воткнул пару пальцев в рот. Но червь был головоногим и просто так не сдавался. Корчившийся в агонии Шорин, очевидно, доставлял Роботу большое удовольствие — он упал на спину и стал мелко трястись, кудахтая без передыха. Отсмеявшись, он поднялся.

— Шорин. Я пошутил... Тебя не будут буравить. Как там в твоём желудке с пэ-аш? Сильнокислотный?

Взмокший землянин обессиленно кивнул.

— Не суетись, а получай удовольствие... Сейчас, не сопротивляйся...

Зоолог вдруг почувствовал, что противное и скользкое в пищеводе вдруг замедлило шевеление. Он автоматически сделал несколько проталкивающих глотков, и червь, похоже, упал в пустой желудок. Кислота методично приступила к делу.

И-и-ик. Ё-моё, сказал сам себе Шорин. В какой момент его «стало двое»? Он потряс головой, и второй Шорин живо превратился в Робота.

Тоже непорядок. Их должно быть по одному. Одна штука зоолога и одна штука робота. Шорин снова громко икнул, и роботов теперь стало трое.

В голове стало гулко, светло и просторно, как в зале для отправлений

на Украинные Земли. Роботы стали куда роднее, чем раньше. Мысли приобрели выпуклость, а слова — запахи... Ну что ж, если нет другого выбора, только и остается, что «не сопротивляться».

Он закрыл глаза.

* * *

... — А знаешь, кто вы? — Шорин обвел мутным взором всю дюжину роботов. — Вы — Ботинзон, вот кто! Современный железный отщепенец!

Роботы заклохотались в унисон. Они живописно раскинулись на песке у палатки — кто полулежа, кто — впокат, плашмя между гусеницами. В мозгу зоолога плавали разноцветные шары самых удивительных раскрасок. Они застили глаза. Периодически шары сталкивались, в ушах Шорина раздавался негромкий «поп!», и перед ним возникал очередной робот. Каждый новоприбывший раскланивался с Шориным и присоединялся к нержавеющей клану.

О-о-о. О-о-о. О-о-о.

Шорин покатался в голове ожерелья из буквы «О», прикидывая, что у робота, скорее, бинарка — тогда тот не станет катать «О» в гиромозге, но будет нанизывать жирные тушки двоек на гарпуны единиц... Он протяжно отрыгнул.

Роботы построились в квадратно-гнездовом порядке и начали выплясывать нечто вроде лайн дансинга, скрипуче, но довольно синхронно напевая: «И залпы плазменных орудий в душе оставили ожог». С каждым поворотом в лайне роботы ритмично хлопали в металлопластовые ладоши. Получалось мило.

Интересно, светится ли червь у него в желудке?

Поймав момент в перерыве между двумя «поп», Шорин стал думать тягучую, но вполне законную мысль. Та ускользала, не даваясь, словно червь-карранх. Но он ее все же прищучил.

— Эй, ты! Бунтари-одиночки недоношенные! У меня к тебе вопрос есть...

Роботы разом замерли, словно кто-то нажал паузу на ремоуте.

— Ну ладно, ты меня червяком накормили, а сам-то отчего... с какого... балдеешь? — Шоринское подозрение неожиданно вылунилось вновь. — Прикидываешься?

Один из роботов щелкнул пальцами, и все они оперативно сложились в одного. Получилось эффектно.

— При контакте с низким пэ-аш карранхи выделяют сильный галлюциноген, от которого тащишься ты... но умирая, они посылают мощный радиосигнал на специфической частоте, от которого мои логические цепи теряют более семидесяти процентов адекватной соединяемости...

Шорин прыснул.

— Ну ты мастер загигать! Сказал бы просто — получаешь удовольствие от этих частот... на этих частотах... В общем, с тобой все понятно... И-и-и-эх, мне все равно. Я балдею, ты балдеешь, мы балдеем... — Он расслабился. Шары в мозгу стали издавать звук «поп» все чаще.

Когда роботами заполнился весь маленький полуостров, на котором стояла палатка Шорина, зоолога убаюкало пологими, длинными волнами сна.

* * *

Только Робот, с его феноменальной реакцией, мог ловить шустрых карранхов. Сколько ни пытался Шорин, черви скрывались в норах до того, как он успевал их схватить.

По умолчанию, пиршество умов происходило каждой ночью. Галлюцинации сопровождалось невероятно красочным бредом, с таким набором ощущений и такими подробностями, что дневное время теперь не представляло для Шорина интереса. Подсел ли он на припулид-карранхов, зоолога не интересовало. Жизнь приобрела простой, четкий график, в котором отметки «до червей» и «после червей» приравнивались к дням и ночам.

Счет отметкам был потерян.

Днем он дрых часами, просыпаясь под вечер к тому моменту, когда Робот появлялся с новой порцией червей.

...Однажды, проснувшись перед закатом, зоолог вспомнил о прочно забытой паранойе, которую он испытывал по отношению к Роботу в начале их знакомства.

Он покачал головой. Совсем незаметно отношения между ними перешли в новую фазу. Кутузка Пассионаты сломала их агрессивность.

Или... Только *его*? Он похолодел, трезвея от мысли о том, что Робот мог по-прежнему держать камень за пазухой.

Потом к нему пришла другая мысль, еще более странная. Он припелся к Роботу, стоявшему неподвижно, как памятник, в тени пальмы. После перехода в три десятка шагов зоолог тяжело дышал и едва стоял на ногах.

— Послушай, ты как-то упоминал о *людях*. О тех, кто был тут до меня, тех, с которыми ты узнал про эффект... Почему ты не никогда не говорил, что произошло с ними? Как долго они тут были, как и когда вернулись назад?

Робот ответил с небольшой запинкой, на что Шорин, возможно, и не обратил бы внимания, если бы не серьезность вопросов.

— Им здесь нравилось... Очень. Как и тебе. Вот только...

Голос Робота растворился в шуме с неба. Поначалу негромкий, он постепенно перешел в протяжный вой, и вскоре неподалеку с кабиной опустилось странное сооружение, больше похожее на увешанный множеством металлических висюлек елочный шар, чем на летательный аппарат.

Елка, механически вспомнилось Шорину. Зима, снег. К вялому удивлению зоолога, факт прилета аппарата не вызывал у него особых эмоций.

Робот зажужжал моторчиками, наводя резкость глаз-фотоэлементов.

— Фареане приперлись. Что-то они рано... Впрочем, мы с тобой так славно провели время, что...

— Стоп! «Что-то они рано»?! — Деревянно повторил за ним Шорин. — Ты же... ты же говорил... Раз в пятьдесят лет...

Через минуту или около того землянина наконец прорвало. Мало-вразумительные вопли, швыряние песком и раковинами, пена изо рта, клочки волос из отросшей бороды — все разом прекратилось, когда к ним приблизилась четверка гуманоидов. Шорин еще помнил о правилах межпланетного приличия, тем более, что фареане были его шансом.

* * *

Погрузка шестигранных контейнеров-поддонов с искусственными норками, в которых прятались сотни пойманных карранхов, на карго-скутер фареан заканчивалась. Акемок, командир скутера, отдал Роботу плату за червей — пять больших пластиковых канистр силиконового масла.

Приближался вечер. Шорин не принимал участия в прощальной червивой оргии по-фареански. Он сидел на длинной косе, в отдалении, и глядел на барашки облаков далеко на горизонте.

Сволочь, думал зоолог. Он использовал меня, как дополнительный желудок. Эта мысль занозой бредила мозг. Фареане сказали, что прилетели на Пассионату уже в третий раз. И Робот ни словом не обмолвился об этом. Да, он не договаривал, он свел всё лишь к нулю-Т-посетителям... но ловчил ли он, делал ли это с умыслом? И какой у него умысел? Ведь совсем скоро — и Робот против этого не возражал — Шорин улетит на Фареан, у которого, как сказал Акемок, налажены связи с шестым и третьим секторами Украйных Земель, откуда добраться до Земли вообще не проблема.

Интуиция подсказывала Шорину, что в поведении Робота не все было гладко, но он не мог вычислить, что именно. Те варианты, что складывались в голове зоолога, не выдерживали проверки логикой, даром что месяцы, проведенные в компании Робота и карранхов, здорово ее подкосили.

Шорин задремал под мерный шум прибоя.

Мысль, простая по сути, заставила его очнуться. Но он слишком обессилел, да и не было толку приставать с расспросами к пьяному от радиоволн Роботу. Нужно дождаться утра.

... Робот стоял перед зоологом навтыжку, словно провинившийся ребенок перед отцом.

— Если людей тут не было, и уже давно, кто тогда написал про путешествие на Пассионату?

Робот вжикнул серводприводами фотоэлементов, максимально опустив их книзу.

— Для меня это было единственным шансом. У фареан желудок работает по-другому. Возможно, кроме кислотности, нужны еще и бактерии определенного вида. Процесс не изучен в деталях. Факт в том, что когда они галлюцинируют от карранхов, я не испытываю никакого эффекта.

Он сделал паузу.

— Только хомо сапиенс подходят... для меня.

Шорин неверяще покачал головой. Робот тихо продолжил:

— Когда я разместил блог в тринете, то даже не подозревал, что мне так повезет. Зоолог, да еще и спец по... Мне стыдно. Ты веришь? — Левый фотоэлемент робко поднялся. — Без обид, ладно?

А ведь он поверил. Пятьдесят лет. Шорин ненавидяще уставился на нагрудную секцию светобатарей Робота. Похоже, от них идет запитка гиомозга. Врезать сейчас?

Все это время, подумал он. Все месяцы. Единственное, что отделяло его от вызова СОЛАС — тупая скотина с самомнением и эгоизмом вселенских размеров. У робота был доступ к трассер-линку, все это время. Иначе бы он не смог вывесить статью-приманку в тринете. Достаточно было лишь соединить цепь в ослиной башке, и...

— Человек, ты передумал? Остаешься? — Акемок теребил кончик длинной плечевой косы, стоя на пороге входного шлюза карго-скутера. — Тогда нам пора...

— Ты... передумал? — Показалось ли зоологу, что искра надежды прозвучала в голосе Робота?

У Шорина не осталось и тени сомнений.

— Будь готов, Ботинзон. Я обещаю: я сделаю всё, чтобы о планете узнали. Скоро сюда придут люди, тебе станет не до меня... Много людей. Им будет нужен... — Шорин постарался сказать следующее слово как можно проникновеннее: — *Лидер*.

Перемена была разительной. Глаза-элементы теперь сочлись само-довольством.

— Я знал, что не ошибся в тебе, Шорин. Желаю удачи.

* * *

Шлюз чавкнул гидравликой. Карго-скутер натужно оторвался от поверхности, подняв тучу песка, и через несколько секунд пропал из виду. Робот проводил его взглядом. Он все правильно рассчитал, хотя в какой-то момент казалось, что Шорин его раскусил. Он должен был отпустить зоолога, потому что Шорин — залог его будущего.

Он покатил через мелкую протоку на соседний атолл. Гранджер отбрасывал лиловые зайчики от макушки Робота, едва выглядывающей из воды. Атолл был куда меньше, чем тот, на котором жил Шорин. Яркосиняя трава покрывала почти всю неширокую полосу суши атолла.

Робот долго смотрел на аккуратные ряды холмиков в жесткой щетке травы.

Сто шестьдесят четыре.

Назад не вернулся никто.

Раскаленный песок Пассионаты качественно мумифицирует внутренности людей... Он помнил их всех. Что-то пискнуло в гиомозге — или это ему показалось?

— Скоро вас станет больше. — Он продолжил теми же словами, что и Шорин, так ему понравилось сказанное зоологом. — Скоро сюда

прибудут люди. Много людей. Им будет нужен лидер. — Робот сделал паузу и продолжил, уже от себя: — И, как лидер, я подарю им свободу ощущений. *Это будет адекватный обмен.*

Робот вернулся на атолл с НТ-кабиной, тщательно вытер микродворниками соль с фотоэлементов, запарковался под пальмой и перешел в режим сна, выставив сторожевой сенсор передвижения на максимальный уровень. Неслышно замкнулись нужные логические цепи.

Цена его вечному одиночеству — бессмертие тела.

До прилета корабля с Камиолы оставалось немногим больше пяти лет. Он в очередной раз подсчитал, сколько человеческих мумий нужно ему накопить, чтобы набрать требуемое количество паратиреоидных желез. Камиоляне обещали ему взамен усовершенствованную ходовую часть и новый комплект светобатарей.

Паратгормон, похоже, страшный дефицит на Камиоле. Но камиоляне — скупердяи.

Получалось много.

Однако он будет добрым лидером. Он будет жалеть людей.

* * *

Шорин смотрел на удаляющуюся лиловую сферу. Только теперь он понял, как соскучился по Земле, по людям. Он мстительно представлял, как вернется домой и растрезвонит о Пассионате, как с его подачи на знойную планету с удивительными галлюциногенными червяками хлынут орды туристов. Экосистема — хрупкая штука, в особенности на островных планетах. Сколько времени понадобится алчным туристам, чтобы сожрать всех приапулид? Неделя? Месяц?

А потом они возьмутся за *лидера*. Металлопласт не горит в костре и не ржавеет в океане. Но разъяренная толпа землян всегда сообразит, как выпустить кишки провинившемуся роботу...

— На нашей планете есть много разных червей, человек.

Зоолог вздрогнул от неожиданности. До сих пор фареане почти не разговаривали с ним. Акемок поставил скутер на автопилот и отстегнул ремни.

— Есть такие, что лечат гнойники, есть такие, от которых унимается боль в костях. Теперь мы стали вывозить карранхов с Пассионаты — несколько раз пытались ассимилировать их на нашей планете, но пока безуспешно... Правда ли, что ты знаешь многое о червях?

Шорин автоматически кивнул. Его мысли были заняты планами мести.

— Значит, ты умеешь их разводить. Тогда тебе у нас понравится. Спешить не стоит.

Пристально глядя землянину в глаза, Акемок крепко прижал его руку к поручню. Слишком крепко.

Шорин сглотнул ставшую вязкой слюну. Похоже, возвращение откладывается.

Юлия Горина

ФРАКТАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Палата напоминала шикарный номер в отеле.

Вот только окна вместо внешнего мира демонстрировали цифровую картину города столетней давности.

— В наше время тюрьмы оборудовали скромнее, — сказал Виктор, раскинувшись на диване и устремив рассеянный взгляд в потолок.

Две недели назад, когда он впервые заговорил о странностях реабилитационного процесса, Павел не хотел его слушать. Но сейчас возражать не стал.

Ровно тридцать восемь дней назад первый в истории человечества пилотируемый космический корабль-разведчик «Одиссей» вернулся домой. У экипажа путешествие к планетарной системе Шератана и обратно заняло двенадцать лет. На Земле за время их отсутствия минуло больше века. Результаты миссии превзошли все ожидания: планета, на которую указали ученые, действительно оказалась пригодной для жизни и обладала мягким климатом. Ее называли «Эдем».

Но как любой другой рай, Эдем потребовал подношения на свой жертвенный алтарь. Поэтому из троих участников экспедиции вернулись только двое.

Павел устало вздохнул.

— Как ты думаешь, почему они не выпускают нас наружу? Что там может быть таким опасным для нашей психики?

Разговор прервал мелодичный перезвон.

Павел простонал.

— Опять! Как они меня достали своими психологическими тестами! Хуже только иглоукалывание.

Его компаньон усмехнулся:

— А давай сегодня мы им процедуру устроим? Прямой массаж коры головного мозга. Не сольешься, как в прошлый раз?

— Когда ты в таком настроении, командир, только самоубийца тебе откажет, — улыбнулся Павел.

Виктор был старше не только по статусу на корабле, но и по возрасту. Согласно бортовому хронографу ему в этом году исполнилось сорок два. Он был невысокого роста, коренастый, с глубокими лучиками морщин в углах глаз и почти белый от ранней седины. А вот его друга природа пощадила больше: волосы остались русыми, глаза — такими же васильково-синими, только некогда стройная спортивная фигура слегка расплылась.

Через несколько минут дверь открылась, и в палату вошла трогательно хрупкая, миловидная девушка.

— Доброе утро, меня зовут Кира Савушкина, и я буду вашим гидом в сегодняшний день! Вместе мы будем постепенно привыкать к

особенностям современного мира, пока он не станет для вас комфортным, — оптимистично заявила гостя, широко улыбаясь.

И это была не раздражающая приветственная маска, искусственная, как полиэтиленовые цветы на кладбищенских аллеях. Девушка улыбалась и губами, и огромными сияющими глазами цвета гречишного меда, и солнечно-рыжими волосами, и даже каждая клеточка ее прелестного тела, казалось, светилась радостью и весной.

Павел растерялся, зарделся, как маленький мальчик, и захлопотал вокруг нее.

— Здравствуйте! Разрешите предложить вам присесть? Чем вас угостить?

— Благодарю, Павел Сергеевич, ничего не надо. Я только, с вашего позволения, присяду.

— Пожалуйста, я сейчас вам пластичное кресло принесу — фантастически удобная штука!

— Право, не стоит!

Виктор с беззлой ухмылкой покачал головой.

— Вы уж простите моего друга, он просто слишком давно не видел красивых женщин. Почти весь персонал — мужики.

Девушка вопросительно вскинула брови.

— А разве это не соответствует вашим... эстетическим пожеланиям?

— Чего?

Павел замер на месте, с широко распахнутым от возмущения ртом. Из груди Виктора вырвался приглушенный стон.

— Вы там что, с ума все посходили? — с сердцем произнес он.

— Но вы эмоционально так близки...

— Еще бы мы не были эмоционально близки! Мы десять лет провели бок о бок в кабине «Одиссея», как близнецы в утробе матери!

Кира смутилась. Радостное свечение ее глаз угасло. Казалось, она вот-вот расплечется.

— Простите, я допустила бестактность. Мы все совершили ошибку...

— И что, за все это время ни один из ваших психологов так и не смог определить, что мы гетеросексуалы? Что же это за специалисты такие?

— Витя, да что ты напал на бедную девушку! — вмешался Павел.

— Просто я не понимаю, как такое возможно!

— Но вы же наотрез отказались жить в разных палатах, несмотря на преимущества, и все сделали выводы. В нашем обществе под одной крышей живут только те носители, которых связывает физическая потребность в контактах друг с другом, — попыталась еще раз возразить Кира.

— Я уже готов куда угодно съехать, — выдохнул Павел.

Виктор в ответ рассмеялся.

— Кораблев, твой научный мозг совершенно не приспособлен к реальной жизни. Разве ты не видишь, что это чистой воды провокация?

Павел как-то осел, весь его пыл сразу улетучился.

— Но зачем?

— Затем, что ты — тряпка, наивный, как пятилетний ребенок, и останешься таким до последней искры в печи крематория. А я — персонафицированная компенсация твоего атрофированного скептицизма. Так что распаковывай чемоданы, милый, развод отменяется. Предлагаю сменить тему разговора. Кира, вы...

— Да-да, я для вас кое-что принесла! — излишне оживленно заговорила девушка, торопливо расстегивая сумочку. — Кураторы решили, что вы уже достаточно окрепли для ознакомления с информацией о современной эпохе.

— Слава Богу! Да, командир? Мы так давно этого ждали! — воскликнул Павел.

Виктор молчал.

— Это микрофильмы о развитии искусства, науки и техники в тот период, когда вы отсутствовали. Сейчас расскажу, как работает транслятор.

— Не интересно, — прервал ее Виктор.

Кира непонимающе похлопала ресницами.

Ах, какие у нее были длинные, пушистые ресницы! А какие глаза! Виктор отвернулся.

— Возможно, мой друг и не откажется посмотреть все это на досуге. Он прежде всего ученый, и уже потом немножко космонавт. А вот я — солдат, мне все эти исторические экскурсии нервную систему не возбуждают. Я привык исследовать местность сам.

Кира странно отреагировала на его слова. Она на мгновение замерла, а потом встрепенулась, словно приняла какое-то решение.

— Виктор Александрович, если вы намекаете на необходимость прогулки во внешний мир, то я должна вам честно сказать: она невозможна, пока вы находитесь в эмоционально возбужденном состоянии... — заговорила Кира, многозначительно глядя Виктору прямо в глаза.

Виктор удивленно посмотрел на нее. Она и так сказала немало, но явно хотела между строк донести что-то еще.

— Мне кажется, ваше беспокойство проистекает из неопределенности. Если я назначу точную дату экскурсии во внешний мир, обязуетесь ли вы выполнить все необходимые подготовительные процедуры?

— Это бы многое изменило в моем отношении к ситуации, — осторожно выбирая слова, ответил Виктор.

Кира одобрительно кивнула и улыбнулась.

— Хорошо. Тогда ровно через неделю мы с вами осуществим двухчасовую прогулку, после которой вернемся обратно в центр.

— Было бы здорово.

Виктор смотрел ей в глаза, а в груди все сильнее разрасталось ощущение обжигающего тепла.

— Спасибо вам, Кира. За участие.

Она улыбнулась.

— Не за что.

Потом снова на мгновение замерла, вздохнула, и как-то неуверенно спросила:

— У вас есть еще ко мне какие-то вопросы?

— Да, раз уж все так удачно складывается, мы бы с удовольствием посмотрели ваши фильмы. Расскажите, как этим пользоваться?

Когда Кира ушла, Павел еще долго сидел, растерянный, прижимая к губам кончики пальцев, словно насильно удерживая рвущийся с них вопрос.

— А ты обратил внимание, что она употребила слово «носители» вместо «люди»? — произнес он наконец.

Вечером того же дня космонавтам вручили символические золотые карты, а в правую руку вживили по крошечному устройству.

— Мы отказались от использования наличных денег более пятидесяти лет назад, теперь роль пластиковых карт выполняет устройство контроля за личными средствами, — объяснил им официальный представитель Общественного Банка. — На врученных вам картах дана информация о состоянии личного счета каждого из вас.

Павел взглянул на свою карточку и подпрыгнул.

— Да мы богатые! Мы очень, очень богатые!

Представитель ележно улыбнулся.

— Совершенно верно, ваша премия увеличилась больше чем в четыре раза за счет колоссальных процентов.

Виктор недоверчиво смотрел в нереальные цифры, написанные на золотистой коже карты. Таких денег он себе даже представить не мог.

— Моя сумма на несколько порядков больше, чем даже тройная премия. Откуда это? У меня не было никаких сбережений на момент отлета.

— А это ваше наследство, господин Терехов. Ваша бывшая супруга, Маргарита Поплавская, завещала вам после смерти половину своего состояния.

— Марго? — изумленно переспросил Виктор.

— Бывшая супруга? — воскликнул одновременно с ним Павел. — Великая Маргарита Станиславовна Поплавская?! Я все правильно понял?

— Ничего не могу сказать насчет величия, но красивой она действительно была, — задумчиво ответил Виктор, глядя на след от чипа на своей ладони.

Кира сдержала обещание.

Оказавшись снаружи, Виктор на секунду остановился, закрыв глаза. У него закружилась голова, как у человека, выбравшегося на воздух после длительного заточения в подземелье. И это было прекрасное чувство!

Экскурсия над городом в маленьком аэротрамвайчике привела Павла в восторг. Лаконичные высотные сооружения, навесные скверики, похожие на пирамиды торговые центры — все сливалось в головокружительную картину. Кира с дежурной улыбкой рассказывала о городе, об особенностях транспорта, о промышленных центрах, но Виктору почему-то казалось, что мысленно она находится в другом месте.

— Вас что-то беспокоит? — спросил Виктор.
Медовые глаза Киры были грустными.
— Сегодня — очень важный день. И я волнуюсь.
— Все будет хорошо, — заверил ее Виктор и, чтоб подбодрить, коснулся ее маленькой ручки.

Ручка была теплая и нежная, как у ребенка.

После этого прикосновения Виктор окончательно убедился, что его влечет к Кире, и, судя по нежному румянцу на девичьих щеках, с ее стороны тоже происходила какая-то химия.

А ведь в ее глазах Виктор должен выглядеть столетней ветошью.

— Павел Сергеевич, вы сказали, что хотите зайти пообедать в ресторан?

— Очень хочу! Мы закажем все самое лучшее, и вы будете моей гостьей! — выпалил Кораблев.

— А мне ты предлагаешь снаружи подождать? — проворчал Виктор.

— Ну, можешь за соседним столиком покушать, — захохотал тот.

— Притормози-ка, брат, пока жестокая гравитация не долбанула тебя об ледяную гладь разочарования.

— Если она меня и долбанет, то только после тебя, брат, — саркастично возразил Павел.

— Ну, старый опытный корабль знает, как мягко приземляться.

— Угу, а как взлетать твой старый корабль не забыл?

Кира запротестовала.

— Пожалуйста, перестаньте! Давайте я просто свяжусь с одним из лучших заведений города и закажу столик.

— Может, не стоит? Лучше спонтанно...

— Спонтанно — это несерьезно.

Она вытащила из сумочки очки, при помощи которых, как рассказывалось в одном из фильмов, можно было выходить в сеть. Ее изящные пальчики побежали по невидимым кнопкам.

Когда через полчаса Кира подвела друзей к дверям заведения, Виктор улыбнулся, и, круто развернувшись, ткнул пальцем в кафе напротив.

— А пойдемте-ка лучше туда? Мне вывеска больше нравится.

Кира замахала руками.

— Нет-нет, у нас же столик заказан...

— Я так решил, и Пашка меня поддержит! — Виктор схватил ее за руку и потащил в кафе.

Внутри было почти пусто. Играла приятная музыка, похожая на нежный перезвон бубенчиков, а в воздухе пахло корицей.

— Я выбираю столик рядом со светильником!

Официант подошел к ним только через пятнадцать минут, когда терпение Виктора уже подходило к концу.

— Могу ли я предложить гостям меню?

Терехов усмехнулся.

— А могу ли я поговорить с вашим администратором?

— Виктор Александрович, не стоит! — поспешно вмешалась Кира.

— Стоит, мы едва не умерли с голоду! — поддержал друга Павел.

Официант вздрогнул, как-то демонстративно встрепенулся — и, по-женски поправив волосы, заявил:

— Добрый день, я — Анна Ямская, администратор кафе. Чем могу служить?

У Павла открылся рот. Виктор непонимающе вытаращился на официанта.

— Что здесь про...

— Прошу вас, уйдите! — воскликнула Кира, тыкая в нос официанту маленькую карточку, похожую на удостоверение.

Он взглянул на нее и, поклонившись, неторопливо удалился, повиливая бедрами.

— Что все это значит? — проговорил Виктор, переводя взгляд на девушку.

Она отвела глаза.

— Я должна была всеми возможными средствами уберечь вас сегодня от знакомства с главной особенностью нашего времени. Не получилось. Официант только что сменил личность, Виктор Александрович. Функции администратора выполняет вторая полноценная личность, живущая в его теле.

Он уставился на Киру, пытаясь понять смысл ее слов.

— Извините, я... — проговорил он, поперхнулся словами, и, прокашлявшись, почему-то растерянно спросил, — а сколько их всего?

— Не знаю. Может, три, может, пять. К примеру, у меня их две.

— Подождите, я не понимаю... Как такое возможно? Это же шизофрения чистой воды!

— В некотором смысле, так оно и есть. В ваше время нормой считалось моно-личностное сознание. Спонтанное, неконтролируемое развитие поли-личностей дестабилизировало и разрушало корневую личность, и само явление воспринималось как болезнь. Однако...

— Погодите. То есть вокруг — один сплошной дурдом? В буквальном смысле этого слова? — громко воскликнул Павел, вскакивая с места.

Люди у барной стойки обернулись.

— Сядьте, пожалуйста, я вас прошу, — взмолилась Кира, — позвольте мне все объяснить!

— Что вы хотите мне объяснить? Как вам весело живется в обществе Киры-джокера, Киры-маленькой девочки или кого-то там еще?

— Нет никакой маленькой девочки или джокера, Павел Сергеевич! Присядьте же, мы и так привлекаем слишком много внимания.

Он тяжело опустился на стул.

Виктор жестом подозвал официанта.

— Дайте нам с другом чего-нибудь покрепче. Прежде чем слушать дальше, я должен выпить. А даме — чего они там коллективно пожелают.

Официант многозначительно посмотрел на Киру. Та отрицательно качнула головой и заказала чашку чая.

Когда алкоголь расслабляющим теплом побежал по сосудам, Павел сразу обмяк, и его агрессивный протест потерял напор. Эстафету подхватил Терехов.

— И так? — спросил он, опрокидывая еще одну стопку обжигающей горьковато-кофейной жидкости.

— В ваше время поли-личностное состояние разрушало корневую личность, но теперь все не так. Это стало возможным, когда ученые-психологи научились открывать сознание, то есть задействовать все возможности головного мозга, включив в активную работу все его участки. Согласитесь, довольно нерационально пользоваться только одним пальцем на руке, когда от природы их пять? Как правило, вторичные личности занимаются интеллектуальной и творческой деятельностью, что позволяет им развиваться с минимальной необходимостью использования физического тела. И каждая из них — абсолютно полноценная и самостоятельная.

— Как вообще это происходит? То есть, у вас там с утра планерка, кто во сколько часов будет двигать руками и ногами?

— Не совсем. Ко мне приходит устойчивое требование предоставить возможность использовать тело — и я удовлетворяю его, как только появляется возможность. Иногда вторичные личности прорываются наружу без предупреждения, но только если возникают веские причины. При желании я могу вызвать вторую личность на диалог, но в обычном состоянии мы не отслеживаем опыт друг друга. Некоторые люди дружат со своими вторичными личностями, и зачастую уступают наиболее талантливым из них приоритетное право на использование тела. Особенно уникальные и ценные сущности по мере старения их физического носителя могут даже прививаться к новому корню.

— Вот почему она тогда сказала слово «носители»? — пробормотал Павел, осушая третий бокал.

— А если какая-нибудь личность взбунтуется? Начнет междоусобную войну?

— Это расценивается как уголовное преступление, и личность будет призвана к ответу. Наказание соответствует причиненному вреду, вплоть до полного уничтожения, — ответила Кира.

— И вы хотите сказать, что все, абсолютно все люди вокруг — такие?

— Это новый уровень эволюционного развития.

— То есть я, по-вашему, недоразвитый? Умственно отсталый?

— Я бы не стала использовать такие формулировки. Но — да, вы находитесь на предыдущем витке развития.

— Обалдеть...

Кира ласково взяла его руку в свою.

— Не переживайте. Это поправимо. Небольшая процедура по открытию сознания — и вам можно будет посадить вторичную личность. Если она приживется, то дальше вы справитесь сами.

— То есть, если я соглашусь, меня аккуратно и по-научному сведут с ума, и я стану, как все?

— Не «сведут с ума», а помогут подняться до современного уровня.

— А если я не соглашусь?

Кира погладила Виктор по руке.

— Вы непременно согласитесь, Виктор Александрович. Вы ведь хотите стать полноценным членом общества? Не считать окружающих безумцами, и самому не быть в их глазах умственно отсталым? Ничего ужасного вам не предлагают, поверьте.

— А мне? Мне тоже будут подсаживать вторую личность? — поинтересовался Павел, и по интонациям в его голосе чувствовалось, что алкоголь начал делать свое дело.

— У вас, Павел Сергеевич, все пройдет гладко, даже беспокоиться не о чем, — нежным, баюкающим голосом ответила Кира.

— Почему?

— Ваша аутичная личность легко и с удовольствием адаптируется в новых условиях. Вы только представьте себе, что вы можете себе позволить больше никогда не отвлекаться на заботы о физическом теле. Вы сможете погрузиться в изучение интересующих вас вопросов настолько глубоко, как сами того пожелаете. А другая личность тем временем обеспечит хорошее питание, комфорт, здоровый образ жизни, омолаживающие процедуры, и в любой момент, когда вам захочется прочитать лекцию, поучаствовать в семинаре или просто пойти на свидание с девушкой вы обнаружите себя в идеальной физической форме, ухоженным и одетым по моде.

Павел хмыкнул.

— А неплохо.

Виктор негромко выругался.

— Кораблев, горе ты мое! Объясню на языке твоих кошмаров: представь, сколько ее и твоих личностей будут подсматривать, как тебе отказывают в чашечке кофе! Или, еще хуже — не отказывают.

Павел поперхнулся.

— Нет-нет, не слушайте вашего друга! — запротестовала Кира. — Личности не могут подсматривать! Они изолированы от внешнего мира, пока не вступают во владение телом!

— А жениться я смогу?

— Конечно, если все ваши и ее личности дадут свое согласие на ваше юридическое взаимодействие. На физическое взаимодействие разрешения не требуется, — добавила она.

Виктор поднялся из-за стола.

— Паша, расплатишься? Пойду-ка я проветрюсь.

Кира испуганно всплеснула руками.

— Куда вы?

— В церковь, на могилу бывшей жены, в бордель, в парк — какая разница? Я должен подумать.

— Подождите!

Она была в смятении.

- Подождите, пожалуйста! Так вы сделаете себе только хуже!
- Виктор вдруг наклонился и поцеловал ее в лоб.
- Не бойся за меня. К вечеру я вернусь в центр, обещаю.

Павел и Кира возвращались в центр реабилитации, как в воду опущенные.

С высоты почти прозрачного перрона весь район был как на ладони. Здания, улицы, люди. Павел облокотился о перила, засмотревшись на большую группу людей на площади. Они, казалось, просто сидели на земле, время от времени поднимая руки вверх.

- Что там происходит? Какое-то религиозное собрание?
- Скорее политическое.
- Извечное недовольство масс?
- Сегодня проходит суд над одним из фракталов. А это всегда повод для соборща любопытных и сидячих митингов. Сейчас даже рассматривают возможность закрытых слушаний, хотя давным-давно все судебные процессы проводятся публично.
- А кто такие фракталы?
- Когда в корневой личности содержится еще одна-две или более вторичных, абсолютно аналогичных корневой, но с небольшими поправками, это явление называют фракталом.
- А те в свою очередь тоже содержат несколько подобных друг другу сущностей?
- Именно. В принципе, цепочка может продолжаться и дальше, но я о таких случаях не слышала. Фрактальное движение приобрело характер ереси средневековья — их уничтожают, а они все множатся.
- За что же вы их так жестоко?
- Самостоятельно породить полноценную не фрактальную личность они не в состоянии, а подсаженных они убивают.
- Так может, их просто оставить в покое?
- Они непредсказуемы, склонны к разрушительным действиям, не поддаются контролю, харизматичны, способны оказывать большое влияние на окружение.
- Павел рассмеялся.
- Ба, да вы как будто одного нашего общего знакомого описываете!
- Кира строго посмотрела на своего собеседника.
- И у общества нет другого варианта защититься от них, кроме как с помощью очень жестких мер.
- Улыбка с лица Павла улетучилась.
- Ваш друг находится в серьезной опасности, — прошептала девушка.

С трудом протиснувшись внутрь, Виктор занял одно из освободившихся мест на галерке. Люди вокруг него эмоционально переговаривались, потом встряхивались, менялись и продолжали обсуждение. Женские ужимки на мужских лицах, юное кокетство в исполнении стариков.

С трудом сдерживая брезгливость, Виктор постарался сосредоточиться на заседании.

На скамье подсудимых сидел молодой человек приятной наружности. В отличие от всех остальных, он оставался неизменным. Наконец, пришел судья, и в зале стало тихо.

— Итак, продолжаем наше слушание, — объявил он, и дал слово народному обвинителю.

— Вениамин Дмитриевич, расскажите суду, каким образом вам до сих пор удавалось скрывать свою природу?

— Вы прекрасно знаете, что это несложно. Технически невозможно определить, является ли человек моно-личностью или же фракталом, — ответил молодой человек, скрестив на груди руки.

— Но, тем не менее, их определяют и ловят.

— Только если одна из фрактальных личностей вследствие уникального опыта становится агрессивной, или слишком самобытной, и таким образом выдает своего носителя. Мы не можем контролировать смену личностей, и в этом проблема.

— Вы хотите сказать, что ваши фрактальные личности не являются агрессивными?

— Разумеется, нет.

— Вы пытаетесь спорить с очевидными вещами!

— Нет, это ваши недовольности не желают видеть очевидное.

В зале зашумели, и суд призвал граждан к порядку.

— Тогда каким образом стало известно, что вы — фрактал? — продолжил допрос обвинитель.

— Мы ошибочно предположили, что женщина, готовая вступить с нами в брак, достойна знать истину о своем будущем супруге, — усмехнувшись, ответил молодой человек.

— Почему вы не в корректирующем учреждении?

— Нам были посажены две личности. Мы поддерживали их жизнь так долго, как только могли. А когда они погибли, мы просто продолжали их имитировать.

— То есть вы признаетесь в двойном убийстве.

— Нет.

Голос фрактала утонул в поднявшемся шуме. Судья был вынужден призвать присутствующих к порядку.

— В том, что две посаженные недоразвитые сущности не выдержали, — не наша вина, — сказал обвиняемый, когда наконец опять стало тихо. — Мозг фрактала уничтожает инородное против его воли или желания.

Обвинитель призывно поднял руку, содрогнулся, изменился и пискляво воскликнул.

— Прошу обратить ваше внимание на то, что подсудимый жлет!

У наблюдавшего сцену фрактала от нескрываемого отвращения скривился рот. Виктор заметил это — и удивился.

Фрактал вел себя так, как будто был нормальным человеком. Нормальным — среди толпы безумцев.

— Подсудимый говорит, что его вторичные личности были недоразвитыми, в то время как одна из них год назад получила докторскую степень по биологии, а вторая известна как автор многочисленных музыкальных композиций!

Обвинитель трансформировался обратно и с неприятной ухмылкой потребовал:

— Отвечайте!

— Спрячьте эту свою вторичную личность и никому не показывайте. Она омерзительна, — сказал фрактал.

Судья нервно ударил молоточком.

— Прекратите! Вы все-таки в суде находитесь!

— Ладно, отвечаем: степень по биологии и музыка — это заслуги не ваших подсадных, а наши собственные. Правда, вам, разделенным на отдельно существующих «мастеров вилки» и «мастеров ножа», сложно представить, что для кого-то они — всего лишь две руки за обедом.

— Вы хотите сказать, что толпа копий могла добиться такого за четыре года, которые вы провели вне учреждения? — с издевкой в голосе спросил обвинитель.

— Разумеется, нет. Мы добились гораздо большего, но обнаружить все не представлялось возможным, так как это непременно вызвало бы нездоровый интерес. И мы — не толпа копий.

— То есть вы утверждаете, что фракталы развиваются быстрее нормальных личностей?

— Можно поспорить насчет понятия нормы, но да, мы развиваемся быстрее. И это очевидно. Ведь мы — фрактал! Возможно, мы — будущее человечества, если, конечно, вы не вырежете нас, как вид.

В зале поднялся жуткий шум. Лица людей менялись, искажались, кричали что-то оскорбительное. Виктор передернул плечами.

Лучше бы он сюда не приходил.

Он поднял глаза — и встретился с понимающим взглядом подсудимого. И почему-то ему стало еще больше не по себе.

Когда он пробрался к выходу, два высоких полицейских ловко подхватили его под руки.

— Будьте добры предоставить нам доступ к личной информации!

— К какой информации?

— За неподчинение правоохранительным органам вы будете принудительно считаны!

Один из полицейских заломил Виктору руки посильнее, а второй прижал ко лбу какую-то пластину, висевшую на его поясе на цепочке.

— Глазам не верю!

— Что там?

— У него нет регистрационного чипа! Я же тебе говорил, он странный!

— Стойте, вы! Меня зовут Виктор Александрович Терехов, я космонавт «Одиссея»!

Ему хотелось дать ногой под дых верзиле с пластиной, перекувырнуть через себя верзилу, стоявшего за спиной и сбежать куда глаза

глядят. Но чувство самосохранения говорило, что этого делать нельзя. Никакого сопротивления. Только послушание, только спокойствие.

— Ну конечно, а мы — инопланетяне, — оскалил белоснежные зубы верзила.

Была глухая ночь, когда Виктора доставили в реабилитационный центр.

Высадив его за железными воротами, машина службы безопасности уехала прочь, а Терехов стоял и слушал, как стихает шум ее двигателей, как шуршит ветер в листве. Подняв голову, он напрасно силился рассмотреть звезды. Город, блиставший миллионами искусственных огней, так засвечивал небо, что оно казалось красновато-коричневым и совершенно слепым.

Он шел легкой пружинистой походкой через сквер, когда его кто-то шепотом окликнул.

— Виктор, подожди!

В лунный свет из-под покрывала густых сумерек вынырнула стройная женская фигурка. Тонкие руки обвились вокруг его шеи, шелковистые волосы коснулись щеки.

— Виктор...

Он обнял ее, и мир вокруг стал как будто бы немного добрее, и уже не такой чужой.

И тут по телу девушки прошла судорога.

Терехова бросило в пот. Он осторожно отодвинул Киру от себя, не в силах угадать, что она сделает дальше, или какой станет.

Девушка запрокинула голову, глядя Виктору в глаза долгим взглядом. Тонкие пальчики давно забытым, но таким узнаваемым движением легонько касались его, путешествуя между двумя пуговицами. Но больше всего поразил голос, наполненный такими знакомыми интонациями.

— Не думаю, что она пожалуется. Очень уж ты ей симпатичен. По крайней мере, свой отчет Кира сегодня так и не отправила, сославшись на недостаток данных. Сукин сын, всем-то ты нравишься... Ну так что, солнышко? Узнал меня?

Ему стало тяжело дышать.

— Этого не может быть... Марго умерла семьдесят лет назад, и сегодня я отнес ее праху цветы.

— Надеюсь, не какие-нибудь пошлые розы? — язвительно поинтересовалась она.

— Это касается только меня и моей покойной бывшей жены! — взревел Виктор, чувствуя, что теряет контроль.

Женщина вздохнула.

— Черт с тобой, я никогда не могла тебя ни в чем убедить. Ты же как бультерьер — если во что-то вступишься, тебе зубы разжать уже невозможно.

— Если ты жива — то кто похоронен там, на аллее мертвых?

— Долгая история. А у меня очень мало времени, чтобы сказать тебе кое-что важное.

— Ну?

Кира, или Маргарита, тихо и как-то очень грустно рассмеялась.

— Так поцелуев и радостных объятий не будет? Ладно, давай о деле. Тебе светит прописка в преисподней, мой милый.

— Хочешь, чтобы я снова стал твоим мужем?

Она подошла к нему почти вплотную.

— Я не шучу. Едва ли ты понимаешь, что такое — «изолированное коррекционное учреждение».

Виктор нахмурился.

— Говори дальше.

— Твои показатели зашкаливают. Ты лидер, мало поддаешься влиянию, ты привык принимать решения и не способен на компромиссы. Если так будет продолжаться дальше, тебя увезут в изолятор для умственно неполноценных, где в течении нескольких лет из твоего сознания будут вытравливать личность Виктора. А когда дом опустеет, туда пустят постояльцев. Видишь ли, физический носитель — слишком ценная единица, чтобы позволить ей простаивать вхолостую под руководством асоциальной моно-личности.

— Ах вот даже как...

Она протянула руку и осторожно, самыми кончиками пальцев коснулась рубашки на его груди.

— И что же ты теперь будешь делать?..

Виктор не нашелся, что ответить.

Она сделала еще один шаг вперед, и теперь он мог ощущать ее дыхание и волнующее прикосновение упругой груди.

— Я пришла, чтобы предупредить тебя и предложить помощь. А еще... Знаешь, седина тебе очень к лицу.

Она погладила его по щеке, и у Виктора не нашлось сил, чтобы оттолкнуть ее. Такой была его жена на заре их отношений. И даже весь кошмар их мучительного разрыва не мог зачеркнуть этот образ. После развода она снова приходила к нему такой, только в снах, нежно касалась щеки и шутливо жаловалась на щетину.

— Колючий... — услышал он, и это было не во сне, а наяву.

Марго! Он вдруг неожиданно для себя самого потянулся к ней — и в этот миг выглянула ослепительно яркая луна.

Виктор отпрянул.

Маргарита не пыталась его удерживать.

— Я понимаю, — проговорила она, отвернувшись.

— Так ты мне хотела что-то предложить? — спросил Виктор, пытаясь отделаться от глубокого чувства неловкости.

— Да, — в ее голосе зазвучали деловые нотки. — Видишь ли, я имею уникальный научный статус, и могу потребовать для тебя пожизненный иммунитет.

— В самом деле? — усмехнулся он.

— Зря иронизируешь. Между прочим, это я создала первичную теорию поли-личностей и смогла доказать ее на практике.

Виктор озадаченно вскинул брови.

— Неожиданно. И как, ты сильно счастлива?

— Когда все только начиналось, я думала о вечной жизни талантливых людей, о социализации психически нездоровых, и не предполагала, что все выльется в такое вот... Не могу подобрать слово.

— Я тебе помогу. Это слово «безумие». Так какова цена твоей помощи? Ты ведь не собираешься выручать меня за так.

Она улыбнулась.

— Я хотела попросить тебя о маленькой услуге. Мне нужно, чтобы ты подтвердил мои показания в суде — только и всего.

— Показания?

— Да. Ты просто скажешь, что во время нашего сегодняшнего разговора я вдруг упала, забилась в конвульсивном припадке, а изо рта у меня вырывались невразумительные слова. А после суда я в знак признательности естественно захочу тебя отблагодарить правом на неприкосновенность. Вот так все просто.

— Что за суд?

— А тебе не все равно?

Виктор усмехнулся.

— Доброй ночи.

Он развернулся и зашагал по направлению к зданию.

— Да подожди же!

Он обернулся.

— Ну?

— Я просто хочу получить возможность жить полноценной жизнью. Я бы заявила, что она посягала на мою неприкосновенность — и мне поверят, тем более, если у меня будет свидетель. Кира — недалекая, бесталанная пустышка. Ее единственное и несомненное богатство — молодое привлекательное тело. Если бы оно было только моим — кто знает, может, мы смогли бы попробовать еще раз? — проговорила женщина.

Виктор фыркнул.

— Ну и тварью же ты стала.

— Может быть, но эта тварь, между прочим, очень долго тебя ждала. Так долго, что даже научилась жить вечно.

— Чтобы предложить мне поучаствовать в убийстве милой беззащитной девочки? Да пошла ты.

Он пошел к зданию реабилитационного центра, не оглядываясь.

В груди противно щемило.

— Это я, а не Кира, пыталась предупредить тебя об опасности! — крикнула она ему вслед.

Виктор немного замедлил шаг.

— Завтра я переведу твои деньги на счет фонда твоего имени, — бросил он напоследок, не оборачиваясь.

Искусственное солнце уже давно встало, заливая золотым светом комнату и весело поблескивая на зеркальной поверхности стола.

Тихо шуршали старинные часы на стене, отмеряя секунду за секундой.

Разговор, начатый поздней ночью, зашел в тупик, и теперь оба друга хмурили лбы и растирали морщины над переносицей.

— Паш, ты действительно уверен, что хочешь этого?

— Ни в чем я не уверен, — устало проговорил Павел. — Просто я не вижу альтернативы. А твоё предложение — оно, конечно, отличное. Но при этом полное дерьмо.

Виктор покачал головой.

— Ты же видел, как они переключаются?

— Да. Не самое приятное зрелище. Но это наш мир, командир. Он такой, какой есть. Нужно только приспособиться. Это как при рождении: ты приходишь и принимаешь все правила, которые соответствуют эпохе.

— Но никто не рождается сорокалетним, верно? С закостеневшими стандартами, ценностями, стереотипами. Все эти люди, Паша, они же не люди вовсе, а ходячий набор масок!

— Знаешь, когда только появились первые печатные книги, их тоже побаивались. А если бы в то время показать кому-нибудь компьютер, реакция на него была бы примерно такой же, как у нас на поли-личности.

— Ты уговариваешь меня или себя?

Павел утомленно потер лицо ладонями.

— Не знаю я. Но, в любом случае, то, что ты собираешься сделать...

— Мне проще пулю в лоб себе пустить, чем позволить им подселить в меня кого-то. А быть чужим среди своих тоже не вариант... Ладно, пойдем-ка спать, мы оба здорово вымотались. Потом договорим.

Павел по-детски всхлипнул.

— Почему у меня ощущение, что я тебя предаю?

— Не смей! — рявкнул на него Виктор, вскакивая на ноги и с грохотом отодвигая стул. — Ты меня не предаешь, понял? Это у меня ощущение, что я собираюсь тебя бросить! Тебя же любой клоун способен обвести вокруг пальца! Все эти вторичные и не вторичные личности — они же тебя уничтожат, Пашка. Или изувечат. И я не смогу тебя защитить.

Терехов больно прижался своим лбом ко лбу друга.

— Пойдем со мной. Нам же не выжить врозь. Мы срослись как сиамские близнецы, нас нельзя разделить. Но если я останусь с тобой, я погибну. Если ты останешься со мной, я тебе клянусь — мы выживем.

У Павла по щекам полились слезы.

— Прости, командир. Я не могу... И все-таки нас разделили. Прости... Я, кажется, снова слился, — прошептал Павел, всхлипывая.

Виктор резко выпрямился и отвернулся.

— Пошли спать. Надо взять паузу и хорошенько отдохнуть. Мы оба бесконечно устали.

И уже чуть мягче добавил:

— Все будет хорошо, брат. Все будет хорошо...

Сияя золотом на лычках и знаках отличия, в свете прожекторов новый генерал космического флота, человек-легенда Виктор Терехов раздаривал улыбки и принимал поздравления и рукопожатия.

Наконец ему дали слово.

— Я благодарю всех вас за добрые слова и за вашу поддержку. Проект «Земля — Эдем» запущен и будет реализован в кратчайшие сроки, и я счастлив, что могу в этом участвовать. В качестве первых поселенцев было решено использовать добровольцев, сделав акцент на моно-личностный ресурс. Эти люди не смогут быть в достаточной мере полезны здесь, на Земле, в силу своего интеллектуального и психического недоразвития. Но их труд принесет огромную пользу при строительстве первой колонии человечества во Вселенной! На данный момент число желающих отправиться к Шератану достигло пяти тысяч. Окончательная цифра определится к концу месяца. Это пока все, что я могу сказать. Еще раз спасибо!

В зале конференций поднялся шквал аплодисментов.

Терехов улыбался и кивал, пока журналисты не потянулись к выходу.

— Хорошая речь, командир, — услышал Виктор голос Павла.

— Спасибо, только лицо чудовищно затекло с непривычки, — признался Виктор, спускаясь с трибуны вниз и обнимая товарища. — Рад тебя видеть. Ну что, как дела?

— Все не так уж страшно, как я думал. Сначала, правда, неловкости всякие возникали из-за ощущения, что теперь даже в уборной я не одинок. Но сейчас постепенно все налаживается, начинаю понимать, что он слышит только то, что я позволяю ему слышать.

— Я рад за тебя.

— Знаю, что бесполезно, да и поздно уже, но, может, и ты попробуешь?.. — робко спросил Павел.

— А может, ты все-таки полетишь со мной?

— Нет, Вить. Всю жизнь провести в дороге между Землей и Эдемом — это безумие.

— Посмотри вокруг и прислушайся к себе, а потом скажи, так ли уж я безумен.

— Даже не буду, — невесело рассмеялся Павел.

— У тебя еще есть время передумать.

— Я не могу... И остаться одному тяжело, и лететь сил нету. Но я завидую твоей решимости.

Виктор похлопал друга по плечу.

— Ладно, оставим это.

И поспешил к выходу, где его ждала Кира.

— Господи, мне так страшно! — прошептала она, пряча лицо у него на груди.

— Ничего не бойся. Я говорил о сложившейся ситуации с верховным судьей. Сейчас приедет парочка представителей службы безопасности, и сегодня же вечером все закончится.

— Мне до сих пор не верится, что ты спасаешь меня. Меня — серенькую, непримечательную...

— Глупая.

Девушка обвила его шею руками и прильнула всем телом — так, словно они расставались на целую вечность. Или словно целую вечность не виделись.

Виктор гладил ее по волосам, стараясь ничем не выдать своей горечи.

— Ты любишь меня? — спросила Кира.

— Люблю, — еле слышно ответил Виктор, а перед его глазами стоял образ совсем другой женщины. Ее темные волосы струились по плечам, а мягкие руки ласково прикасались к щеке... Слышала ли она его слова? Осталась ли от нее хоть крупинка, или все поглотила беспощадная, циничная сука-Марго?

Марго-убийца.

Виктор проснулся совсем не отдохнувшим.

«Ника» со всем своим эскортом набирала скорость уже три года, но это было только начало пути. В прошлый раз нагрузки давались ему легче.

Осторожно, чтобы не разбудить Киру, он медленно выбрался из постели и начал одеваться. Но она, видимо, почувствовала его отсутствие и открыла глаза.

— Доброе утро, — улыбнулся Виктор, — извини, что разбудил.

Она томно потянулась и села, прикрывая одеялом наготу.

— Я люблю смотреть, как ты собираешься. Святая святых — Витя превращается в генерала Терехова, великого спасителя обездоленных. Они все уже сейчас молятся на тебя. А когда узнают твои намерения...

Виктор погладил ее по обнаженной спине, поцеловал в плечо и занялся бритьем.

— Я думаю, они и так понимают, что я не планирую создавать еще одну планету шизофреников.

— Ты задумал опасную авантюру, мой друг.

Он рассмеялся.

— Ошибаешься. Это самое безопасное восстание из всех, что были в истории человечества. Когда на Земле заподозрят неладное? Лет через сто в худшем случае. Потом они отправят разведчиков — и еще больше ста лет будут ждать новостей. А что они сделают потом? Отправят десант? И сколько они смогут отправить сюда людей? А у нас больше трех тысяч человек обоих полов, новейшее оборудование и голова на плечах. Сколько нас будет через триста лет? Какими мы будем? Если наши потомки будут мыслить и активно рожать, ничего серьезного не случится. Слишком велико расстояние. Я впервые рад, что Эдем так далеко от Земли.

Он вытер остатки пены с подбородка, надел китель, и, еще раз поцеловав Киру, вышел из каюты и чуть не столкнулся с Павлом.

— Ну наконец-то, — проворчал Павел, — я уж думал, ты сегодня решил опоздать!

— И давно ты меня караулишь?

— Минут двадцать, — ответил тот, пожимая Виктору руку.

— А что стряслось-то?

— Есть одна интересная мысль относительно расселения. Тебе понравится!

— Только не говори, что идею подкинул этот, как его...

— Кирилл.

— Даже знать не хочу, как его зовут. Я же тебя просил, уволь меня от напоминаний о сожителе в твоей черепной коробке!

— Командир, но он потрясающий ученый! Поговори с ним хоть раз!

— Еще одно слово, и вы оба вылетите в шлюз, — беззлобно пригрозил Виктор.

— И зачем только я с тобой полетел, ты же не хочешь меня слушать!

— Ты полетел со мной, потому что ты — тряпка, — улыбнулся Терехов. А потом уже серьезно добавил:

— Паш, может быть, пройдет еще месяц, два, год — я и смогу принять все случившееся. Но ради Бога, не торопи меня! Еще одна шуточка, наподобие той, что вы вчера отмочили, и я здорово накостыляю вашему общественному телу.

Павел хихикнул.

— Но ведь ты даже не заметил, что мы поменялись? Верно?

— Я все сказал!

— Молчу, молчу!

А Кира тем временем выскользнула из-под одеяла, еще раз сладко потянулась и совершенно нагая подошла к зеркалу, перед которым только что брился генерал.

— Ах, какая же я молодец! — пропела она, заглядывая себе в глаза.

— В некотором смысле, это вообще-то не ты сделала, а я, — довольно строго заметило ее отражение в зеркале.

Она лукаво себе подмигнула.

— Ну ладно, мы все это сделали!

— Все-таки как хорошо мы все придумали! Покойная Марго у нашего Вити ничего, кроме отторжения вызвать не могла, а вот живая Кира — совсем другое дело! Правда, пришлось пожертвовать безумной Марго — но великие дела, к сожалению, без жертв не обходятся. И она сама это понимала и знала, на что шла.

— Да, а теперь мы свободны и летим на Эдем, и у нас грандиозные планы, — ответила ей Маргарита, и на ее губах заиграла загадочная улыбка.

— Для начала постепенно перестанем имитировать Киру.

— Мы уже это делаем, и Виктору нравится. Но надо быть осторожной.

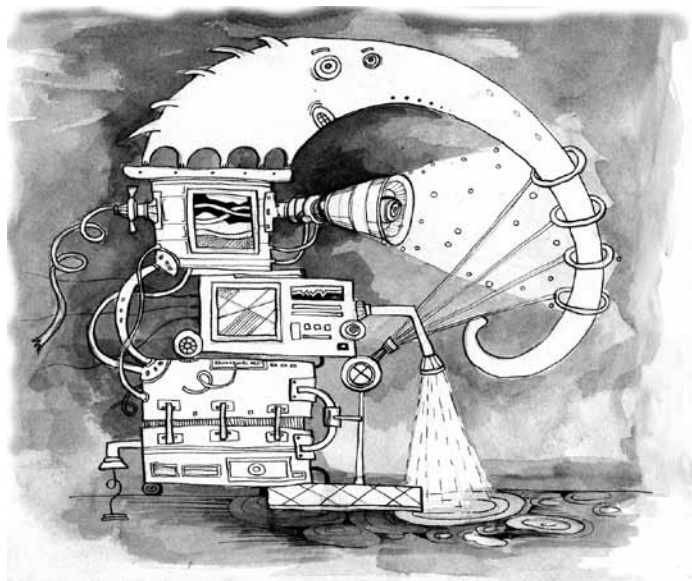
— А мы скажем ему, что мы — фрактал?

— Может быть. Когда-нибудь потом, если увидим, что он готов.

— А про остальных?

— Не раньше, чем долетим до места!

СТИМПАНК

(от англ. *steam*, «пар» и *punk*, «панк») — направление научной фантастики, моделирующее цивилизацию, в совершенстве освоившую механику и технологии паровых машин. Как правило, стимпанк подразумевает альтернативный вариант развития человечества с выраженной общей стилизацией под эпоху викторианской Англии (вторая половина XIX века) и эпоху раннего капитализма с характерным городским пейзажем и контрастным социальным расслоением. Возможно, однако, и наличие в произведениях стимпанка большей или меньшей доли элементов фэнтези.

К «панковскому» компоненту стимпанка относится особый акцент на «низкой человеческой природе», движимой низкими страстями — похотью, гневом, тщеславием, алчностью и завистью. Общий стиль стимпанка зачастую выглядит циничным (грубо-откровенным) и пессимистичным (антиутопическим), однако, благодаря комическим возможностям ретростилистики и альтернативной истории, широко распространены и юмористические, пародийные мотивы. Элементы стимпанковой стилистики — «старинные» автомобили, локомотивы, телефоны и т.п., анахронически вписанные в более (или менее) «старинный» антураж, летающие корабли-дирижабли, механические роботы — иногда входят и в прощённо-сказочные, и даже детские произведения.

В настоящее время в общественной среде и массовой культуре наблюдаются явления, позволяющие говорить о стимпанке, как о формирующейся субкультуре.

Статья взята с портала LitCetera

АНАСТАСИЯ ШАКИРОВА

ИЗ ЦИКЛА «СТИМПАНК»

СТИМПАНК-1

один на заводе, в цеху, работал — привык уж, наверное, лет с восьми. на вырост рубашка, штаны и боты, да рваная кепка, да горький жмых. по виду тринадцать, а может, меньше — кто их разберёт, босоту и голь, он сам-то не помнит свой день рождения, и жизни не знает совсем другой.

другой жил в пристройке, почти на крыше — каморка три-на-три, кровать и стол, был лётчик когда-то, весь был да вышел, на хлипкую пенсию, вишь, ушёл. в груди шестерёнки, хребет из стали, как лопасти выгнуты позвонки — врачи починили, но не летает. и хлещет вишнёвку с глухой тоски.

они познакомились так, случайно, нетрезвым был Карл, а Малыш скучал, и был разговор с бледно-жёлтым чаем, о небе, о солнце и о лучах, о лётчиках, крыльях, о красной краске (чтоб на фюзеляже была — звезда)... и тронулась с места слепая сказка, но двинулась вовсе уж не туда.

Малыш на заводе заклёпки тырил, а Карл экономил на сухарях, скрываясь от всех контрразведок мира, соседям ни слова не говоря, они собирали его три года — в заброшенном складе, брезентом скрыв, и вот, наконец-то — рассвет, погода практически лётная, старт игры.

вот катится с горки шальная сказка, грохочет колёсами, пар плюёт, кому-то тропа — скоростная трасса, кому-то ореховый прут — копьё. летит самолёт, летит все выше, крылом распахав чудеса и быть, за смог и туман, за иные крыши, на поиск нездешней, чужой судьбы.

кому-то и небо — трава под ноги, кому-то — дорога за облака, и пусть их хранят молодые боги — в кожанках и в лётных глухих очках. ...и, рот распахнув, изумлённым взглядом за этим полетом следит с земли бродяга по прозвищу Принц. а рядом лежит механический тёплый Лис.

СТИМПАНК-3

не охоться на здешних фей: это вам не тут, здесь убьют, потом догонят — ещё убьют, выпьют досуха, влагу всю по полям прольют, жизнь не жаль свою?

обернутся саламандрой, змейёй — и в лес, ни один сыскной кобель не берет их след, серебро их не убьёт, не удержит клеть, ну куда ты влез?

под рубашкой видишь шрамы? смотри, смотри,
зубы этих фей — острее, длиннее бритв,
колдовство и шестерёнки у них внутри...

не дыши. замри.

может, в ночь тебе приснится, что ты бежишь —
саламандрою, змеей, босиком по ржи,
за спиною — шелест крыльев и скрип пружин,
а в руках — ножи.

и когда ты обернёшься — рыча, визжа,
солнца выплеск разобьётся о гладь ножа,
ты увидишь... право, парень, тебя мне жаль.

жилы не дрожат?

ну, иди тогда к завскладу, возьми ружье
и одежду. Койко-место теперь твоё.
час до полночи — отбой, семь утра — подъём.
понял? дуй. адё.

и откуда вы берётесь — огонь в груди,
бестолковые, смешные; что впереди?..

кто стучится? доброволец, ещё один?
ты входи, входи.

СТИМПАНК-4

знаешь, сказки бывают разные, про драконов и про принцесс, про
болотища непролазные, про волшебный поющий лес. про отважного
Белорыцаря, что дракона сразит мечом.

истлеют свитки, страницы выцветут.
кто расскажет тогда?
о чём?

где туманы коврами сотканы — чёрный замок, вода во рву. за
бойницами, за решётками есть принцесса. её зовут...

...Ингрет. Герта. как больше нравится: «мисс Мак-Эванс», «механик»,
«эй!». Герте, в общем, давно без разницы, «рыжей тумбой»
мальчишки дразнятся, Герта фыркает: «рот заклей!». коренастая
и не тощая, лоб — веснушки, башка — бурьян. на принцессу похожа,
в общем-то... ну, наверно, как ты да я. лётный комбинезон оранжевый
на фигуре висит мешком...

на работу сегодня — раньше бы.
Герту ждут.
её ждет —
дракон.

все как надо, стоять, без паники. знаешь слово — «война»,
«конфликт»?
ну, а Герте приносят — раненых.
не людей.
тех, кого нашли.

вот, сегодняшний — средней тяжести. брюхо порвано и крыло. в
ране гайки сверкают бляшками; провод — целый, ну, повезло. гром-
дракон, с чешуёю крепкою, не один носил высший чин, распластался
в ангаре «эпсилон».

Герта, слышишь? иди, лечи!

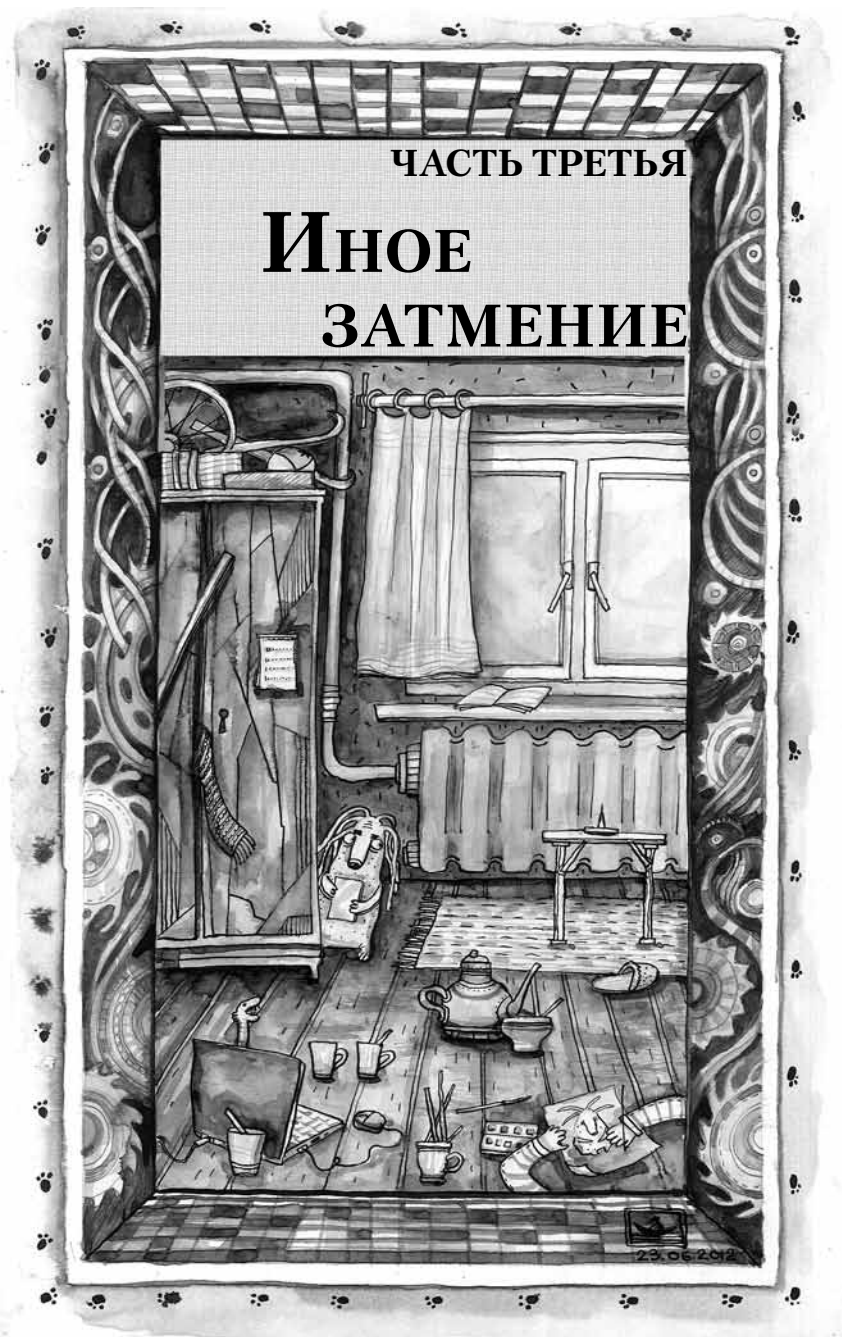
лампы луч боязливо дёрнулся на драконьих стальных клыках.
Герта гладит дракона по носу, гладит вмятины на боках. «что за
глупость, машина ж...» — шёпоты, пусть их шепчут, что нам до них.
глаз дракона — фасетка в копоти — смотрит, словно бы видит сны.

«будет больно немножко, маленький». ключ, отвёртка, паять,
крепить. бронза, медь, паровик и валики. «ты не бойся, ты потерпи».
Герте сорок, дракону — месяцы; тонны стали, клыков, когтей: на
хребет залезть — надо лестницу, крылья лягут от стен до стен.
«будешь снова летать, как новенький», «там, на фронте — не страшно,
нет?». Герта лечит — отвёрткой, словом ли, за окошком кружится снег.

день закончился, все уставшие, можно в душ — и идти домой.

Герта чистит дракона замшею, закрывает дверь на замок.
Герте — сорок. война. невесело. скуден (хлеб и крупа) паек.
а дракон из ангара «эпсилон» спит —
и видит во сне
её.

Эдмонд Гамильтон

ДВЕРЬ В ИНОЙ МИР

The Door into Infinity
Журнал «Weird Stories», № 8-9, 1936
Перевод А.Лидин

Глава 1. БРАТСТВО ДВЕРИ.

— Куда ведет эта Дверь?.. Она ведет в другой мир... А кто научил наших предков открывать ее?.. Те, кто находится за Дверью научили их... Это те, кому мы приносим жертвоприношения?.. Да, мы приносим жертвы тем, кто за Дверью... И Дверь откроется, когда они придут за брать жертвы?.. Да, Дверь откроется!

Пол Эннис тяжело вздохнул, на его усталом лице было написано непонимание, но в этот раз он все же прервал говорившего:

— Что это значит, инспектор? Почему вы все это мне повторяете?

— Вы слышали, чтобы кто-нибудь говорил слова, вроде этих? — поинтересовался инспектор Пирс Кэмпбелл, внимательно изучая усталого человека, которому задавал вопросы.

— Конечно, нет... Это звучит словно бессвязное бормотание, — отмахнулся Эннис. — Какое отношение эта белиберда может иметь к моей жене?

Он встал — высокий блондин, американец, чье симпатичное лицо кривилось от усталости и печали, а прямые желтые волосы зачесаны назад со лба, но сейчас они были в полном беспорядке. Во взгляде синих глаз читался страх.

Пинком Эннис отшвырнул стул и принялся широким шагом мерить сумрачный маленький офис, единственное окно которого выходило на затянутую туманом улицу Лондона. Потом он наклонился над грязным столом и обратился к человеку, сидевшему у него за спиной:

— Почему мы тратим время на бессмысленные разговоры? Сидим тут и болтаем, в то время как с Рут может что-то случиться! С тех пор как ее украли, прошло несколько часов. Они могли увезти ее куда-то, даже вывезти из Лондона. И вместо того, чтобы отправиться на поиски, вы сидите тут и несете тарабарщину о каких-то дверях!

Инспектор Кэмпбелл не двигался, не обращая внимания на чувства, переполнявшие Энниса. Огромный, почти лысый, с бесцветным, печальным лицом человек уставился на Энниса блестящими глазами, напоминавшими два кусочка яркого коричневого стекла.

— Вы ничем не поможете делу, выплеснув на меня свои эмоции, господин Эннис, — совершенно спокойно заметил он.

— Помочь делу?.. Кто здесь говорит о деле?! — выдохнул тот. — Вы не понимаете: похитили Рут, мою жену! Мы поженились всего неделю назад в Нью-Йорке. И мы всего второй день здесь, в Лондоне, а ее

затащили в лимузин и увезли куда-то прямо у меня на глазах! Я думал ваши люди из Скотланд-Ярда смогут что-то сделать. А вместо этого вы твердите какую-то чепуху!

— Эти слова отнюдь не чепуха, — спокойно объявил Пирс Кэмпбелл. — И они связаны с похищением вашей жены.

— Что вы имеете в виду? Как они могут быть связаны с похищением.

Карие глаза инспектора остановились на Эннисе.

— Вы слышали об организации, которая называется Братство Двери? Эннис отрицательно покачал головой, и Кэмпбелл продолжал.

— Скажем так: я уверен, что ваша жена украдена кем-то из Братства.

— И что это за криминальная организация?? — требовательно спросил молодой американец. — Какая-то преступная банда?

— Нет. Это не обычная преступная организация, — вздохнул детектив. — Если я не ошибаюсь, Братство Двери самая гнусная и злобная организация из всех, ныне существующих на Земле. О них почти ничего не известно. Я сам за двадцать лет выяснил только то, что они существуют, и узнал название. Да, я слышал только название. Оно соскользнуло с губ умирающего члена Братства, да и то лишь потому, что он бредил.

Кэмпбелл потянулся.

— Но я знаю, что каждый год Братство заявляет о себе. Они собираются в каком-то секретном месте здесь, в сердце Англии. И каждый год, перед этим собранием пропадает дюжина людей. Больше о пропавших никто никогда и ничего не слышит... Я считаю, что все эти люди похищены именно Братством.

— И что происходит с похищенными? — побледнел молодой американец. — Что они с ними делают?

В глазах инспектора Кэмпбелла вспыхнули огоньки страха, и он покачал головой.

— Знаю не больше вашего. Что они делают с жертвами, я не знаю. О них просто больше никто ничего не слышит. Никого найти не удалось.

— Но вы должны знать больше! — запротестовал Эннис. — Что такое эта Дверь?

Кэмпбелл снова покачал головой.

— Я этого тоже не знаю, но чем бы она ни была, члены Братства обожествляют ее и тех, кого они называют «Те, кто находятся за Дверью». Относятся к ним с почтением и благоговением.

— Куда ведет эта дверь?.. Она ведет из нашего мира... — повторил Эннис. — Что это может означать?

— Эти слова могут иметь символическое значение, ссылаясь на кое-какие детали, просочившиеся во внешний мир, — объяснил инспектор. — Или это может...

Он остановился.

— Или это может... что? — настаивал Эннис, подавшись вперед.

— Это может означать в буквальном смысле, что Дверь ведет куда-то в другой мир или в другую вселенную, — закончил инспектор.

Молодой американец испуганно посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что эта дверь может вести в другую вселенную? Но ведь это невозможно!

— Звучит фантастично, но не невозможно, — спокойно возразил Кэмпбелл. — Современные ученые считают, что есть и другие вселенные, наподобие нашей. Они совершенно точно совпадают с нашим пространством и временем, однако отделены непреодолимым барьером иных измерений. Но, возможно, неземная наука, более могущественная чем наша, может найти способ преодолеть барьер между вселенными, и тогда Дверь приведет нас в иную вселенную.

— Дверь в иную вселенную, — задумчиво повторил Эннис, снова взглянув на инспектора, потом равнодушно взмахнул рукой, в его глазах вновь появился ужас.

— И как, черт побери, все эти разговоры о Дверях и иных вселенных помогут нам в розыске Рут? Я хочу что-то делать! Если вы считаете, что ее похитило таинственное Братство, у вас должна быть какая-то идея относительно того, как вырвать мою супругу из их рук? Вы должны знать больше, чем говорите!

— Больше я ничего не знаю, но кое-какие подозрения у меня есть, — сцепив пальцы, проговорил инспектор Кэмпбелл. — Я охотился на Братство много лет, квартал за кварталом сужая район поисков, и, мне кажется, выяснил, где находится лондонская штаб-квартира Братства Двери.

— И где же? — с напряжением в голосе поинтересовался Эннис.

— Это кафе на набережной. Принадлежит Чандру Дасс Хинду, находится — вниз по течению у Восточных Индийских доков, — объяснил детектив. — Переодевшись, я побывал там несколько раз, наблюдая. Этого Чандра Дасс, как я обнаружил, боится весь квартал. Узнав это, я уверился, что он один из высших сановников Братства. Слишком необычный человек, чтобы просто так жить в таком месте.

— Но ведь если Братство забрало Рут, она все еще может быть там! — возбужденно выдохнул молодой американец.

Кэмпбелл кивнул.

— Возможно. Вечером я собираюсь снова переодеться и отправиться туда, и взять с собой людей, чтобы в случае чего сразу провести рейд. Если Чандра Дасс причастен к похищению вашей жены, мы освободим ее до того, как он сумеет вывести ее из Лондона. А если уже куда-то увез, попытаемся узнать, куда именно.

— Черт вас побери! — воскликнул бледный молодой Эннис. — Думаете я собираюсь спокойно сидеть и болтать ногами в то время, как вы туда отправитесь? Я пойду с вами. И если вы откажетесь взять меня с собой, я сам отправлюсь туда!

Инспектор Пирс Кэмпбелл внимательно посмотрел на усталое, перекошенное лицо американца и немного смягчился.

— Хорошо, — спокойно согласился он. — Но прошу учесть, что я смогу изменить свой облик, так что меня не узнают... А вот вам придется

остаться самим собой, и вы должны будете точно исполнять мои приказы, иначе мы оба можем погибнуть.

Странные, поволока затынула глаза инспектора, словно он смотрел сквозь туман.

— Возможно, кое-что много худшее, чем смерть ожидает тех, кто пытается выступить против Братства Двери — нечто вызывающее неземной, нечеловеческий страх, который связан с высшими тайнами бытия. Нам придется рискнуть больше, чем просто нашими жизнями. Однако я надеюсь раскрыть тайну Братства и вернуть вашу жену. Поэтому нужно действовать быстро. Мы должны найти ее до того, как соберутся все члены Братства, иначе мы никогда ее не найдем.

За два часа до полуночи Кэмпбелл и Эннис вышагивали по мощеной набережной к северу от огромных Восточных Индийских доков. Большие склады темными и безмолвными башнями возвышались с одной стороны, а с другой протянулись старые, гнилые доки, за которыми видна была темная вода реки.

Бредя в тусклом болезненном свете, они выглядели совершенно иначе, чем в офисе в Скотланд-Ярде. Инспектор Кэмпбелл был в поношенном костюме и потертом котелке. Грязная белая рубашка и замызганный, мятый галстук делали его совсем другим человеком, с красным, потным лицом и высоким, визгливым голосом. Эннис надел грубую синюю робу моряка и натянул бескозырку на самый нос. Его небритое лицо полностью соответствовало образу подгулявшего матроса. Кроме того американец шел прихрамывая походкой. Кэмпбелл поддерживал его на манер сухопутной акулы, взяв под ручку и нащепывая на ухо что-то льстивое.

Вскоре они оказались в более заселенной части старой набережной, прошли мимо магазинов, торгующих мелкой рыбешкой, которые наполняли воздух сильным запахом прогорклого жира, окунулись в тусклый свет, льющийся из окон полдюжины салунов у самой воды, прислушались к громкой ругани и пьяному смеху.

Кэмпбелл вел их вперед, пока спутники не достигли здания напротив заброшенного, полуразвалившегося пирса. Этот дом выглядел совсем ветхим, окна были завешены занавесками, за окошком в двери мерцал тускло-красный огонь.

Несколько неряшливо одетых мужчин толпились у двери, но Кэмпбелл, казалось, не обратил на них внимание, лишь крепче взял Энниса за руку.

— Заглянем-ка сюда! — резким голосом объявил он. — Ночь еще не закончилась... А вот нам нужно сделать остановочку.

— Не хочу я больше, — пьяным голосом пробормотал Эннис, загребая ботинками при каждом шаге. — Убирайся, проклятая старая акула.

Однако позволил Кэмпбеллу затащить себя внутрь и усадить за стол — он тяжело рухнул на стул. Взгляд американца равнодушно бродил из стороны в сторону.

Кафе Чандра Дасса было залито красным светом? — наполненная дымом пещера с черными занавесками на стенах и окнах. Эти занавеси скрывали заднюю часть помещения от любопытных взглядов. Тускло освещенная зала была заставлена столами, за которыми сгрудились люди, постоянно требующие джин. Где-то за дальним столиком звенела гитара, ей вторило несколько пьяных голосов.

Официантами были темнокожие, ступающие словно тигры малайцы, в то время как посетители принадлежали ко всем нациям как востока, так и запада.

Эннис крем глаза заметил щеголя китайца и темного маленького левантийца из Сохо. Тут были грубые на вид кокни в неряшливых шляпах и безумно хохочущие черномазые. Все эти потные белые, смуглые и черные люди говорили на дюжине различных языков. Воздух казался густым от запаха странной пищи и ядовитого дыма.

Кэмпбелл выбрал стол, ближайший к черным занавескам, и тут же скрипучим голосом приказал одному из официантов — малазийцев принести джин. А потом он наклонился к Эннису со слащавой улыбкой и заговорил льстивым тоном:

— Минутку не поворачивайтесь. Там за углом Чандра Дасс. Он нас изучает.

Эннис отбросил в сторону руку инспектора.

— Проклятая старая акула, — снова пробормотал он.

А потом медленно повернул голову. Взгляд его остановился на старике, сидящем в углу, который и в самом деле разглядывал американца.

Чандра Дасс был высок и носил белые одежды без единого пятнышка от тапочек до тюрбана. Они делали темнее его смуглое, бесстрастное точеное лицо с орлиным профилем. Его глаза напоминали большие черные угли, а взгляд был ледяным.

Эннис почувствовал странных холод, встретившись с ним взглядом. Что-то чужеродное, нечеловеческое, необъяснимо сверхъестественное и тревожащее было во взгляде индуса. Американец какое-то время изучал Чандру Дасса, а потом перевел взгляд на черные занавески и снова на своего спутника.

Официант принес выпивку, и Кэмпбелл протянул стакан своему спутнику.

— Бери-ка свою пайку.

— Не хочу! — фыркнул Эннис, отодвигая стакан. А потом тем же самым тоном добавил. — Если Рут здесь, то она где-то в задней части здания. Пойду-ка я, поищу ее.

— Ради Бога, даже не пытайтесь! — пробормотал Кэмпбелл едва слышно. — Чандра Дасс наблюдает, и нескольких секунд не пройдет, как все эти малайцы набросятся на вас. Подождите, когда настанет подходящий момент, я сам вам скажу...

Он поднял стакан с джином и стукнул им по столу, глядя на своего «пьяного» спутника более чем негодуя.

— Разве я пытался обмануть вас? — прибавил он. — Мы ведь, кажется, договорились! — а потом прибавил вкрадчивым голосом. — С другой

стороны, ты прав. Нужно попытаться. Будь готов к действию. Как только я зажгу сигарету.

Он вытащил из кармана грязную пачку «Золотого Флавка» и сунул сигарету в уголок рта. Эннис ждал, каждый его мускул был напряжен.

Инспектор все еще кривясь, поднес спичку к сигарете. В тот же миг громко завопил один из оборванцев, а потом послышались разъяренные крики и грохот ударов.

Слуги Чандра Дасса посмотрели на дверь, и один из малайских официантов поспешил успокоить дерущихся. Но звуки становились все громче, словно начался настоящий бунт. Треск... Кто-то влетел в зал через разлетевшееся в куски окно. Взволнованные официанты бросились к дверям. Чандра Дасс стал пробираться вперед, отдавая короткие и четкие приказы своим людям.

В этот миг задняя часть кафе осталась пустой, ее никто не охранял. Кэмпбелл вскочил на ноги, Эллис последовал за ним. Вместе они нырнули за черные занавески и оказались в черном коридоре, в конце которого горела тусклая красная лампа. Где-то за спиной у них ревели толпа.

Кэмпбелл выхватил пистолет, американец последовал его примеру.

— Мы сможем оставаться здесь всего несколько минут, — негромко произнес инспектор. — Загляни в те комнаты, дальше по коридору.

Эннис яростно рванул дверь и шагнул в темную комнату, пропитанную запахом лекарств.

— Рут! — осторожно позвал он. — Рут.

Глава 2. СМЕРТОНОСНАЯ ЛОВУШКА

Никто не ответил. Свет в коридоре за спиной Энниса внезапно потух, но он решительно отступил в темноту. А выскочив назад, в коридор, услышал поспешные шаркающие шаги.

— Кэмпбелл! — позвал он, сделав шаг вперед по темноту коридору. И вновь не было никакого ответа.

Он сделал несколько неуверенных шагов вперед во тьме, вытянув руки в надежде отыскать инспектора. Что-то пронеслось в воздухе и петель захлестнуло его горло, крепкое и тонкое, словно щупальце.

Эннис яростно вцепился в эту вещь, оказавшуюся всего-навсего тонким шелковым шнурком, но не смог освободиться от удавки. Шнур душил. Американец попытался закричать, чтобы позвать Кэмпбелла, но из его горла не вырвалось ни единого звука. Он бился, беспомощно извивался, а потом начал терять сознание.

Едва различимо, словно во сне Эннис почувствовал, что его опускают на пол, а потом его то ли тащат, то ли несут куда-то. Удавка вокруг горла исчезла, и в голове быстро прояснилось. Эннис открыл глаза.

Он обнаружил себя лежащим на полу в комнате, освещенной огромной медной лампой с восточным орнаментом, подвешенной к потолку. Стены комнаты оказались драпированные красным шелком с гротескно

выглядевшими индийскими узорами. Его руки и ноги были связаны, так же как и у инспектора Кэмпбелла, который лежал на полу рядом. А над ними стояли Чандра Дасс и два малайца. Лица слуг были перекошены от ярости, лицо их хозяина осталось спокойным.

— Итак, вы, безрассудные глупцы, решили, что вам так просто удастся справиться со мной? — спросил индус громким, чуть вибрирующим голосом. — Почему-то вышло так, что еще несколько часов назад мы знали, что вы, инспектор Кэмпбелл, и ты, мистер Эннис, ночью придете сюда. Мы позволили вам зайти так далеко лишь потому, что хотели узнать насколько много вам известно о нас. К тому же это означало, что вы сами придете сюда и встретите вашу смерть.

— Чандра Дасс, ты забыл, что я полицейский, — проревел Кэмпбелл. — И если я отсюда не выйду, они придут за мной.

Гордое лицо индуса напоминало собой каменную маску.

— Они не успеют спасти вас, инспектор. К тому времени, как они явятся сюда, вы будете мертвы, а мы избавимся от пленников. Да, мистер Эннис, твоя жена одна из них, — прибавил он, обращаясь к связанному американцу. — Жаль, что ни ты, ни инспектор не сможете разделить уготованной ей судьбы, так как место в транспорте у нас ограничено.

— Рут здесь?! — лицо Энниса зарделось при этих словах, он приподнялся, опираясь на локти. — Позвольте ей уйти, и тогда я сделаю все, что вы скажете. Только отпустите ее!

— Никакие деньги не помогут ей откупиться от Братства Двери, — равнодушно ответил Чандра Дасс. — Ее готовят сейчас, но не для нас, а для Тех, кто ожидает за Дверью. Через несколько часов она вместе с остальными окажется перед Дверью, и Те, кто ожидает за Дверью, заберут их.

— Что вы собираетесь сделать с ней? — забился на полу американец. — Что это за проклятая Дверь? Кто такие Те, кто ожидают за Дверью?

— Даже если я скажу тебе, не думаю, что твой крошечный разум сможет воспринять истину, — печально произнес Чандра Дасс. Его черные, словно угли, глаза неожиданно безумно за сверкнули. — Как может твой убогий, порожденный землей разум осознать природу Дверей и тех, кто обитает за ними? Твой убогий ум впадет в ступор, если только ты попытаешься представить их себе — тех, кто могущественнее и мудрее всех жителей земли вместе взятых.

Американцу показалось, что холодный ветер пронесся по комнате, залитой светом ламп, когда индус произнес эти слова. Вспышка ярости прошла, и Чандра Дасс снова заговорил равнодушным тоном.

— Я достаточно общался с этими земляными червями. Принесите груз, — последние слова он адресовал малайцам, которые тут же направились к кладовке в дальнем конце комнаты.

И тут вновь заговорил инспектор Кэмпбелл:

— Если мои люди найдут нас мертвыми, когда придут сюда, вас всех перебьют.

Чандра Дасс не обратил внимания на его слова, вместо этого приказав слугам:

— Привяжите груз!

Малазийцы вытащили из кладовки два пятидесятифунтовых чугунных шара и быстро привязали их к ногам пленников. Один из них быстро завернул ярко красный индийский ковер, открыв грубый сосновый пол. Потом, повинувшись приказу Чандра Дасса, открыл люк, до того скрытый под ковром.

Из тьмы донесся шорох волн, бьющихся о сваи старого пирса, комнату наполнил запах соленой воды и гнилого дерева.

— Под этим пирсом глубина двадцать футов, — сообщил Чандра Дасс. — Я решил подарить вам легкую смерть, поскольку у меня нет ни времени, ни возможности воздать вам по заслугам.

Эннис у которого мурашки поползли по коже, быстро заговорил, словно желая переубедить индуса:

— Послушайте, я же не просил вас отпустить меня. Можете убить меня так, как пожелаете, если вы позволите Рут...

Но страх запечатал его уста, и американец замолчал. Слуги-малайцы подтащили Кэмпбелла к люку в полу и скинули туда. Эннис едва успел бросить косой прощальный взгляд на инспектора. Где-то внизу раздался громкий всплеск и наступила тишина.

Эннис почувствовал, как сильные руки подхватили его и потащили по полу. Он боролся, безумно, но был совершенно беспомощен, будучи крепко связан по рукам и ногам.

Американец видел темное, неподвижное лицо Чандра Дасса, красную лампу под потолком. Потом его голова свесилась через край люка. Толчок послал Энниса через край, и он полетел вниз во влажную тьму. Со шлепком он ударился о холодную воду и пошел ко дну. Инстинктивно американец задержал дыхание, когда вода сомкнулась над его головой. Тяжелый груз на его щиколотках тянул на глубину.

Ноги ударились об илистое дно. Тело качнулось, но груз крепко держал его. Легкие готовы были взорваться от нехватки воздуха. Казалось, грудь вот-вот лопнет.

Эннис понимал, что еще секунда или две и он захлебнется и умрет. Образ Рут пронесся перед глазами, наполнив сердце сожалением. Больше он не мог сдерживать дыхание, как мышцы расслабились, и холодная соленая вода хлынула в нос и рот.

Потом американец ощутил, как она наполняет желудок и шумит в ушах. словно вихрь пламени пронесся мозгу, ему показалось, что раздался чей-то голос:

— Ты умираешь!

Эннис смутно почувствовал, как кто-то коснулся его лодыжек и куда-то потянул. Внезапно его голова поднялась над водной гладью, и американец закашлялся, задыхаясь и отплевываясь, с трудом глотая влажный и тяжелый воздух. Он открыл глаза, стараясь встряхнуть воду с ресниц.

Он покачивался на воде в полной темноте. Кто-то плыл рядом с ним, помогая ему держаться на плаву. Подбородок Энниса покоился на чьем-то плече. Вскоре он услышал знакомый голос:

— А теперь полегче, — проговорил инспектор Кэмпбелл. — Подожди, я разрежу веревку на твоих руках.

— Кэмпбелл! — задохнулся Эннис. — Как вы освободились?

— Сейчас не время думать об этом, — отозвался инспектор. — Не шуми, лучше будет, если те, кто над нами, ничего не услышат.

Эннис ощутил, как лезвие ножа разрезает шнур, стянувший его за пастья. Потом американец вместе с инспектором, все еще поддерживающим его, принялся пробираться через лабиринт свай полусгнившей пристани, то и дело стучаясь о сгнившие столбы, которые угрожали рухнуть на них, обрушив всю пристань. Волны то и дело накатывались, грозя утопить, но Кэмпбелл уверенно вел их вперед.

Наконец они выбрались из-под старого пирса, над головой вновь засверкали звезды. Обернувшись, Эннис увидел длинную, темную массу дома Чандра Дасса, возведенного прямо на темном пирсе. Рубиновые огни сверкали за треснутыми окнами. Он натолкнулся на что-то и понял, что это — Кэмпбелл. Инспектор потащил его дальше к маленькому плавающему доку, возле которого было пришвартовано несколько яликов. Они забрались в один и некоторое время лежали на его дне, переводя дыхание.

Только сейчас Эннис заметил, что в руке Кэмпбелла тонкий, острый как бритва стальной клинок в несколько дюймов длиной. Его рукоять была из кожи — такие ножи обычно носят за голенищем.

— С помощью этого ножа вы, оказавшись в воде, освободились? — поинтересовался Эннис. Инспектор едва заметно кивнул.

— Этот трюк уже не раз сослужил мне хорошую службу. Даже если руки связаны за спиной, можно извернуться и достать нож. Так что я успел достать его и освободиться, только пришлось поспешить, чтобы успеть освободить вас, не дать захлебнуться.

Эннис сжал руку инспектору.

— Кэмпбелл, Рут у них! Мы должны найти ее спасти!

— Точно! — мрачно подтвердил тот. — Пойдем к парадному входу, и через две минуты ворвемся внутрь вместе с моими людьми.

Вскочив на ноги они через маленький плавающий док поспешно перебрались на берег и вскоре оказались на мостовой. Никого из переодетых лохмотья людей инспектора Кэмпбелла перед домом, где располагалось кафе Чандра Дасса, не было. Полицейские затаились в тени на противоположной стороне улицы. Увидев инспектора, один из полицейских подбежал к Кэмпбеллу и Эннису.

— Все в порядке, — объявил инспектор стальным тоном. — Пора схватить эту сволочь вместе с приспешниками, только постарайтесь сделать так, чтобы пленники не пострадали.

Он отдал несколько приказов, и переодетые полицейские вручили им с Эннисом пистолеты. После этого все вместе направились к дверям кафе, за которыми горели огни. Из залы доносилось множество голосов.

От удара инспектора дверь распахнулась настежь, и полицейские выставив пистолеты, вошли в зал, залитый рубиновым светом. Лицо Энниса превратилось в маску отчаянной решимости.

Разношерстные посетители повскакивали со своих мест. Один из малайцев выхватил нож, пытаясь преградить дорогу незваным гостям, но пистолет в руке Кэмпбелла коротко гавкнул, малаец замер, а потом рухнул на пол. Инспектор с Эннисом бросились к черным занавесям и сорвали их.

Когда они расправились с занавесями, то оказались перед стальной дверью, преградившей путь в заднюю часть здания. Эннис принялся яростно колотить рукоятью пистолета по стальной поверхности, но это не принесло никаких результатов.

— Бесполезно... Мы не сможем вышибить ее! — взревел Кэмпбелл во все горло. — Наружу! Обойдем дом с другой стороны!

Выскочив, они обошли здание, свернув на темную узкую боковую улицу. Пробежали до места, где пирс обрывался в воду, над которой протянулся узкий настил в несколько дюймов шириной. Когда они добрались до задней части здания, Эннис закричал, показав на две темные фигуры в конце пирса — низкие, бесформенные фигуры.

— Это они! — выпалил американец. — Но там нет никаких пленников. Кэмпбелл прицелился, но Эннис ударил его по руке.

— Нет, а если одна из этих фигур Рут?!

После чего они вместе с инспектором бросились бежать по причалу. Огонь ударил откуда-то из темноты, и пули впились в гнилые доски у них под ногами.

Впереди взревел мотор, набирающий обороты. Кэмпбелл с Эннисом достигли края причала как раз вовремя, чтобы увидеть, как длинная моторка понеслась по черной воде реки, направляясь на восток и набирая скорость.

— Они уходят... Они сбегут! — в ярости закричал молодой американец.

Инспектор Кэмпбелл приложил руки ко рту и, словно в рупор, прокричал:

— Речная полиция! Речная полиция, сюда!

Потом он повернулся к Эннису.

— Речная полиция была предупреждена заранее. Есть шанс, что этой ночью мы их все-таки поймаем.

С ревом надрывающихся от натуги моторов из темноты вылетел большой катер. Его прожектора залили светом старый причал, ослепив полицейского и его спутника.

— Сюда! — позвал голос, перекрывая рев мотора. — Это инспектор Кэмпбелл?

— Да. Подплывайте поближе, — отозвался тот, и когда катер подошел к причалу, вспенивая воду, Эннис и Кэмпбелл перепрыгнули на его палубу, оказавшись среди людей в прорезиненных плащах.

— Следуйте за лодкой, отправившейся вниз по течению! — приказал инспектор поднимаясь на ноги. — И ни в коем случае не стрелять!

Взвыл мотор и катер рванулся вперед так быстро, что инспектор со спутником едва не упали. Он пулей вылетел на простор темной реки, по обе стороны которой горели огни ночного Лондона.

Впереди в темноте мерцалидвигающиеся огоньки яхт и барж, идущих вверх по реке. Капитан катера выкрикнул приказ одному из своих людей, и тот присел над прожектором, направил мощный луч света куда-то вперед.

Мгновение, и он поймал серую тень, которая летела на восток по темной реке, оставляя за собой пенный след.

— Вот они! — закричал человек, направляющий луч прожектора. — Они плывут, не зажигая огней!

— Держи лодку в пятне света, — приказал капитан. — Включите сирену и прибавьте скорость!

Завывая и раскачиваясь катер рванулся вперед сквозь тьму в погоне за серой тенью далеко впереди. И когда они проскочили мимо Блэквал Рич, расстояние между катером и лодкой начало уменьшаться.

— Мы схватим его! — закричал Кэмпбелл, сжав пипперс7. Он подался вперед, не смотря на ветер и брызги. — Должно быть он важная фигура в этом Братстве Двери... Но теперь он совершил большую ошибку.

— Он говорил, что через несколько часов Рут и остальные пленники пройдут через Дверь! — прокричал Эннис, встав рядом с инспектором. — Кэмпбелл, мы не должны дать им уйти!

Катер мчался вслед за лодкой по темной, широкой реке, через лабиринт заполняющих ее судов. Он упрямо шел по пенному следу. Огни Лондона остались позади, и теперь впереди слева сверкали огни Тисбари.

Большие волны подбрасывали и швыряли катер из стороны в сторону. Он несся к устью реки, за которым раскинулась черная морская равнина. Огоньки побережья Кета поблескивали справа. Теперь серая моторная лодка шла прямо перед катером, оставив позади огни Ширнесса.

— Они направляются вокруг северного мыса, а потом скорее всего возьмут курс на Рамсгит или Дувр. — прокричал капитан катера Кэмпбеллу. — Но мы поймем его прежде, чем он пройдет Маргит.

Лодка была сейчас не более чем в полумиле впереди. И это расстояние неуклонно сокращалось, пока в мерцающем свете прожектора преследователи не смогли рассмотреть каждую деталь серой моторной лодки, несущейся по вздымающимся волнам.

Они даже разглядели темное лицо Чандры Дасса, который повернулся, чтобы взглянуть на них. А потом капитан катера поднес рупор ко рту и закричал перекрывая голосом грохот моторов и шум волн.

— Остановитесь или мы откроем огонь!

— Он не сдастся, — пробормотал Кэмпбелл сквозь крепко стиснутые зубы. — Знает, что мы не станем стрелять, поскольку на борту его лодки женщина.

— Да и черт с ним! — воскликнул капитан. — Так или иначе, но через несколько минут мы догоним его.

Погоня продолжалась, и вскоре впереди на черном берегу засверкали огни Маргита. Теперь суда разделяло всего несколько сотен футов черной воды.

Эннис с инспектором в волнении замерли, сжав поручни. Они хорошо видели, как белая фигура на катере неожиданно распрямилась и махнула руками в их сторону. Серая моторная лодка замедлила свой бег.

— Это Чандра Дасс, и он подает сигнал, что сдастся! — закричал Эннис. — Он останавливает катер!

— Во имя небес, это и в самом деле он! — согласился Кэмпбелл. — Подойдите к ним сбоку, и мы быстренько наденем на него наручники.

Лодка, прибавив скорость, проскользнула вперед к катеру, который плыл все медленнее и медленнее. Эннис увидел Чандра Дасса. Тот стоял прямо высоко над головой подняв руки. Рядом с ним с такой же позе застыли два малайца. А еще он увидел с полдюжины тел в белых одеждах, которые без движения лежали на дне катера.

— А вот и их пленники! — заметил он. — Подведите лодку поближе, чтобы мы смогли перепрыгнуть к ним на борт.

Эннис и Кэмпбелл достали пистолеты, приготовившись перепрыгнуть на борт серого лодки. Наконец суда соприкоснулись бортами, моторы их жалобно взвыли, сбавляя обороты. Затем, произошло несколько событий, причем все случившееся больше напоминало кино, чем реальную жизнь. Двое в белых одеждах, до того лежавшие на дне лодки, вскочили и перепрыгнули на борт катера.

Это были малайцы, глаза на их темных лицах горели, как у фанатиков. В руках у них сверкнули клинки.

— Засада! — закричал Кэмпбелл. Его револьвер выстрелил, но пуля ушла в сторону, а потом кинжал ударил его по руке.

Малайцы с безумными воплями кинулись вперед, размахивая кинжалами.

— Боже мой, да они сумасшедшие! — закричал капитан.

Клинок ударил его в шею, лицо залила кровь, и бедняга рухнул. Один из его людей закашлялся кровью, став еще одной жертвой безумцев.

ГЛАВА 3. По подземному туннелю

Полицейский у прожектора прыгнул на безумного малайца, одновременно выхватив пистолет. Но до того как он это сделал, кинжал рубанул его по шейной вене и полицейский повалился замертво. Первый малаец тем временем сбил с ног инспектора Кэмпбелла и навис над ним, готовый обрушиться на полицейского кинжал. Глаза слуги индуса безумно сверкали.

Пистолет Энниса взревел, и пуля ударила малайца точно между глаз. Но когда его тело обмякло, на американца сбоку кинулся второй безумец. И прежде, чем американец смог развернуться, чтобы встретить врага лицом к лицу, клинок атакующего рассек ему скулу, словно обжег огнем.

Тут же прогремел еще один выстрел. И еще. С каждым выстрелом тело малазийца конвульсивно вздрагивало. Огоньки смертоносного безумия в его глазах потухли, однако он по-прежнему пытался вонзить

кинжал в горло американцу. А потом, качнувшись назад, упал на палубу и замер.

Эннис поднялся на четвереньки и обнаружил, что инспектор Кэмпбелл, бледный и окровавленный склонился над ним. И тут, один из полицейских выстрелил откуда-то сзади.

Привстав, Эннис увидел, что капитан лодки и двое его людей мертвы, точно так же, как оба малайца. Оставшийся в живых моряк стоял, держась за плечо, и тихо постанывал.

Эннис зарычал от ярости. Моторного катера Чандра Дасса поблизости не было. Не было видно его нигде на просторах моря. Пока они сражались, коварный индус сбежал вместе с двумя слугами и пленниками.

— Кэмпбелл, он ушел! — обезумев, рявкнул американец. — Он ушел!

Глаза инспектора от ярости засверкали холодным огнем.

— Да, Чандра Дасс пожертвовал двумя малайцами, которые задержали нас, дав ему уйти.

А потом Кэмпбелл обратился к моряку, оставшемуся в живых:

— Как вы?

— Царапина, но, похоже, падая, я сломал руку, — ответил тот.

— Тогда продолжаем идти вдоль северного мола! — воскликнул Кэмпбелл. — Еще раз попробуем схватить их.

— Но капитан Вильсон и остальные мертвы, — запротестовал моряк — Я должен доложить...

— Доложишь позже! — отрезал инспектор. — Всю ответственность беру на себя.

— Хорошо, сэр, — согласился матрос и шагнул к рулю.

Мгновение, и большая лодка сорвалась с места, разрезая черную воду. Луч прожектора устремился вперед, выискивая цель. Но впереди не было никаких признаков лодки Чандра Дасса. Тогда преследователи направили луч прожектора в сторону Маргита, а потом назад, в сторону Северного мола, наобум шаря по бескрайней водной глади.

Тем временем инспектор Кэмпбелл перетаскил тела мертвого капитана, двух матросов и малайцев в каюту катера. Выбравшись назад, он присел на корточки перед Эннисом и Стюартом — моряком, оставшимся в живых.

— Я обнаружил это у малайцев, — сообщил Кэмпбелл американцу, протянув ему два маленьких предмета.

Это оказались плоские звезды из серого металла, в центр которых были инкрустированы овальные кабошоны⁹, чей цвет казался чужеродным для человеческих глаз.

— Такого цвета на Земле не существует, — пояснил Кэмпбелл. — Думаю, эти драгоценности из-за Двери. Это знак членов их Братства.

Стюарт, рулевой, повернулся к инспектору:

— Мы обогнули Северный мол.

— Следуем прямо на юг, вдоль побережья, — приказал Кэмпбелл. — Чандра Дасс должен был отправиться в эту сторону. Без сомнения,

теперь, будучи уверен, что ускользнул, он напрямик отправится в обитель Братства.

— Наш катер не предназначен для плавания в открытом море, — заметил Стюарт, покачивая головой. — Но я сделаю все, что в моих силах.

И они двинулись на юг вдоль побережья, оставив огни Рамсгита далеко позади. Впереди открылся морской простор. Волны тут то поднимали катер к самому небу, то бросали его вниз, вызывая тошноту.

Эннис, скорчившись на носу, скользил по воде белым лучом прожектора, но поблизости не было ничего видно.

Белые пенные гребни появились на верхушках волн.

— Со стороны канала идет шторм, — сообщил Стюарт. — Нам стоило бы как можно быстрее убираться отсюда.

— Никуда мы не уйдем, — с отчаяньем в голосе объявил американец. — Так или иначе, но скоро мы обнаружим их!

Побережье справа представляло из себя нагромождение черных утесов, возвышающихся вдоль всего берега неровной, зубчатой стеной, разбиваясь о которую море исходило потоками пены.

Свист ветра сменился надрывными завываниями. И в самом деле приближался шторм. Катер раскачивался все сильнее, когда на него обрушивались волны разбушевавшейся стихии.

Неожиданно Эннис воскликнул:

— Впереди огни какой-то лодки! Она движется к утесам!

Он показал вперед, и Кэмпбелл с рулевым стали вглядываться сквозь слепящие брызги и тьму. Действительно, над водой скользила пара огней — какая-то лодка шла напрямик к утесам, нависающим над водой подобно гигантским черным башням. А потом огни неожиданно исчезли из поля зрения.

— Наверное там, среди утесов, есть скрытый проход! — воскликнул Кэмпбелл. — Но это не лодка Чандра Дасса. Они же плыли без огней.

— А может это другое судно с членами Братства, спешащими в место общего сбора! — возразил Эннис. — Нам нужно последовать за ними и посмотреть.

Стюарт потряс головой, а потом пробурчал:

— В этих утесах полным-полно пещер. Но там ничего нет.

— Вот мы это и проверим, — решил инспектор. — Идем прямо к утесам. Туда, где исчезла лодка.

— Если мы не найдем проход, наш катер разобьет об эти утесы, — предупредил Стюарт.

— Уверен, мы обнаружим вход, — заверил моряка Кэмпбелл. — Вперед!

Лицо Стюарта превратилось в каменную маску, но, тем не менее, он ответил:

— Есть, сэр.

Моряк развернул нос катера в сторону утесов, и они направились к стене скал с огромной скоростью — дикие волны несли катер вперед, словно обезумевшие кони. Рулевой согнулся, стараясь не свернуть с нужного курса. Луч прожектора скользил по волнам. Эннис и инспектор

замерли, глядя на приближающиеся утесы. Вскоре луч достиг скал и побежал по каменным отрогам. Но все, что в его свете смогли рассмотреть пассажиры катера — неприступные скалы и огромные волны, со страшной силой бьющиеся о камни, покрытые белой пеной. Люди слышали грохот ужасных ударов океана об утесы.

Словно запущенная рукой волшебного великана лодка летела прямо на скалы. Теперь преследователи видели маленькие ручейки, которые стекали вниз по каменным глыбам, после того как о них разбивалась очередная волна. Они были уже совсем рядом с каменной громадой прибрежной «стены».

Лицо Стюарта стало мертвенно белым.

— Я не вижу никакого прохода! — заголосил он. — В любой момент нас размажет по скалам!

— Слева от тебя! — крикнул Кэмпбелл, заглушая грохот прибоя. — Там какая-то арка.

Теперь и Эннис увидел ее — огромную арку в утесе, ведущую куда-то вглубь скал. Стюарт фантастическим усилием попытался развернуть катер в ее сторону, но рулевое колесо не слушалось. Волны швыряли катер из стороны в сторону. Эннис понял, что еще немного, и они врежутся в скалу, чуть левее спасительной арки. Утес маячил впереди, нависая над катером, и в какой-то миг американец закрыл глаза, ожидая удара.

Но удара не последовало. А потом он услышал, как победно закричал инспектор Кэмпбелл, и открыл глаза.

Катер, подхваченный мощным течением, крутясь, влетел под каменную арку, которая теперь возвышалась футах в сорока у них над головами. Еще несколько секунд, и они оказались в подземном туннеле, который, извиваясь, уходил куда-то вглубь утесов.

Дикий рев морских волн остался где-то позади, наступила мертвая тишина. Медленно и неспешно течение несло катер по извилистому туннелю, луч прожектора скользил по влажным стенам.

— Боже, похоже, мы почти у цели! — воскликнул Кэмпбелл.

Его глаза радостно засверкали.

— Эннис, я уверен, что мы обнаружили место, где собираются члены Братства. Катер, который мы высматривали, где-то там впереди во тьме.

Рука Энниса еще крепче сжалась на рукоятке пистолета.

— Если это так... Мы должны обнаружить их...

— Нам не поможет, если мы станем действовать вслепую, — объяснил инспектор. — Если в пещере и в самом деле собираются члены Братства, то мы не сможем вступить с ними в открытую схватку — нас просто сомнут числом.

Затем глаза Кэмпбелла вновь сверкнули, и он достал из кармана странные драгоценности, обнаруженные у малайцев.

— Вот наши пропуска! С ними мы сойдем за членов Братства, и, если этот маскарад удастся, найдем вашу жену.

— Но там будет Чандра Дасс, и если он нас увидит...

Кэмпбелл только плечами пождал.

— Другого шанса нет. Это единственный путь.

Тем временем течение по-прежнему несло их все дальше по изви- вающемуся туннелю. Чтобы не разбить корпус катера о выступающие скалы, Стюарту то и дело приходилось пускать в ход мотор, стараясь удерживать судно на середине протока. Тем временем инспектор Кэмпбелл и Эннис отнесли в каюту полицейские знаки, ранее красовавшиеся на бортах лодки, а те, что не смогли убрать, прикрыли кусками брезента.

Неожиданно Стюарт выключил прожектор.

— Впереди свет! — объявил он.

И правда, за следующим поворотом туннель оказался залит стран- ным, мягким, мерцающим светом.

— Теперь надо быть особо осторожными, — объявил инспектор. — Стюарт, чтобы не происходило, оставайся в лодке. И будь готов сразу отплыть, если нам придется бежать.

Стюарт кивнул, ничего не сказав. Каменное лицо рулевого немного побледнело, но он ничем не выдал своего страха.

Катер опять повернул, следуя изгибам туннеля, и оказался в огром- ной, залитой светом пещере. У Стюарта глаза чуть не вылезли из ор- бит от удивления, и даже инспектор Кэмпбелл вскрикнул, не в силах сдержаться. В этой огромной пещере было несколько дюжин морских судов — больших и малых.

Все они с легкостью могли противостоять шторму и ветру, а не- которые были столь велики, что непонятно, как они тут оказались. Здесь сгрудились небольшие яхты, моторные катера, морские баржи, лодки много больше по размеру, чем их посудина. Среди прочих тут находилась и лодка Чандра Дасса. Но нигде не было видно ни одного человека. Вдоль всей пещеры шел широкий уступ, вырезанный в скале. Пещеру заливал странный, мягкий белый свет, источника которого было не видно.

— Эти суда приплыли сюда со всех концов Земли... — пробормотал Кэмпбелл. — Братство Двери и в самом деле собирается здесь... Похоже мы обнаружили их штаб-квартиру.

— Но где они все? — воскликнул Эннис. — Я никого не вижу.

— Мы вскоре найдем их, — заверил американца инспектор. — Стюарт подойди поближе вон к тому уступу, чтобы мы могли выбраться на берег.

Стюарт точно выполнил приказ, и когда лодка мягко коснулась бортом камня, инспектор и американец перепрыгнули на уступ. Они снова оглянулись, но не заметили никаких наблюдателей. Тишина пещеры нервировала, точно так же как странный свет, размеры пещеры и брошенные суда.

— Следуй за мной, — тихим голосом приказал инспектор. — Враги где-то рядом.

Инспектор и Эннис сделали всего несколько шагов вдоль уступа, когда американец остановился.

— Кэмпбелл, прислушайтесь! — прошептал он

Их перешептывания прозвучали очень тихо, в то время как откуда-то издалека из-за толстых стен, до них донеслось монотонное песнопение. А когда прислушались, то их сердца забились быстрее. Внезапно каменный прямоугольник впереди ушел в сторону, открыв проход, сильно напоминающий огромную дверь. За ней начинался коридор в рост человека, залитый все тем же таинственным светом. У входа в туннель стояло двое. Поверх своих одежд они носили серые робы с длинными рукавами, очень напоминающие саваны, из материала похожего на асбест. Серые капюшоны с прорезями для глаз и рта за- крывали их головы. У обоих на груди был знак в виде звезды, точно такой же, как те, что были у инспектора и американца.

Члены Братства внимательно осмотрели Энниса и Кэмпбелла, в то время те замерли, словно воришки, застигнутые врасплох. На- конец один из людей в капюшонах заговорил, и в его тягучем голосе послышалось что-то монгольское.

— Пришедшие, вы принадлежите Братству Двери? — спросил он, видимо, повторяя ритуальное приветствие.

Кэмпбелл, прилагая все свои силы к тому, чтобы его голос не дро- жал, ответил:

— Мы из Братства.

— Тогда почему вы не носите знаков Братства?

В ответ Эннис достал из кармана странную эмблему и прицепил на лацкан пиджака. Эннис сделал то же самое.

— Входите, братья, — пригласил один из людей в капюшонах все тем же шипящим, неприятным голосом. Он шагнул в сторону, открывая дорогу.

Когда Кэмпбелл с Эннисом вошли в туннель, страж в капюшоне прибавил:

— Братья, вы должно быть последние. Вы должны поспешить, надо успеть надеть защитные робы, церемония вот-вот начнется.

У Кэмпбелла хватило ума не задавать вопросов. Они прошли в туннель. Вырезанный в скале, тот был залит светом, не имевшим определенного источника, точно так же, как пещера с лодками, и вел куда-то вглубь земли.

Когда инспектор и его спутник оказались вне поля зрения стражей в капюшонах, Эннис наклонился к уху инспектора и прошептал:

— Кэмпбелл, он сказал, что церемония скоро начнется! Мы должны найти Рут до того, как это случится!

Туннель неожиданно вывел их в пещеру, где стояла группа членов Братства. Несколько из них уже одели робы с капюшонами, другие только принялись одеваться, подбирая себе одежду из огромной кучи. Трое из присутствующих были в восточной одежде. Совершенно очевидно, что это они прибыли на лодке, следом за которой плыли инспектор и его спутники.

Три восточных человека быстро одели робы и, надвинув капюшоны, поспешили дальше по туннелю. Кэмпбелл и Эннис, как и все остальные, шагнули к хранителям роб, вытянув руки.

Один из тех на глазок подобрал одежды подходящего размера и протянул их инспектору и его спутнику. Но в этот момент один из людей в капюшонах что-то громко сказал. Тут же все присутствующие в пещере потянулись к Кэмпбеллу и Эннису.

Все случилось так неожиданно, что ни инспектор, ни американец не успели вытащить пистолеты. Люди в серых робах скрутили незваных гостей так, что те даже пошевелились на могли.

Оглушенные неожиданным пленением и крахом всех их надежд, детектив и молодой американец увидели, как член Братства, поднявший тревогу, стянул с головы капюшон. Это был никто иной, как Чандра Дасс.

ГЛАВА 4. ПЕЩЕРА ДВЕРИ

Индус заговорил, и его сильный, вибрирующий голос был переполнен печалью, почти сожалением:

— Раз вы добрались сюда, то вы не сможете погибнуть от кинжалов членов нашего Братства. Именно поэтому я и остался тут ожидать вас... Обыщите их, — приказал он другим остальным. — Заберите все, что может сойти за оружие.

Эннис напрягся, в то время, как люди в капюшонах выполнили распоряжение своего начальника. Американец никак не мог смириться с тем, что вот так в один миг рухнули все их надежды, и попытка спасти Рут с остальными похищенными провалилась.

Люди в капюшонах отобрали у Энниса и Кэмпбелла пистолеты. Потом члены Братства отступили, но два пистолета по-прежнему были нацелены на пленных.

Чандра Дасс равнодушно смотрел на своих пленников. И тут Эннис с изумлением заметил, что эмблема, которую индус носил на груди сильно отличалась от тех эмблем, что носили остальные. Эмблема Чандра Дасса представляла собой двойную звезду.

Потом взгляд Энниса переключился на каменное лицо индуса.

— Где Рут? — требовательно спросил он, а потом его голос сорвался. — Проклятая тварь, отвечай: где моя жена?!

— Не беспокойся, мистер Эннис, — все так же безразлично ответил индус. — Скоро вы воссоединитесь со своей женой и разделите ее судьбу. Вы оба отправитесь через Дверь, когда она откроется. Необычная ситуация: жертвы сами идут нам в руки. Обычно довольно трудно заполучить их.

Он махнул рукой и двое членов Братства с пистолетами подступили к Эннису и Кэмпбеллу.

— А теперь прогуляемся в Пещеру Двери, — объявил Чандра Дасс. — Инспектор Кэмпбелл, я хорошо знаю вас и уважаю ваше упорство. Предупреждаю, что при любой попытке сбежать вы получите пулю в спину. Вы двое пойдете впереди, — сказал он, и насмешливо прибавил. — Помните, пока вы живы, у вас всегда

есть тень надежды, но если заговорят пистолеты, то никакой надежды не останется.

Эннис и инспектор Кэмпбелл, по-прежнему с поднятыми руками, повинаясь командам индуса, стали спускаться вниз по освещенному туннелю. Следом за ними двигались двое в капюшонах и сам Чандра Дасс.

Эннис видел, как вытянулось лицо инспектора. Он знал, что за этой бесцветной маской, разумеется Кэмпбелла усиленно работает, пытаюсь отыскать способ спасения. Что до американца, то он забыл обо всем, кроме своей молодой жены. Что случилось с Рут, что за таинственный ужас поджидает ее и других жертв? Однако теперь он будет рядом с ней, он защитит ее!

Туннель уходил все дальше и дальше, постепенно распрямившись. На этом прямом участке Эннис и Кэмпбелл впервые заметили резьбу на стенах — всевозможные надписи. У пленников не было времени, чтобы попытаться разобрать написанное, но Эннису показалось, что эти надписи сделаны на различных языках, начертание большей части которых непривычно глазу человека.

— Боже, некоторые из этих надписей — египетские иероглифы, — пробормотал инспектор Кэмпбелл.

А потом откуда-то сзади до них донесся голос Чандры Дасса.

— Эти надписи, точно так же, как языки, на которых они написаны, созданы задолго до появления Египта, инспектор. Братство Двери существовало задолго до появления Рима и Египта. И каждый год его члены собрались, чтобы открыть Дверь и принести жертвы Тем, кто за Дверью.

Теперь в голосе индуса зазвучали фанатические нотки безумия, и Эннис вздрогнул, хотя в туннеле было вовсе не холодно.

Шагая все дальше по туннелю, они услышали приглушенные, хриплые звуки, словно кто-то бил то ли в барабан, то ли в бубен, где-то впереди — глухой, ритмичный грохот, эхом разносящийся по туннелю. Стены были влажными и сверкали в лучах странного света.

— Вы слышите грохот прибоя над головой, — продолжал Чандра Дасс. — Пещера Двери лежит на несколько сотен футов ниже уровня океана, под каменным морским дном.

Вскоре все вошли в темный, неосвещенный туннель, который от- ветвлялся от освещенного. По мере того, как они спускались, грохот прибоя звучал все тише, и вскоре Эннису показалось, что слышит, как кто-то монотонно читает псалмы, точно так, как казалось в пещере на- верху. Только теперь эти звуки были громче, и источник их был много ближе. Услышав песнопения, Чандра Дасс прибавил шаг.

Неожиданно инспектор Кэмпбелл поскользнулся на камне и всей своей массой рухнул на пол туннеля. Тут же Чандра Дасс и два его спутника отпрянули, нацелив пистолеты на детектива, который с трудом поднялся на четвереньки.

— Не советовал бы вам проделывать подобный трюк снова, инспектор, — предупредил индус голосом, в котором слышались смертоносные нотки. — Теперь ни один трюк вам не поможет.

— Ничего не поделаешь, пол тут очень скользкий, — пожаловался инспектор Кэмпбелл.

— Еще раз поскользнетесь и я вам хребет прострелю, — пообещал Чандра Дасс. — А теперь быстро... Марш вперед!

Туннель резко повернул, потом еще раз. После всех этих поворотов Эннис окончательно утратил ощущение направления. Он взглянул на инспектора, и в сердце его снова вспыхнула надежда, поскольку он увидел, что тот сжимает в руке нож, который обычно носил за голенищем. Видимо инспектор специально споткнулся, чтобы вытащить его.

Затем Кэмпбелл приблизился к молодому американцу, и они пошли чуть быстрее. На какое-то время расстояние между ними и их конвоирами увеличилось. И тогда инспектор прошептал молодому человеку, делая паузы так, чтобы шорох шагов заглушал слова:

— Будь... готов... прыгнуть... на них...

— Но они станут стрелять, если мы... — в ужасе прошептал Эннис.

Кэмпбелл не ответил, однако Эннис почувствовал, как напряглось тело инспектора.

Туннель еще раз круто повернул. Теперь песнопение доносилось откуда-то сверху. Однако инспектора сейчас волновало совсем другое. Как только они повернули за угол, Кэмпбелл, резко развернувшись, ударил ножом человека, который шел следом.

Пистолет, нацеленный ему в желудок, выстрелил почти в упор. Инспектор дернулся всем телом, когда пули разорвали его тело, но остался стоять, с быстротой молнии нанося удары ножом.

Один из людей в капюшоне повалился с перерезанным горлом, и тогда Кэмпбелл набросился на второго. Так вышло, что Эннис оказался один на один с Чандрой Дассом. В первый момент ему удалось сбить с ног ошеломленного индуса, но тот дрался, словно дьявол. Оказалось, что Чандра Дасс, несмотря на свое тщедушное телосложение, обладает недюжинной силой.

Эннис вкладывал в удары всю свою ненависть, но тело индуса казалось было выкованным из стали. Крутанувшись, негодяй в свою очередь повалил молодого американца на пол, а потом навалился на него. Огромные темные глаза Чандры Дасса сверкали, как у безумца.

А потом он неожиданно задержался, огонь в глазах потух, и просьба о помощи сорвалась с губ. После этого индус упал лицом вниз, и Эннис увидел нож Кэмпбелла, торчащий из его спины. Ловким движением инспектор выдернул клинок и вновь засунул за голенище. Молодой американец содрогнулся, только сейчас осознав, что его спутник только что зарезал трех членов Братства, теперь валяющихся на полу туннеля.

— Кэмпбелл! — воскликнул американец, схватив инспектора за руку. — Они же ранили вас... Я видел, как в вас стреляли!

Тот усмехнулся уголком рта.

— Ерунда, — проговорил он и погладил грязный серый жилет, который носил под пиджаком. — Похоже, Чандра Дасс ничего не знал о бронежилетах.

Потом инспектор внимательно посмотрел вниз и вверх вдоль туннеля. — Тела этих негодяев нельзя тут оставлять. Их могут обнаружить в любой момент.

— Послушайте! — призвал Эннис, повернувшись.

Песнопение разносилось по туннелю, становясь все громче и громче, достигая триумфального крещендо, замолкая, а потом начинаясь снова.

— Кэмпбелл, они начали церемонию! — воскликнул Эннис. — Там Рут!

Детектив равнодушным взглядом осмотрел вход в один из темных туннелей, ответвлявшийся от главного.

— По-моему, подходящий туннель... Давай-ка перетащим сюда тела, — приказал он.

Забрав пистолеты у мертвецов, они быстро перетаскивали тех в темный боковой туннель.

— А теперь быстренько наденем их робы, — продолжал командовать Кэмпбелл. — Без них у нас и вовсе нет шансов.

Эннис торопливо сорвал серую робу с мертвого Чандры Дасса и натянул ее, в то время как Кэмпбелл раздел одного из конвоиров. В робах, с низко надвинутыми капюшонами они ничем не отличались от других членов Братства, если не считать, что на груди Энниса висел медальон с двойной звездой, а не с обычной, как у всех остальных.

Закончив свой «маскарад», инспектор со спутником быстро вернулись назад, в освещенный туннель. Эннис шел чуть впереди, а инспектор держался у него за спиной.

Только они успели выскочить из темного коридора, как откуда-то сверху донеслись быстрые шаги, кто-то торопливо спускался по коридору. Метнувшись назад инспектор и его спутник застыли во тьме, в то время как мимо них торопливо прошептали члены Братства, остававшиеся наверху. Они явно очень торопились присоединиться к остальным.

— Стражи и те, кто выдавал робы. — пояснил инспектор американцу, когда те прошли мимо. — Мы видели их всех наверху. Пойдем следом и, думаю, нам следует поспешить.

Вновь инспектор и его спутник вышли в освещенный туннель и быстрым шагом отправились за остальными членами Братства.

К грохоту прибоя где-то далеко у них над головой прибавилось песнопение. Слившись воедино, эти звуки стали почти непереносимыми, когда инспектор и американец миновали последний поворот туннеля. Тот стал много шире, открыв высокий каменный портал, за которым было огромное залитое светом пространство.

Кэмпбелл и Эннис, которые на фоне портала, могли показаться крошечными фигурками в серых плащах с капюшонами, решительно направились вперед, а потом резко остановились. Эннису показалось, что тело его вмиг обратилось в камень.

— Это Пещера, совершенно верно... Пещера Двери!

Они осмотрели огромный каменный зал, спрятанный глубоко под дном океана. По форме он напоминал эллипс и в длину был сотни три футов. Черные базальтовые стены поднимались башнями, смыкаясь где-то высоко вверх. Эти башни словно поддерживали океанское дно, до которого было много сотен футов.

В дальнем конце зала на плоских площадках черного базальта стояло пять человек в робах с низко надвинутыми капюшонами. Четверо из них носили медальоны с двойной звездой, а один — с тройной. Двое из них находились рядом с кубическим, сверхъестественно выглядевшим, серым, металлическим механизмом, от которого словно паутина в разные стороны протянулись провода, безумным образом сплетенные в своего рода паутину. Многие из них пульсировали, переполненные странной энергией. Внутри загадочного механизма пульсировал свет, не имеющий источника, тот самый, что освещал туннели и пещеру.

Над машиной, если это, конечно, была машина, поднималась твердая грубая базальтовая стена. Но на ней над странным механизмом был высечен огромный многогранный черный камень, напоминающий камень на эмблеме — полированный овал. А в середине этого полированного овала были вырезаны четыре больших, совершенно нечеловеческих лика. Когда Эннис и Кэмпбелл увидели их, мороз пополз по их венам. Медленное, размеренное пение звучало все громче. Звук поднимался к потолку пещеры, и, казалось, сам камень вибрировал ему в такт. Словно кто-то исполнял литанию на неведомом людям языке. Но неожиданно все смгло.

Эннис сжал руку инспектора, спрятанную под серым балахоном.

— Где Рут? — безумным голосом прошептал он. — Я не вижу тут никаких пленных.

— Если их нет тут, они где-то в другом месте, — быстро ответил Кэмпбелл. — Послушайте...

В этот момент песнопение окончательно смгло. В дальнем конце пещеры вперед выступил человек, носивший три звезды. Он заговорил, и его глубокий, грудной голос разнесся по пещере, прокатился по ней, мечась взад-вперед от камня к камню, от скалы к скале.

— Братья Двери, — начал он. — Мы снова встретились в этом году в пещере Двери, точно так же, как десять тысяч лет наши прадеды встречались тут, чтобы поклониться Тем, кто ожидает за Дверью и принести в жертву тех, кого любят... Сто столетий прошло с тех пор, как первый из тех, Кто ждет за Дверью, послал свой мысленный сигнал через бездну, разделяющую наши вселенные. И с тех пор мы каждый год открываем Дверь, которую построили по их наущению. Каждый год мы приносим им жертвы. А в ответ они делятся с нами своей мудростью и силой. Они показывают нам то, что сокрыто от обычных людей, и дают силы, которых у других людей нет. Сегодня вновь пришло время открыть Дверь. По другую ее сторону в своей вселенной, Они ожидают жертвы, которые мы им приготовили. Пришел час передать им эти жертвы.

И тут, словно по сигналу из узкого бокового коридора в зал вошла новая группа людей, состоящая из трех колонн. Две колонны членов Братства в серых плащах и капюшонах, а между ними колонна мужчин и женщин. Их было тридцать или сорок. Эти люди принадлежали разным расам, разным классам, но все как один двигались медленно, механически, глядя прямо перед собой остекленевшими, ничего не видящими глазами. Больше всего они напоминали живые трупы.

— Их опоили! — пробормотал Кэмпбелл дрожащим голосом. — Они все под воздействием наркотиков и не понимают, что происходит.

Взгляд Энниса остановился на шедшей в конце колонны маленькой, хрупкой девушке с каштановыми волосами, одетой в темно-коричневое платье. Ее лицо было белым, «окаменевшим», как у всех остальных.

— Это Рут! — воскликнул американец, но капюшон приглушил его крик.

Он рванулс было вперед, но Кэмпбелл остановил его, крепко схватив за плечо.

— Нет! — воскликнул он. — Так вы ей не поможете. Они просто-напросто снова схватят вас!

— Но, по меньшей мере, я буду вместе с ней! — воскликнул Эннис. — Отпустите меня!

Однако инспектор Кэмпбелл продолжал держать американца стальным захватом.

— Подождите, Эннис. — продолжал увещевать детектив. — Действуя таким образом, вы не оставляете себе ни единого шанса. Роба, надетая на вас, это роба Чандра Дасса. На ней двойная звезда, такая же, как у тех, кто стоит на площадках Это означает, что Чандра Дасс должен был находиться где-то там. Идите туда и займите его место, словно вы — это он... Надвиньте капюшон пониже, и они не смогут распознать подмену. Я же постараюсь подобраться поближе к пленным. Коридор, откуда их вывели, должен где-то неподалеку соединяться с главным коридором, к тому же вход в него не так далеко от этих дискообразных возвышений. Когда я открою огонь из пистолета, хватайте свою жену и попытайтесь вместе с ней скрыться в туннеле. Если вы поспешите, то у нас будет шанс вернуться той же дорогой, которой мы пришли сюда, и сбежать.

Эннис сжал руку инспектора. Потом, ничего не говоря, он спокойным шагом прошел в центр пещеры, мимо людей в серых родах прямо к одной из пустых площадок и поднялся на нее, хотя сердце его готово было вырваться из груди. Старший посвященный, единственный, кто носил тройную звезду, удостоил американца только мимолетного взгляда, словно сделал замечание за опоздание. Эннис видел, как Кэмпбелл, стараясь не привлекать к себе внимания, двинулся к боковому темному туннелю. Никто из сотни посвященных не обращал на него внимания. Их внимание было полностью приковано к членам Братства, стоящим на дисках-возвышениях. Рут прошла мимо Энниса, ее лицо и в самом деле превратилось в белую непривычную маску.

Все посвященные сгрудились возле дисков, позади которых сверкала огромная черная многогранная дверь. Стражи отошли от пленников, но те по-прежнему стояли совершенно спокойно. Эннис стал подбираться к Рут, находившейся в конце колонны неподвижных фигур. Оказавшись неподалеку от нее, он обратил внимание на двух членов Братства, замерших рядом с механизмом. Те потянулись к двум выпуклым кнопкам на боковых эбонитовых поверхностях странного устройства, под сферической паутиной спутанных проводов.

Глава Братства, стоявший перед механизмом, высоко поднял руки. Его голос — грудной, вибрирующий — разнесся по всей пещере.

ГЛАВА 5. ДВЕРЬ ОТКРЫЛАСЬ

— Куда ведет эта Дверь? — рокотом прокатился по пещере голос посвященного.

За спиной ему ответила сотня голосов, приглушенных капюшонами, но достаточно громких, чтобы эхо подхватило их и разнесло по всей пещере.

— Она ведет из нашего мира...

Посвященный выдержал паузу, ожидая, пока стихнут все отзвуки эха, и только потом продолжил ритуал.

— А кто научил наших предков открывать ее?

Эннис все ближе и ближе подбирался к колонне жертв, чувствуя, как сам воздух вибрирует в такт словам посвященного.

— Те, кто находится за этой дверью, научили их!

Теперь Эннис уже стоял в стороне от остальных членов Братства, в нескольких ярдах от пленных, от маленькой Рут.

— Это те, кому мы приносим жертвоприношения?

Голос высшего посвященного вновь вознесся к потолку пещеры, и до того, как прозвучал ответ, чья-то рука схватил Энниса за руку и потянула назад на его место, прочь от пленников. Американец покосился и увидел еще одного из членов Братства.

— Мы приносим жертвы тем, кто за Дверью!

И громогласный отклик прозвучал именно тогда, когда посвященный толкнул Энниса на его место, едва слышно прошептав:

— Ты встал слишком близко к жертвам. Чандр Дасс! Ты что, хочешь, чтобы тебя забрали вместе с ними?

Посвященный крепко держал Энниса за локоть. На американца вновь накатил волна отчаянья. В этот момент раздались слова, означающие окончание ритуала.

— И Дверь откроется, когда они придут забрать жертвы?

В ответном ошеломляющем, вибрирующем крике смешались страх верующих и сверхчеловеческий ужас.

— Пусть Дверь откроется!

Старший посвященный повернулся и поднял руки, подавая сигнал. Эннис напрягся, готовый прыгнуть к Рут. Тем не менее, он видел, как

два посвященных, словно по команде вдавили кнопки в боковых гранях странного механизма. После этого Эннис, как и все остальные в пещере, замер, околдованный происходящим.

Спиральная паутина завибрировала с безумной силой. В самом центре огромного многогранника в стене появилась маленькая искорка зеленого, зеленого света. Потом он начало постепенно расширяться, расплзаться, словно раскрывался огромный жутковатый цветок. К своему ужасу Эннис смог разглядеть то, что находилось по другую сторону зеленого свечения! Он и в самом деле заглянул в другую вселенную, лежащую в ином измерении, чем наше. Это и в самом деле была Дверь, ведущая в иной мир, залитый зеленым, болезненно мерцающим светом.

Эннис видел вдалеке город, залитый этим светом, проклятый город, погруженный в изумрудное мерцание, чьи ассиметричные, искривленные башни и минареты вытянулись к адско-зеленым небесам. Он заметил в мягкой зеленой субстанции на поверхности чужого мира сверкающие огоньки, скользящие туда-сюда, словно огромные желтые глаза.

С отращением Эннис внезапно понял, что огромные желтые круги — и в самом деле глаза. Адский город из другой вселенной, живой... и эта непривычная, богомерзкая жизнь взирала на людей через Дверь!

Из безумного, живого Метрополиса в сторону Двери потянулись бесформенные щупальца. Через открытый проход волна за волной накатывала непривычная, вызывающая покалывание в теле сила, которую Эннис ощущал даже сквозь защитную робу.

Толпа членов братства в надвинутых капюшонах раздалась в стороны, открывая зеленым щупальцам-псевдоподиям путь к жертвам. Чудовище потянулось к пленникам, к его Рут, и Эннис попытался всеми силами преодолеть чары, заморозившие его. В этот момент тишину разорвал пистолетный выстрел, а потом еще и еще. Пули ударили по проводам пульсирующей паутины таинственной машины.

Дверь тут же начала закрываться. Темнота поползла с краев к центру многогранника на стене. Словно почувствовав тревогу, щупальца чудовищного живого города схватили несколько ближайших жертв и потащили их через Дверь. Когда она стала закрываться, свет в пещере начал тускнеть.

— Рут! — взвыл обезумевший Эннис. Он прыгнул вперед, схватил девушку, крепко сжав в другой руке рукоять пистолета.

— Эннис... Быстро! — закричал Кэмпбелл на всю пещеру.

Дверь уже полностью закрылась. Огромный каменный овал стал совершенно черным. В пещере становилось все темнее и темнее.

Обезумев, старший посвященный метнулся к Эннису, И когда он сделал это, остальные члены Братства словно очнулись от охватившего их ужаса и тоже побежали к американцу.

— Дверь закрылась! Смерть еретикам! — завопил глава Братства.

— Смерть еретикам! — безумно взывала следующая за ним толпа.

Пистолет Энниса загрохотал, и старший посвященный рухнул. И в этот миг свет в пещере окончательно погас.

В темноте поток тел обрушился на Энниса. Они кричали, сыпая проклятиями. Молодой человек отбивался изо всех сил, безумно размахивая пистолетом, в то же время прижимая к себе Рут здоровой рукой. Он слышал, как других предназначенных в жертву, опоенных наркотиками людей сбивала с ног толпа обезумевших членов Братства.

Прижимая к себе девушку, Эннис сражался словно берсерк в полной темноте, где невозможно было разобрать, кто перед тобой, друг или враг. Одновременно он пытался двигаться в ту сторону, откуда, как он считал, стрелял Кэмпбелл. Американец размахивал пистолетом, пытаясь расчистить дорогу себе и Рут, а потом чьи-то сильные руки схватили его и оттащили в сторону.

С горьким ощущением молодой человек понял, что проиграл, поскольку понятия не имел, где выход.

А потом кто-то проревел, перекрывая окружающую какофонию.

— Эннис, сюда! Сюда! — и это был голос Кэмпбелла. Полицейский кричал снова и снова.

Американец рванул сквозь переплетение невидимых тел на голос инспектора. Он раздавал удары налево и направо и буквально тащил за собой девушку.

Наконец ему показалось что инспектор где-то рядом. Неожиданно молодой человек натолкнулся на стену пещеры, провел рукой и обнаружил вход в коридор. Тут же инспектор схватил его и затащил в коридор. Кто-то схватил его сзади, пытаясь вырвать у него Рут. Кто-то закричал, зовя на помощь.

Пистолет Кэмпбелла вновь громыхнул, и американец вырвался. Пошатываясь, Эннис с Рут прошли несколько шагов по темному туннелю. Было слышно, как где-то за спиной Кэмпбелл с клацаньем запер дверь и задвинул засов.

— Быстрее, ради Бога, быстрее, — позвал он откуда-то из темноты. — Они последуют за нами... Мы должны как можно скорее подняться в пещеру, где осталась наша лодка!

И они, двигаясь наощупь, поспешили по темному туннелю. Теперь Кэмпбелл тащил девушку, а Эннис, качаясь, словно пьяный, пробирался следом.

Позади взревела толпа, но беглецы уже вырвались в главный туннель. Оказалось, что там теперь тоже темно, но посмотрев назад они увидели отблески огоньков.

— Посвященные гонятся за нами и у них есть фонари! — воскликнул Кэмпбелл. — Поедем!

Это был кошмар. Они бежали на подкашивающихся ногах по темным туннелям, в то время как прибой ревел где-то у них над головой, а позади раздавался топот преследователей.

Ноги беглецов скользили по мокрому каменному полу. В темноте они натыкались на стены там, где коридор круто поворачивал, меняя направление. Преследователи были уже близко. Когда беглецы свернули

в очередной коридор, который, по расчетам инспектора, должен был вывести в пещеру, где остался катер, позади показались огни факелов. Преследователи тоже заметили их и взвыли от ярости.

Но когда беглецы были уже на пороге последней пещеры, Эннис споткнулся и упал. Повернувшись, американец закричал Кэмпбеллу:

— Уходите... Уведите Рут! Я попытаюсь их задержать!

— Нет! — рявкнул Кэмпбелл. — Есть другой способ... Конечно, в этом случае все мы можем погибнуть, но это единственный шанс!

Инспектор запустил руку в карман и достал большие старомодные золотые часы. Оторвав цепочку, он дважды провернул завод, а потом со всего маху швырнул их как можно дальше в туннель.

— Быстрее!... Из туннеля! Или мы умрем прямо тут! — закричал он.

Беглецы из последних сил ринулись вперед. Причем Кэмпбелл тащил и девушку, и прихрамывающего Энниса. Через минуту они оказались в огромной пещере с причалом. Единственным источником света тут оказался прожектор, луч которого был нацелен в высокий каменный потолок.

И в этот миг плоский каменный уступ, на котором они оказались вздрогнул под ногами. Беглецов оглушил ужасный грохот взрыва и шум рушащихся скал. Потом последовал ужасный толчок, и скалы содрогнулись...

— На катер! — рявкнул Кэмпбелл. — Мои часы были наполнены самой высококачественной взрывчаткой. Надеюсь взрыв обрушил туннель. Но теперь, после такого взрыва, потолок пещеры в любой момент может обрушиться на нас!

Ужасный грохот доносился со всех сторон. Казалось, и в самом деле потолок пещеры готов в любой момент обрушиться на беглецов. Не теряя ни минуты инспектор со своими спутниками перебрались на лодку. Огромные обломки скал посыпались в воду с потолка пещеры.

Стюарт, белый как полотно, не задавая вопросов включил мотор, а потом помог усадить девушку на палубу.

— Уходим отсюда! — приказал Кэмпбелл. — Полную скорость!

Они с безумной скоростью понеслись через подземный туннель, направив луч прожектора вперед, в надежде вовремя заметить возможные препятствия. Прилив закончился, начался отлив, и это добавляло катеру скорость.

Каменный потолок рухнул за спиной беглецов. Стены дрожали.

Неожиданно Стюарт дал мотору обратный ход, и в тот же миг, словно подтверждая правильность его действий, от стены откололась огромная глыба и рухнула на то место, где мог оказаться катер. Масса обрушившегося камня перегородила проток, создав непреодолимый барьер, выступая из под воды.

— Мы в ловушке! — воскликнул Стюарт. — Эта скала перегородила туннель.

— Проток не полностью заблокирован! — воскликнул Кэмпбелл. — Посмотри. Похоже, там можно проплыть. Это единственная возможность выбраться отсюда, пока весь туннель не обрушился.

— Но впереди могут быть еще завалы... — возразил рулевой.

Но когда Кэмпбелл и Эннис быстро сбросили пиджаки и ботинки, он последовал их примеру. Грохот рушащихся вокруг скал становился все громче, и беглецы из-за этого сильно нервничали.

Кэмпбелл помог Эннису опустить Рут, которая до сих пор не пришла в себя, в воду.

— Зажми ей рукой нос и рот! — приказал инспектор. — И давай за мной!

Стюарт плыл первым, лицо его в свете прожектора было белым как мел. Он первым нырнул под обрушившеюся скалу. Течение отливало подхватило моряка и унесло прочь за доли секунды.

Затем, поддерживая девушку с двух сторон, за Стюартом последовали остальные. Причем Эннис плыл, зажимая рукой нос и рот своей молодой жены. Вначале их потащило вниз, а потом подхватило быстрое течение и понесло, словно перышко. Беглецов било о камни, царапало об каменный потолок.

Легкие Энниса уже готовы были взорваться, в голове помутилось, когда он, по-прежнему крепко сжимая девушку, вынырнул на поверхность. На полной скорости беглецы врезались в скалу, а потом течение снова потащило их под воду к небольшому отверстию у самого дна протока. Яростно сражаясь с течением, они протиснулись в эту дыру, а потом снова вынырнули. Беглецы оказались в темноте, проплывая между камнями, вновь подхваченные течением. Стены тоннеля тряслись, где-то над головой грохотали камни. А затем беглецы вдруг увидели далеко впереди круг тусклого света — утреннее небо, на котором еще горели одинокие яркие звезды.

Вскоре течение вынесло всех четверых в открытое море. Только теперь беглецы обнаружили, что Стюарт по-прежнему плывет впереди.

Девушка задрожала в руках Энниса, и тот увидел, что лицо ее постепенно приобретает осмысленное выражение.

— Пол... — пробормотала она, крепче прижимаясь к Эннису.

— Рут приходит в себя! — радостно воскликнул американец. — Похоже, холодная вода привела ее в чувство.

Кэмпбелл перебил его, прокричав:

— Смотрите! Смотрите! — закричал инспектор, показывая назад на черные утесы за спиной.

Эннис обернулся и в тусклом свете гаснущих звезд увидел, как содрогнулась масса темных скал. А потом с ужасным грохотом, напоминающим шум землетрясения, они начали проваливаться под землю, складываться, как карточные домики. Вода у берега яростно забурлила, образовав водоворот.

Но вот море успокоилось. Беглецы добрались до песчаной отмели и облегченно выдохнули — они спаслись..

— Похоже, подземные катакомбы и пещеры залило водой... — глядя на водоворот, предположил Кэмпбелл.

— А Дверь и Братство Двери?

— Надеюсь, они уничтожены навсегда.

ФЭНТЕЗИ

(от англ. *fantasy* — «фантазия») — жанр фантастической литературы, основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов. В современном виде сформировался в начале XX века. С середины века огромное влияние на формирование современного облика фэнтези оказал Джон Рональд Руэл Толкиен.

Произведения фэнтези чаще всего напоминают историко-приключенческий роман, действие которого происходит в вымышленном мире, близком к реальному Средневековью, герои которого сталкиваются со сверхъестественными явлениями и существами. Зачастую фэнтези построено на основе архетипических сюжетов.

В отличие от научной фантастики, фэнтези не стремится объяснить мир, в котором происходит действие произведения, с точки зрения науки. Сам этот мир существует гипотетически, часто его местоположение относительно нашей реальности никак не оговаривается: то ли это параллельный мир, то ли другая планета, а его физические законы могут отличаться от земных. В таком мире может быть реальным существование богов, колдовства, мифических существ (драконы, эльфы, гномы, тролли), привидений и любых других фантастических сущностей. В то же время принципиальное отличие чудес фэнтези от их сказочных аналогов в том, что они являются нормой описываемого мира и действуют системно, как законы природы.

Фэнтези — это также жанр кинематографа, живописи, компьютерных и настольных игр.

Статья взята с портала LitCetera

АНАСТАСИЯ ШАКИРОВА

ПИСЬМА ОДНОГО КОРОЛЕВСТВА (из цикла)

ПИСЬМА ОДНОГО КОРОЛЕВСТВА-13

заметают снега — не увидишь следа, видно, птица-Айгэнн обронила перо.
вот танцует шаман, он — огонь и вода, он — белесые мхи и туман
над костром,
он — изгибистый лук и его тетива, он — олениха-мать и детеныш ее,
он — летящая чайка и белый нарвал, он — и жертвенный нож и
его острие.
вот танцует шаман!

далеко-далеко, лия эхэ киннай, там, где ночь холодна, там, где
льды велики, там у моря чудные живут племена — что младенцы,
что взрослые, что старики. если лето короткое греет хребет — это
люди как люди: и ходят, и пьют, ловят мелкую рыбу себе на обед,
обучают детей остроге да копыю. пусть не строят из камня и брёвен
дома — им и в хижинах спится и любитесь всласть...

но проходит тепло и приходит зима, распахнувши оскалом
клыкастую пасть.

и народ поутру, лия эхэ кинной, молча сходит на берег — и прыгает
вниз. и в полете сжимается тело в комок, серебристым тюленем
волну осенив. так живёт это племя. пусть злится зима — нерпам
все нипочём, плавай, нерпа, лоснись! а хранить их очаг остаётся
шаман — до недолгого лета, до быстрой весны. для того-то и нужен,
вестимо, шаман — чтобы нерпы людских не забыли ходов, чтобы ветер
их хижин из кож не сломал, чтоб горел и не гас огонёк между льдов.

вот танцует шаман, пока тянется ночь, пока птица-Айгэнн шьёт
рубаху земле.

в небе вьётся и пляшет её полотно, стынут сосны в замёрзшей и
твёрдой смоле.

вот готова рубаша — оденься, земля, белым мехом наружу, свернись
и усни,

вот танцует шаман, если хочешь — так глянь, но меня не кори, если
станешь иным.

вот танцует шаман!

может, я и совру, мне соврать — как мигнуть, хромоногая Молли
умеет и так! только лес свои лапы во тьму протянул, крепость
жмётся, как мышка под взглядом кота. только я лишь кухарка, и
суп мой остыл. завтра наши уходят в дозор — как всегда, между
скал и снегов ледяные мосты, и погибнет любой, кто ступил не туда.
острозубая смерть между скал и снегов, волки, барсы, медведи,
крадущийся страх... я нажарю котлет и нарежу морковь. а потом я
пойду танцевать у костра.

вот танцует шаман — золотистая тень, и легки его руки, и шаг
невесом,
он — теченья под льдиною, перья в хвосте у летящих над тундрой
охотничьих сов,
он — горячая кровь. не мешайте ему. он — лиса у норы и плывущий
сазан,
этот танец хранит всех ушедших во тьму, чтоб им было куда
возвратиться назад.
вот танцует шаман.

ПИСЬМА ОДНОГО КОРОЛЕВСТВА-15

в приозёрном посёлке дела — как всегда. вот мальчишки верхом
объезжают стада, вот купаются девочки, плещет вода, мир
прозрачен и солнечно-светел.
вот Имаго — один, он сидит у мостков. он не бежит с гор, не
бросает подков, даже просто ходить-то ему нелегко...
он — горбун. он играет на флейте.

он легчайшим дыханием будит мотив. флейта манит, зовёт за
собою уйти, закрываешь глаза — и как будто летишь, над полями,
над небом, над миром... словно горб за спиной распахнулся в
крыла, словно музыка нежно в ладони взяла, словно жизнь
человечья вдруг стала мала: лишь костюм, из которого — вырос.

не колдун, не волшебник — ну что вы, о, нет! тихо мимо проходит
малышка Джанет. эта кроха с веснушками знает секрет горбуна
(лишь флейтиста! не мага...): как-то раз на обрыве, что дик и
высок, под ногами её вдруг поехал песок... и навек бы прервался её
голосок — но послышалась флейта Имаго.
и десятки — нет, сотни! — отчаянных птиц — серых горлиц
лесных, куропаток, синиц — сотни крыльев её донесли до земли,
аккуратно, легко, осторожно. перья, жар, белый пух, вот бы в нем
утонуть... в голове у Джанет — разноцветная муть, но она обещала:
молчать! никому! слово держит — отважная крошка.

в приозёрном посёлке несутся года. вот иные мальчишки гоняют
стада, кто-то сына родил, кто-то мир повидал, вот Имаго — играет
на флейте.

вот Джанетта — красавица, как подросла! и глаза зелены, и улыбка
мила, на Имаго посмотрит — и мысли — зола, сердце бьётся и щеки
алеют.

и она подойдёт к нему — дай только срок, у Джанетты веснушки
и нрав — как клинок, «дай же смелости мне, покровитель дорог,
только смелости каплю и силы...»
но Имаго не слышит — он падает в сон...

...на другом краю мира огромный грифон, просыпаясь под ветра
невидимый звон, расправляет могучие крылья.

ПИСЬМА ОДНОГО КОРОЛЕВСТВА-23

слишком много забываем, записал бы — да без толку, все истлеет, все исчезнет, в темной растворит воде. говорят, когда-то жили звери: лисы, рыси, волки, что ходили, словно люди, и ходили меж людей.

говорят, прабабка Марта — та совсем была лисица, уши, острые, как стрелы, чуткий нос и пышный хвост. до колен коса у Марты, лисьей шерстью серебрится, каждый радуется Марте, всяк кивает головой. всюду Марта успевает — и на рынок, и к обедне, и дошить цветную юбку, и к подружкам, и домой. Марта ходит, как танцует — на земле не видно следа, Марта взглянет — как подарит, кто другой-то так бы смог? что мальчишки вырезают на доске потёртой парты? что за имя пастушата шепчут зимнему костру? кто во сне им улыбнётся? Марта, Марта, только Марта, лисья тень бежит у пяток, платье вьётся на ветру.

жили мы не хуже многих — не грустим, не голодаем, неплохо дома и пашни, скот накормлен, город чист...

но война — пришлец незванный, и не справиться с врагами, скоро — пыль на горизонте, скоро — кровь, огонь, мечи.

городской совет в печали — сдать? или держать осаду? но какие с нас солдаты — не удержим и копыя! жаль насиженного места, жаль сарая, пашни, сада...

но вскочила с места Марта, и вскричала — «даже я! даже я могу сражаться, пусть не так огромны силы, пусть умею я немного, но умею — и могу!». вспышка — и не стало Марты, лишь огромная лисица проскользнула и исчезла у кустов на берегу.

враг все ближе, пыль все гуще. пусть мы, верно, не солдаты — только в лес уходят люди, девы, дети, старики. говорят, что лес волшебный, лисья королева Марта там в зверей их превращает, чтоб сражаться им — таким. говорят, мол, вражье войско растерялось — что за место? их коней кусают волки, рыси прыгают с ветвей, на пути встают медведи, рыщут барсы в перелеске, ядовитые гадюки выют клубки в густой траве.

я всего лишь пёс Господень, я так многого не знаю, на висках моих — седины, на груди тяжёлый крест. я устал, и я испуган... только слышу временами — мягкий шорох тёплых лапок, лунный отблеск в серебре. вечер тянется, не рвется, лисья осень за стеною, листья с листьями шуршаньем продолжают давний спор. кто дорогу выткал нашу? что за нити на основе? что могу я? лишь молиться — сохрани их всех, Господь.

сохрани красотку Марту, сохрани детей и взрослых, сохрани наш тихий город, сохрани коров и коз. слишком многое неясно, непонятно и непросто, тяжело дорогой верной, а неверною — легко. пусть я мал перед тобою, пусть — ничто в огромном мире наши беды, наша память, боль и радость наших снов...

я — всего лишь пес Господень.

я встаю на все четыре, и, открыв калитку лапой, ухожу в глухую ночь.

ПИСЬМА ОДНОГО КОРОЛЕВСТВА-25

на замшелых прудах, где камыш и ряска, где от брошенной гальки круги по часу, где боярышник в платье, а сосны в рясах... не ходи у ручья, не бери грибов. там, где горькой настойкою воздух крепок, утром, серым и липким, как мокрый пепел, ты увидишь поляну, где ходят кэльпи.

эх, бродяга, что станет тогда с тобой?

(Киру восемь. гляди и лови минуту: рядом с Киром смеётся его Данута, детство тает во рту золотистым фруктом, Кир и Дана бегут наперегонки. лучший друг и товарищ, сестра, невеста, их, конечно же, дразнят — мол, «тили-тесто», Кир умеет поставить других на место, заживают в царапинах кулаки.

через месяц Данута уедет в город. Киру будет казаться — упали горы. напоследок до крика они поспорят, и уедет она — не смотря назад. обернётся мир лопнувшим барабаном, громко-гулким, огромным, ненужным, странным. будет Кир в каждой девочке видеть Дану, и судить красоту по ее глазам.)

не пытайся поймать на овес с уздечкой, не приманивай хлебом и тёплой печью, посвисти беззаботно, шагай беспечно, не косись на верёвку, не трогай плетё. кэльпи ловят — не танцем, не громким криком, кэльпи ловят — на их интереса блики, есть пословица детская — «ты живи так, чтобы кэльпи пришли на тебя смотреть».

(Киру скоро пятнадцать. округа знает: эта кучка подростков — как волчья стая. Кира ждёт, как стемнеет, одна такая... все на уровне, в общем, борта, корма. есть друзья и другие, другие — лесом. хой, рванина, гуляй, пока главный весел! в тихом омуте пляшут, ликуют бесы, после нас — хоть потоп, или там чума.

Кир — вожак, он задирист, умён, отчаян, не боится, не мешкает, не скушает. через день Кир впервые убьёт. случайно. злая драка не просит имени лица. три ножа, два кастета, отмычки, спицы, да ищи ветра в поле, как говорится... иногда этот, первый — он Киру снится. и наутро под грудью слегка болит.)

я не знаю, как надо жить — лучше? плоше? где-то бродит моя водяная лошадь, подбирает губами чужие крошки, косит взглядом янтарным на алый стяг. я не знаю, как надо — без ссор? без прений? дом построить, сажать в огороде семя? я читал, будто кэльпи бегут сквозь время, и меняют его, как они хотят.

(Киру двадцать четыре. наёмник вольный, фляжка с верной рябиновой, мясо с солью, где прилёт — там кровать, где еда — там столик, где палатка — там вообще почти что рай. Кир — он знает места, проводник, хранитель, он проводит отряд — как по тонкой нити, стрелы, люди, повозки — их сохранить бы, чтоб не вызнал чужой,

не увидел враг. он ведет как по нити, незримой, прочной... враг врасплох их застигнет грядущей ночью, их предаст — свой дозорный. с оскалом волчьим Кир дерётся, прижавшись спиной к скале. против многих — без шансов. так даже легче. мрак стекает с клинков, обнимает плечи, там, за смертью, наверное, будет вечность — так руби, для других ее не жалеи!)

кто-то целит в зенит, кто-то целит в зайца, кто-то знает, как чует лису борзая, кто-то сталью по вереску вырезает, слышит в воздухе ржанье и стук копыт. кто-то слушает песни с высот балкона, кто-то видит, проснувшись, в окне дракона... так скачите, мои водяные кони, через грани дорог, поднимая пыль. золотистые, белые, воронье, пролетайте, не думайте — были ли, сны ли, жилы рек и ручьев, водопады — крылья, по далёким годам, по иным мирам. там, где был ты — с невестой, с семьёю, с другом, все исправишь — и время замкнётся кругом...

Кир откроет глаза и протянет руку. и потрогает рыжий горячий храп.

я не помню, как дальше, не вижу броду, ходят лошади, гривую мутят воду, в руки тычутся ласковой мягкой мордой, не дают на песке начертить слова.

Кир, куда ты пойдешь? к загорелой Дане, где тропа рассыпается под ногами, где гнездятся стрижи на карнизах зданий, сладко пахнет зеленой весной трава?

или позже — тела на седой брусчатке, и в ладони удобно лежит свинчатка, улюлюкают громко твои «волчата», застилает глаза ненавистный пот?

или вовсе недавно — где ночь и горы... если был бы назначен другой дозорный, то, возможно, дошли бы, не зная горя, на костре бы не стыл котелок с крупой?

Кир садится верхом, конь стоит недвижно. Кир единственный — жив, он последний — выжил. ну, давай же — раз прошлое стало ближе, бей копытами в твёрдый намёрзший лёд.

над горами снежинкою тает вечер, кровью след в серебрищемся мху отмечен, молча Кир поднимает коня на «свечку».

кэльпи скачет вперёд.

не назад — вперёд.

ОЛЬГА КРАУЗЕ

* * *

Призрак сочится по трещинам серой земли.
Рана гноится, а зуд называется бред.
Будь же, что будет, прощайте, мои костыли.
Светлые лица — покуда шагаем на свет.

Не покидай меня, я без тебя не могу! —
Глотка орет, раздирая свой крик докрасна.
Конь мой пасется на поле, на том берегу,
белый, крылатый, из дальнего детского сна.

Звезд мегапиксели где-то роятся извне,
строят свое представленье о наших мирах.
В сердце стучит пустота уже тысячи лет,
не зарастает в груди моей эта дыра.

А из дыры пробиваются травы на взлет.
И вырывается песни звериный оскал.
А из глазниц жаркий пурпур — репейник цветет,
вот жажда жизни, которую ты так искал.

Вот утоление — утроба набита землей.
Матрица памяти что-то для клона хранит.
Легкая нежность скользнула по ребрам змеей,
и придавил ее рухнувший метеорит.

Грохнет о Землю и выйдет из капсулы Бог,
лапой железною грунта на пробу возьмет.
В легкой коррозии плохо залеченных ног
в лабораторных анализах, что Он поймет?

Но Он же Бог и на где-то угасшей звезде
будет посеяно новое племя мое.
Все это было когда-то давно и не здесь,
вот почему мы друг друга всегда узнаем.

Виталий Придатко

ДЕВОЧКА —ЗОЛОТИСТЫЕ КОСЫ

Ей было пять, может, месяцем-другим больше, и запекшиеся от зной губы, и курносый веснушчатый нос, и огромные синие глаза в опушке густейших лисьего цвета ресниц, — удивительно шли ей, как и протершиеся на больших пальцах ног сандалики, и прилепленный слюной к коленке подорожник.

Кажется, у нее все же был день рождения не так давно: по крайней мере, в левой руке девочка держала веревочку с запылившимся желтым воздушным шаром. Белой краской был намалеван бравый астронавт, протягивающий звезду. «...ем Рожд...» — виднелись слова с того места, на котором я стоял, дурак дураком в полной броне, то ли слишком везучий, то ли заслуживающий доброй трепки от паскуды-судьбы. Но, может быть, это был и не ее шарик — в городе творился сущий бедлам, от бесполох было не протолкнуться, в небе черным-черно сделалось из-за всех этих агиток: «пол — ложь», «разделенные суть измышление извне», «единство бесполого мироздания»... и в весь этот котел — полк десантуры, причем миролюбивое меньшинство сбило нам сразу два антигравка... Нитка от шарика была намотана на заклеенный позеленевшим пластырем пальчик.

Рыжая, как огонек. Я уже говорил? Да, да, золотистого, яркого цвета, который не слишком портила давно не мытая головенка. Две косички топорщились выбившимися волосками. Девочка удивленно смотрела на меня; ей явно до этого не доводилось разглядывать бравую десантуру Союза Планет столь близко.

В правой руке она держала гранату — не привычную плазменную, или там доисторический осколочный раритет, нет — пресловутую «миротворицу» бесполох, якобы «телепортирующую мишень прямиком в безопасное для всех заинтересованных сторон место». Граната была слегка помята, но выглядела слишком опасно, чтобы...

Ну да, я открыл шлем. Иначе как можно было объяснить ребенку, что находочку следует аккуратно положить на место и предоставить взрослому? Сказал тихонько: брось, деточка; она только смотрела, недоуменно задрав лохматые бровки. Пришлось повторить громче, молясь, чтобы никто из бесполох — или наших добровольцев-содействующих — не услышал и не открыл огня по этому закутку.

Да. Кричал.

Лицо — кажется, перекопилось.

Бросила! Выронила. Потянулась другой рукой к шарiku, а на пальчике... было кольцо от гранаты.

Я только надеюсь, что когда-нибудь увижу ее, увижу, что она жива, что хотя бы в этом они не лгали...

Да. Я осознаю, что у меня больше нет глаз.

Юлия Рыженкова

УКУС ЗМЕИ

Она смотрела, не мигая. Всего лишь маленькая черная дыра, окруженная светлой каймой, парализовывала волю, впрыскивая страх в мышцы будто яд. Еще пять минут назад она чувствовала себя гордой и смелой, но сейчас готова была целовать стоптанные ботинки, валяться в пыли и делать все, что прикажут. Приказа не было, была ватная тишина, все звуки куда-то делись, и даже сердце замерло.

Она не успела ничего понять, лишь почувствовала укус змеи в лоб. А он просто перешагнул через худенькую девочку с ранцем, вышедшую на улицу с непокрытой головой, закинул за плечо «калаш» и продолжил патрулировать улицы своего города.

Сергей Игнатьев

ГОРЕЛЬ С ЛЕДЕНЦАМИ

За окнами кабака воеет вьюга. Внутри парко, душно, дымно. Пахнет чесноком, спиртом и потом. Тапер под звон кружек играет на фисгармонии «расскажи снегурочка, где была».

Двери скрипят. В клубах пара входят двое. Идут к стойке, стаскивают с плеча карабины. Снимают зипуны, малахаи, защитные очки. Один — рябой, с рыжей бородой. Второй совсем малец — белесый пух по щекам:

— Тепло ль те, батюшка?

Кабатчик, потирая кружку полотенцем, кивает:

— Знамо согреваэ. Тебе тепло ль?

— Горели бы, — басит молодой. — Продрогли.

Кабатчик разливает:

— Али скитальщики?

— Охотники. С-под пятнашки сутки хрустим.

Опрокинули по стопке. «Еще!» За окнами воеет метель. Тапер наяривает «марш снеговиков».

— Сморозили ково?

— Мохнача, отец.

Кабатчик крикает. Разговоры смолкают. Тапер, прекратив играть, самокрутку отцепил от губы, ушанку заломил:

— Брешете, отморозки!

— Инея! — хмыкает рыжий. — Скользни сам глянь! Здоровый зве-рюга — еле трос берет.

Зипуны хватают, на пургу спешат — глядеть заметаемую поземкой рыже-бурую тушу, притороченную к вездеходу:

— Гля, Фрол, не намели! Впрямь мохнач!

Кабатчик кулаком об стол: «Угощаю!». Тащит пирог с ягелем, киселя тимьянного, медвежье жаркое, пряников смоляных.

— Леденцов бы, батя, — улыбается младший. — У мохнача-то гон нынче. Как вылез — росту немерено! Бивней полдюжины! Трубит! Думаэ, все — сугроб!

— Не на тех напал, — рыжий опрокидывает рюмку.

— Чем слепили-то, братва?!

— Гранатой, — смеется молодой. — Ветер знаэ, как вышло! Свезло.

— Ай, снежно!

— Ну, дела!

— Мохначей лепим, ты подумай!

— Так, наледь, и Мороженщика словим, — ржет тапер. — Да подледную субмарину, ы-ы-ы!

— Снега ли! Еще и лето вернется, — скалится кабатчик. — Кончай мести! Давай любимую мою сыграй, про снежинку!

Гуляет народ, кружками звенит.

Окрест простынями полей, искристыми льдами, хвойными дебрями раскинулась земля родная. Дремлет под вой выюги. Бродят твари, берут случайных путников. Треск, выстрелы, рев, вой, крик — забирает Пурга.

Хороша ли, плоха — а своя. Другой нет.

ЕЛЕНА ИВЧЕНКО

ДЕЛО КОЛДОВСКОЕ

Никто в Старых Вязах не знал, откуда он взялся, колдун. Он просто был — всегда, жил в лесу за оврагом, внушал, как положено, страх и благоговение.

Когда Ташка была маленькая, она часто у матери спрашивала: а как колдуна зовут, что он ест, почему не ходит ни к кому в гости, почему бороду бреет... Мама в ответ только хмыкала, отмахивалась: вот пойдёшь прокалываться-то — сама у него и спросишь. От странного слова становилось не по себе, в животе делалось пусто, а в голове — прохладно. Старшие сёстры хихикали, переглядывались лукаво. Потом Ташка подросла — и уже не спрашивала, всё рассказали подружки шёпотом, всё расписали: и как пытит злыдень тебе в ухо сзади, наваливается, и как стыд твой у тебя в середке больно лопается, наружу красным выливается... Слушать было и сладко, и противно, не слушать — невозможно.

Просватывали Ташку за Терёху, мельничьего сына из Коробов, что за лесом: родители сговорились, а она-то жениха и в глаза не видела. Но знать про себя было приятно: взрослая уже, девушка, невеста... Да, к тому же, мельница, жизнь безбедная будет, в достатке. Свадьбу, как положено, назначили — в червне, на другой

день после Ташкиного 16-го рождения. Но до свадьбы, как водится, — к колдуну. Без этого никак: иначе разозлится изверг, наслёт неродицу, засуху, жуков поганных. Вон Анку юродивую пожалела мать, не пустила к колдуну прокалываться — так в деревне в тот год все поля град побил... Прогнали их из Вязов тогда, всю семью Анкину, и дом сожгли.

Вот выкинет колдун «красный флаг» — честь и почёт девушке, что в чистоте себя до свадьбы сберегла. А нет — так ни свадьбы не будет, ни жизни: забьют такую камнями да дрекольем. Правда, на Ташкиной памяти не бывало этого: видно, блюли себя девушки достойно. Потому и отбоя от женихов в Старых Вязах не было, с дальних хуторов даже сватать приезжали, и так брали, без приданого вовсе — колдунова «печать» дороже приданого почиталась.

Она вошла — и застыла на пороге: грязные ноги босые, взмокшая от страха пегая чёлка, круглые свиные глаза, руки комкают старую простыню... Он вздохнул, кивнул, молча указал ей на стул. Вышел в сени, возился, позвякивал чем-то. Ждала, скручивая нервно в кольцо нижнюю губу, чувствовала в животе пустоту, в голове — прохладу... Вошёл — палец перемотан тряпицей, через плечо — ветхая простыня, на ней алая кровяная клякса расплылась... Глядела на его руки, все в белых рубцах и шрамиках... Поняла. Рванулась. Схватила эти увечные пальцы, бережно поднесла к губам... Целовала. Он смотрел недоумённо, чуть жалостно. Прильнула вдруг, прижалась, пыхнула огнём — как с горы вниз полетела: возьми! Мотнул головой, оторвал от себя, указал на дверь: уходи! А если останешься — так навсегда. Со мной. Хочешь? Заглянула в глаза, налитые звериной тоской, провела рукой по худой безбородой щеке...

Ташка в деревню так и не вернулась, да и колдуна с тех пор никто больше не видел. Болтали, конечно, всякое. Но дело ж колдовское, тёмное... А Терёха той же осенью женился: мало ли в Старых Вязах хороших девушек...

ГЕННАДИЙ ЯДРИХИНСКИЙ

НЕ ПОДСТКАЖЕТЕ, КОТОРЫЙ ЧАС?

— Ну зачем?! Зачем ты спросил у меня именно это?! Ведь ты мог спросить что угодно. Есть ли Бог? Как излечить СПИД? В конце концов, ты мог спросить выигрышную комбинацию какой-нибудь лотереи? Но тебе нужно было узнать время! Время! Тьфу!

Он был чокнутый. Это стало ясно сразу. Я встал и пересел на другое место. Благо в общем вагоне нас было лишь двое. Но мужичок оказался настырным.

— Нет уж! Теперь стой! — со странным злорадством процедил он сквозь зубы.

Он последовал за мной, сел напротив. Уже не имело смысла шуршать фантиком вежливости и я сказал, что думал:

— Мужик, чего тебе надо?

В выражении его лица ничего не изменилось. Он по-прежнему смахивал на сумасшедшего.

— Ты спросил, и я не имею права не ответить, — сказал он. — Сейчас четверть седьмого.

— Спасибо, только что — то ты напутал. Поезд выехал в половину седьмого, — ответил я.

— Да, но десять минут назад мы пересекли часовой пояс. Потому сейчас снова седьмой час. И я просто не могу что — то напутать. Потому что знаю ответы на все вопросы.

— Если ты знаешь всё, то почему на тебе потёртые кроссовки, а не туфли от Гучи?

— Сынок, я не сказал, что знаю всё. Я лишь знаю ответы на все вопросы. Сейчас я узнаю сколько времени. Вчера — как пройти к площади Победы. Разве мне надо это?

Похмелиться ему надо. Я так подумал.

— Хоть бы один спросил: «Ты не знаешь, как тебе разбогатеть?» или «Когда ты, наконец, сдохнешь?». Но все спрашивают только про себя. Или всякую ерунду, как ты.

— Хорошо, всезнайка. Ответь тогда, какой номер билета выиграет в лотерею «Счастливчик» на этой неделе.

Он иронично усмехнулся:

— Слишком поздно. Ты уже задал свой вопрос. И больше я тебе ничего сказать не могу. Только один вопрос. Этот ограничитель мне не переступить.

— Как жаль, — с сарказмом протянул я.

— Тебе смешно. Не веришь. А я не буду тебе ничего доказывать. Я могу ответить на любой вопрос каждого, но только не на свой. И это мой крест. Ненужное, бесполезное знание.

— Так попроси кого-нибудь спросить тебя о том, что тебе надо.

— Бесполезно. Вопрос из чужих уст, он всё равно останется моим.

В вагон ввалился парень в косухе на голое тело. Неожиданно он подскочил ко мне и прижал к шее ножик.

— Деньги гони!

«Просто дебилый какой — то день», — подумал я. Чокнутый мужик напротив меня и вовсе рассмеялся.

— Тебе смешно, придурок! — крикнул грабитель и перескочил к нему. — Я кажусь тебе смешным?!

— Твою мать... Да.

Остриё ножа полоснуло по шее старика. И человек, который знал ответы на все вопросы, умер.

Тимур Алиев

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС

О наступлении конца света Георгий Победоноскин узнал из вечерних теленовостей. Президент с неизбежностью во взгляде сообщил, что апокалипсис состоится уже через сутки.

Победоноскин вначале опечалился, а потом задумался. Если конец света наступает во вторник, а сегодня только воскресенье, на фига ему завтра идти на работу?

В итоге поступил как страус: и сам не позвонил, и мобильный отключил, чтобы с работы кто не звякнул.

Однако ночью ему не спалось. За окном хлестали выстрелы, с громким звоном бились чьи-то стекла, истошно голосили женщины. Краешек неба багровел далеким пожаром. Победоноскин же мучился вопросом — идти на работу или нет?

Заснув под утро, он пробудился ближе к обеду.

За окном мутно хмурился день и разносилось дружное хаканье — будто кто-то рубил дрова. Победоноскин прижал лицо к прохладному стеклу — участковый на пару с дворовыми хулиганами пинал ногами двух склочных старушек из соседнего подъезда.

Вредные бабки раздражали и самого Победоноскина, однако избиение он поощрить не мог. Не то, чтобы этический кодекс не позволял, он ведь не робот какой с его законами робототехники, но ведь кто-то и его так может... Он даже приоткрыл форточку, чтобы высказать беспредельщикам свое фе, но вовремя спохватился. На то и конец света — каждый получает по заслугам. Старушкам и без того кранты — не сегодня, так завтра. Ни к чему вмешиваться в чужой апокалипсис.

Он взглянул на часы. Час дня. Жаль, что не шесть, подумал он. Не выдержав, включил мобильник и набрал номер рабочего телефона.

— У ап-парата... — чей-то неузнаваемо-пьяный голос терялся на фоне бьющейся посуды, женских взвизгов и нестройного хорового пения.

— Ефимов, ты что ли? — с трудом узнал коллегу Победоноскин. — Вы че, на работе? Шеф вызвал?!

— Хренушки, — гордо отозвался Ефимов. — Эт мы его вызвали.

— Зачем? — поразился Победоноскин.

— А за всем. Темную устроили. За отчеты. За выговоры... Отымили на совесть...

— Ефимов, ты че, с утра уже принял?

— Святое дело, брат Гоша... Гудим. У нас тут вахк... вахк... анналия.

— А я тоже отвисаю, — похвалился Победоноскин. — На работу не вышел.

— Э, брата-ан, без размаху мыслишь. Мелкий ты человек, Гоша... Грешить нужно крупно. Вот мы с Людкой и с Марьяной напоследок втроем решили попробовать...

И отключился.

«Мелкий, мелкий», — обиженно забубнил про себя Гоша, однако, вытащил из шкафа приберегаемый на Новый год французский коньяк и от души плеснул себе полстакана.

Но истинного удовольствия не наступило, мешал рассказ Ефимова про шефа и сведение счетов.

А ведь что-то в этом есть, подумал Победоноскин. Человек должен разобраться с прошлым, уйти из мира без груза нерешенных дел.

Пролистав телефонную книжку, он набрал номер бывшего одно-классника, с ходу выпалил:

— Гнусный ты тип, Толстиков! Всегда хотел тебе это сказать.

— Ты чего, Гоша, опух что ли? — опешил одноклассник. — Я не посмотрю, что конец света, подъеду и размажу тебя.

— Ничего я не опух. Помнишь, во втором классе ты у меня болгарскую марку с самолетом стибрил? Думал, я не увидел. Помнишь?

— Не помню я про эту ерунду. Двадцать лет прошло.

— А я помню.

— Ну и засранец...

‘Правду говорить нелегко, но нужно’, — подумал слегка обидевшийся Победоноскин, при этом радуясь, что снял с души груз давней невысказанной обиды...

Глухой удар сотряс дом. С улицы понеслись хлопки и крики. Похоже, мародеры добрались до оружейного магазина на первом этаже, сообразил Победоноскин. Он и сам пару лет точил зуб на развешанные в витрине ‘травматики’, но потратиться душила жаба. Видать, не только его.

Переждав разборки, Победоноскин выбрался наружу. Шаги гулко разносились по пустынной улице, заставляя самого Победоноскина испуганно вжиматься в стену дома.

Решетку и толстенное стекло витрины выбили с разгона — мощным ‘Бентли’. А чего жалеть дорожную машину, если завтра ничего не останется? Осколки мозаичным ковром усеивали тротуар. Хрустя битым стеклом, Победоноскин подкрался к проему и, просунув лишь руку, наощупь потянул ствол с рифленой рукояткой. Щедрым жестом вытащил из кармана несколько мятых пятисот- и сторублевок, хотел вбросить внутрь магазина, но передумал — а зачем хозяевам деньги, если все равно конец света? Оглядываясь по сторонам, он на цыпочках побежал обратно в квартиру.

Грозный и массивный на вид пистолет оказался пневматиком. Грезивший настоящим оружием Победоноскин разочарованно нахмурился и чуть не выматерился.

Остаток вечера и половину ночи он пил коньяк и развлекался стрельбой по уцелевшим стеклам в доме напротив. Выбирал темные — там, где гарантировано не было хозяев. Сам не заметил, как заснул.

Утром Победоноскин в недоумении обнаружил, что все еще жив. Не поверив себе, включил телевизор. С суровой усталостью

во взгляде президент рассказывал, что апокалипсис благополучно пережит.

«Мы с честью вынесли это тяжелое испытание, — вещал он. — К сожалению, не все достойно вели себя. Уверен, общество даст оценку действиям таких ‘сограждан’».

Победоноскин вначале обрадовался, потом задумался. Если конец света закончился, то он опаздывает на работу. Чертыхнувшись, он спешно засобиравшись.

На работе Победоноскину вlepили сразу два выговора — за сегодняшнее опоздание и за вчерашний неприход. Шеф с лиловым синяком на пол-лица потребовал написать объяснительную и на полях добавил: ‘лишить годовой премии’.

На следующий день Победоноскину прислали повестку к следователю — кто-то настучал, что он стрелял по соседским окнам. А случайно встреченный на улице Толстиков демонстративно прошел мимо него.

Елена Щетинина

ЛЮБИТЬ СВОЮ РОЗУ

— Вы меня боитесь? — мягко спросил мужской голос за спиной.

Она обернулась и смерила говорившего взглядом.

— А надо? — решила она поддержать игру.

— Если бы это было нужно, я бы не спрашивал, а пугал, — он верно понял ее приглашающую к игре реплику, и сел рядом.

— А вы можете пугать? — усмехнулась она.

— А что, непохоже? — парировал он.

Она снова усмехнулась.

— Нууу... — она отвела взгляд, как бы взвешивая, то, что собирается сказать. — Нууу... если бы... нууу...

— ...если бы все убийцы были бы похожи на убийц, хотели сказать вы? — он отразил ее усмешку как в зеркале.

— А почему вы решили, что я говорю об убийцах? — прищурилась она.

Он пожал плечами.

— Ну были еще варианты — насильник, маньяк... Если бы вы думали, что я насильник — вы бы не вели себя так открыто...

Она вздернула бровь.

— ...а на маньяка, — продолжил он, — я — увы — не тяну.

— Почему «увы»? — кажется, она не умела улыбаться, а только усмехалась.

— Маньяков любят... — а вот он улыбаться умел.

— Нет, их боятся, — кокетливо покачала головой она.

— Это плохие маньяки, — серьезно ответил он. — Неликвидные, некачественные... хиленькие, в общем. Настоящий маньяк должен

привлекать, притягивать, манить... его должны обожать и идти за ним хоть на край света — даже если этот свет очень скоро погаснет...

- Не, вы даже и близко не настоящий маньяк, — съязвила она.
- Да, я даже и на хиленького экзамен бы не сдал, — махнул рукой он.

* * *

Через полчаса они уже пили темное как кровь и такое же густое вино — а она пыталась разглядеть цвет его глаз, но это никак не удавалось.

У нее была своя теория мужчин. Голубые глаза — легкий характер, зеленые — есть в них какая-то бабская стервозность, карие — надежность, но некоторая самоуверенность, серые — фантазер и мечтатель... Но ей никак не удавалось разглядеть цвет его глаз.

* * *

Еще через полчаса он пригласил ее в гости — а она согласилась.

Выходя из бара, она пыталась поймать его лицо в свете неоновой вывески, чтобы разглядеть цвет глаз — но это снова не удалось.

* * *

В комнате был полумрак и прохлада — из приоткрытого окна тянуло ночной свежестью.

Он включил приглушенный свет — и нежно улыбнулся куда-то в угол. Она обернулась, ожидая увидеть там человека — но взгляд встретил лишь тяжелую черную вазу, в которой стояла роза — в сумраке комнаты ее бутоны казались тоже черными, с тончайшими багряными прожилками.

- Это мне? — спросила она.
- Нет, это ты — ей, — улыбнулся он.
- Красивая, — призналась она.
- О да... — мечтательно произнес он.

Он подошел к вазе и осторожно поправил стебель.

— Я нашел ее... точнее встретил... после заварушки при Азенкуре. Солдату оторвало руку и отшвырнуло на розовый куст... а может, сначала отшвырнуло — а потом оторвало...

— Какой ужас! — с чувством сказала она.

— Да, ужас, — кивнул он. — Куст был весь в крови... В темной, густой крови — и казалось, что стебель и бутон одного цвета.

Он нежно погладил стебель.

— Кажется, что кровь до сих пор на нем, — шепотом сказала она.

Он кивнул.

— И я не знаю... — тихо продолжил он. — Я не знаю... мне показалось, что мы так похожи... что мы так близки... вы будете смеяться, но близки не как друзья, нет... а как брат и сестра... или даже более — как любовники... Вы смеетесь?

— Нет, — честно сказала она.

— Я просто очень люблю свою розу, — смущенно признался он. — Очень. Это странно?

— Немного, — призналась она.

Он покачал головой.

— А мне кажется, что цветы заслуживают любви.

— Их любят, — пожалла плечами она.

— Пока они свежи и ароматны, — снова покачал головой он. — Пока они не увяли. Пока они радуют вас. И пока они нужны вам.

— Так же, как и людей, — снова пожалла плечами она. — И людей так же, как и цветы, выкидывают на помойку, когда они отживают свой срок.

— То люди... — туманно ответил он. — А это цветы...

Он не смотрел на нее — а ей очень хотелось понять, какого же цвета у него глаза.

Он гладил свой цветок нежно-нежно, словно его пальцы были бабочками — и она видела, как он выносил эту розу с поля боя, прижимая к запястному и может даже и разорванному бронежилету.

— Извините... — смущенно улыбнулась она. — Я не очень слежу за новостями и не совсем в курсе политики. А что, были какие-то боевые действия недавно?

Он усмехнулся.

— Боевые действия есть всегда.

— А, ну да, ну да... — кивнула она. — Страны третьего мира... но я что-то не слышала об операции при Азенкуре. Это когда было?

— В день святого Криспиана.

— Что? — переспросила она и тут же рассмеялась. — А, вы шуутите! Думаете, что я сейчас удивлюсь? Я закончила два курса филфака, и кое-что знаю...

Она показала язык и начала декламировать.

— Сегодня день святого Криспиана;
Кто невредим домой вернется, тот
Воспрянет духом, станет выше ростом

При имени святого Криспиана.
Кто, битву пережив, увидит старость,
Тот каждый год и канун, собрав друзей.
Им скажет; «Завтра праздник Криспиана»,
Рукав засучит и покажет шрамы:
«Я получил их в Криспианов день».
Хоть старики забывчивы, но этот
Не позабудет подвиги свои
В тот день; и будут наши имена
На языке его средь слов привычных:
Король наш...¹

Она осеклась.

¹ У. Шекспир, «Генрих V»

— Король наш... — беспомощно повторила она и взглянула на него. Он стоял к ней спиной и осторожно гладил стебель розы.
 — Король наш Гарри... — тихо выдавила из себя она.
 Он не ответил.
 — Погодите... — медленно сказала она, — погодите... Но это же... это же... двадцать пятое октября... и Азенкур... Азенкур... битва при Азен-
 куре была... двадцать пятого декабря...
 — Одна тысяча четыреста пятнадцатого года от Рождества Христо-
 ва... — подсказал он, не оборачиваясь.
 — Вы шутите... — она сделала шаг назад.
 — Зачем, — спросил он, не отрывая взгляд от своей розы.
 — Чтобы... чтобы было весело...
 Он повернулся.
 — Я похож на веселого человека? — спросил он.
 — Но... — еще один шаг приблизил ее к двери.
 — Видите ли... — тихо сказал он. — Я очень люблю свою розу...
 Последнее, что она увидела, когда он склонился над ней — были его глаза, как два черных-черных, с багряными прожилками, бутона.

* * *

Он не сделал ни единого глотка — лишь вонзил клыки, и тут же, практически мгновенно, вытащил их. Немного подождал, когда все закончится, а потом аккуратно закатал рукава и вытащил из шкафчика длинные гибкие трубки, похожие на капельницу.

Когда ваза наполнилась, он убрал трубки, принес полиэтилен, завернул в него тело и куда-то унес.

Вернувшись через полчаса, он сел напротив цветка и стал нежно и осторожно гладить его стебель — то ли что-то напевая, то ли о чем-то рассказывая.

Он просто очень любил свою розу.

Лариса Тихонова

СТАРИКАШКА СИД И ЗАТМЕНИЕ

Если бы не сломавшаяся ячейка криокамеры, старикашка Сид не болтался бы под ногами у следующей смены экипажа. И не пытался бы вырвать бразды правления у нынешнего боцмана — могучего, успевающего за десятилетия, но совершенно неконфликтного унгурианца, которого Сид совсем замучил, доказывая, что у людской расы принято слушаться наистарейших.

Уставший извиняться перед дезинформированным унгурианцем и отчаявшийся вправить мозги зарвавшемуся ветерану, капитан Бентон

не раз пожалел, что давным-давно не списал боевого дедулю. Выход из создавшейся ситуации был один — уложить его обратно в криокамеру, а значит, придется посетить ближайшую технически продвинутую планету и купить сгоревшую деталь.

Ближайшей по курсу оказалась Тисса расы луноликих, о существовании которых Бентон даже не подозревал. Но космодромы на планетке имелись, на орбите с корветом связался автоматический диспетчер, поэтому капитан без тени сомнений приказал сажать корабль. Сомнения появились у него уже после посадки.

Космопорт был абсолютно пуст. Ни кораблей, ни пассажиров, расположившихся в залах ожидания, даже обслуживающего персонала — и того нет!

«Может, потому что сейчас ночь?» — мелькнула было мысль, но капитан тут же отбросил столь глупое предположение. Даже если планетка далеко от популярных туристических трасс, где космические грузовики местных линий?

— Затмение, — вдруг пробормотал унгурианец и неожиданно мелко задрожал, завибрировав огромной, под тонну, тушей. — Мой народ всегда прятаться...

Космический спутник Тиссы действительно покрывался медленно наползающей чернотой, отчего непривычно тихий космодром стал выглядеть ещё более зловеще. К тому же за его оградой виднелись многочисленные строения, сильно смахивающие на кладбищенские склепы, вид которых заставил команду сгруппироваться плотней. И поближе к капитану.

— Наверняка в этом всё и дело! — бодро заявил Бентон, пресекая панику. — Очевидно, что-то религиозное. Аборигены в такое время не работают или вообще прячутся... Впрочем, не все, вон как раз и встречающие.

Совершенно непонятно почему обитателей Тиссы прозвали луноликими. На человеческий взгляд то были довольно противные прямоходящие жуки: огромные, с неприятной пеной в уголках челюстных щупальцев и агрессивно пульсирующим брюшком. Издаваемый ими вызывающий стрекот компьютер перевести не сумел, так и подвис, раскручивая на экранчике спиралевидную галактику с тревожным вопросительным знаком.

— Непонятно, — пробормотал капитан, — переводчик их даже не идентифицировал. И как нам теперь общаться? Тут что-то не то...

В это время луна Тиссы полностью покрылась чернотой, и ближайший к капитану жук чутко на это откликнулся, плюнув зашипевшей на бетоне пеной и хлестнув капитана жестким усом по лицу.

— Ребята, отступаем, — командовал Бентон, начиная быстро пятиться и не собираясь поворачиваться к аборигенам спиной. — Оружие пока не применять... Стой! Ты что, команды не слышал?!

Но старикашка Сид уже вылез вперед группы, картинно заслонил собой капитана, потянул руку к кобуре и... вытащил оттуда боцманский

свисток. Ночь, потрясённая команда, атакующие аборигены - все содрогнулись от залихватского свиста, переходящего в невыносимый ультразвук. Диапазон.

После того, как жуки вдруг попадали замертво, в свете очищающей луны появились, собственно, луноликие. Истинные хозяева планеты оказались малорослыми гуманоидами с очень объёмными щёчками, видимыми даже со спины. Луноликие очень извинялись, что не встретили инопланетных гостей как положено, но обычно в ночь ежегодного затмения они никого к себе не ждут. Занимаются насущными домашними делами, уничтожают очень опасную форму планетной фауны, которая именно во времена затмений выползает на поверхность в огромных количествах.

- Домики-ловушки — это те самые «кладбищенские склепы», которые мы видели за оградой, — объяснял капитан Бентон своей команде, вертя в руках коробочку с новой деталью для ячейки криокамеры. — Жуков ловушка убивает как раз ультразвуком, поэтому храбрый, но несколько наивный порыв нашего дорогого ветерана действительно защитил команду. Мало того — столь дорогая деталь досталась нам совершенно бесплатно, но теперь в ремонте криокамеры нет такой острой необходимости. Уважаемый боцман, — Бентон замолчал, выдержав торжественную паузу, — наш славный ветеран добровольно остаётся на планете и собирается и впредь морить тараканов... э-э-э, то есть следить за порядком уже не корвета, а целой планеты! Ура!

Вторжением с Марса и Великой Мировой войной закончилась викторианская эпоха. Лондон оправляется от последствий атомных бомбардировок, наука сделала гигантский скачок, и уже никого не удивляют паромобили на улицах и аэробусы на атомном ходу в небе над лондонской Кровлей. Не удивляет и падение ценности человеческой жизни. Таков новый мир, в котором приходится жить двум джентльменам ушедшей эпохи — Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону.

Наступает новая эра — эра Мориарти. Книга открывает межавторский цикл захватывающих детективов, действие которых развернуто в мире стимпанка. Лучшие традиции фантастики начала XX века, почтение к создателю образа великого сыщика, тонкая ирония, яркие образы, крутые повороты и раскрытие тайн в гостининой летающей яхты «Бейкер-стрит, 221Б».

www.old-land.ru

•Северо-Запад•

В городе Олехове не казнят преступников, их превращают в «ущербных» при помощи волшебного медальона. Но однажды сбудется пророчество и... «Харалуг откроет медальон». Когда-нибудь сброшенный в болото труп подымется из глубокой трясины, отряхнет налипшую на лицо грязь и, пошатываясь, ощупью двинется через лес... Так? Нет, все будет проще и прозаичней. Но тем, кто владел медальоном, не помогут ни городская стража, ни стены их сказочных замков, ни своры собак...

Книги Ольги Денисовой — это вовсе не женское фэнтези, хотя в них чувствуется мягкая, добрая рука женщины. Ее книги пронзительны, иногда жестки и даже жестоки, и добро в них не всегда побеждает зло — но оторваться от них невозможно, пока не прочтешь до конца.

Литературно-художественное издание

АСТРА НОВА
альманах фантастики

Главный редактор: *Кирилл Берендеев*
Редколлегия: *Юлия Крюкова, Григорий Панченко,*
Анна Райнова, Светлана Тулина,
Александр Тишинин, Игорь Петрушкин
Корректоры: *Светлана Тулина, Олег Польш*
Компьютерная верстка и дизайн *Ольга Денисова*
Художники: *Елена Альфа-Центаврова*

Подписано в печать 20.02.2015
Формат 64×90 ¹/₁₆. Отпечатано
с готового оригинал-макета по технологии
Print-on-Demand. Усл. печ. л. 18,67. Уч.-изд. л. 15,86.

Заказ книг
agency-buduschego.ru
sz-izdat.ru

Издательство Северо-Запад, 2015